

20 — ⁰
156

138, 11
98, 1

801-11
1290

БЛАГОРОДНЫЙ ПАНСИОНЪ

ИМПЕРАТОРСКАГО

E ¹⁰⁵
25

ЦАРСКОСЕЛЬСКАГО ЛИЦЕЯ

1814--1829.

Сост. кнѣзь Никол. Серг. Толстол.
(изм. стр. 396).

~~~~~

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія О. В. Ландсбергъ (Бакста), Невскій, № 71.

1869.

ПАМЯТИ
БЛАГОРОДНАГО ПАНСИОНА
ИМПЕРАТОРСКАГО

ЦАРСКОСЕЛЬСКАГО ЛИЦЕЯ

ПОСВЯЩАЕТСЯ
ПРИЗНАТЕЛЬНЫМЪ ВОСПОМИНАНІЕМЪ
БЫВШАГО ВОСПИТАННИКА ЕГО.

РОССИЙСКАЯ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА

9268-29

2008052146

ОГЛАВЛЕНІЕ

	СТРАН.
Предисловіе	1

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

БРАТІЙ ОЧЕРКЪ ИСТОРИИ БЛАГОРОДНАГО ПАНСІОНА ИМПЕРАТОРСКАГО ЦАРСКОСЕЛЬСКАГО ЛИЦЕЯ НА ОСНОВАНІИ ОФИЦІАЛЬНЫХЪ СВДѢНІЙ	1
I. Причины и цѣль учрежденія Пансіона; — предварительныя распоряженія къ его помѣщенію, устройству и открытію; — 1-е Постановленіе о немъ; — назначеніе директора и прочихъ лицъ; — приѣмъ воспитанниковъ и открытіе Пансіона 27-го января 1814 года (1811—1814).	—
II. первые два года пансіона 1814—1815.	25
III. 1816 годъ. Назначеніе Энгельгардта и мѣры его по Пансіону. — 2-е Постановленіе о Пансіонѣ	30
IV. 1817 годъ. — Первый выпускъ изъ Лицея и первый переводъ изъ Пансіона въ Лицей	52
V. 1818—1819 годы. — Открытіе VI класса и увеличеніе числа воспитанниковъ и чиновъ Пансіона въ 1818 г. — 1-й выпускъ изъ Пансіона въ 1819 г.	58
VI. 1820 г. — 2-й выпускъ изъ Пансіона и 2-й переводъ въ Лицей	60

II

III

	СТРАН.
VII. 1821 годъ. — 3-й выпускъ изъ Пансіона. — Личный составъ чиновъ Пансіона	63
VIII. 1822 годъ. — Переворотъ въ Пансіонѣ. — Подчиненіе его военному кадетскому начальству. — 4-й выпускъ	66
IX. 1823 годъ. — 5-й выпускъ изъ Пансіона и 3-й переводъ въ Лицей	74
X. 1824 годъ. — 6-й выпускъ изъ Пансіона	79
XI. 1825 годъ. — 7-й выпускъ изъ Пансіона	80
XII. 1826 годъ. — 8-й выпускъ изъ Пансіона и 4-й переводъ въ Лицей	82
XIII. 1827 годъ. — 9-й выпускъ изъ Пансіона	84
XIV. 1828 годъ. — 10-й выпускъ изъ Пансіона. — Прекращеніе отпуска воспитанниковъ къ родителямъ	86
XV. 1829 и послѣдній годъ. — 11-й и послѣдній выпускъ изъ пансіона и 5-й, послѣдній переводъ въ лицей. — упраздненіе пансіона	93
XVI. заключеніе. — Числовые выводы за 15½ лѣтъ существованія Пансіона	99

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

необходимыя дополненія и поясненія къ первой части этой книги.	
Предисловіе	111
I. РАЗСМОТРѢНІЕ ИСТОРИИ ПАНСІОНА ВЪ ОТНОШЕНІИ КО ВРЕМЕНИ	112
1) Первый періодъ (1814—1815)	113
2) Второй періодъ (1816—1822)	116
3) Третій періодъ (1822—1825)	141
4) Четвертый періодъ (1826—1829)	145
Почему упраздненъ Пансіонъ?	158
II. УЧЕБНАЯ, ВОСПИТАТЕЛЬНАЯ И ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ЧАСТИ ВЪ ПАНСІОНѢ	168

	СТРАН.
1) Учебная часть	168
2) Воспитательная часть	203
3) Хозяйственная часть	211
Общій выводъ объ учебной, воспитательной и хозяйственной частяхъ въ Пансіонѣ	228
III. ВНУТРЕННЯЯ ЖИЗНЬ ПАНСІОНА	230
1) Осень (Августъ—Сентябрь—Октябрь—Ноябрь).	231
2) Зима (Декабрь—Январь—Февраль)	257
3) Весна (Мартъ—Апрѣль—Май)	269
4) Лѣто (Іюнь—Іюль)	276
IV. ЗАКЛЮЧЕНІЕ	281

ПРИЛОЖЕНІЯ:

I. Постановленіе о Благородномъ Пансіонѣ въ городѣ Царскомъ Селѣ. (1-е постановленіе Іюля 1812 года)	289
Приложенія къ 1-му постановленію о Благородномъ Пансіонѣ Императорск. Царскосельскаго Лицея.	304
II. Инструкціи должностнымъ лицамъ Пансіона. Правила должности директора Царскосельскаго Благороднаго Пансіона	306
III. Постановленіе Благороднаго Пансіона при Императорскомъ Лицеѣ въ Царскомъ Селѣ. (16-го Декабря 1816 года)	324
Приложенія къ 2-му постановленію о Благородномъ Пансіонѣ Императорск. Царскосельскаго Лицея.	355
IV. (А) Отчетъ о состояніи Благороднаго Пансіона, учрежденнаго при Императорскомъ Царскосельскомъ Лицеѣ, по Августу мѣсяцъ 1817 года	358
IV. (Б) Отчетъ о состояніи Благороднаго Пансіона, учрежденнаго при Императорскомъ Царскосельскомъ Лицеѣ, по Августу мѣсяцъ 1817 года	363

V. Письмо бывшего директора Императорскаго Царскосельскаго Лицея, Е. А. Энгельгардта, къ Шефу корпуса жандармовъ, Ген.-Адъютанту Графу А. Х. Бенкендорфу	378
VI. Къ хозяйственной части Пансіона, въ концѣ 1-й части и во 2-й части исторіи его	389
VII. Списокъ воспитанникамъ Благороднаго Лицейскаго Пансіона, окончившимъ курсъ наукъ	391

СТРАН.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Во 2-й части города Парскаго Села (что прежде былъ городъ Софія), на углу улицъ: Волконской, идущей вдоль сада и Кадетской, ведущей къ выѣзду изъ Парскаго Села, чрезъ дер. Гумаласары въ Павловскъ, стоятъ два каменные, трехъ-этажные дома, о 18-ти окнахъ въ фасадѣ каждый, соединенные каменною же, двухъ-этажною связью или галлереєю. Это—принадлежація Гвардейскому вѣдомству *казармы*, въ которыхъ теперь помѣщается Лейбъ-Гвардіи Стрѣлковый Императорской фамилии баталіонъ.—Казармы! въ полвѣка какое превращеніе!—Въ казармы обращены эти два дома очень недавно—лѣтъ восемь, а до того времени въ нихъ 49 лѣтъ помѣщались учебныя заведенія.—Ближе всего къ намъ, здѣсь была Офицерская стрѣлковая школа (1860—1863).—Ранѣе ея, 30-ть лѣтъ пробылъ здѣсь Александровскій малолѣтній Кадетскій Корпусъ (1830—1860).—Наконечъ—и это главное—еще ранѣе и далѣе отъ насъ, здѣсь почти 15½ лѣтъ помѣщался *Благородный Пансіонъ Императорскаго Царскосельскаго Лицея*. Имъ-то и

начался рядъ помѣщавшихся здѣсь, неодинаковаго рода учебныхъ заведеній. Для него и построены были второй отъ угла улицъ домъ, ему отведенъ былъ затѣмъ и угловой домъ—бывшій дворцомъ Цесаревича Великаго Князя Константина Павловича, долго потомъ еще слышій подъ названіемъ *Константиновскаго дворца*.—Оба дома были соединены деревянною, одно-этажною галлереею, за которою и позади домовъ находились обширное пустопорожнее мѣсто и остатки сада.—Тутъ 27-го Января 1814-го года началось, въ Іюнь 1829 года кончилось существованіе Пансіона, не только не достигшее 25-тилѣтія, но даже едва превзошедшее и 15-тилѣтіе.—Едвали найдется другой подобный примѣръ въ исторіи нашихъ учебныхъ заведеній, притомъ такихъ, какимъ, по цѣли, назначенію и устройству своимъ, былъ Пансіонъ.—Младшій братъ Царскосельскаго Лицея, лишь двумя съ небольшимъ годами моложе его, подобно ему находившійся въ Царскомъ Селѣ, на половину во дворцѣ, онъ былъ въ одно и то же время, въ младшихъ классахъ своихъ—разсадникомъ Лицея, а въ старшихъ—вышшимъ, наравнѣ съ старшимъ курсомъ Лицея, учебнымъ заведеніемъ, на правахъ университетовъ и даже выше, выпуска воспитанниковъ своихъ, окончившихъ полный курсъ наукъ, на государственную службу, гражданскую—до X-го класса включительно и военную—офицерами Гвардіи и арміи. И онъ съ честью исполнилъ то и другое назначеніе, давъ Лицею, въ

5-ть переводовъ (съ 1817 г. по 1829-й), 131 лучшихъ своихъ воспитанниковъ младшихъ классовъ и въ 11 выпускѣ (съ 1819 г. по 1829 г. включительно) выпустивъ на службу, гражданскую 66 и военную 78, всего 144 своихъ воспитанниковъ старшихъ классовъ. Переведенные изъ него въ Лицей составили 5-ть выпускѣ послѣдняго (1823—1835) и, вмѣстѣ съ выпущенными изъ Пансіона, всего въ числѣ 275-ти, съ пользою и честью служили и отчасти еще служатъ въ гражданской и военной службѣ. Послѣ этого, весьма естественно самъ собою возникаетъ вопросъ: почему-же, послѣ лишь 15-ти лѣтняго существованія, Пансіонъ былъ упраздненъ?—вопросъ, едва-ли не составляющій главный интересъ исторіи Пансіона.—Но и независимо отъ того, она представляетъ много любопытнаго по отношенію какъ къ самому Пансіону, такъ и къ тѣмъ современнымъ обстоятельствамъ и лицамъ, которыя имѣли болѣе или менѣе вліянія на судьбу его.—И однако до сихъ поръ нѣтъ исторіи Пансіона: въ 55 лѣтъ слишкомъ со времени открытія его и въ 40 лѣтъ безъ малаго съ его упраздненія, никто не позаботился составить хоть краткій очеркъ ея, въ память о Пансіонѣ. Правда, въ 1861 году, по случаю празднованія 50-ти лѣтняго юбилея Императорскаго Царскосельскаго, нынѣ Александровскаго, Лицея, о Пансіонѣ были изданы нѣкоторыя свѣдѣнія въ двухъ книгахъ. Одна, подъ заглавіемъ: „*Историческій очеркъ Императорскаго, бывшаго Цар-*

скосельскаго, нынѣ Александровскаго, Лицея, составленъ по предложенію Совѣта Лицея, съ соизволенія Его Императорскаго Высочества Принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго, Попечителя Лицея, И. Селезневимъ, Инспекторомъ классовъ Училища глухонѣмыхъ, бывшимъ бібліотекаремъ Лицея, къ пятидесятилѣтнему юбилею 19-го Октября 1861 года.“ С.-ПБургъ 1861 (болѣе 45 листовъ въ бол. 8).—Другая книжка, подъ заглавіемъ: „Пятидесятилѣтній юбилей Императорскаго Александровскаго Лицея 19-го Октября 1861 года“. С.-ПБургъ 1861 г. (почти 4 листа въ мал. 8) была издана по тому же случаю Совѣтомъ Лицея. Въ ней между прочимъ помѣщено „Историческое обозрѣніе пятидесятилѣтняго существованія Императорскаго Царскосельскаго, нынѣ Александровскаго, Лицея. Соч. заслуженнаго Профессора И. П. Шульгина, (одного изъ старѣйшихъ, оставшихся въ живыхъ преподавателей Лицея и Пансіона).—Нельзя не быть отъ души благодарнымъ Его Императорскому Высочеству Принцу Петру Георгіевичу Ольденбургскому и Совѣту Лицея за изданіе этихъ книгъ, а гг. Селезеву и Шульгину, первому—за составленіе „Очерка Лицея“, а второму—прекрасной статьи его въ другой книжкѣ.—Въ нихъ, вмѣстѣ съ свѣдѣніями о Лицеѣ, приведены и свѣдѣнія о Пансіонѣ, одинаково цѣнныя, хотя и не одинаковаго рода. Въ книгѣ Г. Селезнева помѣщены свѣдѣнія, между прочимъ

чимъ и о Пансіонѣ, заимствованныя изъ тщательнаго изслѣдованія дѣлъ Лицейскаго архива за цѣлое 50-ти лѣтіе, слѣдовательно—исключительно или по крайней мѣрѣ преимущественно *официальныя*. Въ статьѣ же Г. Шульгина приведены свѣдѣнія и о Пансіонѣ, хотя довольно краткія, но особенно интересныя тѣмъ, что сообщены лицомъ, почти съ самаго начала до конца Пансіона служившимъ въ немъ сначала воспитателемъ, а потомъ преподавателемъ и профессоромъ, слѣдовательно—свѣдѣнія болѣе *частныя*, нежели официальныя, и потому въ своемъ родѣ дополняющія послѣднія. Но и въ книгѣ г. Селезнева и въ статьѣ г. Шульгина, свѣдѣнія о Пансіонѣ далеко уступаютъ въ подробности свѣдѣніямъ о Лицеѣ, какъ первенствующимъ и важнѣйшимъ по самому предмету книги и статьи. Сверхъ того, въ „Очеркѣ“ г. Селезнева, вслѣдствіе принятой имъ системы изложенія очерка исторіи Лицея, свѣдѣнія о Пансіонѣ не только не собраны и не изложены въ совокупности и въ порядкѣ времени, но, напротивъ, болѣе или менѣе отрывочны и разбросаны по разнымъ мѣстамъ книги и не въ порядкѣ времени. Такимъ образомъ „Очеркъ“ и „Обозрѣніе“ составляютъ безспорно весьма хорошій *матеріалъ* для исторіи Пансіона, но не самую *исторію* его. А между тѣмъ весьма желательно было бы имѣть ее или по крайней мѣрѣ хотя краткій очеркъ ея. Кромѣ собственнаго ея интереса, о которомъ говорено выше, и самое *время* требуетъ того.

Прошедшее болѣе и болѣе удаляется отъ настоящаго, а съ тѣмъ вмѣстѣ и время существованія Пансіона, — рѣдѣетъ кругъ живыхъ его свидѣтелей, — слабѣютъ воспоминанія, — утрачиваются преданія, — самая память о Пансіонѣ изглаживается — и, можетъ быть, о немъ останется лишь одно, крайне смутное преданіе, да нѣсколько официальныхъ свѣдѣній въ книгѣ г. Селезнева, не дающихъ полнаго, истиннаго понятія о Пансіонѣ и даже оставляющихъ не совсемъ выгодное мнѣніе о немъ, а главное — вовсе не разрѣшающихъ вопроса о его упраздненіи. — И если 50-тилѣтіе со времени открытія Пансіона (исполнившееся 27-го Января 1864 года) прошло незамѣченнымъ, за то въ нынѣшнемъ 1869-мъ году исполнятся въ одно и тоже время: 50-ти лѣтіе со времени 1-го выпуска Пансіона и 40-ка лѣтіе со времени его упраздненія, оба въ Іюнь мѣсяцѣ. Говорятъ, будто празднованіе въ 1867 году 50-тилѣтія 1-го выпуска Лицея въ 1817 году, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, было отложено до 1869-го года, съ тѣмъ, чтобы въ немъ разомъ отпраздновать 50-ти лѣтія 1-хъ выпусковъ обоихъ заведеній. Неизвѣстно, на сколько это справедливо, но, во всякомъ случаѣ, оно весьма желательно и состоится оно или нѣтъ, своевременно было бы до Іюня 1869 года напомнить о Царскосельскомъ Лицейскомъ Пансіонѣ краткимъ очеркомъ его исторіи, на основаніи какъ официальныхъ данныхъ, приведенныхъ г. Селезевымъ, такъ особенно Пан-

сіонскихъ преданій и личныхъ воспоминаній бывшихъ его воспитанниковъ, оставшихся въ живыхъ.

Въ слабый знакъ признательности моей Пансіону за воспитаніе и образованіе, которымъ я былъ обязанъ ему, рѣшаюсь исполнить то, чего не сдѣлано доселѣ. Сперва хочу изобразить, на основаніи официальныхъ свѣдѣній, краткій очеркъ начала, постепеннаго развитія и конца Пансіона, а потомъ, на основаніи сохранившихся преданій его и воспоминаній бывшихъ его воспитанниковъ, представить необходимые дополненія и поясненія къ очерку официальной его исторіи и изобразить какъ внутреннее его устройство, такъ и внутреннюю жизнь его.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ КРАТКІЙ ОЧЕРКЪ ИСТОРИИ БЛАГОРОДНАГО

ПАНСИОНА

ИМПЕРАТОРСКАГО ЦАРСКОСЕЛЬСКАГО ЛИЦЕЯ.

НА ОСНОВАНІИ ОФИЦІАЛЬНЫХЪ СВѢДѢНІЙ.

1814—1829.

I.

Причины и цѣль учрежденія Пансіона; — предварительныя распоряженія къ его помѣщенію, устройству и открытію; — 1-е Постановленіе о немъ; — Назначеніе директора и прочихъ лицъ, пріемъ воспитанниковъ и открытіе Пансіона 27 января 1814 года.

(1811—1814).

§ 1. Въ городѣ Царскомъ Селѣ учреждается Благородный Пансіонъ.

§ 2. Цѣль сего заведенія двоякая: а) устройство въ немъ разсадника собственно для Царскосельскаго Лицея и б) доставленіе новаго способа дворянству для приличнаго званію сему воспитанія.

Высочайше утвержденное въ Іюлѣ 1812 г. 1-е постановленіе о Благородномъ Пансіонѣ Императорскаго Царскосельскаго Лицея.

Въ 1811 году, министръ народнаго просвѣщенія, графъ Алексѣй Кириловичъ Разумовскій, уже при первомъ пріемѣ воспитанниковъ въ Лицей и предъ открытіемъ послѣдняго, убѣдился, вмѣстѣ съ ближайшими руководителями этого новаго учебнаго заведенія, въ тѣхъ затрудненіяхъ, которыя встрѣтились, при его учрежденіи, отъ неравенства къ первоначальному

образованіи и развитіи воспитанниковъ, поступившихъ въ него. Хотя принятыя вслѣдствіе того мѣры и устранили эти затрудненія *отчасти и временно*, но польза Лицея требовала устрани-
 нить ихъ *вполнѣ и навсегда*. Средствами для того графъ Разумовскій призналъ—требованіе отъ поступающихъ въ Ли-
 цей извѣстной степени познаній и доставленіе имъ самыхъ спо-
 собовъ приобрѣтенія такихъ познаній, а для этого—*учрежденіе*
особаго, приотвѣтительнаго учебнаго заведенія, которое по-
стоянно снабжало бы Лицей отличнѣйшими воспитанни-
ками. Кромѣ того, при этомъ имѣлась въ виду еще и дру-
 гая цѣль—*доставитъ русскому дворянству новый способъ*
воспитанія и образованія дѣтей своихъ, не отдавая ихъ въ
частныя пансіоны, но большей части содержимые иностран-
цами и не соответствовавшіе цѣли благороднаго воспитанія.
 («Очеркъ», г. Селезнева, стран. 33).—Мысль, во всѣхъ отно-
 шеніяхъ превосходная и вполнѣ патріотическая! Причины и
 необходимость такой мѣры изложены въ «Очеркѣ», г. Селез-
 нева на стран. 2 и 3, именно: своихъ, Русскихъ, правитель-
 ственныхъ учебныхъ заведеній, среднихъ и высшихъ, было еще
 мало, и изъ тѣхъ не всѣ удовлетворяли требованіямъ хоро-
 шаго образованія. А между тѣмъ, требованія эти, для государ-
 ственной службы, съ каждымъ днемъ увеличивались все болѣе
 и болѣе, особенно со времени указа 6-го августа 1809 года,
 объ экзаменахъ для производства въ VIII и V классы. Ино-
 странцы — иновѣрцы и едва ли не въ главѣ ихъ — Іезуиты,
 овладѣвшіе у насъ воспитаніемъ юношества при Екатеринѣ II-й
 (къ такому вреду для Россіи впоследствии), и въ началѣ XIX
 вѣка не утратили еще своего значенія. Іезуиты пользовались,
 къ прискорбію, особеннымъ довѣріемъ высшаго дворянства,
 имѣя въ Петербургѣ обширное училище, подъ названіемъ
Іезуитскаго пансіона. Въ одномъ Петербургѣ они считали

отъ 400 до 500 своихъ воспитанниковъ, большею частію изъ
 знатнѣйшихъ русскихъ дворянскихъ фамилій.—Но сознаніе въ
 неудовлетворительности воспитанія Русскаго юношества ино-
 странцами-иновѣрцами уже проникло въ Русское общество, и
 записки современниковъ свидѣтельствуютъ, сколько затрудненій
 встрѣчало усиліе родителей дать приличное воспитаніе своимъ
 дѣтямъ, не ввѣряя его въ руки иностранцевъ.—Если принять
 все это въ соображеніе, то легко можно оцѣнить все достоин-
 ство прекрасной мысли графа Разумовскаго.—Какъ мысль объ
 учрежденіи Лицея принадлежала личнѣ Императору Александру
 I-му (можетъ быть и по внушенію Лагарпа), такъ мысль объ
 учрежденіи Лицейскаго Пансіона вполнѣ принадлежала графу
 Разумовскому, и приведеніе ея, съ Высочайшаго утвержденія,
 въ исполненіе, бесспорно составляетъ неотъемлемую и великую
 заслугу графа Разумовскаго дѣлу народнаго просвѣщенія въ
 то время въ Россіи. Съ этой точки зрѣнія и необходимо смо-
 трѣть на учрежденіе Лицейскаго Пансіона.

Означенная мысль графа Разумовскаго, возникшая, какъ
 сказано, въ концѣ 1811 года, разрабатывалась въ теченіи 1-й
 половины 1812, а въ іюлѣ этого года графъ Разумовскій пред-
 ставилъ уже Государю докладъ объ учрежденіи Пансіона и
 испросилъ Высочайшее разрѣшеніе купить за 32,500 р. въ
 Царскомъ Селѣ, три дома, для помѣщенія въ нихъ Пансіона,
 и расходъ этотъ обратить на Государственное Казначейство
 или на Кабинетъ Его Величества. Но, по случаю тогдашнихъ
 военныхъ обстоятельствъ и необходимыхъ военныхъ издержекъ,
 расходъ этотъ былъ отнесенъ на общій училищный капиталъ,
 изъ котораго, вмѣстѣ съ тѣмъ, Высочайше повелѣно было от-
 пустить еще 25,000 руб. на перестройку трехъ домовъ подъ
 Пансіонъ, съ тѣмъ, чтобы, при недостаточности обѣихъ этихъ
 суммъ (всего 57,500 руб.), взять потребную сумму изъ капи-

тала Лицея, который хранился въ Воспитательномъ Домѣ. („Очеркъ“ Селезнева стран. 104).

Приведеніе въ исполненіе Высочайшей воли о приобрѣтеніи и перестройкѣ домовъ подѣ Пансіонъ, послѣдовало однако только въ 1813 году, при чемъ опредѣлено было Пансіонъ открыть въ бывшемъ городѣ Софіи. Съ этою цѣлю здѣсь приобрѣтены были покупкой два частные дома, надворнаго совѣтника Чебликова и купца Евсеева (стоявшіе на мѣстѣ нынѣшняго втораго отъ угла дома), а для помѣщенія служащихъ отведенъ былъ еще третій, особый домъ, стоявшій возлѣ двухъ первыхъ и принадлежавшій военному министерству, съ прилежавшимъ къ нему пустопорожнимъ мѣстомъ, вплоть до дворца Цесаревича Великаго Князя Константина Павловича. Дома эти были немедленно передѣланы согласно съ требованіями новаго учебнаго заведенія. („Очеркъ“ стран. 104—105).

Въ концѣ 1813 и началѣ 1814 годовъ было распубликовано Высочайше утвержденное въ іюлѣ 1812 года *Постановленіе о Благородномъ Пансіонѣ въ городѣ Царскомъ Селѣ* (см. приложение I) и сверхъ того напечатано особыми экземплярами на русскомъ и нѣмецкомъ (?) языкахъ, а также въ періодическомъ изданіи: „Объ успѣхахъ народнаго просвѣщенія“ (№ XXXVII, СПБ. 1814): („Очеркъ“ стран. 105).

Такъ какъ „Постановленіе“ о Пансіонѣ, хотя и измѣненное во многомъ въ послѣдствіи, можно назвать краснорѣчивымъ камнемъ, положеннымъ въ основаніе Пансіона, то я и приведу его здѣсь въ главныхъ чертахъ.

Въ § 1 опредѣлялось, что „въ городѣ Царскомъ Селѣ учреждается Благородный Пансіонъ“, а § 2—что „цѣль сего заведенія двоякая: а) устроеніе въ немъ разсадника собствен-

но для Царскосельскаго Лицея и б) доставленіе новаго способа дворянству для приличнаго званію сему воспитанія“.

Пансіонъ поставленъ въ зависимость отъ министра Народнаго просвѣщенія (§ 3). Воспитательною частію располагаетъ Правленіе Лицея, а объ учебной части имѣетъ попеченіе Конференція его (§ 4). Ближайшій надзоръ за внутреннимъ устроениемъ Пансіона имѣетъ одинъ изъ профессоровъ Лицея, извѣстный своимъ поведеніемъ (?), обширными познаніями въ наукахъ и языкахъ иностранныхъ и искусствомъ въ воспитаніи и управленіи юношествомъ, что не стѣсняетъ однако же власти министра ввѣрить надзоръ за Пансіономъ стороннему лицу, если онъ признаетъ то полезнѣйшимъ для заведенія (§ 5). Лицо, имѣющее ближайшій надзоръ за Пансіономъ, носитъ названіе *директора Благороднаго Пансіона* и имѣетъ при себѣ помощника изъ постороннихъ служащихъ лицъ, съ такими же качествами, какія въ § 5 требуются отъ директора, исключая наукъ, въ которыхъ и не столь обширныя познанія могутъ быть приняты въ уваженіе (§ 6). Директоръ и Помощникъ его избираются преимущественно изъ *природныхъ Россіянъ или по крайней мѣрѣ изъ подданныхъ Россійскихъ*, и оба опредѣляются непосредственно самимъ министромъ (§ 7). По части воспитанія, Пансіонъ имѣетъ нужное число *комнатныхъ и хозяйственныхъ надзирателей или гувернеровъ*, а по части учебной—профессоровъ и учителей изъ Лицея, недостающее же число ихъ принимаетъ со стороны (§ 8). Въ Пансіонѣ предполагается воспитывать 150 *дѣтей* (?), но число это впредь можетъ быть увеличено, по мѣрѣ помѣщенія (§ 9). На содержаніе воспитанниковъ, дома и всего хозяйства Пансіона и на жалованье учителей и служащихъ назначаются деньги, вносимыя за воспитанниковъ (§ 10). Сверхъ означеннаго въ § 9 числа

пансіонеровъ, въ Пансіонѣ воспитывается, по мѣрѣ помѣщенія и капитала, извѣстное число воспитанниковъ на счетъ процентовъ, получаемыхъ съ содержателей всѣхъ частныхъ пансіоновъ въ Имперіи. Воспитанники эти избираются изъ дѣтей преимущественно военныхъ чиновниковъ (т. е. вообще служащихъ или служившихъ въ военномъ вѣдомствѣ), лишенныхъ всѣхъ способовъ къ воспитанію ихъ (§ 11). Для полного образованія въ Пансіонѣ назначается 9 лѣтъ (!), если же кто изъ воспитанниковъ пожелаетъ прежде этого срока выйти изъ Пансіона, то не получитъ аттестата и лишится выгодъ, предоставленныхъ пансіонерамъ, кончившимъ полный курсъ наукъ въ Пансіонѣ (§ 12).

Послѣ этихъ общихъ положеній, въ первомъ отдѣленіи: о порядкѣ воспитательномъ, указаны мѣры для усовершенія душевныхъ способностей и тѣлеснаго здоровья воспитанниковъ (§§ 13, 14 и 15), а въ § 16 воспитанники раздѣляются на три возраста: младшій, средній и старшій. — Приѣмъ воспитанниковъ бываетъ до начатія годичнаго ученія, которое въ Пансіонѣ должно начинаться въ то же время, что и въ Лицеѣ, т. е. 1 августа (§ 17). — При открытіи Пансіона имѣетъ быть принято не болѣе ста воспитанниковъ только для двухъ возрастовъ: младшаго отъ 8 до 10 и болѣе лѣтъ и средняго отъ 10 до 13 лѣтъ; они распредѣляются по классамъ сообразно свѣдѣніямъ, какія окажутъ на предварительномъ испытаніи. Поступившіе въ средній возрастъ совершаютъ курсъ ученія въ 6 лѣтъ, а въ младшій — чрезъ 9 лѣтъ (§ 18). — Чрезъ три года послѣ открытія Пансіона, когда воспитанники составляютъ средній и старшій возрасты, въ Пансіонѣ будетъ принято остальное число 50 воспитанниковъ для младшаго возраста (§ 19). — Въ послѣдствіи въ Пансіонѣ будутъ принимаемы только въ младшій возрастъ, дѣти не моло-

же 8 и не старѣе 10 лѣтъ (§ 20). Знанія наукъ отъ нихъ впредь при приѣмѣ не требуется, потому что ученіе въ Пансіонѣ начинается съ самыхъ первыхъ основаній; впрочемъ не считать препятствіемъ къ приѣму, если дитя будетъ уметь читать и писать по русски или на другомъ какомъ языкѣ (!) (§ 21). — Затѣмъ слѣдуютъ обыкновенныя правила приѣма въ учебныя заведенія (§§ 22, 23 и 24), внутреннее устройство: о комнатахъ, кроватяхъ, мебели, вставаніи въ 6 часовъ утра и отхожденіи ко сну въ 10 часовъ вечера, хожденіи въ церковь, повтореніи уроковъ (§ 25 — 30), ежегодномъ говѣніи на страстной недѣлѣ (§ 31), нестпускѣ воспитанниковъ во весь 9 лѣтъ курса къ родителямъ или родственникамъ ихъ, которымъ предоставляется посѣщать ихъ въ Пансіонѣ по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ (§ 32); — о пищѣ и столовомъ приборѣ: въ 7 часовъ утра обыкновенный завтракъ, въ полдень обѣдъ изъ 4 блюдъ, въ 8 часовъ вечера ужинъ изъ 3; между обѣдомъ и ужиномъ полдникъ изъ обѣлаго хлѣба (§ 33); — ложки, солонки и стаканы употребляются серебряныя, посуда вся фаянсовая и проч. (§ 34); — о присмотрѣ: за ученіемъ и поведеніемъ воспитанниковъ наблюдаютъ: директоръ, его помощникъ и комнатные надзиратели (гувернеры) (§ 35); — директоръ и его помощникъ обязаны пешихъ обо всемъ, что способствуетъ къ умноженію познаній, къ укрѣпленію здоровья и къ нравственности воспитанниковъ (§ 36); — они, какъ заступающіе мѣсто родителей для воспитанниковъ, никогда не упускаютъ изъ вида образа ихъ жизни, поступковъ и обращенія между собою; — какъ „хозяева Пансіона“, по воспитательной части вообще они вполнѣ распоряжаются сами; но въ важныхъ случаяхъ доносятъ директору Лицея, который или самъ рѣшаетъ или доводитъ до свѣдѣнія министра. — По хозяй-

ственной же части, вмѣстѣ съ нѣсколькими чиновниками, назначаемыми министромъ, составляютъ комитетъ, который и распоряжаетъ ею сообразно утвержденному министромъ штатному положенію; но въ важныхъ случаяхъ, особливо требующихъ новыхъ распоряженій или отступленій отъ штата, директоръ относится въ Правленіе Лицея, чрезъ которое испрашиваетъ разрѣшеніе министра (§§ 37, 38 и 39); — комнатныхъ надзирателей (гувернеровъ) полагается на каждыхъ 15 воспитанниковъ по одному и слѣдовательно для 150 десять, изъ коихъ 4 правильно говорящіе на отечественномъ языкѣ, 2 на нѣмецкомъ, 2 на французскомъ и 2 на англійскомъ; ихъ принимается болѣе или менѣе, по мѣрѣ умножающагося числа воспитанниковъ (§ 40); — они во всякое время говорятъ съ воспитанниками на тѣхъ языкахъ, подъ наименованіями коихъ они известны (§ 41); — въ комнатные надзиратели принимаются предпочтительно такіе люди, которые приобрѣли хорошія свидѣтельства и опытность въ россійской службѣ, ибо главнѣйшая ихъ обязанность должна состоять во всеобщемъ (всечасномъ?) направленіи нравовъ и свойствъ дѣтей къ образованію истинныхъ и полезныхъ сыновъ отечества (§ 42); — они должны быть люди совершенного возраста, живутъ въ покояхъ, ближайшихъ къ комнатамъ воспитанниковъ, и имѣютъ общій съ ними столъ (§ 43); — обязанности ихъ въ классное и не классное время, въ праздничные дни и ночью (§§ 44 и 45); — прогулки воспитанниковъ летомъ и зимой и рекреации зимой въ Пансіонѣ; они занимаются дѣтскими правоучительными играми и представленіями, играютъ концерты, танцуютъ и пр. (§ 46); — развѣ въ день недѣли пользуются банею, по близости для нихъ построенною (§ 47); — больница отдѣльно, въ отдаленныхъ покояхъ; при ней докторъ и смотритель (§ 48); Конференція Лицея, съ

утвержденія министра, предписываетъ правила должностей директора, его помощника и комнатныхъ надзирателей, равно и правила поведенія воспитанниковъ; послѣднія должны быть напечатаны, наклеены на доски и повѣшены въ столовой, спальнѣ и учебныхъ комнатахъ (§ 49); — прислуга: при столѣ, при классахъ и при спальняхъ — наемная отъ Пансіона, а при воспитанникахъ можетъ быть собственная, на ихъ содержаніи; та и другая подчинены особому Чиновнику (§ 50 и 51). Хозяйство: воспитанники вносятъ за воспитаніе и ученіе по тысячѣ руб. въ годъ, впередъ за годъ или не меньше, какъ за полгода, къ 1-му января или іюля и сполна, безъ всякихъ вычетовъ; — означенная сумма не полагается непременно на-всегда, но можетъ, съ утвержденія министра, быть измѣняема, сообразно съ обстоятельствами и нуждами, и единственно въ видахъ пользы и блага воспитанниковъ (53 и 54); — сверхъ того, каждый воспитанникъ вноситъ единовременно при вступленіи 300 руб. на столовый приборъ, серебряную посуду, желѣзную кровать, постель, подушки и одѣяла байковое и верхнее (§ 55); — затѣмъ все остальное производится отъ Пансіона и единообразное (§ 56); — количество и перемѣна бѣлья (§ 57); — два хозяйственные смотрителя: одинъ наблюдаетъ за пищей, а другой за прислугой, одеждой и внутренними потребностями дома; оба находятся въ вѣдѣніи директора (§ 58); — Правленіе Лицея даетъ имъ обоимъ подробное наставленіе въ ихъ обязанностяхъ (§ 59); оно выдаетъ имъ шнуровыя книги; одинъ изъ смотрителей имѣетъ книгу для внесенія денегъ, отдаваемыхъ родственниками на мелочныя надобности воспитанниковъ (§ 60); все подряды на съѣстные припасы и прочія вещи производятся въ хозяйственномъ комитетѣ; — свидѣтельствованіе первыхъ ежемѣсячно однимъ изъ членовъ Правленія Лицея и директоромъ Пансіона или его помощ-

никомъ, а послѣднихъ—черезъ каждые полгода особыми членами Лицейскаго Правленія (§§ 61, 62, 63 и 64);—отсутствующие родители или родственники получаютъ отъ директора, если пожелаютъ, извѣстія о здоровьѣ, успѣхахъ и поведеніи воспитанниковъ по данному образцу (§ 65).—*Порядокъ учебный*: для ученія учреждаются три класса, сообразно тремъ возрастамъ воспитанниковъ: младшій, средній и старшій, въ каждомъ изъ которыхъ кругъ ученія совершается въ три года, слѣдовательно во всѣхъ въ девять лѣтъ (§ 66);—*предметы ученія*: науки: 1) законъ Божій и Священная исторія; 2) логика, психологія и правоученіе (ионика); 3) исторія всемірная, русская и статистика; 4) географія: математическая, политическая, всеобщая и русская; 5) древности и мифологія; 6) науки государственнаго хозяйства, права естественнаго и римскаго; 7) основанія права частнаго гражданскаго, уголовныхъ законовъ и особенно практическаго русскаго законодѣнія; 8) математика: а. ариѳметика, в. геометрія, с. тригонометрія, д. алгебра до 3-й степени уравненія, е. приложеніе алгебры къ геометріи и коническимъ сѣченіямъ, и механика; 9) военныя науки: артиллерія и фортификація; 10) гражданская архитектура; 11) краткая опытная физика и естественная исторія;—языки: 12) русскій: чтеніе и чистописаніе, этимологія, синтаксисъ и легкія сочиненія въ стихахъ и прозѣ, слогъ и практическое чтеніе лучшихъ писателей; 13) нѣмецкая словесность: чтеніе и чистописаніе, этимологія, синтаксисъ и переводы, чтеніе хорошихъ писателей и сочиненія; 14) французская, 15) латинская и 16) англійская словесность—тѣ же предметы;—искусства: 17) рисованіе, 18) танцованіе, 19) фехтованіе, 20) ученіе ружьемъ въ лѣтніе часы, свободные отъ классовъ (§ 67); за обученіе музыки, воспитанники платятъ особо, но Пансіонъ имѣетъ свои инструменты (§ 68);—

ученіе ежедневно продолжается 8 часовъ: отъ 8 до 12 утра и отъ 2 до 6 пополудни (§ 69);—сверхъ того начальство Пансіона будетъ имѣть манежъ, въ которомъ воспитанники могли бы обучаться верховой ѣздѣ за сходную цѣну (§ 70);—испытанія: директоръ испытываетъ успѣхи воспитанниковъ, когда заблагоразсудитъ, но главное испытаніе бываетъ въ концѣ года (учебнаго), въ присутствіи приглашаемыхъ на оное ученыхъ и постороннихъ благородныхъ лицъ (§ 71);—директоръ, отъ имени всего сословія (?), въ присутствіи благороднаго общества, удостоиваетъ отличившихся успѣхами: въ нижнихъ классахъ провозглашаются имена заслужившихъ особенное одобреніе, въ среднихъ и высшихъ раздаются книги, ландшафты, атласы и пр. за подписаніемъ директора, и похвальные листы за печатью; медали серебряныя и золотыя получаютъ тѣ изъ воспитанниковъ, которые окажутъ отличные успѣхи въ наукахъ (§ 72); отличнѣйшіе изъ воспитанниковъ Пансіона поступаютъ въ Лицей, въ положенное время и въ числѣ соразмѣрномъ вакансіямъ (§ 73); для чтенія воспитанниковъ, Пансіонъ имѣетъ собственную бібліотеку; классныя книги и учебныя пособія воспитанники получаютъ отъ Пансіона (§§ 74 и 75);—конференція Лицея, по обстоятельствамъ и нуждѣ, будетъ составлять росписаніе ученія въ Пансіонѣ и представлять на утвержденіе министру (§ 76);—предполагается, что доброе поведеніе воспитанниковъ будетъ неразлучно съ отличными успѣхами; ибо противнаго оному Пансіонъ, послѣ возможныхъ усилій о исправленіи, терпѣть не будетъ (§ 77 и послѣдній).

Таково было это первое „Постановленіе“ о Благородномъ Пансіонѣ Царскосельскаго Лицея. Неизвѣстно, кто первый составлялъ проектъ его. Должно предполагать, что или кто-нибудь изъ ближайшихъ подчиненныхъ графа Разумовскаго въ

министерствъ народнаго просвѣщенія, или кто-либо изъ профессоръ Лицея и членовъ конференціи его. Изъ чиновъ министерства можно было бы предположительно отнести это или къ кому-либо изъ членовъ *Главнаго Правленія училищъ*, или скорѣе къ директору департамента министерства, *И. И. Мартынову*, другу Сперанскаго и *составителю*, какъ онъ самъ свидѣтельствовалъ о себѣ (*Біографія Мартынова. Современникъ марта и апрѣля 1856 г.*, и „Очеркъ“ Селезнева стр. 8), *проектовъ разныхъ воспитательныхъ и учебныхъ заведеній*, гдѣмъ болѣе, что ему же, Мартынову, принадлежало подробное составленіе устава Лицея, лишь въ главныхъ основаніяхъ начертаннаго самимъ Государемъ. Можетъ быть въ составленіи перваго проекта „Постановленія“ участвовалъ также *С. С. Уваровъ*, какъ Попечитель С.-Петербургскаго Учебнаго Округа и близкій графу Разумовскому человекъ (онъ былъ женатъ на его дочери).—Затѣмъ проектъ Постановленія вѣроятно разсматривался и разрабатывался въ конференціи Лицея. Кто-бы впрочемъ ни былъ первымъ, послѣдующимъ и послѣднимъ составителемъ „Постановленія“, нужно сказать, что оно имѣло и свои хорошія, и свои слабыя стороны.

По прекрасной, двойной цѣли Пансіона и по сообразнымъ съ нею средствамъ, указаннымъ для достиженія ея, „Постановленіе“, по отношенію къ тому времени, въ которое оно было составлено и издано, можно вообще назвать превосходнымъ. Для пополненія Лицея учреждался постоянный и надежный разсадникъ. Дворянству русскому предоставлялся еще одинъ новый способъ давать хорошія воспитаніе и образованіе своимъ дѣтямъ, не прибѣгая къ иностранцамъ-иновѣрцамъ, особенно Іезуитамъ.—Средства и для воспитанія, и для образованія были назначены такія богатія и надежныя, какія едва ли могли быть въ распоряженіи даже самыхъ состоятельныхъ

лицъ высшаго дворянства. Пансіонъ помѣщался въ Софіи, составлявшей административную часть Царскаго Села, гдѣ помѣщался и Лицей; притомъ, на помѣщеніе и устройство Пансіона, соответствующія его цѣлямъ, даны были, по тогдашнему времени, большія средства. По всѣмъ тремъ частямъ, главнымъ въ каждомъ учебномъ заведеніи—воспитательной, учебной и хозяйственной, Пансіонъ поставленъ въ ближайшія отношенія съ Лицеємъ и зависимость отъ его Правленія и конференціи, а посредствомъ ихъ—и отъ министра народнаго просвѣщенія. По всѣмъ этимъ тремъ частямъ были приняты болѣе или менѣе хорошія мѣры, лучше всѣхъ—по учебной: ибо предметы преподаванія и преподаватели ихъ имѣли быть тѣ же, что и въ Лицеѣ.—По воспитательной и хозяйственной частямъ, кажется, были по „Постановленію“ приняты всѣ нужныя мѣры для хорошаго воспитанія и содержанія пансіонеровъ. Отъ директора и помощника его требовались всѣ необходимыя для этихъ важныхъ обязанностей условія, особенно то, чтобъ они были изъ *природныхъ русскихъ* или по крайней мѣрѣ *русскихъ подданныхъ, образованныхъ, даже—ученыхъ*, и извѣстныхъ своими нравственными качествами и педагогическими способностями.

Но съ другой стороны „Постановленіе“ представляетъ нѣкоторыя, однѣ менѣе, другія болѣе, слабыя стороны, которыя, даже по отношенію къ тогдашнимъ: времени, духу и понятіямъ, обстоятельствамъ и лицамъ, принимавшимъ дѣятельное участіе въ учрежденіи Пансіона, кажутся нѣсколько странными.

Прежде всего нужно сказать вообще, что основнымъ началомъ въ „Постановленіи“ о Пансіонѣ было принято то же, что и въ уставѣ о Лицеѣ, то есть раздѣленіе на *возрасты* или *курсы*, по *три* учебные года каждый.—Но въ подробнос-

стях примѣненіе этого основнаго начала вело къ совсѣмъ инымъ и—нужно прибавить—не совсѣмъ справедливымъ результатамъ. Дѣти отъ 10 до 12 лѣтъ, принимавшіяся въ Лицей по его уставу, оканчивали полный курсъ въ 6 лѣтъ и выходили молодыми людьми отъ 16-ти до 18-ти лѣтъ, съ огромными, по тогдашнему времени, правами IX класса въ гражданскую службу и офицеровъ Старой Гвардіи въ военную. Въ Пансіонѣ же дѣти, вступавшія въ него отъ 8 до 10-ти лѣтъ, должны были оканчивать тотъ же полный Лицейскій курсъ въ 9 лѣтъ и выходить молодыми людьми отъ 17-ти до 19-ти лѣтъ — безъ всякихъ, особенно предоставленныхъ имъ правъ. Это было не совсѣмъ справедливо, тѣмъ болѣе, что пансіонеры, имѣвшіе переходить въ Лицей въ возрастѣ отъ 10 до 12 лѣтъ, должны были перегонять своихъ бывшихъ товарищей и выходить изъ Лицея ранѣе ихъ и съ большими преимуществами. Но этого мало: § 12-мъ постановлено, что воспитанникъ вышедшій изъ Пансіона до окончанія полнаго курса, *не получитъ аттестата и лишится даже тѣхъ выгодъ, которыя предоставлены (хотя онъ вовсе не опредѣлены въ „Постановленіи“) кончившимъ полный курсъ.*—Кромѣ того, что такая обязательность невыхода изъ Пансіона столь снискательна, но неполученіе аттестата и лишеніе выгодъ и т. д. такъ естественны, что о нихъ нечего было и говорить. Нельзя же *некончившему* курса дать аттестатъ и выгоды *кончившаго* его.

Такъ какъ каждый возрастъ въ Пансіонѣ, подобно тому, какъ и въ Лицеѣ, составлялъ одинъ 3-хъ лѣтній классъ, то 50 воспитанниковъ въ каждомъ, по правиламъ педагогіи, было слишкомъ много; достаточно было бы и 25, но тогда нужны были бы параллельные классы.

По § 21, при послѣдующихъ пріемахъ, въ младшій воз-

растѣ, дѣтей отъ 8 до 10 лѣтъ, никакихъ знаній отъ нихъ не требовалось, потому что ученіе въ Пансіонѣ начиналось съ первыхъ основаній. По тогдашнему времени это очень естественно и понятно; но зачѣмъ вслѣдъ за тѣмъ прибавлено: *впрочемъ не считать препятствіемъ къ пріему, если дитя умѣетъ будетъ читать и писать по русски или на другомъ какомъ языкѣ?!—* Препятствіемъ можно считать неумѣніе, а не противное тому. Странно было бы не принимать за *умѣніе*. А потому объ этомъ не слѣдовало бы и говорить.

По § 32 воспитанники Пансіона, во все продолженіе 9 лѣтняго курса, *не отпускаются въ дома родителей и родственниковъ ихъ, которымъ предоставляется посѣщать ихъ въ воскресные и праздничные дни.* Это правило заимствованное изъ устава Лицея, а въ немъ изъ устава женскихъ институтовъ, даже и въ тогдашнее время было нераціонально въ педагогическомъ отношеніи. По счастью, оно не сохранилось въ Пансіонѣ.

По §§ 42 и 43 условія, требуемыя отъ комнатныхъ надзирателей или гувернеровъ, заключались только въ томъ, чтобъ они были *предпочтительно изъ пріобрѣтшихъ хорошія свидѣтельства и опытность въ російской (тогдашней гражданской!) службѣ* (т. е. изъ хорошихъ и опытныхъ гражданскихъ чиновниковъ!) и за тѣмъ совершеннаго возраста—и только: о нравственныхъ качествахъ, образованности и педагогическихъ способностяхъ и опытности ихъ не сказано ни слова!—Тогдашняя наука Педагогія въ Западной Европѣ была гораздо выше этого, и болѣе нежели странно читать это въ „Постановленіи“ о такомъ учебномъ заведеніи, какъ Лицейскій Благородный Пансіонъ. Къ счастью, на дѣлѣ это вышло совсѣмъ не такъ.

По § 46 воспитанники зимою (въ холодную или дурную

погоду), для пріятнаго и полезнаго препровожденія времени занимаются дѣтскими правоучительными играми и представленіями, играютъ концерты, танцуютъ и проч. Неужели *всѣ*?—и *дѣти*, и уже не *дѣти*?—И притомъ, что значитъ: *играютъ концерты*?

По § 49 конференція Лицея, съ утвержденія министра, предписываетъ правила должностей (т. е. обязанностей) должностныхъ лицъ Пансіона, такъ какъ и правила поведения воспитанниковъ. Последнія должны быть напечатаны, наклеены на доски и повѣшены въ столовой, спальнѣ и учебныхъ комнатахъ. Сколько первыхъ возможны и необходимы, столько же послѣднія, по правиламъ педагогическимъ, не ведутъ къ цѣли и не достигаютъ ея. Добрая нравственность и хорошее поведение внушаются и поддерживаются вовсе не напечатанными, наклеенными и повѣшенными правилами.

По § 58 для хозяйственныхъ должностей Пансіона, опредѣляются два смотрителя: одинъ наблюдаетъ за пищею и ея принадлежностями, а другой за прислугою, одеждою и внутренними потребностями дома. Это было большою ошибкой и, какъ увидимъ ниже, виною большихъ безпорядковъ по хозяйственной части. Если послѣднее завѣдывалъ хозяйственный комитетъ, подъ вѣдѣніемъ Правленія Лицея, къ чему было назначать двухъ смотрителей?—И одного было много, а двухъ и подавно. Къ этому еще, по § 60, одинъ изъ нихъ имѣлъ книгу для внесенія денегъ, отдаваемыхъ родственниками на мелочныя надобности воспитанниковъ. Эти деньги ни въ какомъ случаѣ не могли и не должны были отдаваемы быть одному изъ смотрителей, но подлежащимъ гувернерамъ (т. е. тѣмъ, у которыхъ состояли въ завѣдываніи воспитанники, получавшіе деньги).—Вообще устройство хозяйственной части по „Постановленію“ было не удовлетворительнѣе двухъ

другихъ, оттого по ней-то и произошли тотчасъ же большіе безпорядки.

Напротивъ, учебная часть была устроена лучше *всѣхъ* и такою оставалась отъ начала до конца Пансіона. Впрочемъ, и въ отношеніи къ ней можно сдѣлать нѣсколько замѣчаній.

По § 67 предметами ученія назначены:

Законъ Божій и Священная исторія—и только. Но это слишкомъ неопредѣленно для 9-ти-лѣтняго курса. Въ девять лѣтъ законъ Божій долженъ былъ быть преподаваемъ каждый годъ постепенно шире и шире, а Священная исторія, извѣстно, преподается только въ младшихъ классахъ.

Языки. Неизвѣстно, почему сначала поставлены *Россійскій языкъ и Нѣмецкая словесность* (хотя и въ первомъ, и въ послѣдней курсъ начинается чтеніемъ и чистописаніемъ, а оканчивается слоюзомъ, чтеніемъ и сочиненіями),—а потомъ *Французская, Латинская и Англійская словесность*, съ приравленіемъ — *предметы тѣ же*.—Почему такая разстановка языковъ?—и почему *Нѣмецкій* поставленъ послѣ *Русскаго* и выше трехъ другихъ?—Почему и все „Постановленіе“ было издано на русскомъ и *нѣмецкомъ* языкахъ?—А между тѣмъ русскому дворянству, для котораго предназначался Пансіонъ, Французскій языкъ былъ ближе Нѣмецкаго.

Въ числѣ *искусствъ* нельзя не остановить вниманія на *ученіи ружьемъ въ лѣтніе, отъ классовъ свободныя часы*. Ни по тогдашнему (даже и позднѣйшему) времени, ни по тому, что воспитанники Пансіона могли поступать и въ военную службу, это искусство само по себѣ ничего страннаго не представляетъ. Но, по сопоставленію только съ двумя военными науками: *артиллеріей и фортификаціей*—оно кажется какъ-то страннымъ. Неужели только эти двѣ науки и это искусство должны были подготавливать пансіонеровъ къ воен-

ной службѣ?—Правда, что *Математика*, которая тогда считалась (и справедливо) главнымъ основаніемъ серьезнаго, дѣльнаго образованія (между прочимъ и спеціальнаго военнаго), въ Пансіонѣ, съ самаго начала, была поставлена въ отличныя условія и въ такихъ оставалась до конца.—Къ этому нужно еще прибавить, что по § 70 Пансіонъ долженъ былъ имѣть *манежъ*, для обученія воспитанниковъ *верховой ѣздѣ* за сходную цѣну.

Серебряными и золотыми медалями, которые имѣли получать воспитанники, *оказавшіе отличные услуги въ наукахъ* (§ 72) (вѣроятно по окончаніи полнаго курса ученія, а не при переводахъ изъ класса въ классъ), кажется и ограничивались, по «Постановленію», всѣ права и преимущества полнаго воспитанія и образованія въ Пансіонѣ. Никакихъ иныхъ правъ и преимуществъ воспитанниковъ Пансіона, равно какъ и служащихъ въ Пансіонѣ, въ «Постановленіи» не означено. Спрашивается: какое же особенное поощреніе предоставлено было «Постановленіемъ», какъ желавшимъ воспитать дѣтей своихъ въ Пансіонѣ, такъ и желавшимъ посвятить ему свою службу?—Недостатокъ этого въ «Постановленіи» не можетъ не обратить на себя вниманія.

А между тѣмъ, § 77 и послѣдній «Постановленія», послѣ *предположенія*, что доброе поведеніе воспитанниковъ будетъ неразлучно съ отличными успѣхами (въ учебномъ заведеніи требовать и ожидать этого отъ *всѣхъ* одинаково невозможно), прибавляетъ какъ бы въ предостереженіе (кому и зачѣмъ?): *ибо противнаго оному* (т. е. отличнымъ успѣхамъ и поведенію) Пансіонъ, послѣ возможныхъ усилій о исправленіи, *терпѣть не будетъ* (т. е. будетъ исключать всѣхъ тѣхъ, которые не окажутъ отличныхъ успѣховъ и поведенія).—Не слишкомъ-ли строго, а главное—справедливо-ли?

Въ заключеніе слѣдуетъ сказать, что хотя въ то время языкъ и слогъ официальныхъ актовъ вообще не отличались особенными: простотою, естественностью и правильностью, но и за всѣмъ тѣмъ редакция «Постановленія», въ этомъ отношеніи, кажется довольно неудовлетворительною и даже странною. Дѣйствительно, можно-ли безъ улыбки читать: *одинъ изъ профессоровъ Лицея, извѣстный своимъ поведеніемъ* (§ 5)—(точно дитя или лакей),—или: *чиновникъ, имѣющій ближайшій надзоръ за Пансіономъ* (§ 6),—или: *въ семь Пансіонѣ предполагается воспитывать 150 дѣтей* (§ 9): редакторъ «Постановленія» не подумалъ, что Пансіонъ имѣлъ быть не *дѣтскою школою 150-ти дѣтей*, но *низшимъ и вѣдѣтъ высшимъ учебнымъ заведеніемъ изъ трехъ возрастовъ*, въ которыхъ дѣтьми должны были быть только воспитанники отъ 8 до 10 и даже 12 лѣтъ, но выше уже выростать въ *отроковъ* и *юношей* до 17—19 лѣтъ включительно; неужели же и эти были *дѣтьми*?—все это очень наивно;—или: *комнатные надзиратели во всякое время (?) говорятъ съ дѣтьми (?) на тѣхъ языкахъ, подъ наименованіемъ коихъ они извѣстны (!)*;—или: въ *комнатные надзиратели принимаются предпочтительно такіе люди, которые приобрѣли хорошія свидѣтельства (т. е. аттестаты?) и опытность въ русской службѣ (!)*; ибо *главнѣйшая изъ обязанностей должна состоять во всѣхъ случаяхъ (т. е. всѣхъ случаяхъ или еже-часномъ) направленіи правыхъ и свойствъ дѣтей (?) къ образованію истинныхъ и полезныхъ сыновъ отечества* (§ 42);—здѣсь, при смѣшной редакціи, и логики не много;—или: *воспитанники зимою занимаются дѣтскими правоучительными играми и представленіями, играютъ концерты и проч.* (§ 46);—значитъ и въ старшемъ возрастѣ также?—или: *въ такихъ случаяхъ всегда будетъ оно* (начальство Пансіона)

имѣть въ виду единственно пользу и благо (два синонима) юныхъ своихъ соотечественниковъ (§ 53) — совершенно лишніе риторическіе цвѣты краснорѣчія; — или: при семъ испытаніи (годиномъ) присутствуютъ ученые чиновники (!) и постороннія благородныя особы (!) — (§ 71); — или: Директоръ Лицея, отъ имени всего сословія (!), въ присутствіи благороднаго Общества (!) — (§ 72).

Словомъ — первое «Постановленіе» о Лицейскомъ Пансіонѣ, по мысли, цѣли, средствамъ достиженія ея и богатой, широкой постановкѣ — превосходно, но въ подробностяхъ и редакціи — слабо и неудовлетворительно. Задумавшему его въ цѣлости (полагаю — графу Разумовскому), — оно приноситъ много чести; — но исполнителю его въ подробностяхъ и редакціи (очень вѣроятно — составителю проектовъ разныхъ воспитательныхъ и учебныхъ заведеній, Мартынову), напротивъ, не много чести: по моему мнѣнію, неудовлетворительнѣе этого редактировать «Постановленіе», даже въ то время, было невозможно.

Въ заключеніе, о „Постановленіи“ вообще нужно сказать, что Пансіонъ, имѣя въ немъ свой особый уставъ, составлялъ въ этомъ отношеніи отдѣльное учебное заведеніе; но во всемъ другомъ, въ самомъ своемъ устройствѣ, былъ не иное что, какъ часть Лицея, въ началѣ составлявшая приготовительное его отдѣленіе. По неозначенію въ „Постановленіи“ правъ ни служащихъ, ни воспитывающихся въ Пансіонѣ, послѣдній, на основаніи этого перваго устава своего, долженъ былъ имѣть характеръ частнаго учебнаго заведенія, только состоявшаго въ связи съ Лицеемъ, въ зависимости отъ него и въ одной общей зависимости съ нимъ отъ Министерства народнаго просвѣщенія („Очеркъ“ Селезнева стр. 36, 37 и 105). —

Впрочемъ, худо ли, хорошо ли было редактировано „По-

становленіе“, дѣло въ томъ, что оно было составлено, утверждено и приведено въ исполненіе, а какъ? — рассмотримъ по порядку.

Въ Январѣ 1814 года помѣщеніе для Пансіона было готово и опредѣленъ личный составъ служащихъ въ немъ, начиная съ головы — Директора.

Кто же былъ назначенъ Директоромъ?

Мѣста этого просилъ у Графа Разумовскаго уже извѣстный ему, какъ опытный педагогъ, старшій изъ профессоровъ Лицея, преподававшій въ немъ русскій языкъ и словесность и латинскій языкъ, Николай Ѳеодоровичъ Кошанскій. Достойнѣйшаго директора и желать, и искать нечего было, по самому смыслу § 5 и 7 „Постановленія“ о Пансіонѣ. Природный Русскій, человекъ образованный и ученый, получившій образованіе и степень доктора философіи и свободныхъ наукъ въ Московскомъ Университетѣ, онъ долго преподавалъ въ разныхъ казенныхъ и частныхъ учебныхъ заведеніяхъ и былъ уже извѣстенъ своею литературною и ученою дѣятельностію, какъ переводчикъ и писатель.

Не смотря однако на все это, ни на то, что, по § 7 Постановленія о Пансіонѣ, „директоръ его избирается преимущественно изъ природныхъ Русскихъ или по крайней мѣрѣ изъ русскихъ подданныхъ“, Графъ Разумовскій избралъ въ директоры Пансіона — профессора нѣмецкихъ языка и словесности въ Лицеѣ и члена его конференціи, Гауеншильда.

Кто же былъ этотъ Гауеншильдъ? и почему Разумовскій предпочелъ его Кошанскому? —

Фридрихъ-Леопольдъ-Августъ де-Гауеншильдъ (de Haup-

schild *)), Нѣмецъ, уроженецъ Трансильваніи, Австрійскій подданный, по окончаніи курса наукъ въ *Германіи* (гдѣ—неизвѣстно), путешествовалъ, написалъ два сочиненія: „Alba Julia nebst Bemerkungen über das von Mathens von Hauenschild entdeckte römische Baad“ и „Ueber das Gesundbrunnen von Borssek und das Thal von Mehadia“, за которыя и былъ принятъ въ члены *Вѣнской академіи художествъ* и получилъ въ ней званіе „*Officier honoraire*“.—Въ это же время онъ былъ въ походахъ противъ непріятеля: въ 1797 году въ корпусѣ Вѣнскаго университета и въ 1805 году въ академической Гвардіи въ чинѣ поручика. Въ 1811 году онъ перевелъ сочиненіе тогдашняго Попечителя С. Петербургскаго учебнаго Округа, *Сергія Семеновича Уварова*: „*Ideen zu einer Asiatischen Akademie*“.—„Другихъ ученыхъ или литературныхъ трудовъ Гауеншильда“ — говоритъ г. Селезневъ — „неизвѣстно; между тѣмъ о немъ сохранилась, въ сужденіи современниковъ его, память какъ о человѣкѣ образованномъ, ученомъ и дѣятельномъ“.

Приведенныя здѣсь свѣдѣнія о Гауеншильдѣ заимствованы г. Селезневымъ изъ послужнаго списка Гауеншильда, имъ самимъ писаннаго по данной формѣ.—„Въ прошеніи Гауеншильда объ опредѣленіи его въ Лицей (при чемъ въ немъ принималъ особенное участіе *Сергій Семеновичъ Уваровъ*) и въ самомъ предписаніи по этому предмету Графа Разумовскаго, Гауеншильдъ именуется *Профессоромъ Вѣнской академіи*. Документовъ на это званіе его при дѣлахъ Лицея не находится, равно и не упоминается о нихъ“ („Очеркъ“ г. Се-

*) Такъ значится въ „Очеркѣ“ г. Селезнева, на стр. 102. Но значеніе частицы *de* непонятно: почему *de*, а не *von*? да и почему *de* или *von*?—На той же страницѣ, ниже, Гауеншильдъ названъ по Нѣмецки *фонемъ* и *Маттеемъ* (?)

лезнева стр. 102).—Къ этому необходимо еще прибавить, что Гауеншильдъ, бывъ опредѣленъ профессоромъ въ Лицей, не принявъ подданства Россіи и остался Австрійскимъ подданнымъ.

Внимательно сообразивъ всѣ эти officialныя свѣдѣнія о Гауеншильдѣ, не трудно прійти къ заключенію, что права его на образованность, ученость, заслуги ученыя, литературныя и военныя, на званіе Профессора въ Россіи, въ такомъ, новомъ, учебномъ заведеніи, какимъ былъ Царскосельскій Лицей, были довольно сомнительнаго свойства (частныя, не officialныя свѣдѣнія о Гауеншильдѣ будутъ приведены въ своемъ мѣстѣ ниже;—приведенныя же выше officialныя свѣдѣнія необходимо имѣть въ памяти и въ виду: они понадобятся позже).

Этотъ-то бывшій профессоръ *Вѣнской академіи*, а съ 19-го Октября 1811 года — профессоръ *Царскосельскаго Лицея*, первый изъ профессоровъ его тогда же образовалъ у себя небольшой приготовительный для Лицея пансіонъ, который и послужилъ основаніемъ *Благородному Лицейскому Пансіону* („Очеркъ“ г. Селезнева, стр. 103).—Это заслуживаетъ особеннаго вниманія. Тогда, какъ ни одинъ изъ *Русскихъ* профессоровъ Лицея и мысли не имѣлъ объ образованіи тотчасъ же приготовительнаго для Лицея пансіона, Трансильванскій Нѣмецъ, Австрійскій подданный и Вѣнскій профессоръ не только имѣлъ эту мысль, но и приводитъ ее въ исполненіе, безъ сомнѣнія—по особеннымъ: участію С. С. Уварова и расположенію и покровительству графа Разумовскаго.

Непостижимое дѣло!—великая ошибка!—Иначе нельзя называть назначеніе Гауеншильда директоромъ Пансіона и нарушеніе, въ пользу его; только-что утвержденного «Постановленія» объ этомъ заведеніи, на первомъ же шагѣ осуществ-

ленія прекрасной мысли объ учрежденіи его! Чѣмъ заслужилъ предпочтеніе Копанскому Гауеншильдъ—Австрійскій нѣмецъ и подданный, ничѣмъ особенно не снискавшій себѣ ни литературной, ни ученой, ни педагогической извѣстности? Официальные акты молчатъ о томъ, а частныхъ свѣдѣній не имѣется. Но не могло же не быть причины и притомъ довольно важной.—Должно полагать, что единственною причиною было — *личное* благорасположеніе къ Гауеншильду графа Разумовскаго и близкаго ему С. С. Уварова, вслѣдствіе чего, уже съ самаго открытія Лицея, Гауеншильду — *первому и единственному* изъ его профессоровъ—дозволено было учредить у себя домашній, частный, приготовительный для Лицея Пансіонъ. Если связать послѣдующее съ предъидущимъ, то съ большею или меньшею вѣроятностію можно, кажется, будетъ предположить, что дѣло объ учрежденіи Лицейскаго Пансіона было задумано, ведено и приведено въ исполненіе едва-ли не преимущественно по расчетамъ и внушенію Гауеншильда. Конечно, въ виду такого истинно-полезнаго учрежденія, внушеніе мысли о немъ было бы заслугой, если бы послѣдствія оправдали способность внушившаго эту мысль, къ наилучшему исполненію ея. Къ сожалѣнію, послѣдствія вовсе не оправдали этого, и ошибка Разумовскаго дорого стоила Пансіону.

Изъ официальныхъ свѣдѣній не видно, былъ-ли назначенъ Гауеншильду помощникъ и кто были самыя первыя должностныя лица въ Пансіонѣ (за исключеніемъ одного изъ первыхъ, по времени, гувернеровъ Пансіона, *Фотія Петровича Каланича*).—По § 40 Постановленія, гувернеровъ на первый разъ имѣло быть опредѣлено, по числу 100 воспитанниковъ (по 1 гувернеру на 15 воспитанниковъ), не болѣе 6 человекъ. Такъ какъ воспитанниковъ въ Пансіонѣ въ 1814 году было 99 («Очеркъ» Селезнева стр. 103) въ младшемъ и среднемъ

возрастахъ или курсахъ, то надъ ними необходимъ былъ надзоръ по крайней мѣрѣ 6-ти гувернеровъ. Вѣроятно столько и было опредѣлено ихъ.

Къ концу Января 1814 года, всѣ предварительныя распоряженія были кончены и все было готово къ открытію Пансіона: помѣщеніе, учебное и домашнее хозяйство, назначены: директоръ, гувернеры, преподаватели, должностныя лица, прислуга, принято 99 воспитанниковъ (въ томъ числѣ всѣ бывшіе уже съ 1811 года у Гауеншильда)—оставалось только совершить самое открытіе Пансіона...

И оно послѣдовало во *вторникъ 27 января 1814 года*. Въ присутствіи кого?—«Очеркъ» Г. Селезнева ничего о томъ не говоритъ, упоминая только, что при этомъ *Гауеншильдъ произнесъ рѣчь*.—Вмѣсто этого, несравненно интереснѣе было бы знать всѣ подробности открытія Пансіона и первоначальнаго его устройства и образованія, независимо отъ изложеннаго въ «Постановленіи». Но у Г. Селезнева ничего этого нѣтъ, и мы о томъ ничего неизвѣстно, и потому, дѣлать нечего, необходимо довольствоваться тѣми свѣдѣніями, какія имѣются.

II.

Первые два года Пансіона.

(1814 — 1815).

Ближайшія, непосредственныя заботы о приведеніи въ исполненіе мысли Графа Разумовскаго касательно учрежденія, открытія и первоначальнаго устройства Лицейскаго Пансіона, лежали на конференціи Лицея и предсѣдатель ея, первомъ

директоръ Лицея, *Василій Федоровичъ Малиновскій*. Это весьма естественно обуславливалось уже тою зависимою отъ директора, конференции и Правленія Лицея, въ которую Пансіонъ поставленъ былъ своимъ Постановленіемъ и которая была особенно нужна ему въ самое первое время послѣ его открытія и вслѣдствіе назначенія директоромъ его Гауеншильда, а не Копанскаго или кого-либо другаго изъ Русскихъ профессоровъ Лицея.

Но—съ этого-то именно, самаго перваго времени существованія Пансіона, его начинаютъ постигать какія-то зловѣщія невзгоды. Не прошло и двухъ полныхъ мѣсяцевъ со времени открытія его, какъ Малиновскій умеръ (23-го Марта 1814 года), послѣ непродолжительной болѣзни. Почти два года послѣ того, мѣсто директора Лицея оставалось незамѣненнымъ и должность эту попеременно исправляли разные лица: сначала (1½ мѣсяца)—Копанскій, какъ старшій изъ Профессоровъ Лицея. Но, по случаю тяжелой болѣзни его, управленіе Лицеємъ и Пансіономъ уже 8-го Мая 1814 г. было возложено на конференцію Лицея. Члены ея, занятые прямыми своими обязанностями — преподаваніемъ и проживая вдали отъ Лицея и Пансіона—въ Петербургѣ, не могли управлять ими и замѣнять собою директора, какъ бы слѣдовало, да кромѣ того и между самими членами конференціи произошли взаимныя неудовольствія и несогласія. Слѣдствіемъ всего этого было то, что въ обоихъ заведеніяхъ возникли безпорядки: гувернеры не исполняли своего дѣла, между воспитанниками обнаружилась распущенность, а хозяйственная часть, особливо въ Пансіонѣ, пришла въ безпорядокъ („Очеркъ“ Селезнева, стр. 47 и др.).

Нехорошо и прискорбно это было въ отношеніи и къ Лицею, и къ Пансіону. Чтобы помочь этому, Графъ Разумов-

скій, къ крайнему удивленію и сожалѣнію, къ первой ошибкѣ приложилъ новую: 13-го Сентября 1814 года онъ возложилъ исправленіе должности директора Лицея на—профессора Лицея и директора Пансіона Гауеншильда! И такъ, мало того, что онъ назначилъ его директоромъ Пансіона, но ему же ввѣрилъ и Лицей и возстановленіе въ обоихъ заведеніяхъ порядка!—Прискорбное одѣйвленіе, основанное неизвѣстно на чемъ!

Между тѣмъ, съ другой стороны, Графъ Разумовскій, основатель Пансіона, не переставалъ заботиться о немъ и благодѣтельствовать ему исправленіемъ и пополненіемъ того, что сначала было какъ-то упущено изъ виду. Принимая во вниманіе, что, по многочисленности предметовъ пансіонскаго курса, равно и отличному содержанію воспитанниковъ Пансіона, плата за содержаніе ихъ въ немъ была назначена значительно большая въ сравненіи съ тою, какая взималась нѣкоторыми содержателями частныхъ пансіоновъ,—и вмѣстѣ съ тѣмъ „желая привлечь къ учрежденію и тѣхъ родителей, которые недостаточно еще цѣнили выгоды истиннаго благороднаго воспитанія“, Графъ Разумовскій пришелъ къ мысли о необходимости предоставить и воспитанникамъ Пансіона особые права и преимущества. Кромѣ того, предложивъ, „для усовершенствованія воспитанія въ Лицеѣ, на будущее время принимать въ воспитанники его однихъ отличнѣйшихъ учениковъ Пансіона перваго возраста, къ тому-же извѣстныхъ уже начальству Лицея“, Графъ Разумовскій признавалъ, что, за ограниченнымъ числомъ этихъ воспитанниковъ (25), остальныхъ (125, составлявшихъ большую часть заведенія и въ теченіе 9 лѣтъ выслушивавшихъ тѣ же самыя науки, которыя преподавались и въ Лицеѣ) несправедливо было бы лишать преимуществъ и сравнивать съ тѣми молодыми людьми, „которые не могли получить столь отличнаго образованія въ частныхъ учили-

щахъ.“—Съ другой стороны онъ находилъ, что „приведеніе Пансіона въ соотвѣтствующее дѣли его благосостояніе встрѣчаетъ затрудненіе въ присканіи достойныхъ учителей, гувернеровъ и смотрителей, если не дать имъ, на равнѣ съ чиновниками прочихъ заведеній, преимущества числиться въ государственной службѣ.“—По всѣмъ этимъ причинамъ, Графъ Разумовскій испрашивалъ Высочайшаго повелѣнія: 1) „воспитанниковъ Пансіона, по окончаніи полного курса ученія, въ который входятъ военныя науки и *экзерсиціи*, принимать въ военную службу на основаніи Постановленія 3-го Іюля 1806 года, относительно университетскихъ студентовъ, въ военную службу вступающихъ, а въ статскую — съ чиномъ, соотвѣствующимъ XIV классу“, и 2) „чтобы служба всѣхъ учителей и прочихъ чиновниковъ, въ Пансіонѣ опредѣляемыхъ, считаемая была государственною службою.“

Всеподданнѣйшій докладъ объ этомъ Графа Разумовскаго былъ Высочайше утвержденъ 1-го Сентября 1814-го года и хранится въ Лицеѣ въ особомъ ковчегѣ. Это были *первыя* права и преимущества, дарованныя Пансіону („Очеркъ“ Селезнева, стр. 106—107).

Хвала и честь Графу Разумовскому за исходатайствованіе Пансіону этихъ Монаршихъ милостей! Хотя онѣ не составляли еще даже и половины тѣхъ, которыя были дарованы Лицею, но, въ сравненіи съ совершеннымъ отсутствіемъ всякихъ правъ и преимуществъ въ первомъ Постановленіи о Пансіонѣ, должны быть справедливо признаны и значительными и —справедливыми. Они давали уже Пансіону иной характеръ — не частнаго, но правительственнаго учебнаго заведенія, и при томъ уравненнаго съ университетами. И это уже очень много значило и должно было привлечь въ Пансіонъ и воспитанниковъ, и служащихъ, что дѣйствительно и случилось.

Въ 1814/15 учебномъ году, число воспитанниковъ хотя увеличилось только 2-мя (101), такъ какъ по „Постановленію“, оно въ первые 3 года не могло превосходить 100 человекъ, но число преподавателей и гувернеровъ увеличилось вновь поступившими, въ числѣ которыхъ были: *Петръ Егоровичъ Героіевскій* — гувернеръ, учитель и репетиторъ русскаго и латинскаго языковъ; *Василій Михайловичъ Архангельскій* — учитель и репетиторъ математики и физики и временно логики и географіи; *Богданъ Ивановичъ Вильмъ* — гувернеръ и учитель нѣмецкаго языка. О прочихъ свѣдѣній не имѣется.

Но, не смотря на увеличеніе числа гувернеровъ и учителей въ Пансіонѣ, въ 1815 году, какъ во 2-й разъ свидѣтельствуютъ дѣла Лицейскаго архива („Очеркъ“ Селезнева стр. 47), въ Лицеѣ и особенно въ Пансіонѣ вновь открылись и еще болѣе усилились безпорядки и неустройства, по воспитательной и особенно хозяйственной частямъ. Это было во время управленія Гауеншильда, съ 13 Сентября 1814 года, и Пансіономъ, и Лицеємъ совмѣстно.

Естественно возникаетъ вопросъ: почему же этотъ предпочтенный педагогъ не могъ прекратить безпорядковъ и неустройствъ, которыя напротивъ еще усилились? Видя это, самъ покровитель Гауеншильда, Графъ Разумовскій 9 Января 1816 года далъ конференціи Лицея предписаніе, чтобы, до имѣющаго вскорѣ послѣдовать опредѣленія директора Лицея, члены ея, проживающіе въ Царскомъ Селѣ, сверхъ директора Пансіона и смѣняя другъ друга, имѣли наблюденіе какъ надъ учебною и воспитательною частями, такъ и надъ хозяйственною, обращая особенное вниманіе на поведеніе воспитанниковъ и на установленный надъ ними надзоръ; о замѣченныхъ-же безпорядкахъ и неустройствахъ доносили бы конференціи, для представленія министру.—А два дня спустя, 11

Января—Гауеншильдъ былъ уволенъ отъ исправленія должности директора Лицея, по необходимости ему имѣть безпрерывный надзоръ въ Пансіонѣ, а на его мѣсто въ Лицеѣ былъ назначенъ надзиратель по учебной и нравственной частямъ, отставной Подполковникъ Фроловъ.

И такъ, два первые года (1814—1815) существованія Пансіона были ознаменованы, съ одной стороны—открытіемъ его и дарованіемъ ему первыхъ правъ и преимуществъ, а съ другой—беспорядками и неустройствами въ немъ, начавшимися въ 1814 и усилившимися въ 1815 году, т. е. въ тотъ несчастный для Пансіона, какъ и для Лицея, періодъ времени, когда, послѣ смерти Малиновскаго, оба заведенія находились подъ временнымъ управленіемъ конференціи Лицея и Гауеншильда. Въ послѣднемъ отношеніи, это были два тяжелые года для Пансіона.

III.

Назначеніе Энгельгардта и мѣры его по Пансіону.—? Постановленіе о Пансіонѣ.

1816-й годъ.

Это — чрезвычайно важный и замѣчательный въ исторіи Пансіона годъ. Если онъ и начался—какъ выше сказано—временными, палліативными мѣрами для возстановленія порядка въ Пансіонѣ, то вскорѣ (недѣли двѣ) послѣ того послѣдовала такая мѣра, которая вдругъ дала дѣлу крутой поворотъ къ лучшему. 22 Января 1816 года Графъ Разумовскій докладывалъ Государю объ избраніи въ Лицей директора—и Высочайшимъ указомъ 27 Января въ должность эту былъ назна-

наченъ директоръ Педагогическаго Института, Статскій Совѣтникъ Егоръ Антоновичъ Энгельгардтъ.

Это имя и это назначеніе производятъ совершенно противоположное впечатлѣніе, нежели имя Гауеншильда и назначеніе его директоромъ Пансіона. Энгельгардтъ сразу сдѣлался истиннымъ благодѣтелемъ Пансіона, который за это былъ обязанъ ему справедливою признательностью. Но прежде необходимо сказать нѣсколько словъ о самомъ Энгельгардтѣ и его правахъ на званіе директора Лицея.—

Уроженецъ Лифляндіи, сынъ директора Генеральной Экономіи, Энгельгардтъ получилъ хорошія воспитаніе домашнее и образованіе въ частномъ пансіонѣ.—Послѣднее онъ дополнилъ и усовершенствовалъ въ послѣдствіи собственными трудами. Начавъ службу свою въ 1793 г. Лейбъ-Гвардіи въ Преображенскомъ полку сержантомъ, а въ 1795 г. переведенный въ армію капитаномъ, въ 1796 г. онъ перешелъ въ гражданскую службу—въ коллегію иностранныхъ дѣлъ, въ канцелярію вице-канцлера Князя Куракина, обратилъ на себя его вниманіе, приобрѣлъ его расположеніе и довѣріе, и въ 17 лѣтъ (1797—1814) получилъ чины до статскаго совѣтника включительно. Въ 1799 году онъ былъ назначенъ Секретаремъ Мальтійскаго Ордена, а вслѣдъ за тѣмъ и Секретаремъ самаго Великаго Магистра этого Ордена, Императора Павла I. Послѣдняя должность сдѣлала его извѣстнымъ Наслѣднику Престола Великому Князю Александру Павловичу, послѣ коронаціи котораго онъ былъ назначенъ помощникомъ Статсъ-Секретаря въ Государственномъ совѣтѣ (1801), откуда, по особенной склонности къ занятіямъ по воспитательной части, въ 1811 году перешелъ въ Педагогическій Институтъ, въ которомъ подъ конецъ былъ директоромъ («Очеркъ», Селезнева стр. 48—50).—Такимъ образомъ Энгельгардтъ, и по происхожденію, и по

воспитанію, и по образованію своимъ, и по предъидущей службѣ, изъ которой послѣдніе 4 года были посвящены педагогическому дѣлу, и по личнымъ, умственнымъ и нравственнымъ качествамъ своимъ, имѣлъ всѣ права на званіе директора Лицея, и назначеніе его въ эту должность — *послѣдняя* въ отношеніи къ Лицею мѣра Графа Разумовскаго (ибо съ 1816 года Министерствомъ народного просвѣщенія сталъ уже управлять Князь Александръ Николаевичъ Голицынъ) — было великою заслугою, оказанною Разумовскимъ какъ Лицею, такъ и его Пансіону. Особенное расположеніе Энгельгардта къ педагогическимъ и опытнымъ, приобретенная имъ въ Педагогическомъ Институтѣ, послужили въ большую пользу и Лицею, и Пансіону. Уже въ самые первые мѣсяцы по назначеніи своемъ, войдя въ подробности хозяйственной части обоихъ заведеній, Энгельгардтъ нашелъ въ ней безпорядки, а по Пансіону — и весьма большіе, касательно бѣлья, платья, постелей, чистоты и опрятности комнатъ. Приписывая это, сколько личности чиновника, на которомъ лежало попеченіе о томъ, столько и недостатку сосредоточенности въ хозяйственномъ управленіи, Энгельгардтъ представилъ Министру проектъ нѣкоторыхъ измѣненій въ уставахъ Лицея и Пансіона, а именно: *объ уничтоженіи хозяйственного комитета Пансіона съ упраздненіемъ должности смотрителя по хозяйственной части и съ замѣною его экономомъ; — объ учрежденіи въ Пансіонѣ, какъ и въ Лицеѣ, должности инспектора, какъ помощника директора, по воспитательной и хозяйственной частямъ.* — Сверхъ того, усматривая за Пансіономъ долгъ и доказывая неизбѣжность денежнымъ оборотамъ его прійти въ самое критическое положеніе, если-бы продлилось тогдашнее положеніе дѣлъ его, Энгельгардтъ испросилъ ему денежное пособіе въ 100 т. руб. и, вмѣстѣ съ тѣмъ, представилъ проектъ построекъ, перест-

роекъ, устройства классовъ, заботился объ умственномъ, нравственномъ и физическомъ благосостояніи воспитанниковъ и объ улучшеніи матеріальнаго состоянія гувернеровъ. — («Очеркъ» Селезнева стр. 50—51 и 160). — Въ отчетѣ о состояніи Пансіона по Августъ мѣсяцъ 1817 года, напечатанномъ въ этомъ же 1817 году особо и въ Сынѣ Отечества, ч. 41, № LI (VI Приложение къ стр. 35 «Очерка» Селезнева), сказано объ этомъ подробнѣе слѣдующее: «Уже въ прошломъ (1816 году) Государь Императоръ соблаговолилъ, Всемилостивѣйшимъ назначеніемъ значительнаго пособія, даровать сему заведенію (Пансіону) средства на заплату долговъ и вообще на поправленіе состоянія онаго: сто тысячъ рублей (изъ суммы, которая собиралась съ частныхъ содержателей пансіоновъ) обращены безвозвратно въ кассу Пансіона. Потомъ обращены въ сѣю кассу и остальные 48.693 рубля изъ означенной суммы, съ тѣмъ, чтобы Пансіонъ содержалъ навсегда безъ платы 13 воспитанниковъ, опредѣляемыхъ Министромъ народного просвѣщенія, по Высочайшему Его Императорскаго Величества назначенію. Сверхъ того пожалованъ Пансіону во вѣдѣнію собственность каменный домъ *) и большое пустопорожнее мѣсто **) для разведенія въ ономъ сада.» —

Всѣ эти милости исходатайствовали Пансіону Энгельгардтъ въ первомъ же году по назначеніи своемъ, не ограничась однако этимъ: ибо въ концѣ того же года, по его ходатайству, слѣдовала еще большая милость Пансіону.

Энгельгардтъ, безъ сомнѣнія вскорѣ убѣдился въ недостаточности перваго „Постановленія“ о Пансіонѣ и дополненія къ нему 1-го Сентября 1814-го года, заключавшейся: 1) въ нѣ-

*) Въ которомъ онъ былъ помещенъ.

**) Позади этого дома.

которыхъ несовершенствахъ и неудобствахъ внутренняго раздѣленія и устройства Пансіона; — 2) въ неопредѣленности правилъ перевода воспитанниковъ Пансіона въ Лицей; — и 3) въ недостаточности правъ и преимуществъ служившихъ и воспитывавшихся въ Пансіонѣ. — Въ слѣдствіе представленія его о томъ исправляющему должность министра народнаго просвѣщенія Князю Голицыну, 16-го Декабря 1816-го года послѣдовалъ Высочайшій Указъ Сенату, которымъ окончательно опредѣлены права и преимущества служившихъ и воспитывавшихся въ Пансіонѣ; — вмѣстѣ съ тѣмъ утверждено *второе*, измѣненное дополненіе „Постановленія“ о Пансіонѣ, тогда же распубликованное на русскомъ и *нѣмецкомъ* (?) языкахъ. Указъ и Постановленіе эти такъ важны и замѣчательны, что ихъ необходимо разсмотрѣть подробно.

Высочайшій Указъ Сенату былъ слѣдующаго содержанія:

„По представленію исправляющаго должность Министра Просвѣщенія, Князя Голицына, признали Мы за благо присвоить Царскосельскому Благородному Пансіону слѣдующія преимущества:

„1. Всѣ чиновники, при Благородномъ Пансіонѣ находящіеся, считаются въ дѣйствительной государственной службѣ и потому пользуются преимуществами, съ нею сопряженными.

„2. Директоръ Пансіона состоитъ въ 7-мъ, а Инспекторъ въ 8-мъ классѣ, если выше чина не имѣютъ. Учителя наукъ и надзиратели равняются въ преимуществахъ съ старшими учителями Гимназій, т. е. состоятъ въ 9-мъ классѣ, и на законномъ основаніи производятся въ высшіе чины. Сими преимуществомъ пользуются они во время служенія ихъ въ Пансіонѣ, равно какъ и тогда, когда, прослужа въ ономъ не менѣе 4 лѣтъ, пожелаютъ выйти изъ оного.

„3. Чиновники, не служащіе въ Лицеѣ, но отправляющіе должность въ одномъ только Благородномъ Пансіонѣ, по выслугѣ узаконенныхъ лѣтъ, получаютъ пенсіи на общемъ положеніи Университетовъ. Сумма же для сего составляется изъ одного процента со всего прихода Благороднаго Пансіона.

„4. Воспитанники Благороднаго Пансіона имѣютъ исключительное право поступать въ Царскосельскій Лицей, куда чрезъ каждые три года избираются 25 человекъ изъ самыхъ лучшихъ воспитанниковъ.

„5. Воспитанники, совершившіе полный курсъ ученія и получившіе аттестатъ, какъ въ отличномъ поведеніи, такъ и въ томъ, что они при окончательномъ строгомъ экзаменѣ оказали успѣхи равные съ воспитанниками старшаго курса Царскосельскаго Лицея, поступаютъ въ службу съ чинами по успѣхамъ, въ Гражданскую отъ 14-го до 10-го класса, а въ военную на таковомъ же положеніи, какъ и воспитанники Пажескаго Корпуса.

„6. Чиновники, при Благородномъ Пансіонѣ находящіеся, носятъ мундиръ Царскосельскаго Лицея, съ синими обшлагами, съ раздѣленіемъ по общему положенію *).

Вновь утвержденное же второе „Постановленіе“ о Благородномъ Пансіонѣ, въ сущности, заключалось въ слѣдующемъ: **)

Общая положенія.

§ 1-й измѣненъ такъ: „Благородный Пансіонъ, учрежденный при Императорскомъ Царскосельскомъ Лицеѣ, доставляетъ

*) Полное собр. законовъ Т. XXXIII, 1815—1816, стр. 1123.
См. Приложение III.

дворянству Россійской Имперіи новый, надежный способ воспитанія его дѣтей приличнымъ и ихъ будущему назначенію соответствующимъ образомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ служитъ разсадникомъ Императорскому Лицею, который каждые три года принимаетъ въ число своихъ воспитанниковъ 25-ть отличѣйшихъ поведеніемъ и познаніями своими воспитанниковъ Пансіона“.

Благородный Пансіонъ состоитъ подъ особеннымъ покровительствомъ и непосредственнымъ управленіемъ министра народнаго просвѣщенія (§ 2).

Главное заведѣваніе хозяйственною частію Благороднаго Пансіона принадлежитъ Правленію Лицея, а учебною и воспитательною частями—конференціи его (§ 3).

Непосредственное наблюденіе за внутреннимъ порядкомъ и благосостояніемъ заведенія поручается лицу, носящему званіе Директора. Въ этомъ званіи онъ состоитъ членомъ конференціи и Правленія Лицея, которымъ чрезъ него представляются всѣ отчеты и дѣла (§ 4).

Директоръ Благороднаго Пансіона долженъ быть человѣкъ испытанныхъ: честности, нравственности, усердія къ своему дѣлу и многосторонняго, ученаго образованія. Онъ долженъ имѣть практическое знаніе иностранныхъ языковъ, особенно же зрѣлую онытность собственно въ дѣлѣ воспитанія (§ 5).

Помощникомъ Директора состоитъ Инспекторъ, который вмѣстѣ съ нимъ имѣетъ непосредственный надзоръ за всѣмъ тѣмъ, что касается успѣховъ, поведенія и здоровья воспитанниковъ и вообще нравственнаго и матеріальнаго порядка заведенія. Въ случаѣ отсутствія или болѣзни директора, онъ заступаетъ его мѣсто (§ 6).

Директоръ и Инспекторъ назначаются непосредственно самимъ министромъ народнаго просвѣщенія. Они могутъ быть

избираемы только изъ природныхъ русскихъ или изъ русскихъ подданныхъ; однако требуется, чтобы они, кромѣ русскаго языка, свободно говорили на одномъ изъ иностранныхъ. — Директоръ можетъ быть избираемъ изъ профессоровъ Лицея (§ 7).

Преподаваніе въ Благородномъ Пансіонѣ производится профессорами, адъюнктами и учителями Лицея, если же, по недостатку времени у нихъ, это не всѣмъ имъ возможно, то преподавателями въ Пансіонѣ назначаются постороннія, достойныя того лица (§ 8).

Собственно для воспитанія и надзора за нравственностію и поведеніемъ воспитанниковъ, опредѣляется потребное число надзирателей, равно какъ для заведѣванія хозяйствомъ—экономъ съ помощникомъ и нужнымъ числомъ прислуги (§ 9).

Попеченіе о больныхъ поручается особенно при Пансіонѣ состоящему врачу съ помощникомъ. Сверхъ пользованія больныхъ, врачъ обязанъ заботиться о всемъ томъ, что можетъ имѣть вліяніе на здоровье воспитанниковъ (§ 10).

Число воспитанниковъ Благороднаго Пансіона опредѣлено въ 120-ть человѣкъ. Всѣ суммы, потребныя для ихъ содержанія, на жалованье профессорамъ, учителямъ, надзирателямъ, служащимъ и вообще для содержанія дома, образуются изъ денегъ, вносимыхъ за воспитанниковъ (§ 11).

Сверхъ этихъ 120 воспитанниковъ, Благородный Пансіонъ содержитъ еще нѣкоторое число оныхъ на счетъ процентовъ съ капитала, Высочайше пожалованнаго заведенію. Эти воспитанники избираются преимущественно изъ сиротъ сыновей заслуженныхъ лицъ военнаго вѣдомства, неимѣющихъ средствъ дать имъ воспитаніе (§ 12).

По воспитательной части въ 19-ти §§-хъ (13—31), цѣль, средства и правила главнаго предмета заботливости директора, инспектора и надзирателей—воспитанія порученныхъ

имъ воспитанниковъ, изложены весьма подробно, съ полнымъ знаніемъ дѣла и горячею любовію къ нему. Въ нихъ представлены, конечно, *идеалы* какъ воспитанія, такъ и воспитателей, къ которымъ заведеніе должно постоянно стремиться. Въ § 14-мъ сказано, что исполненіе этихъ важныхъ и священныхъ обязанностей довѣряется только такимъ людямъ, на добросовѣстность и неутомимое усердіе которыхъ къ исполненію этого труднаго, но похвальнаго дѣла, можно вполне положиться.—Въ § 15-мъ говорится, что по теперешнему числу воспитанниковъ (въ 18^{66/67} году ихъ было уже 148 человекъ) въ Пансіонѣ опредѣлены 9-ть надзирателей или воспитателей (гувернеровъ), изъ коихъ одинъ исключительно при больныхъ въ больницѣ.—Въ числѣ ихъ должны быть 2 нѣмца и 2 француза, а впоследствии должны быть знающіе англійскій и итальянскій языки (§ 16).—Каждому надзирателю особенно поручаются 15 воспитанниковъ (§ 21).—Обязанности надзирателей вообще изложены очень подробно (§§ 17—24).—Надзиратели, инспекторъ и, если время ему позволяетъ, директоръ собираются каждую недѣлю разъ для обсужденія поведенія воспитанниковъ (§ 25).—Въ § 26 изложены всѣ правила религіознаго воспитанія.—Въ § 27—31 говорится о прислугѣ и ея обязанностяхъ.

Учебная часть (§§ 32—58). Воспитанники Пансіона раздѣляются на 6-ть классовъ, изъ коихъ I — низшій, а VI — высшій. Учебный курсъ въ каждомъ классѣ продолжается одинъ годъ и, начинаясь въ I, низшемъ классѣ первоначальными познаніями, въ V и VI классахъ оканчивается высшими науками и равняется курсу старшаго возраста Лицея (§§ 32—33).

Учебные предметы въ 6-ти классахъ распределены слѣдующимъ образомъ (§ 34):

Въ низшихъ классахъ.

I.

1. Всеобщее христіанское и нравственное изложеніе катехизиса.
2. Русское, нѣмецкое и французское чтеніе; упражненіе въ разговорахъ, особенно на двухъ послѣднихъ языкахъ.
3. Чистописаніе.
4. Начальныя основанія счисленія. съ примѣненіемъ методы Песталоцци къ русскимъ счетамъ.
5. Начальныя основанія топографіи.
6. Начальныя основанія рисованія по методу Песталоцци.

II.

1. Законъ Божій и библейская исторія.
2. Начальныя основанія русской грамматики.
3. Тоже латинской грамматики.
4. Нѣмецкій . . . { языки, практически, безъ теорій грамматики; чтеніе и переводъ съ одного языка
5. Французскій . . . { на другой, дабы особенно усвоить воспитанникамъ значительный запасъ словъ.
6. Практическое счисленіе и начало теоріи ариметики.
7. Всеобщая географія.
8. Начальныя основанія всеобщей исторіи.
9. Чистописаніе.
10. Рисованіе.
11. Танцованіе.
12. Пѣніе.

III.

1. Законъ Божій, библейская исторія, чтеніе Новаго Завѣта.
2. Русскій языкъ, продолженіе грамматики и практическое примѣненіе ея.
3. Латинскій языкъ — тоже.

языки : грамматика, съ исключеніемъ
всѣхъ общихъ опредѣленій, уже извѣст-
ныхъ изъ русской и латинской грамма-
тики; преподаватель ссылается на нихъ
и пополняетъ только тамъ, гдѣ одинъ
языкъ отличается отъ другаго.

4. Нѣмецкій . . .
5. Французскій . . .
6. Исторія древнихъ временъ и обзоръ русской.
7. Ариѳметика, геометрія, алгебра.
8. Начальныя основанія физики.
9. Всеобщая и математическая географія.
10. Чистописаніе.
11. Рисованіе.
12. Вольтижированіе.
13. Танцованіе.
14. Пѣніе.
15. Плаваніе.

Въ старшихъ классахъ.

IV.

1. Законъ Божій, чтеніе Новаго Завѣта.
2. Наука о нравственности (нѣка), логика, психологія.
3. Всеобщая теорія словесности, правила и характеристика различныхъ родовъ прозы и стихотвореній. Этотъ общій ре-

торическій курсъ преподается на русскомъ языкѣ, для всѣхъ прочихъ языковъ.

4. Русская . . .
5. Латинская . . .
6. Нѣмецкая . . .
7. Французская . . .
8. Всеобщая и русская географія.
9. Всеобщая исторія среднихъ вѣковъ; русская исторія.
10. Чистая математика.
11. Физика и главныя основанія химіи.
12. Введеніе въ естественное право, частное и общее право.
13. Рисованіе отъ руки и эскисы.
14. Фехтованіе.
15. Вольтижированіе.
16. Танцованіе.
17. Пѣніе.
18. Плаваніе.

V.

- 1) Продолженіе Закона Божія; изложеніе важнѣйшихъ эпохъ Церковной исторіи.
- 2) Политическая экономія, съ особеннымъ примѣненіемъ къ Россіи.
- 3) Окончаніе нравственныхъ наукъ.
- 4) Русское гражданское и уголовное право.
- 5) Окончаніе русской исторіи. Всеобщая исторія трехъ послѣднихъ столѣтій, въ особенномъ отношеніи къ политикѣ, торговлѣ и колоніямъ европейскихъ державъ.
- 6) Прикладная математика, особенно механика.
- 7) Физика и обзорныя системы химіи.

- 8) Общее обозрѣніе естественной исторіи.
- 9) Русская словесность.
- 10) Нѣмецкая: характеристическое обозрѣніе оной и лучшихъ писателей ея.
- 11) Французская . . .
- 12) Латинская . . . } то же.
- 13) Рисованіе отъ руки и архитектурные чертежи.
- 14) Фехтованіе.
- 15) Танцованіе.
- 16) Верховая ѣзда.
- 17) Плаваніе.

VI.

- 1) Продолженіе Закона Божія, чтеніе Ветхаго и Новаго Завѣта.
- 2) Окончаніе юридическаго курса и практическія упражненія въ немъ.
- 3) Наука о финансахъ и обозрѣніе коммерческихъ наукъ.
- 4) Военныя науки: артиллерія, фортификація, черченіе плановъ и т. д. (для готовящихся къ военной службѣ).
- 5) Практическія упражненія въ различныхъ сочиненіяхъ на русскомъ языкѣ, въ особенномъ отношеніи къ будущимъ служебнымъ обязанностямъ воспитанниковъ.
- 6) Окончаніе обозрѣнія нѣмецкой словесности; практическія упражненія въ этомъ языкѣ.
- 7) Французская словесность, то же.
- 8) Всеобщій характеристическій обзоръ древней словесности.
- 9) Рисованіе.
- 10) Фехтованіе.
- 11) Верховая ѣзда.

12) Плаваніе.

Вслѣдствіе этого распредѣленія, IV-й классъ равняется 1-й половинѣ старшаго курса Лицея, а V и VI классы—2-й половинѣ его (§ 35).

Главные основанія учебной методы въ Благородномъ Пансіонѣ имѣли согласоваться съ тѣми, которыя заключались въ учебныхъ методахъ Веттурини, Базедова, Кампе, Песталотци, Фелленберга и другихъ извѣстныхъ практическихъ педагоговъ. Эти главные основанія изложены какъ вообще, такъ и въ отношеніи къ преподаванію языковъ, географіи, исторіи, математики, правъ, психологіи, логики и изящныхъ искусствъ (§§ 36—49).

Вообще учителя и надзиратели имѣютъ постоянно въ виду главную цѣль заведенія — образованъ полезныхъ гражданъ, которые умѣли бы свои познанія практически примѣнять съ пользою для своего отечества (§ 50).

Затѣмъ изложены правила отчетовъ объ успѣхахъ воспитанниковъ, частныхъ, общихъ и окончательныхъ экзаменовъ, ежемѣсячныхъ аттестаций воспитанниковъ и размѣщенія ихъ въ классахъ и за столомъ по ихъ успѣхамъ и поведенію, снабженія ихъ книгами и учебными припасами, а также касательно чтенія ими книгъ, изученія музыки и пр. и наконецъ годовыхъ публичныхъ отчетовъ о содержаніи Пансіона и всѣхъ перемѣнъ въ немъ (§ 51—58).

Хозяйственная часть. Обыкновенный пріемъ воспитанниковъ въ Благородный Пансіонъ происходитъ въ Іюль, а учебный курсъ начинается 1-го Августа. Въ I-й классъ воспитанники могутъ быть принимаемы до Декабря включительно, а дѣти родителей, живущихъ далеко отъ Петербурга — и во всякое время; но деньги уплачиваются всегда съ 1-го Января, или 1-го Іюля (§ 59—60).

Желательно, чтобы въ Благородный Пансіонъ поступали дѣти не моложе 8-ми и не старше 10 или 12-ти лѣтъ, для того, чтобы совершать весь курсъ ученія и воспитанія отъ начала до конца.—Впрочемъ, при отличныхъ способностяхъ и познаніяхъ, могутъ быть принимаемы и въ классы выше 11-го, воспитанники старше 12-ти лѣтъ, но не иначе, какъ по экзамену и съ разрѣшенія Министра народнаго просвѣщенія (§ 61).

Родители или родственники, желающіе опредѣлить дѣтей въ Благородный Пансіонъ, должны представлять прошенія по формѣ въ Правленіе Лицея, съ приложеніемъ всѣхъ нужныхъ документовъ (§ 62).

За воспитаніе, ученіе и полное содержаніе въ Благородномъ Пансіонѣ платится ежегодно 1500 руб. ассигн., за годъ или полгода впередъ, въ Декабрѣ къ 1-му Января, или въ Іюнѣ къ 1-му Іюля (§ 63).

Затѣмъ изложены подробно предметы и образъ содержанія воспитанниковъ, столомъ, бѣльемъ, одеждой и т. д. Пища состоитъ изъ чая и свѣжаго бѣлаго хлѣба утромъ и вечеромъ, и изъ трехъ блюдъ за обѣдомъ и двухъ за ужиномъ, а въ воскресные и праздничные дни — изъ одного лишняго блюда. Къ этому прибавлены обязанности эконома и врача въ отношеніи къ пищѣ, — правила касательно спаленъ, классовъ и рекреационныхъ залъ, теплоты и чистоты воздуха въ нихъ. Въ спальняхъ кровати отдѣлены одна отъ другой легкими перегородками, не препятствующими свободному обращенію воздуха и надзору.—Классныхъ комнатъ имѣется 6, а рекреационныхъ залъ 5. Въ спальняхъ съ 10 ч. вечера горятъ ночники и дежурить двое дядекъ; при каждой кровати находится небольшой шкафъ съ полками и ящиками, для сбереженія бѣлья, одежды и вещей воспитанниковъ въ порядкѣ.

Бѣлье перемѣняется: столовое—два раза, постельное — одинъ разъ и носильное — два, а лѣтомъ и три раза въ недѣлю. Каждую недѣлю воспитанники ходятъ въ баню, устроенную на дворѣ Пансіона, а лѣтомъ въ теплое время купаются. (§§ 64—72).

Время ежедневно распределено слѣдующимъ образомъ: въ 6-ть часовъ утра воспитанники встаютъ, умываются, одѣваются, собираются по-классно къ утренней молитвѣ и идутъ въ столовую къ утреннему чаю. Отъ 7 до 9 ч. классы. Отъ 9 до 10 ч. рекреація. Отъ 10 до 12 ч. классы. Въ 12 ч. обѣдъ и послѣ него до 2 ч. рекреація, движеніе или прогулка на воздухѣ, либо зимой или въ дурную погоду въ залахъ. Отъ 2 до 5 ч. классы. Въ 5 ч. вечерній чай и рекреація. Отъ 6 до 8½ ч. приготовленіе къ классамъ другаго дня. Въ 8½ час. ужинъ и рекреація. Въ 9½ ч. вечерняя молитва, въ 10 ч. воспитанники ложатся спать (§ 73).

Для пользованія больныхъ воспитанниковъ имѣются въ отдѣльныхъ помѣщеніяхъ особыя комнаты для общихъ болѣзней и особыя для приличивыхъ, врачъ, помощникъ его, особый надзиратель и прислуга (§ 74).

Хозяйственная часть Благороднаго Пансіона ввѣряется эконому, имѣющему попеченіе о всемъ, касающемся стола, бѣлья, прислуги, отопленія, освѣщенія и чистоты въ домѣ. Подъ его начальствомъ и надзоромъ состоитъ вся прислуга.—Всѣ контракты на поставки передаются ему и онъ наблюдаетъ за точнымъ исполненіемъ ихъ. Онъ докладываетъ о всемъ директору, который сообщаетъ ему опредѣленія хозяйственнаго Правленія Лицея. Онъ получаетъ приходорасходную пинуровую книгу, ведетъ инвентарь или опись всего имущества. Помощникъ его содѣйствуетъ ему въ исполненіи всѣхъ этихъ обязанностей его. Правленіе Лицея выдаетъ эконому ежемѣсячно

на текущие расходы, жалованье прислугѣ, мелкія издержки и т. д. деньги, въ которыхъ онъ ежемѣсячно же представляетъ чрезъ директора отчетъ (§§ 75—76).

Затѣмъ, всѣ значительныя уплаты по контрактамъ, годовыя, мѣсячныя и другія единовременныя, производятся Правленіемъ Лицея (§ 77).—Всѣ поступающія въ Благородный Пансіонъ и принадлежащія ему суммы хранятся въ Правленіи Лицея, которое представляетъ отчетъ въ нихъ Министру народнаго просвѣщенія (§ 78).—Со всѣхъ поступающихъ суммъ Правленіе Лицея отчисляетъ 1% въ кредитныя учрежденія для образованія пенсіоннаго капитала, изъ котораго производится пожизненные пенсіи надзирателямъ, учителямъ и чиновникамъ Благороднаго Пансіона (§ 79).—Управление Благороднаго Пансіона въ хозяйственномъ отношеніи будетъ всегда имѣть единственною и главною цѣлюю выгоды и пользу своихъ юныхъ соотечественниковъ и потому бережливость его будетъ направлена не къ тому, чтобы дѣлать сбереженія и собирать капиталы, но къ тому, чтобы всѣ поступающія суммы съ надлежащею бережливостію удовлетворяли наиболѣе и наилучше всѣмъ потребностямъ воспитанниковъ и чтобы всѣ остатки употреблялись снова на улучшение заведенія (§ 80 и послѣдній).

Такъ какъ это 2-е Постановленіе оставалось въ силѣ и дѣйствіи до самаго упраздненія Благороднаго Пансіона, то, независимо отъ приложенія его къ этой статьѣ въ подлинникѣ, я счелъ нужнымъ привести здѣсь нѣсколько обстоятельное извлеченіе изъ него, необходимое, какъ для сличенія его съ 1-мъ Постановленіемъ, такъ и для ближайшаго ознакомленія съ внутреннимъ устройствомъ Благороднаго Пансіона.

Изъ сличенія его 1-мъ Постановленіемъ можно вообще сдѣлать слѣдующіе выводы:

Имѣя одни и тѣже прекрасныя основанія, цѣль и средства къ достиженію ея, 1-е уступаетъ 2-му, а это превосходитъ первое въ подробностяхъ и самой редакціи, во всѣхъ отношеніяхъ: воспитательномъ, учебномъ и хозяйственномъ.

Въ воспитательномъ оно основано на правилахъ лучшей современной педагогіи и въ теоріи устремлено къ наилучшему воспитанію согласно съ этими правилами, и въ этомъ отношеніи можно сказать, что въ немъ все предусмотрено, ничто не упущено и видны знаніе дѣла и прекрасныя намѣренія опытнаго педагога.—Въ учебномъ отношеніи курсъ, раздѣленный на 6 классовъ и лѣтъ, разумнѣе и справедливѣе примѣненъ и къ правиламъ педагогіи вообще, и къ взаимнымъ отношеніямъ между Лицеємъ и Пансіономъ. Ученіе, начинаясь съ самыхъ первоначальныхъ познаній, постепенно и правильно восходитъ до самыхъ высшихъ учебныхъ предметовъ и образованія, равняющихся лицейскимъ и университетскимъ.—Наконецъ, въ хозяйственномъ отношеніи приняты всѣ мѣры, съ одной стороны—для упрощенія, а съ другой, вмѣстѣ съ тѣмъ—для всевозмѣжно правильнаго и лучшаго веденія хозяйства заведенія, отклоненія неустойчивъ и безпорядковъ въ немъ и болѣе сосредоточеннаго и правильнаго подчиненія его, чрезъ директора Благороднаго Пансіона, хозяйственному Правленію Лицея, предѣлтелю его, директору сего послѣдняго, и въ высшей инстанціи—Министру народнаго просвѣщенія.—Во всѣхъ трехъ отношеніяхъ вообще, Благородный Пансіонъ поставленъ на широкую ногу и надѣленъ богатыми средствами, которыя, вмѣстѣ съ дарованными ему правами и преимуществами, ставятъ его какъ одно цѣльное, низшее и высшее, правительственно-учебное заведеніе, служащее постоян-

нимъ и надежнымъ разсадникомъ Лицею и, вмѣстѣ съ тѣмъ, подобно сему послѣднему, доставляющее русскому дворянству прекрасное средство давать своимъ дѣтямъ отличнаго воспитаніе и образованіе, и важныя права и преимущества по службѣ гражданской и военной. Тѣсно связанное во всемъ съ Лицеємъ, составляя съ нимъ какъ бы одно цѣлое, оно, вмѣстѣ съ тѣмъ, не лишено было и самостоятельности въ томъ отношеніи, что само довершало курсъ воспитанія и высшаго образованія, и выпускало своихъ воспитанниковъ на государственную службу, за исключеніемъ 9 класса, съ тѣми же правами и преимуществами, что и Лицей, но не черезъ 3 года, а ежегодно.

Важнѣйшія измѣненія 2-го Постановленія, противъ 1-го, заключались по порядку въ слѣдующемъ:

1. Назначеніе *Инспектора*, въ качествѣ помощника директору по всѣмъ частямъ.

2. Назначеніе *Эконома*, для ближайшаго заведыванія хозяйственной частію.

3. Назначеніе 120-ти штатныхъ и нѣсколькихъ сверхъ-штатныхъ, неплатящихъ воспитанниковъ, слѣдовательно по числу 6 классовъ, среднимъ числомъ нѣсколько болѣе 20 въ классъ—число, соответствующее правиламъ педагогій. (Впрочемъ, число это, какъ увидимъ, уже въ этомъ и слѣдующихъ годахъ было гораздо значительнѣе, никогда не превосходя однако 30-ти въ классъ).

4. Еще болѣе строгія, нежели въ 1-мъ Постановленіи, требованія нравственныхъ качествъ и образованности отъ директора, инспектора и надзирателей или воспитателей, равно соблюденія и исполненія ими всѣхъ своихъ обязанностей.

5. Раздѣленіе воспитанниковъ и курса воспитанія и ученія, вмѣсто трехъ возрастовъ, по 3 года въ каждомъ, на 6 клас-

совъ, по году въ каждомъ, и болѣе нормальное и правильное распредѣленіе по классамъ и годамъ, учебныхъ предметовъ, отъ низшихъ до высшихъ включительно.

6. Значительное усиленіе и лучшая система учебнаго курса, достигающаго до уровня высшаго университетскаго образованія (хотя, естественно, и не въ такихъ размѣрахъ и объемѣ), одинаково съ Лицеємъ.

7. Обстоятельное указаніе цѣли, методовъ, средствъ и способовъ преподаванія различныхъ учебныхъ предметовъ, согласно съ правилами лучшей, современной педагогій.

8. Назначеніе за воспитаніе и содержаніе, вмѣсто 1000 руб. ассигн. (по теперешнему 286 р. сер.), 1500 руб. ассигн. (430 руб. с.) ежегодно, что съ 120 воспитанниковъ (minimum) составляло 180 т. р. асс. minimum же; дѣйствительно же было болѣе—до 260 т. рублей.

9. Назначеніе за эти деньги весьма хорошаго содержанія бѣльемъ, одеждой, столомъ и проч., а также помѣщеніемъ, отопленіемъ, освѣщеніемъ и т. д.

10. Разумное распредѣленіе времени учебныхъ занятій, рекреаций, утренняя и вечерняя чай, обѣда, ужина и сна.

И, наконецъ, 11 тщательныя мѣры касательно сохраненія здоровья воспитанниковъ, врачебнаго пользованія больныхъ изъ нихъ и вообще веденія всего хозяйства заведенія.

И всѣмъ этимъ Благородный Пансіонъ былъ наиболѣе и ближе всего обязанъ, безъ сомнѣнія, новому директору Лицея, Ангельгардту, въ самый 1 годъ его назначенія.— „Обладая въ высшей степени качествами организатора, онъ далъ всему надлежащій порядокъ, исходатайствовалъ и Лицею новыя средства къ дальнѣйшему его процвѣтанію, преобразовалъ и Пансіонъ, соединивъ въ немъ, какъ бы, такъ сказать, два заведенія“ (т. е. низшее—разсадникъ Лицея, и высшее—для

окончания полного курса). — Справедливо сказать, что Царско-сельскій Благородный Пансіонъ *одолженъ своимъ бытіемъ Ангельгардту*; скоро это заведеніе *приобрѣло довѣріе общества*, такъ что число воспитанниковъ, опредѣленное по Положенію, (т. е. 1-му) «въ 150 человекъ, должно было въ послѣдствіи быть увеличено до 170, но и за тѣмъ нельзя было удовлетворить требованіямъ родителей, желавшихъ помѣстить въ Пансіонѣ своихъ дѣтей». (Историческое обзоръ 50-ти лѣтняго существованія Императорскаго Царско-сельскаго Лицея, сочиненіе заслуженнаго профессора И. П. Шумкина, стр. 30—31, въ книжкѣ: 50-лѣтній юбилей Императорскаго Александровскаго Лицея, СПбургъ 1861). — И это вполнѣ справедливо.

При этомъ снова весьма естественно возникаетъ вопросъ: почему же Гауеншильдъ въ 2 года не только не сдѣлалъ для Благороднаго Пансіона того, что Ангельгардтъ успѣлъ сдѣлать для него въ 1 годъ, но еще привелъ его въ разстройство и беспорядокъ по всѣмъ частямъ, особенно воспитательной и хозяйственной, допустивъ беспорядки по первой и до 100 т. руб. долгу по послѣдней? — Отвѣтъ на это тотъ, что велика была разниа между этими двумя людьми и, разумѣется, столько же въ пользу одного (Ангельгардта), сколько не въ пользу другого (Гауеншильда), — отчего и взаимныя отношенія ихъ съ самаго начала были не изъ лучшихъ, да иначе и быть не могло. — Авторъ „Очерки Лицея“, г. Селезневъ, на стр. 108—109, очень сдержанно говоритъ: „Что касается до дѣятельности Гауеншильда въ управленіи Пансіономъ, то изъ официальныхъ бумагъ слишкомъ мало можно извлечь о ней, а другихъ источниковъ у насъ не имѣется. Если приводить показаніе сослуживцевъ Гауеншильда, то, судя по нимъ, положеніе его, вслѣдствіе-ли личныхъ отношеній его

къ Ангельгардту, или тѣхъ, въ какія поставленъ былъ уставомъ Пансіона директоръ его къ директору Лицея, было не совсѣмъ благоприятное: говорятъ, что между ними не было надлежащаго согласія. Изъ дѣлъ видно, что Гауеншильдъ нерѣдко, особливо въ два послѣдніе года своей службы, устранялъ Ангельгардта отъ участія въ дѣлахъ Пансіона и непосредственно сносился съ министромъ (!); и встрѣчаются также весьма частыя донесенія министру отъ директора Лицея о неурядицахъ въ Пансіонѣ, о проступкахъ воспитанниковъ, о чемъ доводимо было и до свѣдѣнія Государя. — А въ выноскѣ къ этому внизу той же страницы 109 сказано: «Неурядиство въ Пансіонѣ побудило министра народнаго просвѣщенія еще въ первые годы основанія Пансіона» (слѣдовательно — должно разумѣть 1814—15—16 годы) «учредить особую ревизіонную по отчетамъ его комисію». — Рано же была учреждена такая ревизіонная комисія! — Все это не служить въ пользу Гауеншильда. — Если изъ официальныхъ бумагъ и показаній сослуживцевъ Гауеншильда слишкомъ мало можно извлечь опредѣленнаго о дѣятельности Гауеншильда по управленію Пансіономъ, то бывшіе при немъ воспитанники этого заведенія больше и лучше про то знали. — Что они знали — будетъ сказано ниже, а здѣсь достаточно упомянуть, что по дѣламъ можно судить о людяхъ: какъ Ангельгардтъ сразу заявилъ свою способность, такъ Гауеншильдъ сразу же — свою неспособность быть директоромъ такихъ заведеній, какъ Лицей и Пансіонъ.

Въ Іюнь 1816 года въ Пансіонѣ произведены были обыкновенные экзамены и переводы изъ класса въ классъ, причемъ, на основаніи новаго „Постановленія“, воспитанники III класса были переведены во вновь учрежденный IV классъ, и съ 1 Августа этого года, послѣ приѣма новыхъ воспитан-

никовъ въ I и II классы, въ четырехъ классахъ Пансіона было уже всего 148 воспитанниковъ.

IV.

Первый выпускъ изъ Лицея и первый переводъ изъ Пансіона въ Лицей.

1817 годъ.

1817 годъ, не менѣе 1816, былъ важнымъ и знаменательнымъ для Пансіона, какъ и для Лицея;—для Лицея — *первымъ* выпускомъ его воспитанниковъ (1 приѣма 1811 года) на службу и *первымъ* же приѣмомъ въ него воспитанниковъ Пансіона; для Пансіона—*первымъ* переводомъ воспитанниковъ его въ Лицей и преобразованиемъ его по новому „Постановленію“ 1816 года,—для обоихъ учебныхъ заведеній одинаково—утвержденіемъ правилъ для перевода воспитанниковъ Пансіона въ Лицей и началомъ обновленныхъ и лучшихъ устройства и жизни, чѣмъ они были обязаны преимущественно Энгельгардту.

Правила для перевода воспитанниковъ Пансіона въ Лицей были Высочайше утверждены 9 Юня 1817 года.—Ими было постановлено: 1) переводить въ Лицей изъ Пансіона только воспитанниковъ II и III классовъ; 2) такихъ, которые прилежаніемъ, успѣхами и особенно благонаравіемъ и отличнымъ поведеніемъ сдѣлались достойными такого Монаршаго благодѣянія; 3) они должны быть не моложе 10 и не старѣе 13 лѣтъ; 4) при назначеніи къ переводу, начальству Лицея наблюдать, чтобы всегда давать преимущество тѣмъ воспитан-

никамъ, которые наиболѣе отличились прилежаніемъ, успѣхами и благонаравіемъ, а затѣмъ принимать въ уваженіе заслуги, оказанныя ихъ родителями въ продолженіи службы; 5) для распространенія Монаршаго благодѣянія на большее число семействъ, наблюдать, чтобы не переводить въ одно время двухъ родныхъ братьевъ; но не считать препятствіемъ къ переводу въ Лицей одного брата, если другой уже находится въ немъ; 6) начальству Лицея, избравъ, на основаніи этихъ правилъ, лучшихъ и достойнѣйшихъ воспитанниковъ Пансіона въ числѣ гораздо болѣе противъ положеннаго къ переводу въ Лицей, представлять именной списокъ ихъ, съ означеніемъ достоинствъ каждаго, равно заслугъ и состоянія родителей ихъ, министру народнаго просвѣщенія, который представляетъ его, для назначенія къ переводу воспитанниковъ въ Лицей, на Высочайшее благоусмотрѣніе („Очеркъ“ Селезнева, стр. 138).

Въ томъ же Юнѣ мѣсяцѣ послѣдовали: *первый выпускъ* изъ Лицея въ государственную службу 29-ти воспитанниковъ его, перваго приѣма 1811-го года,—*первый переводъ*, на основаніи вновь утвержденныхъ правилъ, такого же числа воспитанниковъ изъ Пансіона въ Лицей, и *обыкновенные переводы* воспитанниковъ: въ Лицей—изъ младшаго курса въ старшій, а въ Пансіонъ—изъ низшихъ классовъ въ высшіе, въ томъ числѣ изъ IV-го во вновь открытый V-й, и *приѣмъ* новыхъ воспитанниковъ въ I-й низшій классъ Пансіона.

Изъ Лицея въ первый выпускъ вышло 29 воспитанниковъ, потому что въ 1-й приѣмъ 1811-го года, ихъ было принято 30, изъ которыхъ одинъ въ 1813 году былъ взятъ родителями изъ Лицея по домашнимъ обстоятельствамъ.—Въ 1815 году эти 29 воспитанниковъ были переведены изъ младшаго курса въ старшій, а въ младшій во 2-й разъ принято прямо

со стороны, по экзамену, 21, т. е. число, составлявшее съ 29-ю переведенными, положенное по уставу и штату Лицея число 50-ти.—По выпускъ 29-ти воспитанниковъ старшаго курса, въ Іюнь 1817-го года, на службу, 21 воспитанникъ младшаго курса переведены въ старшій, а изъ Пансіона переведены, для пополненія числа 25-ти воспитанниковъ въ младшемъ и столькихъ же въ старшемъ курсахъ Лицея, въ младшій — 25 изъ II и III-го классовъ и въ старшій—4 изъ IV-го класса. Такъ какъ это былъ *первый* переводъ изъ Пансіона въ Лицей, то я считаю нужнымъ привести здѣсь имена и фамиліи переведенныхъ воспитанниковъ.

Изъ II и III классовъ Пансіона переводы въ младшій курсъ Лицея (они означены здѣсь по алфавиту, за неизвѣстностію мнѣ, въ какомъ порядкѣ были переведены по успѣхамъ и поведенію):

1. Анненскій, Николай.	14. Малиновскій, Андрей.
2. Бѣлуха-Кохановскій, Андрей.	15. Мартыновъ, Александръ.
3. Васильковъ, Николай.	16. Неклюдовъ, Василій.
4. Воронихинъ, Александръ.	17. Поповъ, Михайлъ.
5. Галаховъ, Сергій.	18. Рашетъ, Иванъ.
6. Гиндичъ, Николай.	19. Рихтеръ, Константинъ.
7. Жадовскій, Анастасій.	20. Самсонъ, (N. N.)
8. Жеребцовъ, Семень.	21. Убри, Сергій.
9. Замятинъ, Дмитрій.	22. Ульяновскій, Юліанъ.
10. Катеръ, Иванъ.	23. Фаминцынъ, Сергій.
11. Карамышевъ, Модестъ.	24. Энгельгардтъ, Максимъ.
12. Кондратьевъ, Сергій.	25. Энгельгардтъ, баронъ Василій.
13. Литардтъ, Александръ.	

(Исключая Самсона, умершаго въ 1822 г., прочіе 24 вышли изъ Лицея въ 1823 году, въ III выпускѣ).

Изъ IV-го класса Пансіона переведены въ старшій курсъ Лицея:

1. Данзасъ, Борисъ.	3. Нуммерсъ, Логгинъ.
2. Микулинъ, Иларіонъ.	4. Шибельскій, Ахиллъ.
- (вышли во II выпускѣ изъ Лицея въ 1820 году).

За переводомъ 29-ти воспитанниковъ изъ Пансіона въ Лицей и приѣмомъ новыхъ воспитанниковъ въ I классъ Пансіона, въ 5-ти классахъ сего послѣдняго, къ 1-му Января 1818 года или въ учебномъ 1817/18 году, воспитанниковъ было всего уже 170 человекъ (среднимъ числомъ по 34 чел. въ классѣ), слѣдовательно 50-ю человекъ болѣе противъ Постановленія 16 Декабря 1816 года, и то не въ 6-ти, а только въ 5-ти классахъ—доказательство довѣрія, которое уже успѣлъ заслужить Пансіонъ.

Личный составъ штатныхъ чиновъ, преподавателей и воспитателей въ Пансіонѣ въ это время былъ слѣдующій.

Директоръ—Гауеншильдъ (онъ продолжалъ съ 1811 года содержать у себя, частнымъ образомъ, воспитанниковъ, приготовлявшихся къ поступленію въ низшіе классы Пансіона).

Инспекторъ—Федоръ Евстафьевичъ Нуммерсъ, поступилъ въ эту должность, по рекомендаціи Энгельгардта, въ 1816 году, изъ смотрителей Педагогическаго Института. Онъ служилъ сначала (въ нижнихъ чинахъ) Л. Гв. въ Измайловскомъ полку, потомъ по выборамъ въ Рижскомъ уѣздѣ и наконецъ въ Педагогическомъ Институтѣ.

Экономъ — Визлеръ.

Надзиратели или гувернеры (выѣстъ съ тѣмъ и преподаватели) 1. Вильмъ; — 2. Трико; — 3. Менюз; — 4. И. П. Шульцинъ; — 5. А. Ф. Оболенскій; — 6. Ф. П. Калининъ; — о прочихъ, число которыхъ должно было простираться до 5-ти

(всего 10 на 5 классовъ и 1 для больницы) свѣдѣній, относящихся къ этому времени, не имѣю.

Преподавателями были отчасти профессора Лицея: Священникъ *И. С. Кочетовъ* (съ 1817 г., послѣ протоіерея *Музовскаго* въ 1814—1815 гг. и священниковъ: *Полянскаго* и *Павскаго* въ 1816 г.), *Н. Θ. Кошанскій* и помощникъ его *П. Е. Герасимовскій*, *Я. К. Кайдановъ* и помощникъ его *И. П. Шульгинъ*, *А. П. Куницынъ* и помощникъ его, *А. Ф. Оболенскій*, *Я. И. Карцовъ* и помощникъ его, *В. М. Архангельскій*, *Гауеншильдъ*, *де-Будри*, Полковникъ баронъ *Эльснеръ* (военныхъ наукъ во вновь открытомъ V классѣ);—отчасти же преподавателями языковъ, чиstopисанія и пр. были гувернеры Пансіона.

Въ заключеніи отчета о состояніи Лицейскаго Пансіона къ 1 Августа этого 1817-го года, который (отчетъ), какъ уже сказано выше, былъ напечатанъ въ томъ же 1817 году особую брошюрой и въ Сынѣ Отечества того же года ч. 41, № LI, сказано было слѣдующее:

„Начальство Пансіона чувствуетъ, что ему много остается сдѣлать, и потому священнымъ себѣ поставитъ долгомъ продолжать неослабно начатое дѣло; время и опытъ покажутъ ему, что надобно поправить, перемѣнить или дополнить, а общее соревнованіе, коимъ одушевлены всѣ участвующіе въ важномъ семъ дѣлѣ наставники и воспитатели, служитъ залогомъ въ томъ, что они употребятъ всѣ свои старанія для совершеннаго достиженія важной и общепользной цѣли сего заведенія, дабы оправдать лестное довѣріе публики, оказанное Пансіону въ послѣдніе мѣсяцы, когда не только положенное число воспитанниковъ наполнилось, но еще, по желаніямъ многихъ родителей, заведенъ списокъ кандидатовъ, между коими наблюдается старшинство для поступленія въ воспитанники

Пансіона, по мѣрѣ открывающихся ваканцій“. („Очеркъ“ Селезнева, Приложение VI къ стр. 35 на стр. 7).

Наконецъ, въ заключеніе о 1817 годѣ нужно сказать еще, что въ Октябрѣ этого года учреждено было Министерство духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, и Министромъ его былъ назначенъ князь Александръ Николаевичъ Голицынъ, уже съ 1815-го года, въ званіи оберъ-прокурора Св. Синода, исправлявшій должность министра народнаго просвѣщенія. Последними дѣйствіями Графа Разумовскаго въ отношеніи къ Лицею и Пансіону, въ концѣ 1815-го и началѣ 1816-го годовъ, были, какъ означено выше, распоряженія его касательно управленія обоими заведеніями и прекращенія въ нихъ возникшихъ неурядицъ и безпорядковъ, и, наконецъ, представленіе его о назначеніи директоромъ Лицея Ангельгардта. Этимъ заключилась его благотворная дѣятельность въ отношеніи къ Лицею и Пансіону, которыхъ онъ былъ первымъ организаторомъ, а послѣдняго, кромѣ того, и основателемъ. Всѣ послѣдующія за назначеніемъ Ангельгардта дѣйствія по Лицею и Пансіону уже относятся къ Князю Голицыну. При немъ въ 1816 и 1817 годахъ произведены преобразованія въ обоихъ заведеніяхъ и произошли важныя для нихъ событія, означенныя выше.—Въ Высочайше утвержденномъ учрежденіи новаго министерства духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, Лицей и Пансіонъ были включены въ число заведеній, подвѣдомственныхъ этому министерству, но независѣвшихъ отъ учебныхъ округовъ (Академій: наукъ, художествъ и русской, и публичной библіотеки).—Вмѣстѣ съ тѣмъ, Лицей и Пансіонъ стали подчиняться общимъ правиламъ учрежденія министерства; распоряженія обоихъ этихъ заведеній стали поступать на разсмотрѣніе и одобреніе ученаго Комитета министерства, а сношенія ихъ съ министромъ—производиться чрезъ посредство де-

партамента министерства. Какъ ни старался Энгельгардтъ поддерживать прежній порядокъ и отстоять исключительное положеніе Лицея съ Пансіономъ, но онъ уже ничего не могъ сдѣлать, потому что и самыя внѣшнія обстоятельства измѣнились (Очеркъ "Селезнева стр. 36).

V.

Открытіе VI класса и увеличеніе воспитанниковъ и чиновъ Пансіона въ 1818 г. — 1 выпускъ изъ Пансіона въ 1819 г.

1818—1819 г.

Въ 1818 году число классовъ, воспитанниковъ и служащихъ въ Пансіонѣ увеличилось. Въ Іюнь этого года были произведены переводы въ высшіе классы, въ томъ числѣ изъ V во вновь открытый, послѣдній, высшій VI классъ. Вслѣдствіе того къ 1-му Января 1819 года, или въ 18^{18/19} учебномъ году, въ шести классахъ Пансіона было всего 171 воспитанникъ. Такимъ образомъ Пансіонъ окончательно вошелъ въ полный, положенный комплектъ своихъ 6-ти классовъ, но значительно превзошелъ тотъ же положенный комплектъ воспитанниковъ (120).—Съ умноженіемъ послѣднихъ и классовъ, увеличилось и число гувернеровъ, которыхъ въ Августѣ этого года было уже 12 въ классахъ и 2 въ больницѣ, всего 14.

Слѣдующій, 1819-й годъ замѣчательнъ тѣмъ, что въ немъ, въ Іюнь, наконецъ, послѣдовалъ первый выпускъ воспитанниковъ Пансіона на службу, а именно: въ гражданскую 3-хъ и въ военную 7-ми, всего 10-ти. Имена и фамиліи ихъ, равно полученныя ими права и отличія, были слѣдующія:

1. *Альховскій, Петръ*, первая золотая медаль, въ граж-

данскую службу X классомъ; — гдѣ служилъ — неизвѣстно; умеръ въ отставкѣ.

2. *Павлищевъ, Николай*, первая серебрянная медаль, въ гражданскую службу X классомъ; — нынѣ Тайный Совѣтникъ, состоитъ при Намѣстникѣ Царства Польскаго, въ Варшавѣ.

3. *Безакъ, Александръ*, вторая серебрянная медаль, въ военную службу офицеромъ Старой Гвардіи; — службу началъ Л. Гв. въ 1-й артиллерійской бригадѣ; — умеръ 30 Дек. 1868 г. въ чинѣ Генерала отъ Артиллеріи и въ званіи Генераль-Адъютанта и Кіевскаго, Волынскаго и Подольскаго Генераль-Губернатора.

4. *Дурасовъ, Николай*, похвальный листъ, въ гражданскую службу X классомъ; — въ 1861 году былъ Дѣйств. Стат. Совѣтникомъ и губернскимъ предводителемъ дворянства Оренбургской губерніи; — гдѣ теперь находится — неизвѣстно.

5. *Бухгольцъ, Николай*, въ военную службу офицеромъ Молодой Гвардіи; — служилъ Л. Гв. въ Гренадерскомъ полку, былъ Адъютантомъ Начальника Главнаго Штаба Е. И. В. Генераль-Адъютанта барона Дибича; — въ послѣдствіи служилъ въ гражданской службѣ; — нынѣ Дѣйств. Стат. Совѣтникъ въ отставкѣ.

6. *Дубовицкій, Николай*, въ военную службу офицеромъ Молодой Гвардіи; — служилъ Л. Гв. въ Конноегерскомъ полку; — въ 1861 г. былъ въ отставкѣ.

7. *Миклашевскій, Андрей*, въ военную службу офицеромъ арміи; — служилъ въ гусарахъ; — въ отставкѣ.

8. *Карамышевъ, Александръ*, въ военную службу офицеромъ арміи; — въ отставкѣ.

9. *Охотниковъ, Николай*, въ военную службу офицеромъ арміи; — умеръ.

10. *Кокіевскій, Иванъ, въ военную службу офицеромъ арміи;—въ отставку.*

Такимъ образомъ, Лицей 6 лѣтъ и Пансіонъ 5 лѣтъ спустя по учрежденіи своемъ, дали уже государственной службѣ: первый—17 гражданской и 12 военной, а второй—3 гражданской и 7 военной, итого 20 гражданской и 19 военной, а всего 39 человекъ.

Послѣ I выпуска изъ Пансіона, перевода въ высшіе классы и новаго пріема въ низшіе, въ 6-ти классахъ Пансіона къ I-му Января 1820 года было 173 воспитанника.

VI.

2-й выпускъ изъ Пансіона и 2-й переводъ въ Лицей.

1820 годъ.

Въ 1820 году изъ Лицея и изъ Пансіона одновременно послѣдовали *вторые* выпуски, при чемъ изъ Лицея выпущено 25 воспитанниковъ, 16 въ гражданскую и 9 въ военную службу, а изъ Пансіона 6 воспитанниковъ, 2 въ гражданскую и 4 въ военную, всего вмѣстѣ 31, въ гражданскую 18 и въ военную 13.

Изъ Пансіона выпущены:

1. *Зубковъ, Левъ, золотая медаль, въ гражданскую службу X классомъ;—гдѣ служилъ и находится—неизвѣстно.*

2. *Энгельгардтъ, Александръ (сынъ директора Лицея), серебряная медаль, въ военную службу офицеромъ Старой Гвардіи;—служилъ Л. Гв. въ Преображенскомъ полку;—умеръ полковникомъ на службѣ.*

3. *Галаховъ, Александръ, похвальный листъ, въ военную*

службу офицеромъ Старой Гвардіи; служилъ Л. Гв. въ Конномъ полку;—былъ Генераль-Адъютантомъ, Генераль-Лейтенантомъ и С.-Петербургскимъ Оберъ-Полицеймейстеромъ;—умеръ на службѣ.

4. *Микулинъ, Александръ, въ военную службу офицеромъ Молодой Гвардіи;—служилъ Л. Гв. въ Гренадерскомъ полку.*

5. *Титовъ, Николай, въ гражданскую службу XII классомъ.*

6. *Якубовичъ, Петръ, въ военную службу офицеромъ арміи.*

Въ тоже время изъ Пансіона произведенъ *второй* переводъ 25 воспитанниковъ II и III классовъ въ Лицей, а именно:

1. <i>Баженовъ, Иванъ.</i>	13. <i>Крузенштернъ, Александръ.</i>
2. <i>Баумартенъ, Николай.</i>	14. <i>Мертваго, Николай.</i>
3. <i>Бухало, Василий.</i>	15. <i>Местмахеръ, баронъ Николай.</i>
4. <i>Блуха-Кохановскій, Михаилъ.</i>	16. <i>Миллеръ Карлъ.</i>
5. <i>Ганъ, Евгений.</i>	17. <i>Нарышкинъ, Левъ.</i>
6. <i>Геслингъ, Николай.</i>	18. <i>Озеровъ, Сергій.</i>
7. <i>Де-Волаитъ, Александръ.</i>	19. <i>Пашенко, Николай.</i>
8. <i>Искунъ, баронъ Александръ.</i>	20. <i>Ритмейстеръ, Александръ.</i>
9. <i>Келеръ, Димитрій.</i>	21. <i>Рихтеръ, Александръ.</i>
10. <i>Козельскій, Михаилъ.</i>	22. <i>Розенъ, баронъ Фёдоръ.</i>
11. <i>Корфъ, баронъ Юлій.</i>	23. <i>Смирновъ, Степанъ.</i>
12. <i>Коцебу, Карлъ.</i>	24. <i>Спафарьевъ, Аполлинарій.</i>
	25. <i>Деларю (N. N.), умеръ до вып.</i>

(Вышли изъ Лицея въ IV выпускъ 1826 года).

За выпускомъ 6-ти воспитанниковъ на службу, переводомъ 25 въ Лицей, а прочихъ въ высшіе классы, и за пріемомъ новыхъ воспитанниковъ въ I классъ, къ 1-му Января 1821 г. (въ 1820—21 учебномъ году) въ 6-ти классахъ Пансіона было

всего 174 воспитанника (наибольшее число, состоявшее въ Пансіонѣ). При нихъ было 12 гувернеровъ и при больницѣ 2, итого 14.

Изъ профессоровъ Лицея и Пансіона, *Куницынъ*, по прошенію, былъ уволенъ отъ должностей своихъ по обоимъ заведеніямъ и перешелъ въ другое вѣдомство, а на мѣсто его профессоромъ нравственныхъ наукъ былъ назначенъ Казанскаго Университета ординарный профессоръ правъ, *баронъ Егоръ Васильевичъ Врангель*, получившій образованіе въ Іенскомъ, Виртембергскомъ и Вюрцбургскомъ университетахъ.— Помощникомъ его, какъ и Куницына, былъ (съ 1817 г.) гувернеръ Пансіона, *Андрей Филипповичъ Оболенскій*, преподававшій логику, психологію и правоученіе въ нѣзшихъ классахъ.

1820 годъ имѣть не очень отрадную для Пансіона память: “съ этого года”,—говоритъ Лицейскій архивъ—“въ Пансіонѣ начинаютъ чаще и чаще обнаруживаться безпорядки, которые и доводятся до свѣдѣнія Государя.. И только: какого рода были эти безпорядки?—между воспитанниками?—или со стороны начальства, по воспитательной, учебной или хозяйственной части?—архивъ не говоритъ ничего. Какъ-бы то ни было, прискорбно читать это.—Кажется, давно-ли передъ этимъ опытный Ангельгардтъ принялъ всѣ мѣры для прекращенія бывшихъ въ 1814 и 1815 годахъ, неустойствъ и безпорядковъ—и они прекратились, а съ 1820 года не только возобновились, но и стали обнаруживаться чаще и чаще! Чтѣ или кто былъ причиной тому?—Узнаемъ позже.

VII.

3-й выпускъ изъ Пансіона.—Личный составъ чиновъ Пансіона.

1821 годъ.

Въ Іюнь этого года послѣдоваль III выпускъ 12 воспитанниковъ VI класса Пансіона, 6-ти въ гражданскую и 6-ти въ военную, а именно:

1. *Комовскій, Василій*, золотая медаль, въ гражданскую службу X классомъ;— умеръ.

2. *Бергъ, Александръ*, первая серебряная медаль, въ гражданскую службу X классомъ;—мин. иностран. дѣлъ Тайный Совѣтникъ и камергеръ.

3. *Черноглазовъ, Александръ*, вторая серебряная медаль, въ военную службу офицеромъ Старой Гвардіи, Л. Гв. въ Преображенскій полкъ;—умеръ.

4. *Безакъ, Николай*, похвальный листъ, въ граждан. сл. X классомъ;—Тайный Совѣтникъ.

5. *Погожевъ, Александръ*, похвальный листъ, въ граждан. сл. X классомъ;—въ отставку.

6. *Окуневъ, Евгеній*, въ военную службу, офицеромъ Старой Гвардіи, Л. Гв. въ Преображенскій полкъ; въ отставку Статскимъ Совѣтникомъ.

7. *Глуховъ, Хрисанъ*, въ военную службу офицеромъ Старой Гвардіи, Л. Гв. въ Преображенскій полкъ;—Генералъ-Лейтенантъ по армейской пѣхотѣ, въ запасныхъ войскахъ.

8. *Самсонъ, Федоръ*, въ гражданскую службу X классомъ;—неизвѣстно.

9. Гревеницъ, баронъ Оедоръ, также X классомъ: Тайный Совѣтникъ; состоялъ членомъ Комитета для надзора за работами Типографіи II Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи и Управляющимъ этою Типографіею.

10. Ассіеръ, Михаилъ, въ военную службу офицеромъ Молодой Гвардіи, Л. Гв. въ Гренадерскій полкъ; умеръ въ 1831 г. арміи Маіоромъ и Комендантомъ г. Вѣлостока.

11. Туманскій, Николай, въ военную службу офицеромъ Молодой Гвардіи, Л. Гв. въ Конно-егерскій полкъ;—умеръ.

12. Пороховъ, Николай, въ военную службу офицеромъ Молодой Гвардіи;—въ послѣдствіи Статек. Совѣтникъ и Предсѣдат. Псковской уголовной Палаты.

Этотъ выпускъ замѣчателенъ тѣмъ, что изъ числа 12-ти воспитанниковъ его, 6 выпущены X классомъ и 6 офицерами Гвардіи.

За тѣмъ къ 1-му Января 1822 года, въ 6-ти классахъ Пансіона было 171 воспитанникъ.

Въ 1821-мъ году личный составъ начальствующихъ, преподавателей и воспитателей въ Пансіонѣ былъ слѣдующій:

Директоръ Гаусшильбъ, онъ же и профессоръ нѣмецкой словесности въ V и VI классахъ Пансіона и въ старшемъ курсѣ Лицея;—адъюнктомъ его—выписанный имъ изъ Австріи и по его непосредственному ходатайству у Князя Голицына, помимо Конференціи Лицея, опредѣленный въ Пансіонѣ адъюнктомъ нѣмецкой словесности—Австрийскій подданный, Францъ Адамовичъ де-Олива.

Инспекторъ Нумерсъ.

Экономъ Визлеръ.

Профессоры: Русской и Латинской словесности въ V и VI классахъ—Н. Ѳ. Кошанскій, адъюнктомъ его въ III и IV классахъ П. Е. Георгіевскій;—французской словесности въ

обоихъ возрастахъ—адъюнктъ Иванъ Алексѣевичъ Тилло, до того бывшій преподавателемъ французскаго языка въ С-Петербургскихъ Университетѣ и Гимназіи, Горномъ Корпусѣ, Инженерномъ и Артиллерійскомъ училищахъ и въ Педагогическомъ Институтѣ;—Флѣри—въ V и VI классахъ;—исторіи—И. К. Кайдановъ, адъюнктомъ его—И. П. Пульгинъ, преподававшій исторію, географію и статистику;—нравственныхъ и юридическихъ наукъ—баронъ Е. В. Врангель, адъюнктомъ его—А. Ф. Оболенскій, преподававшій логику, психологію и нравственную философію;—физико-математическихъ наукъ (высшей и прикладной математики, физики и химіи)—Я. И. Карцевъ, адъюнктомъ его (по части чистой математики) В. М. Архангельскій;—военныхъ наукъ—Титулярный Совѣтникъ Пушкинъ;—Закона Божія: Православнаго исповѣданія—законоучитель и духовникъ священникъ І. С. Кочетовъ;—римско-католическаго исповѣданія—священникъ церкви въ Царскомъ Селѣ, аббатъ Цезаръ и гувернеръ Пансіона, Трико;—евангелическо-лютеранскаго—Пасторъ церкви въ Царскомъ Селѣ, Гнигтель.

Гувернеры и вмѣстѣ большою частію преподаватели: 1) А. Ф. Оболенскій (см. выше);—2) Ф. П. Калининъ (чистописанія);—3) Н. В. Кокоревъ (чистописанія);—4) П. Е. Бѣликовъ (русскаго языка);—5) В. П. Флѣровъ (русскаго языка);—6) В. Д. Трошкій (географія);—7) Морозовъ (при больницѣ);—8) Трико, 9) Менюэ, 10) Гузсленъ (всѣ трое французскаго языка);—11) Барриеръ, 12) Лакостъ (при больницѣ);—13) В. В. Джаксонъ (рисованія и частные уроки англійскаго языка);—14) Бевадъ, 15) Беттихеръ, 16) Штернъ (два послѣдніе—нѣмецкаго языка).

Врачъ-докторъ Шмидтъ;—помощникъ его—аптекарь Меркель.

VIII.

Переворотъ въ Пансіонѣ. — Подчиненіе его военному Кадетскому начальству. — 4-й выпускъ.

1822 годъ.

Это — годъ прискорбной памяти, можно сказать траурный, въ исторіи Пансіона, разрѣшившій его неустройства и безпорядки внезапнымъ, неожиданнымъ переворотомъ, который послужилъ какъ бы предназначеніемъ будущей, печальной участи этого заведенія.

Изъ дѣлъ Лицейскаго архива („Очеркъ“ Селезнева, стр. 36 и 100) видно, что когда „съ 1820-го года“ — какъ сказано выше — „въ Пансіонѣ стали чаще и чаще обнаруживаться безпорядки, которые и доводились до свѣдѣнія Государа,“ — тогда „явилось убѣжденіе въ принятіи особыхъ мѣръ для приведенія Пансіона въ надлежащій порядокъ,“ — и для достиженія этого, ближайшій надзоръ за нимъ былъ ввѣренъ — военнымъ лицамъ...

27-го Февраля 1822 года послѣдовалъ Высочайшій рескриптъ на имя министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, съ повелѣніемъ: „директора Гауеншильда немедленно удалить отъ начальства надъ Пансіономъ и преподаванія класса въ Царскосельскомъ Лицѣ.“ — Поводомъ къ этому, какъ сказано въ указѣ, послужили „важные безпорядки, вкравшіеся въ сіе заведеніе.“ — По собственному выбору Государа Императора, на мѣсто Гауеншильда назначенъ былъ 1-го Кадетскаго корпуса Капитанъ Алабовъ, которому даны въ помощники: 2-го Кадетскаго корпуса Поручикъ Жеребцовъ и Дворянскаго полка поручикъ Штохинъ, «которыхъ упо-

треблять ему (Алабову) по его усмотрѣнію» (тотъ же указъ). — Вмѣстѣ съ тѣмъ, инспекторъ Пансіона, Статскій Совѣтникъ Нумерсъ былъ уволенъ отъ службы.

А 19 дней спустя — 18-го Марта послѣдовали Высочайше указы: одинъ на имя Цесаревича Великаго Князя Константина Павловича, а другой на имя министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, Князя Голицина, о подчиненіи Императорскаго Царскосельскаго Лицея и состоящаго при немъ Благороднаго Пансіона Его Высочеству Цесаревичу. Вслѣдствіе этихъ указовъ, бывшій въ то время Главный директоръ Пажескаго и кадетскихъ корпусовъ, Генералъ - Адъютантъ Графъ Коновницынъ, вступилъ 22-го Марта 1822 года въ „завѣдываніе“ Лицею и Пансіономъ, а капитанъ Алабовъ — въ тоже время въ управленіе Пансіономъ, которое и началъ ревизіею его по всѣмъ частямъ.

И такъ — изъ давно уже сбиравшихся надъ Пансіономъ тучъ внезапно сверкнула молнія и грянулъ громъ — и ими сразу же пораженъ былъ Гауеншильдъ, „немедленно удаленный отъ начальства надъ Пансіономъ, и тяжело пострадали какъ Пансіонъ, подчиненный военному, кадетскому начальству, такъ и бывшіе на выпускѣ воспитанники VI его класса!.. Съ тѣхъ поръ прошло уже 47 лѣтъ, но и теперь еще свѣжо воспоминаніе объ этой тяжелой для Пансіона невзгодѣ. И за что? — „за важные безпорядки, вкравшіеся въ сіе заведеніе и вслѣдствіе которыхъ явилось убѣжденіе въ принятіи особыхъ мѣръ для приведенія Пансіона въ надлежащій порядокъ“ — вотъ и все, что можно узнать изъ дѣлъ Лицейскаго архива, послѣ неоднократнаго, съ 1815-го года, повторенія имъ все одного и того же: „въ Пансіонѣ — особенно — начинаются, продолжаются и все чаще и чаще обнаружива-

ются неустройства и безпорядки. — Но какіе же наконецъ? — съ чьей стороны? — какого рода? — какія причины и цѣль ихъ? — На всѣ эти вопросы архивъ не дастъ — и не дастъ отвѣта, но воспитанники Пансіона могли и могутъ дать его, потому что очень хорошо знали, въ чемъ было дѣло и отчего произошли гроза и громъ!... Могутъ и даже считаю необходимымъ объяснить это и я, чтобы снять несправедливое нареканіе на Пансіонъ и возстановить *доброе имя и добрую славу* его, на которыя, событія 1822-го и 1829-го годовъ, набросили неблагоприятную тѣнь, остающуюся на нихъ и до сихъ поръ... Хотя не здѣсь, а во 2-й части этой книги было бы умѣстнѣе объяснить причины означеннаго переворота, тѣмъ болѣе, что для этого необходимо было бы войти въ подробности, что прервало бы только нить разсказа; — за всѣмъ тѣмъ однако считаю нужнымъ и возможнымъ лишь вкратцѣ указать здѣсь, что именно послужило *поводомъ* къ такому рѣшительному перевороту въ судьбѣ Пансіона.

Всякій, получившій воспитаніе и образованіе въ общественномъ заведеніи, знаетъ хорошо, что часто въ этихъ заведеніяхъ, въ иномъ случаѣ безслѣдно и безнаказанно проходятъ неустройства и безпорядки первостепенной важности, а въ другомъ — пустые и ничтожные производятъ грозу и громъ, переворотъ и разрушеніе, тѣсноту и скорбь! — Едва-ли не такъ было и въ 1822 году съ Пансіономъ. *Дисциплинарный проступокъ* нѣсколькихъ взрослыхъ воспитанниковъ VI класса, за 4 мѣсяца до *выпуска*, проступокъ, имѣвшій характеръ лишь *студенческаго* удалства, но вовсе не *буйства* и еще менѣе *бунта* или даже *бунтика* (какъ привыкли называть въ учебныхъ заведеніяхъ великую школьную *исторію*) — вотъ что было *поводомъ* къ такимъ строгимъ противъ Пансіона мѣрамъ. — говорю *поводомъ*, потому что *причинъ*, дальнихъ и ближнихъ,

было очень много и я разъясню ихъ, какъ сказано, во второй части.

Проступокъ, о которомъ я упомянулъ, заключался въ слѣдующемъ:

Въ одинъ февральскій вечеръ, на масляницѣ, (которая въ этомъ году была съ 6-го по 12-е Февраля, а Пасха — 2-го Апрѣля) 6 или 7 воспитанниковъ VI класса, все взрослыхъ и рослыхъ молодцовъ, задумали прогуляться вечеромъ внѣ Пансіона. — Правда, время было не для прогулки, да и погода была не совсѣмъ-то благоприятная: на дворѣ было темно, много снѣгу и едва-ли не мятель. Кромѣ того, по правиламъ Пансіона, воспитанникамъ, даже старшихъ классовъ, даже выпускнымъ VI класса, никуда изъ Пансіона безъ гувернера или по крайней мѣрѣ дядьки выходить было запрещено. Но — у всякаго барона своя фантазія: охотники до зимняго вечерняго гулянья обращаются къ дежурному гувернеру — отказъ; они — взяли да и пошли одни. Гувернеръ и самъ Инспекторъ за ними: не тутъ-то было — пошли, прогулялись и воротились — одни. Вотъ и все. Проступокъ, конечно, противъ дисциплины: неповиновеніе и нарушеніе правилъ заведенія. Но, какъ часто бываетъ, изъ комка снѣга дѣлается лавина, а изъ мухи — слонъ, такъ и простое студенческое удалство и исполненіе своей воли, восходя по ступенямъ инстанцій выше и выше, до высшихъ дошло уже въ видѣ *бунта*, и не 6-ти — 7-ми человѣкъ, а чуть-ли не всего Пансіона, чего за нимъ, къ чести его нужно сказать, никогда не водилось, не такъ какъ за иными въ другія времена... Къ этому еще и почва въ высшихъ сферахъ была какъ-то особенно приготовлена къ мѣрамъ строгости, изъ страха *революціи*: уже съ 1815 года и особенно съ 1820 люди, до кого это касалось, часто доводили до свѣдѣнія Государа о неустройствахъ и безпорядкахъ въ

Пансіонѣ, при чемъ представляли дѣло въ преувеличенномъ и мрачномъ видѣ, соответствовавшемъ общему тогда между правительствами Европы настроенію. Именно, тогда, послѣ *Tugendbünde* въ Германіи, и *Carbonari* въ Италіи, и масоны всюду, а также и въ Россіи, обращали на себя тревожное и зоркое вниманіе правительствъ.—Было и не безъ такихъ людей, которые, по тѣмъ или другимъ побужденіямъ, находили интересъ держаться системы болѣе или менѣе строгой реакціи. Словомъ сказать—все въ совокупности имѣло такое вліяніе, что дисциплинарный проступокъ 6—7 воспитанниковъ VI класса Пансіона былъ наказанъ *очень строго*, чтобъ не сказать болѣе, и при томъ не на нихъ однихъ.

Первыми пострадали—директоръ Гауеншильдъ и инспекторъ Нумерсъ: какъ уже сказано, первый былъ немедленно удаленъ отъ начальства, а Нумерсъ—уволенъ отъ службы. Между тѣмъ справедливѣе слѣдовало бы, кажется, наоборотъ; перваго—уволить, а втораго, можетъ быть, только удалить. О первомъ воспитанники не жалѣли: онъ заслуживалъ удаленія; но о второмъ крайне жалѣли: онъ, напротивъ, не заслуживалъ увольненія. Самъ капитанъ Алабовъ, новый директоръ Пансіона и ревизоръ его, отзывался о Нумерсѣ, какъ о *человѣкѣ точномъ, къ исполненію должности своей рачительномъ, по который не былъ поддержанъ начальствомъ* (т. е. Гауеншильдомъ), *находится въ службѣ 40 лѣтъ, обремененъ большимъ семействомъ и весьма честныхъ правилъ* („Очеркъ“ Селезнева, стр. 160).—А между тѣмъ, странное дѣло! въ то самое время, когда Пансіонъ безпрестанно упрекали въ неустройствѣ и безпорядкахъ, директоръ его, въ теченіе 8-милѣтняго управленія имъ, удостоивался щедрыхъ наградъ и, между прочимъ, „въ воздаяніе похвальной и усердной службы“. Высочайшимъ Указомъ Министру Финансовъ, 8

Іюля 1820 года“ (т. е. того самаго, съ котораго особенно усилились безпорядки въ Пансіонѣ), „повелѣно было производить Гауеншильду въ пенсіонъ по смерти, сверхъ получаемыхъ по службѣ окладовъ, 2,000 р. въ годъ изъ Государственного Казначейства“ („Очеркъ“ Селезнева, стр. 109).

Вторымъ пострадалъ—*весь Пансіонъ* (разумѣется—по понятіямъ его воспитанниковъ) тѣмъ, что былъ поставленъ подъ военное, кадетское начальство. Высшія власти считали это благодѣяніемъ и спасеніемъ, но воспитанники смотрѣли на это иначе и признали это—за наказаніе Пансіону и имъ; ибо никто изъ нихъ не отдѣлялъ себя отъ Пансіона: они и Пансіонъ—были одно и тоже.

Но всѣхъ болѣе пострадали прямые виновники всей катастрофы—6 или 7 воспитанниковъ VI класса, прогулявшіеся безъ гувернера и даже безъ дядьки.—Ихъ велѣно было во 1-хъ за обѣдомъ въ столовой поставить на колѣни и во 2-хъ выпустить послѣднимъ разрядомъ, т. е. XIV классомъ или въ армію. Никто не повѣрилъ бы первому изъ этихъ наказаній, еслибъ оно не было дѣйствительно такъ. Взрослыхъ, выпускныхъ воспитанниковъ, которымъ оставалось лишь 4 мѣсяца до выпуска и мѣсяцовъ 6—8 до вступленія въ службу, наказывать какъ малыхъ ребятъ—было слишкомъ унижительно и жестоко. По счастью, видно само ближайшее начальство сознало это и смягчило исполненіе строгаго приговора: все ограничилось лишь тѣмъ, что преступники сидѣли и обѣдали на своихъ мѣстахъ, только *спустя одно колѣно внизъ*.—Но и это до крайности тяжело и больно было видѣть ихъ товарищамъ, и можно представить себѣ, какія чувства наполняли ихъ молодя сердца!—Слѣдовательно цѣль наказанія не только не была достигнута, но произвела совершенно другое дѣйствіе, чего благоразумно слѣдовало бы избѣжать.—Другое наказаніе, на-

противъ, было исполнено въ точности — и преступники, изъ которыхъ половина, по успѣхамъ въ наукахъ, имѣла полное право на первый разрядъ, а трое изъ нихъ даже готовились въ Гвардію, были выпущены 3 мъ разрядомъ — въ армію и одинъ XIV классомъ!—Г. Селезневъ въ своемъ „Очеркѣ Лицея“ умалчиваетъ обо всемъ этомъ, хотя не можетъ быть, чтобы въ Лицейскомъ архивѣ не было переписки о томъ, и даже большой.—Но я не вижу никакой причины пройти это молчаніемъ: обиднаго въ этомъ для наказанныхъ я ничего не нахожу, тѣмъ болѣе, что, по сочувствію къ нимъ, въ лицѣ ихъ были наказаны *все* воспитанники Пансіона.—Напротивъ мнѣ кажется, что оба наказанія, особливо первое, гораздо стыднѣе для *нихъ*, которые первые возмѣли, внушили и утвердили мысль о нихъ.—Кто *они* были—о томъ здѣсь распространяться не мѣсто, а будетъ объяснено ниже.

Вслѣдствіе новыхъ преобразованій, въ Мартѣ этого года, великимъ постомъ, въ Пансіонѣ явился уже новый директоръ и ревизоръ-капитанъ Алабовъ, съ двумя своими помощниками, поручиками Жеребцовымъ и Шетохинымъ.—Воспитанники встрѣтили ихъ наружно—почтительно-холодно, но внутренно съ чувствами, далеко недружелюбными, и между собой насмѣшливо разбирали каждое ихъ слово и дѣйствіе.—Благо еще, что они оказались людьми довольно обходительными: хотя манеры ихъ не нравились, но къ чести ихъ нужно сказать, что они ни къ какому особенно крутому, военному мѣрамъ не прибѣгали.—Благо было и то, что кромѣ назначенія *военнаго* начальства, никакихъ другихъ перемѣнъ *въ военномъ* родѣ введено не было, ни ружья, ни маршировки, ни даже выправки, и *все* осталось по прежнему. Но все-таки тяжело и больно было поступить подъ одно начальство съ Кадетскими корпусами и другими военно-учебными заведеніями, и долго воспитанники никакъ не мог-

ли переварить этого.—А впрочемъ, ко всему привыкнешь—привыкли и они къ военному управленію и начальству, и къ новому директору, *Ивану Абрамовичу Алабову*, и даже облизались съ нимъ. Ему, нечего сказать, дѣла было довольно, но что дѣлали его помощники, *Жеребцовъ* и *Шетохинъ*—неизвѣстно; кажется—очень немного, да и оставались они въ Пансіонѣ недолго.

Въ Іюнь этого несчастнаго для Пансіона года послѣдовалъ и несчастный IV выпускъ изъ него 11-ти воспитанниковъ, 5-рыхъ въ гражданскую и 6-ти въ военную службу, а именно:

- 1) *Келеръ*, Максимъ, золотая медаль, X классомъ; умеръ.
- 2) *Донауровъ*, Николай, серебряная медаль, X классомъ; служилъ по министерству иностранныхъ дѣлъ въ Варшавѣ; умеръ.
- 3) *Лесковъ*, Игорь, X классомъ; умеръ.
- 4) *Иксуль*, Карлъ, X классомъ.
- 5) *Мочульский*, Петръ, XIV классомъ.
- 6) *Вагановъ*, Александръ, въ армію, служилъ въ Лейбъ-Кирасирскомъ Ея Величества полку; умеръ Полковникомъ.

Оба въ армію, служили въ Конно-Егеряхъ и во время войны съ Турками въ 1828—29 гг. были причислены къ Генеральному Штабу.

- 9) *Корфъ*, баронъ Александръ, въ армію: служилъ въ Гренадерскомъ Императора Австрійскаго Франца I полку; умеръ.
- 10) *Васковъ*, Василій, въ армію, служилъ въ Конно-Егеряхъ.

11) *Шиторинъ*, Федоръ, въ армію; умеръ *передъ* актомъ.

Затѣмъ къ 1-му Января 1823 года воспитанниковъ въ 6-ти классахъ Пансіона было 162 человѣка.—Нельзя не за-

мѣтить, что съ 1821 и особенно съ 1822-го число воспитанниковъ въ Пансіонѣ стало постепенно уменьшаться, тогда какъ до того оно увеличивалось. — Чѣму приписать это?

Въ личномъ составѣ должностныхъ лицъ Пансіона произошли тѣ перемѣны, что гувернеръ и адъюнктъ *Оболенскій* былъ переведенъ тѣми же званіями въ Лицей, въ Пансіонѣ же сохранилъ только званіе адъюнкта; — военныя науки началъ преподавать отставной поручикъ Виртембергскаго Генеральнаго Штаба *Сентъ-Андре*; — учителями искусствъ были: пѣнія — *Гальтенгофъ*, танцованія — *Эбергардъ* и фехтованія — *Маіоръ Вальвоилъ*.

Въ этомъ же году ревизіонная по отчетамъ Пансіона Коммисія, учрежденная въ первые годы существованія его (см. выше), поступила въ вѣдѣніе Главнаго директора Пажескаго и Кадетскихъ корпусовъ, и на имѣніе директора Лицея, членовъ и секретаря Лицейскаго Правленія было наложено запрещеніе (все вслѣдствіе безпорядковъ, допущенныхъ Гауеншильдомъ).

28-го Августа этого года, Графъ *Коновницинъ*, по случаю тяжелой болѣзни, сдалъ управленіе ввѣренными ему учебными заведеніями, старшему по немъ директору Пажескаго Корпуса Генераль-Маіору *Гогелю* 1, а 29 Августа умеръ.

IX.

5-й выпускъ изъ Пансіона и 3-й переводъ въ Лицей.

1823 годъ.

23-го Января этого года главнымъ директоромъ Пажескаго и Кадетскихъ корпусовъ, Лицея и Пансіона былъ назначенъ

Генераль-Адъютантъ, *Павель Васильевичъ Голенищевъ-Кутузовъ*.

Въ Іюнѣ этого года былъ V выпускъ Пансіона и выпущены 5 воспитанниковъ въ гражданскую и 8 въ военную службу, всего 13, а именно:

1) *Урюмовъ*, Алексѣй, первая золотая медаль, въ старую Гвардію; служилъ Л.-Гв. въ Финляндскомъ полку; умеръ полковникомъ.

2) *Шипулинскій*, Владиміръ, вторая золотая медаль, X классомъ; умеръ.

3) *Путята*, Димитрій, 1-я серебряная медаль, въ Старую Гвардію; служилъ Л.-Гв. въ Преображенскомъ полку; нынѣ Генераль-Адъютантъ и членъ Комитета о раненыхъ.

4) *Нумерсъ*, Августъ, 2-я серебряная медаль, въ Старую Гвардію; служилъ Л.-Гв. въ Финляндскомъ полку; умеръ.

5) *Фрейманъ*, Андрей, X классомъ; служилъ Цензоромъ въ С. Петербургѣ.

6) *Фесслеръ*, Евсеѣй, X классомъ.

7) *Замятинъ*, Павелъ, въ Молодую Гвардію; служилъ Л.-Гв. въ Кирасирскомъ Его Величества полку; — нынѣ Генераль-Маіоръ, былъ Енисейскимъ Губернаторомъ.

8) *Познякъ*, Петръ, въ Молодую Гвардію; служилъ Л.-Гв. въ Гренадерскомъ полку; умеръ.

9) *Вязьминъ*, Александръ, въ Молодую Гвардію; служилъ Л.-Гв. въ Гренадерскомъ полку; умеръ.

10) *Окуневъ*, Илларионъ, въ Молодую Гвардію; служилъ Л.-Гв. въ Гренадерскомъ полку; — въ отставкѣ.

11) *Бродскій*, Александръ, въ Молодую Гвардію; служилъ Л.-Гв. въ Конноегерскомъ полку; въ отставкѣ.

12) *Кирыковъ*, Алексѣй, XII классомъ; въ отставкѣ.

13) *Зубковъ*, Александръ, XII классомъ; умеръ.

И такъ изъ 13-ти, 11 вышли X классомъ и въ Гвардію и 4 съ медалями.

Въ тоже время, по случаю III выпуска изъ Лицея 24-хъ воспитанниковъ I перевода изъ Пансіона, изъ сего послѣдняго произведенъ III переводъ въ Лицей 26-ти воспитанниковъ II и III классовъ, именно:

1) <i>Алопеусъ</i> , Графъ Алек-	15) <i>Ромбергъ</i> , Александръ.
сандръ.	16) <i>Руктешель</i> , Романъ.
2) <i>Бодиско</i> , Константинъ.	17) <i>Тизенгаузенъ</i> , Графъ Алек-
3) <i>Булаковъ</i> , Петръ.	сандръ.
4) <i>Векротъ</i> , Филиппъ.	18) <i>Третьяковъ</i> , Федоръ.
5) <i>Деларю</i> , Михаилъ.	19) <i>Торнау</i> , Николай.
6) <i>Мещерскій</i> , Князь Алек-	20) <i>Фаминцынъ</i> , Александръ.
сандръ.	21) <i>Фроловъ</i> , Федоръ.
7) <i>Митусовъ</i> , Петръ.	22) <i>Ховенъ</i> , Иванъ.
8) <i>Нельовъ</i> , Иванъ.	23) <i>Чевати</i> , Константинъ.
9) <i>Нумерсъ</i> , Александръ.	24) <i>Швансбахъ</i> , Христіанъ.
10) <i>Парландъ</i> , Иванъ.	25) <i>Энгельгардтъ</i> , Владиміръ
11) <i>Пейкеръ</i> , Александръ.	(сынъ директора Лицея.)
12) <i>Потановъ</i> , Петръ.	26) Неизвѣстно (кажется умеръ
13) <i>Рашетъ</i> , Владиміръ.	до выпуска).
14) <i>Реймерсъ</i> , Алексѣй.	

(25 первыхъ вышли изъ Лицея въ 1829 году въ V выпускъ).

За тѣмъ къ 1-му Января 1824 года въ 6-ти классахъ Пансіона было всего 167 воспитанниковъ.

Съ подчиненіемъ Пансіона военному Начальству, воспитанникамъ его была переимѣнена форма одежды. Прежде они носили: въ старшихъ классахъ—фраки, а въ младшихъ—полуфраки, изъ синяго сукна, съ гладкими мѣдными пуговицами и брюки изъ такого же сукна, а съ 1823—24 г. имъ дали

мундиры и сертуки синяго сукна, съ красными воротниками, первые безъ петлицъ, фуражки синяго же сукна и шинели сѣраго сукна съ воротниками такого же цвѣта и красной выпушкой, словомъ такое же обмундированіе, какъ у воспитанниковъ Лицея, только безъ золотыхъ и серебряныхъ петлицъ на воротникахъ мундировъ и безъ красныхъ клапановъ на воротникахъ шинелей.

Какъ 1822-й годъ для Пансіона, такъ этотъ, 1823-й годъ для Лицея и для Пансіона былъ прискорбно памятенъ увольненіемъ отъ службы достойнаго директора Лицея, Е. А. Энгельгардта.—Изъ „Очерка“ Селезнева (стр. 54) усматривается, что съ переходомъ Лицея и Пансіона въ 1822 г. подъ военное начальство, Энгельгардтъ былъ поставленъ въ непріятныя отношенія къ нему.—Такъ по случаю бывшаго въ Лицѣ 12-го Декабря 1822 года (день рожденія Государа) концерта воспитанниковъ, въ 1823 г. возникла обширная переписка (10 одно за другимъ отношеній) съ управленіемъ главнаго директора Пажескаго и Кадетскихъ корпусовъ, поставившая Энгельгардта въ необходимость изъяснять и защищать свои права, и отъ предмета незначительнаго перешедшая, при всей осторожности и благоразумной сдержанности Энгельгардта, къ вопросамъ и замѣчаніямъ, которые и не для Энгельгардта были бы крайне непріятны.—Это вынудило наконецъ Энгельгардта просить увольненія отъ званія директора и отъ службы.—Первое послѣдовало 14-го, а второе 23-го Октября 1823-го года. — Не смотря на это, милостивое благоволеніе Государа къ Энгельгардту нисколько не измѣнилось ни прежде, ни послѣ его увольненія. — Доказательствомъ тому служить слѣдующее: во 1-хъ „по окончаніи выпускныхъ экзаменовъ воспитанниковъ III курса Лицея (въ Іюнь 1823 г.), для нихъ наступилъ часъ разлуки съ Лицеємъ. — Воспитанники обступили Егора Анто-

новича и убедительно просили его позволить имъ провести еще одинъ день въ Лицеѣ. — Этотъ послѣдній день былъ употребленъ директоромъ и воспитанниками на посѣщеніе вмѣстѣ наиболѣ любимыхъ ими мѣстъ Царскаго Села и окрестностей. — Возвращаясь съ дальней прогулки, Егоръ Антоновичъ отдыхалъ въ кругу своихъ питомцевъ въ одной изъ аллей Царскосельскаго парка; мысль о близкой разлукѣ навела грусть на всю веселую толпу, и воспитанники не могли удержать слезъ. — Въ эту минуту явился среди ихъ Государь: слезы также заблестѣли на глазахъ Его. — „Ты счастливъ, Ангельгардтъ“, соизволилъ Онъ сказать Егору Антоновичу: „ты окруженъ благородными, любящими сердцами“. — Обращаясь за тѣмъ къ воспитанникамъ, благословенный Монархъ продолжалъ: „я доволенъ вашимъ экзаменомъ по наукамъ: онъ доказалъ, что вы умѣли воспользоваться средствами, вамъ данными для пріобрѣтенія нужныхъ познаній. — Спасибо за то. Но сегодня Я вижу экзаменъ по Миѣ: я вижу, что у васъ сердца съ чувствомъ, любящія, признательныя. — Сохраните всегда эти чувства, дающія главное достоинство человѣку“. — (Изъ статьи воспитанника X курса Лицея (1839 г.) А. В. Головинина: „Императорскій Александровскій Лицей“, въ журналѣ М—ва Внутрен. Дѣлъ 1849 г. ч. XXVI; — „Очеркъ“ Селезнева стр. 150—151). — Во 2-хъ, при увольненіи Ангельгардта отъ службы, ему пожаловано было 3,000 р. пенсіи. — За всѣмъ тѣмъ, Ангельгардтъ былъ уволенъ — и два мѣсяца спустя на его мѣсто былъ уже назначенъ новый директоръ Лицея, изъ Генераловъ военно-учебнаго вѣдомства, а запрещеніе на имѣніе Ангельгардта (по ревизіи Пансіона) не было снято до самаго Октября 1827 г. — Увольненіе Ангельгардта было тяжелою потерей какъ для Лицея, такъ и для Пансіона: съ увольненіемъ его они лишились отличнаго директора и

окончательно и вполне поступили подъ военное Начальство. — Сначала (23 Октября) исправленіе должности директора Лицея было возложено на профессора *Кошанскаго*, а по случаю болѣзни его въ Ноябрь того же года, оно поручено было инспектору Лицея *Нумерсу*, за два мѣсяца передъ тѣмъ (въ Сентябрѣ) опредѣленному въ эту должность по ходатайству Ангельгардта. — Но Нумерсъ управлялъ Лицеемъ только до 1-го Января слѣдующаго 1824 года.

X.

6-й выпускъ изъ Пансіона.

1824 годъ.

1-го Января этого года Директоромъ Лицея былъ назначенъ Дворянскаго полка Генераль-Маіоръ *Осдоръ Григорьевичъ Гольцгоеръ*.

Въ Іюнь былъ VI выпускъ изъ Пансіона и выпущены 6-ть воспитанниковъ въ гражданскую и 4 въ военную службу, всего 10, а именно:

1. *Голицынъ*, Князь Сергій, золотая медаль, въ Старую Гвардію; служилъ Л.-Гв. въ Конной Артиллеріи; послѣднее время былъ Инспекторомъ Оружейныхъ заводовъ; умеръ въ отставкѣ Генераль-Лейтенантомъ.
2. *Нумерсъ*, Викторъ, 1-я серебряная медаль, X классомъ; дѣйств. Ст. Сов. въ Министерствѣ Юстиціи.
3. *Гревсницъ*, баронъ Александръ, 2-я серебряная медаль, X классомъ; Тайный Совѣтникъ и Сенаторъ.
4. *Левенгагенъ*, Петръ, въ Старую Гвардію; служилъ Л.-Гв. въ Конно-Гренадерскомъ полку; — умеръ Генераль-Маіоромъ.

Оба въ Молодую Гвардію и служили Л. Гв. въ Конно-Егерскомъ полку, а послѣдній послѣ того въ таможенномъ вѣдомствѣ и нынѣ въ отставкѣ.

5. *Баженовъ*, Александръ

6. *Местмахеръ*, Баронъ Павелъ

7. *Рашетъ*, Александръ, XII классомъ, въ 1861 г. былъ Стат. Сов. и помощникомъ Управляющаго консульствомъ въ Бродяхъ.

8. *Штакельбергъ*, Петръ, XII классомъ;—неизвѣстно.

9. *Данауровъ*, Иванъ, XII классомъ, былъ Камергеромъ, Стат. Сов., въ Министер. Госуд. Имуществъ; умеръ.

10. *Карамышевъ*, Арсеній, XII классомъ; служилъ въ почтовомъ вѣдомствѣ; умеръ въ отставкѣ.

Къ 1-му Января 1825 года воспитанниковъ въ Пансіонѣ было 166 человекъ.

XI.

7-й выпускъ изъ Пансіона.

1825 годъ.

Въ этомъ году былъ VII выпускъ изъ Пансіона и выпущено 11 воспитанниковъ въ военную службу и 3 въ гражданскую, всего 14, именно:

1. *Фроловъ*, Илья, золотая медаль, въ Старую Гвардію;—служилъ въ Гвард. Генеральномъ Штабѣ и потомъ въ Генеральномъ Штабѣ, нынѣ Генераль-Адъютантъ, Генераль-Лейтенантъ и Сенаторъ.

2. *Голицынъ*, Князь Николай, 1-я серебряная медаль, въ

Старую Гвардію;—служилъ въ Гвард. Генер. Штабѣ и потомъ въ Генеральномъ Штабѣ; нынѣ Генеральнаго Штаба Генераль-Лейтенантъ, членъ военно-ученаго Комитета.

3. *Юревичъ*, Ѳедоръ, 2-я серебряная медаль, въ Старую Гвардію; служилъ Л. Гв. въ Финляндскомъ полку; нынѣ въ гражданской службѣ Дѣйств. Стат. Совѣтникомъ.

4. *Свѣчинъ*, Семенъ, 3-я серебряная медаль, въ Старую Гвардію; служилъ Л. Гв. въ Конномъ полку; умеръ Полковникомъ.

5. *Голицынъ*, Князь Александръ, въ старую Гвардію; служилъ Л. Гв. въ Конной Артиллеріи и потомъ въ полевой конной артиллеріи, состоялъ при Новороссійскомъ Генераль-Губернаторѣ и Кавказскомъ Намѣстникѣ графѣ Воронцовѣ, а потомъ при Министерствѣ внутреннихъ дѣлъ; нынѣ Генераль-Лейтенантъ въ отставкѣ.

Оба въ Молодую Гвардію; служили Л. Гв. въ Гренадерскомъ полку, первый потомъ на Кавказѣ, второй умеръ вслѣдствіе тяжелой раны, полученной при штурмѣ Варшавы 1831 г.

6. *Ховенъ*, Романъ,

7. *Брокеръ*, Ѳедоръ,

8. *Хитрово*, Захаръ, XII классомъ, въ послѣднее время былъ дѣйств. Стат. Совѣт., Церемоніймейстеромъ Высочайшаго Двора и членомъ Капитула Орденовъ; нынѣ въ отставкѣ.

9. *Дымчевичъ*, Тимоѳей, XII классомъ; служилъ въ Министерствѣ народ. просвѣщенія.

10. *Курсель*, Августъ, въ армію; служилъ въ Волянскомъ уланскомъ полку; нынѣ въ отставкѣ.

11. *Трефуртъ*, Ѳедоръ, въ армію; служилъ въ Ямбургскомъ уланскомъ полку, потомъ Л. Гв. уланскомъ Е. И. В.

Цесаревича полку и въ гражданской службѣ членомъ С.-Петербургской Таможни, въ чинѣ Дѣйств. Стат. Совѣтника.

12. *Трохимовскій*, Николай, въ армію; служилъ въ Ямбургскомъ уланскомъ полку, потомъ въ удѣльномъ вѣдомствѣ, управ. Оренбург. Удѣлн. Конторой.

13. *Бологовской*, Николай, въ армію; служилъ въ Лейбъ-Кирасирскомъ Ея Величества полку, потомъ на Кавказѣ, гдѣ умеръ отъ холеры въ 1831 году.

14. *Хованскій*, Князь Юрій, XIV классомъ; въ отставкѣ.

Къ 1-му Января 1826-го года воспитанниковъ въ Пансіонѣ было 157 человекъ.

XII.

8-й выпускъ изъ Пансіона и 4-й переводъ въ Лицей.

1826 годъ.

Въ Іюнь этого года, изъ Лицея былъ IV выпускъ 24-хъ воспитанниковъ, а изъ Пансіона VIII выпускъ 17-ти и 4-й переводъ въ Лицей 25 воспитанниковъ.

Выпущены изъ Пансіона:

1. *Бодс*, баронъ Клементій, 1-я золотая медаль, X классомъ; умеръ.

2. *Деллингеншюгенъ*, баронъ Юлій, 2-я золотая медаль, въ Старую Гвардію; служилъ въ Кавалергардскомъ полку; — въ отставкѣ.

3. *Рашетъ*, Евгеній, 1-я серебряная медаль, X классомъ;

умеръ Тайн. Сов., директоромъ Канцеляріи Статсъ-Секретаря у принятія прошеній.

4. *Консубу*, Ѳеодоръ, 2-я серебряная медаль, X классомъ; — въ 1861 г. дѣйств. Стат. Сов., Членъ Сов. Глав. управ. Закавказскаго края и упр. почт. частію на Кавказѣ и за Кавказомъ.

5. *Рейсигъ*, Константинъ, 3-я серебряная медаль, въ Старую Гвардію; — служилъ Л.-Гв. въ Конной Артиллеріи; въ 1861 г. Генер.-Маіоръ, начал. Конно-Артил. дивизіи; — умеръ.

6. *Курсель*, Отто, въ Молодую Гвардію; служилъ Л.-Гв. въ Павловскомъ полку; — въ отставкѣ.

7. *Вальховскій*, Константинъ, въ Молодую Гвардію.

8. *Воронихинъ*, Владиміръ, въ Молодую Гвардію; служилъ Л.-Гв. въ Гренадерскомъ полку; — умеръ отъ ранъ при штурмѣ Варшавы въ 1831 году.

9. *Демчинскій*, Иванъ, въ Молодую Гвардію; — служилъ въ 24-й артил. бригадѣ; — съ 1861 г. въ отставкѣ.

10. *Музовскій*, Андрей, умеръ.

11. *Кирыковъ*, Адамъ, въ отставкѣ.

12. *Каверинъ*, Алексѣй, умеръ.

всѣ въ Молодую Гвардію и служили: первый Л.-Г. въ Павловскомъ полку, а послѣдніе двое Л.-Г. въ Гренадерскомъ полку.

13. *Алонсусъ*, графъ Александръ, всѣ XII классомъ; изъ нихъ

14. *Черноглазовъ*, Владиміръ, 1-й, 3-й и 4-й умерли, а

15. *Демчинскій*, Вадимъ, 2-й Тайный Совѣтникъ и

16. *Туманскій*, Иванъ, Сенаторъ.

17. *Васьковъ*, Александръ, въ армію; — служилъ въ Конныхъ Егеряхъ; убитъ въ войну 1828 г. съ Турціей.

Переведены изъ Пансіона въ Лицей:

1. Анненскій, Ѳеодоръ..	14. Пащенко, Константинъ.
2. Бресернъ, Иванъ.	15. Повало-Швейковский, До-
3. Волковъ, Александръ.	римедонтъ.
4. Голтштеръ, Константинъ.	16. ~~Долженковъ~~ , Михаилъ.
5. Гротъ, Яковъ.	17. Рейнботъ, Павелъ.
6. Дмитревскій, Иванъ.	18. Стессель, Николай.
7. ~~Комовскій~~ , Александръ.	19. Стрекаловъ, Степанъ.
8. ~~Константиновъ~~ , графъ Алек-	20. Философовъ, Александръ.
сѣй.	21. Харламовъ, Николай.
9. Коцебу, Василий.	22. Шторхъ, Константинъ.
10. Крузшнитеръ, Платонъ.	23. Штофрегенъ, Александръ.
11. Лихонинъ, Семень.	24. Эйгенъ, Василий.
12. Макаровъ, Петръ.	25. ~~(неизвестно)~~ .
13. Миллеръ, Павелъ.	

(вышли изъ Лицея въ 1832 году въ VI выпускъ).

За тѣмъ къ 1-му Января 1827 года въ Пансіонѣ было 160 воспитанниковъ.

14-го Декабря 1826 года Главнымъ директоромъ Наже-скаго и Кадетскихъ корпусовъ, Лицея и Пансіона, на мѣсто Генералъ-адъютанта графа *Голеннищева-Кутузова*, былъ на-значенъ Генералъ-Адъютантъ *Николай Ивановичъ Демидовъ*.

XIII.

9-й выпускъ изъ Пансіона.

1827 годъ.

Въ Іюнь этого года былъ IX выпускъ изъ Пансіона и выпущено 13-ть воспитанниковъ: 10 въ гражданскую 3 въ военную службу, именно:

1. *Фанъ-деръ-Флитъ*, Ѳеодоръ, золотая медаль, X классомъ; Тайный Совѣтникъ, былъ директоромъ Канцеляріи Министер. Финансовъ. *Ум. 1872*

2. *Шубинъ*, Александръ, 1-я серебряная медаль, X класс.; умеръ.

3. *Рейнботъ*, Ѳеодоръ, 2-я серебряная медаль, X клас-сомъ;—Дѣйств. Стат. Совѣт. въ почтовомъ вѣдомствѣ.

4. *Лаубе*, Николай, X классомъ; Ст. Секрет., Тайный Со-вѣтникъ; — былъ директ. Почтов. департ. и С.-Петербург. Почтъ-директоромъ.

5. *Брянчаниновъ*, Викторъ, въ Старую Гвардію, служилъ Л. Гв. въ Измайловскомъ полку, потомъ въ Министер. Госу-дар. Имуществъ.

6. *Носовъ*, Николай, въ Молодую Гвардію, служилъ Л.-Гв. въ Павловскомъ полку, потомъ въ Гражд. службѣ; — Стат. Совѣтникъ въ отставкѣ.

7. *Генъ*, Константинъ, въ Молодую Гвардію;—въ отставкѣ.

8. *Красовскій*, Николай, XII классомъ; — въ отставкѣ.

9. *Рейсигъ*, Христіанъ, XII классомъ;—умеръ.

10. *Рейсигъ*, Карлъ, XII, классомъ; — умеръ.

11. *Брянчаниновъ*, Петръ, XII классомъ; — въ отставкѣ.

12. *Золотницкій*, Владиміръ, XIV классомъ; — въ от-ставкѣ.

13. *Яфимовичъ*, Алексѣй, XIV классомъ;— Дѣйств. Стат. Совѣт. (былъ дир. Гранит. Фабрики въ Петергофѣ).

Къ 1-му Января 1828 года въ Пансіонѣ было 151 вос-питанникъ (наименьшее число, бывшее въ Пансіонѣ).

Въ 1827 году директоромъ Пансіона, на мѣсто Подпол-ковника *Алабова*, былъ назначенъ 2-го Кадетскаго корпуса Подполковникъ *Ваксмутъ 3-й*, а инспекторомъ — гувернеръ, Коллежскій Ассесоръ *Джаксонъ*.

XIV.

10-й выпускъ изъ Пансіона. Прекращеніе отпуска воспитанниковъ къ родителямъ.

1828 годъ.

13-го Января этого года при Пансіонѣ была основана, на счетъ Князя О. С. Голицына, отца одного изъ воспитанниковъ Пансіона, домовая церковь во имя Св. Благотѣрнаго Великаго Князя Александра Невскаго, имѣвшая свой причтъ.

Въ Іюнь этого года былъ X выпускъ изъ Пансіона и выпущено 26 воспитанниковъ: (самое большое число изъ всѣхъ выпусксовъ), изъ нихъ 11 въ гражданскую и 15 въ военную службу, а именно:

1. *Чевати*, Александръ, золотая медаль, въ Старую Гвардію;—служилъ Л.-Г. въ Волынскомъ полку;—былъ Предсѣд. 1-го Д-та С.-Петербургской Управы Благочинія; — нынѣ Генераль-Лейтенантъ въ отставкѣ.

2. *Гангъ*, Александръ, 1-я серебряная медаль, въ Старую Гвардію;—служилъ Л.-Гв. въ Финляндскомъ полку; — нынѣ Генераль-Лейтенантъ. Нач. мѣстн. Войскъ Москов. воен. округа.

3. *Голенищевъ-Кутузовъ*, Графъ Аркадій, 2-я серебряная медаль, X классомъ;—умеръ въ званіи Камергера, Тайнымъ Совѣт., Сенаторомъ и Товарищемъ Министра Ст. Секрет. Царства Польскаго.

4. *Самсоновъ*, Александръ, въ Старую Гвардію; служилъ въ Кавалергардскомъ полку; — нынѣ Генераль-Лейтенантъ. Почет. Опекунъ С.-Петербург. Опекун. Совѣта.

5. *Брилевичъ*, Александръ, X классомъ; — служилъ въ Министер. Финансовъ Стат. Совѣтникомъ.

6. *Ламбертъ*, Графъ Іосифъ, въ Молодую Гвардію;—служилъ Л. Гв. въ Конноегерскомъ и потомъ Л. Гв. въ Гусарскомъ полкахъ;—нынѣ Генераль-Адъютантъ и Генераль-Лейтенантъ.

7. *Наленчъ-Рачинскій*, Графъ Вильгельмъ, въ Молодую Гвардію; — служилъ Л. Гв. въ Гродненскомъ Гусарскомъ полку;—въ отставкѣ.

8. *Дмитревскій*, Николай, въ Молодую Гвардію; — служилъ Л. Гв. въ Гренадерскомъ полку и потомъ въ Министерствѣ Финансовъ Статск. Совѣтникомъ.

9. *Роткиръгъ*, Владиміръ, въ Молодую Гвардію;—служилъ Л. Гв. въ Гренадерскомъ полку;—въ отставкѣ.

10. *Бакаевъ*, Владиміръ, въ Молодую Гвардію;—служилъ Л. Гв. въ Гренадерскомъ полку; — въ отставкѣ Полковникомъ.

11. *Беннинсенъ*, Графъ Карлъ, въ Молодую Гвардію; — служилъ Л. Гв. въ Конноегерскомъ полку;—умеръ на службѣ Генераль-Маіоромъ.

12. *Домонтовичъ*, Николай, въ Молодую Гвардію; — служилъ Л. Гв. Гренадерскомъ полку и потомъ въ Министер. Финансовъ Статск. Совѣт.;—умеръ.

13. *Френгъ*, Рудольфъ, XII классомъ; — въ 1861 г. былъ Кол. Совѣт. и Консуломъ въ Анконѣ.

14. *Наумовъ*, Михаилъ, XII классомъ;—въ 1861 г. былъ директ. Госуд. Банка.

15. *Малиновскій*, Іосифъ, XII классомъ;—умеръ.

16) *Эльснеръ*, Отто, XII классомъ; — въ 1861 г. былъ Стат. Сов., директ. учил. Херсонск. губ.

17) *Искрицкій*, Михаилъ, XII классомъ; — въ 1861 г.

былъ Кол. Совѣт., въ званіи камеръ-юнкера, членъ Харьковскаго Попечит. о тюрьмахъ Комитета;— умеръ.

18) *Дангеръ*, Африканъ, XII классомъ;— умеръ.

19) *Фаминцынъ*, Николай, въ армію;— въ отставкѣ.

20) *Кохановъ*, Петръ, въ армію;— умеръ Гвардіи Полковн. по особымъ поруч. при военномъ Министрѣ.

21) *Беннинсенъ*, Графъ Леонтіи, въ армію;— умеръ.

22) *Чевати*, Степанъ, въ армію;— умеръ Полк. по особымъ порученіямъ при Виленскомъ Генер. Губерн.

23) *Туманскій*, Владиміръ, въ армію;— въ отставкѣ.

24) *Торнау*, баронъ Ѳедоръ, въ армію;— нынѣ Генер. Штаба Генер.-Маіоръ и военный агентъ въ Вѣнѣ.

25) *Нельзовъ*, Павелъ, XIV классомъ;— умеръ.

26) *Ритмейстеръ*, Петръ, XIV классомъ;— въ 1861 г. былъ Кол. Совѣт., Контролеръ Контрольной Экспедиціи при IV Отдѣл. Собств. Его Импер. Велич. Канцеляріи.

Съ 1-го Января 1829 года въ Пансіонѣ было 174 воспитанника (снова наибольшее число, бывшее въ Пансіонѣ).— Въ дѣлахъ Лицейскаго архива такое увеличеніе въ 1828—29 гг. числа воспитанниковъ въ Пансіонѣ объясняется *прекращеніемъ отпуска воспитанниковъ къ родителямъ на праздники*.— Представленіе о томъ было сдѣлано 20-го Апрѣля 1828 года директоромъ Лицея Г. М. Голтцверомъ. — „По сдѣланнымъ мною наблюденіямъ (писалъ онъ), таковыя отпуски (на каникулярный Іюль мѣсяцъ, такъ равно и на праздники Свѣтлыя Пасхи, что составляетъ вообще до полутора мѣсяца въ году) приносятъ невыгоды какъ самимъ воспитывающимся, такъ и начальству Пансіона, по слѣдующимъ причинамъ: 1) нѣкоторые изъ отличныхъ воспитанниковъ тѣхъ классовъ Пансіона, изъ коихъ дѣлается выборъ для перевода въ Лицей, за годъ еще до сего перевода дѣлаются притворно слабыми

въ наукахъ и невнимательными въ классахъ, дабы симъ способомъ—только уклониться отъ перевода въ Лицей и тѣмъ самымъ не потерять права быть увольняемымъ къ родителямъ на каникулярное время; 2) въ теченіи сихъ временныхъ отпусковъ—воспитанники, находясь у родителей своихъ или родственниковъ, слабо повторяютъ пройденное, отъ чего при началіи классовъ оказываются гораздо слабѣе тѣхъ, кои оставались въ заведеніи, а потому учащіе должны употреблять особенныя усилія, чтобы уравниать ихъ съ товарищами; 3) тѣ даже, кои находились въ числѣ лучшихъ по нравственности, поведенію и прилежанію до отпуска, по возвращеніи въ Пансіонъ замѣчаются не столь лучшей нравственности (!), а нѣкоторые даже съ порочными склонностями (!!); также находятся долгое время въ уныніи (!), не имѣютъ прежняго прилежанія (!) и дѣлаютъ иногда нѣкоторыя отступленія отъ введеннаго порядка (!).—Всѣ эти причины побуждаютъ меня (т. е. директора Лицея) просить о прекращеніи отпуска воспитанникамъ Пансіона къ ихъ родителямъ, по примѣру Лицея.“—На это главный директоръ Пажескаго и всѣхъ кадетскихъ корпусовъ, Генералъ-Адъютантъ Демидовъ 14-го Августа 1828 года сообщилъ директору Лицея Высочайшее повелѣніе: „Отпускъ воспитанниковъ изъ Пансіона къ ихъ родителямъ прекратить по примѣру тому, какъ сіе постановлено и по Лицею; но, какъ отъ сего Пансіонъ долженъ лишиться до 4,500 р. въ годъ, остающихся въ экономіи отъ несодержанія въ сіе время воспитанниковъ, то Его Императорское Величество равноумно соизволяетъ на помѣщеніе въ Царскосельскій Пансіонъ, сверхъ положенныхъ по штату 150 воспитанниковъ, еще 20 человекъ“.

Такъ какъ Высочайшее повелѣніе это было объявлено 14-го

Августа 1828 года, въ Іюнѣ же 1829 года послѣдовало упраздненіе Пансіона, то воспитанники его и лишились отпуска къ родителямъ только на Пасху 1829 года, т. е. всего на двѣ недѣли (Страстную и Святую). — Хотя этимъ только и ограничилась означенная здѣсь мѣра, послѣдовавшая по *представленію директора Лицея*, тѣмъ не менѣе нельзя не оставить безъ замѣчанія доводовъ, изложенныхъ въ 3-хъ пунктахъ этого представленія. — По 1-му пункту: Какое неблагоприятное и несправедливое обвиненіе нѣкоторыхъ отличныхъ воспитанниковъ тѣхъ классовъ Пансіона, изъ которыхъ дѣлался выборъ для перевода въ Лицей, въ томъ, будто они еще за годъ до того притворились слабыми въ наукахъ и были невнимательными въ классахъ, лишь бы только не быть переведенными въ Лицей и не лишиться права отпуска къ родителямъ! — Такая хитрость и коварство какъ-то не согласуются ни съ молодыми лѣтами (10—13) воспитанниковъ, переводимыхъ въ Лицей, ни съ состояніемъ ихъ въ разрядѣ отличныхъ, ни съ особенною честію, которую каждый пансіонеръ видѣлъ въ переводѣ въ Лицей! — Если бывшій безъ малаго 8 лѣтъ директоромъ Лицея, такой отличный педагогъ, какъ *Энгельгардтъ*, и опытные профессора—члены Конференціи Лицея не сдѣлали этихъ наблюденій въ 8 и болѣе лѣтъ, то какимъ образомъ могъ въ 3 года съ небольшимъ сдѣлать ихъ новый директоръ Лицея—человѣкъ въ этомъ дѣлѣ, въ отношеніи къ Пансіону, вполне новый, хотя бы онъ и имѣлъ весьма большую опытность по кадетскимъ корпусамъ и дворянскому полку? — Но положимъ даже, что первая причина, приведенная имъ, и была справедлива;—спрашивается: развѣ воспитанникамъ 10—13 лѣтъ могло быть поставлено въ вину, что они на Пасху и каникулы желали быть уволенными къ родителямъ или родственникамъ своимъ? — Не самъ-ли же *Демидовъ*, въ письмѣ,

писанномъ къ директору Лицея всего только за 9-ть дней (5-го Августа 1828 года) до объявленія вышеприведеннаго Высочайшаго повелѣнія (14-го Августа того же года), писалъ: „*одинъ изъ важнѣйшихъ недостатковъ общественнаго воспитанія, сколько я могъ замѣтить (!), состоитъ въ томъ, что долговременное пребываніе воспитывающихся въ разлуки и безъ всякаго сношенія съ родителями или родственниками, невольно охлаждаетъ въ нихъ тотъ кровный союзъ, который, служа основаніемъ христіанской морали, упрочиваетъ благосостояніе семействъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и общества*“, (Селезнева „Очеркъ“ стр. 236—237). — Это противорѣчитъ доводамъ, въ представленіи директора Лицея, которое однако было одобрено Демидовымъ. Нѣтъ, должно прямо сказать, что увольненіе воспитанниковъ Пансіона, въ теченіи 14-ти лѣтъ (1814—1828), къ ихъ родителямъ и родственникамъ на праздники и каникулы, было гораздо болѣе естественно и разумно, нежели *неувольненіе* воспитанниковъ Лицея, въ теченіе всего 6-ти лѣтняго курса въ немъ, по примѣру женскихъ институтовъ. — Самое лучшее доказательство этому-то, что не далѣе, какъ 4 года спустя (въ 1832 году), Великій Князь Михаилъ Павловичъ, въ знакъ особеннаго снисхожденія своего къ Лицею, разрѣшилъ воспитанникамъ его отпускъ къ ихъ родителямъ и родственникамъ. (Селезнева „Очеркъ“ стр. 254). —

Далѣе, по пункту 2-му должно замѣтить, что отпускъ воспитанниковъ какихъ бы то ни было учебныхъ заведеній, къ ихъ родителямъ и родственникамъ, на праздники и каникулы, всегда давался, дается и будетъ даваться не для ученія или повторенія уроковъ, а для необходимаго отдохновенія и развлеченія послѣ годовыхъ трудовъ, и если эти отпуски издавна называются *вакаціями*, то не напрасно же, а если

вакаціи признаются справедливо необходимыми для *воспитателей и преподавателей*, то не болѣе ли еще должны признаваться такими для *учащихся*, въ молодыхъ лѣтахъ отъ 10 до 20?—Но чтобъ бывшіе въ отпуску, даже *отличные*, оказывались *гораздо слабѣе* оставшихся въ заведеніи, съ этимъ никакъ нельзя согласиться; — собственный опытъ насъ всѣхъ, лично прошедшихъ черезъ это, никакъ не допускаетъ того, и если бывали такого рода случаи, то не болѣе, какъ рѣдкія исключенія.

Наконецъ по *пункту 3-му* еще менѣе можно согласиться съ тѣмъ, чтобы даже *лучшіе* по нравственности, поведенію и прилежанію возвращались отъ родителей *хуже*, нежели были въ Пансіонѣ, а *нѣкоторые даже съ порочными наклонностями* (!). — Считаю даже долгомъ рѣшительно *протестовать* противъ такого, можно сказать, кощунственнаго нареканія!—Допустить это, значило бы разомъ отвергнуть то, что есть добраго и хорошаго въ семействѣ и то, что есть недобраго и нехорошаго въ общественномъ воспитаніи, и наоборотъ—допустить все хорошее въ этомъ послѣднемъ, все нехорошее въ первомъ, словомъ—принять въ основаніе софизмы женскихъ институтовъ, разлучающихъ дѣтей съ родителями и родственниками — дѣло, совершенно противуестественное и ненормальное тѣмъ, что ставитъ общественную воспитательную опеку несравненно выше семейной!—Если по возвращеніи отъ родителей дѣйствительно первое время воспитанникамъ было *тяжело и грустно*, то это очень естественно и понятно, ничего дурнаго въ себѣ не заключало, притомъ продолжалось *недолго*, а лишь *нѣсколько дней*, и то для дѣтей, а не для *взрослыхъ*, и не для *лучшихъ* по успѣхамъ и поведенію, а болѣе для *лѣнивыхъ и малоспособныхъ*. —

Слѣдовательно—въ 3 пункта представленія директора Лицея не выдерживали строгой критики и никоимъ образомъ не могли служить причинами исправленія прекращенія отпуска воспитанниковъ Пансіона къ родителямъ на праздники и каникулы.—По этому-то хорошо было, что эта мѣра, по случаю упраздненія Пансіона, ограничилась только двумя недѣлями: Страстною и Святою 1829-го года.

XV.

11-й и послѣдній выпускъ изъ Пансіона и 5-й, послѣдній переводъ въ Лицей.—Упраздненіе Пансіона.

1829 и послѣдній годъ.

Послѣдній, неполный годъ существованія Пансіона!—Пробилъ наконецъ Пансіону послѣдній часъ: 15-го Января этого года Государь Императоръ посѣтилъ Пансіонъ и—«*не былъ доволенъ*» (рапортъ директора Лицея главному директору отъ 16-го Января 1829 года, Селезнева „Очеркъ“ стр. 241).—Чѣмъ именно Государь *не былъ доволенъ*—въ „Очеркѣ“ Селезнева не сказано. Но вѣдѣ за посѣщеніемъ Государя, въ Пансіонъ прибылъ главный директоръ и напелъ, что *гувернеры не исполняютъ своей обязанности, чему служитъ доказательствомъ наружный, необразованный (!) видъ воспитанниковъ, ибо почти ни одинъ изъ нихъ не умѣетъ ни стоять, ни ходить, ни отвѣчать (!)*.—Я не требую (писалъ Демидовъ въ отношеніи къ директору Лицея отъ 2-го Февраля 1829 года; Селезнева „Очеркъ“ стр. 241), чтобы они имѣли военную поступь, стойку и отрывистый разговоръ, потому что это несовмѣстно съ ихъ одеждой (!),

а въ отношеніи нѣкоторыхъ и съ будущимъ ихъ назначеніемъ (!); но почтительный и открытый видъ, благородная и развязная походка, и пріятливый разговоръ суть необходимыя принадлежности каждаго благовоспитаннаго юноши, для какого бы рода службы онъ ни готовился». — Замѣнены были и другія неустройства, вслѣдствіе которыхъ предприняты были «новые распоряжки къ скорѣйшему исправленію всѣхъ замѣченныхъ недостатковъ.» — (Селезнева „Очеркъ“ стр. 241). — Странно, что Демидовъ не замѣчалъ этого прежде, а замѣтилъ только послѣ посѣщенія Государя. — Принятіе же новыхъ распоряжковъ его уже было поздно: три недѣли спустя, 23-го Февраля послѣдовало Высочайшее повелѣніе: „состоящій при Императорскомъ Лицѣ Благородный Пансіонъ упразднить, Императорскій же Царскосельскій Лицей, долженствующій отнынѣ имѣть предметомъ образованіе воспитанниковъ только „для статской службы, комплектовать при открывшихся вакансіяхъ отличными воспитанниками С.-Петербургскаго Университетскаго Благороднаго Пансіона.“ (Селезнева „Очеркъ“ стр. 184).

И такъ ближайшею, непосредственною причиною упраздненія Пансіона было *неудовольствіе Государя* противъ него, т. е. его воспитанниковъ. — Но г. Селезневъ въ „Очеркѣ Лицея“ (стр. 183) и г. Шульгинъ въ „Историческомъ обзорѣ Лицея“ (стр. 32) одинаково говорятъ, что на положеніе Лицея и Пансіона имѣли вліяніе *современныя важныя преобразованія въ системѣ нашего народнаго образованія вообще.* — Именно: 8 Декабря 1828 года утвержденъ уставъ гимназій, уѣздныхъ и приходскихъ училищъ, и „новое устройство, данное вслѣдствіе того гимназіямъ, которыхъ и число увеличено, и курсъ ученія расширенъ, представило много и новыхъ путей, и новыхъ способовъ, къ пріобрѣтенію общаго образова-

нія, основаннаго на одинаковыхъ началахъ. — Вслѣдствіе того университетскіе Пансіоны, Московскій и Петербургскій, *однородные (?) съ Лицейскимъ, преобразованы* были въ гимназіи, а Лицейскій *упраздненъ* въ 1829 г.“ (г. Шульгинъ „въ Историч. обзорѣ“). — А г. Селезневъ прибавляетъ, что 1835 г. утверждены и обнародованы: 29-го Мая — Уставъ Императорскаго училища Правовѣдѣнія, 25-го Іюня — Положеніе объ учебныхъ Округахъ и 26 Іюля — общій уставъ Императорскихъ Россійскихъ университетовъ, — и что состояніе узаконеній для народнаго образованія того времени, когда Лицей“ (и слѣдуетъ прибавить — Пансіонъ его) „получилъ свое Постановленіе, измѣнялось и въ новыхъ положеніяхъ представляло существенное передъ прежнимъ отличіе.“ — Все это справедливо въ отношеніи къ 1835 году, но 8-го Декабря 1828 года утвержденъ былъ только уставъ гимназій, уѣздныхъ и приходскихъ училищъ, слѣдовательно — положено только *первое начало* преобразованію *всей системы народнаго образованія.* — Лицейскій же Пансіонъ повелѣно упразднить уже 23 Февраля 1829-го года — 2½ мѣсяца послѣ этого и слишкомъ 6 лѣтъ до *полнаго* преобразованія *всей системы народнаго образованія вообще.* — Изъ этого весьма естественно возникаетъ цѣлый рядъ вопросовъ, которыхъ ни г. Шульгинъ, ни г. Селезневъ не только не разрѣшаютъ, но даже и не касаются, обходя ихъ приведеніемъ только *совершившихся фактовъ.* — Такъ, напримѣръ, можно бы спросить, на основаніи чего сдѣланъ такой выводъ: преобразование *всей системы народнаго образованія въ 1828 году* и новое устройство *гимназій* представили много новыхъ путей и способовъ къ пріобрѣтенію общаго образованія и т. д.; *вслѣдствіе того* университетскіе Пансіоны, Московскій и Петербургскій, *однородные (!) съ Лицейскимъ, преобразованы* были въ гимназіи, а Лицейскій *упраздненъ въ 1829 году.* — Это

не причина: университетскіе Пансіоны не были однородны съ Лицейскимъ, не имѣя одинаковыхъ съ нимъ правъ, ни въ отношеніи перевода воспитанниковъ своихъ въ университеты, ни въ отношеніи выпуска ихъ на службу.—Если же они были преобразованы въ гимназій, то почему же Лицейскій Пансіонъ былъ упраздненъ?— „Но прежде закрытія своего“ (т. е. преобразованія въ гимназію), „Пансіону университетскому“ (Петербургскому)—говоритъ г. Селезневъ—*«суждено было, въ отношеніи къ Лицею, заступить мѣсто Благороднаго его Пансіона, съ котораго и начались преобразованія въ Лицей»* (стр. 184).—И это также—только совершившійся фактъ, но не причина.—Самъ же г. Селезневъ тотчасъ вслѣдъ затѣмъ прибавляетъ: „23-го Февраля 1829 года объявлено было Высочайшее повелѣніе: Лицейскій Пансіонъ упразднить, а Лицей комплектовать воспитанниками С.-Петербургскаго Университетскаго Пансіона“.—Дѣло объясняется, кажется, очень просто, а полное преобразование всей системы народнаго образованія послѣдовало лишь 6 лѣтъ спустя.—Если же въ 1828 году только 8 Декабря былъ утвержденъ уставъ гимназій, уѣздныхъ и приходскихъ училищъ, и слѣдовательно преобразование ихъ могло начаться только съ новаго учебнаго 1829—30 года, а Петербургскій университетскій Пансіонъ преобразованъ въ 1-ю С.-Петербургскую гимназію даже только съ учебнаго 1831—32 года, то почему же Лицейскій Пансіонъ былъ, не преобразованъ подобно ему и Московскому въ 1831 году, а упраздненъ тотчасъ же, въ 1829-мъ?—Нѣтъ, причинъ упраздненія его было нѣсколько, сверхъ приводимыхъ гг. Шульгинымъ и Селезевымъ, и болѣе важныхъ и основательныхъ, но причины эти были неофициальныя, негласныя, которыя впрочемъ въ настоящее время не

составляютъ тайны.—Разъясненіе ихъ, здѣсь неумѣстное, отлагаю до второй части. —

И такъ Лицейскій Пансіонъ велѣно было упразднить—и онъ былъ упраздненъ въ Іюнь 1829 года. Передъ упраздненіемъ его, въ послѣдній разъ 12 воспитанниковъ его выпущены на службу: 9 въ гражданскую и 3 въ военную (XI выпускъ), 25 изъ II и III классовъ переведены въ Лицей (5-й переводъ), 45 въ С.-Петербургскій Университетскій Благородный Пансіонъ, а остальнымъ 92 предоставлено право перейти въ школу гвардѣйскихъ подпоручиковъ и прочія военно-учебныя заведенія, за исключеніемъ Пажескаго корпуса, въ которомъ не предвидѣлось вакансій.—Зданія Пансіона въ Іюль были переданы вновь учрежденному (и 6 Іюля 1830 года открытому) Александровскому малолѣтнему кадетскому корпусу, которому переданы мебель и все прочее имущество, принадлежавшее Пансіону. Библіотека и физическій кабинетъ поступили въ Павловскій кадетскій корпусъ. Александровскій корпусъ приобрѣлъ себѣ и домовую церковь Пансіона во имя Св. Благовѣрнаго В. К. Александра Невскаго.

Профессорамъ, адъюнктамъ и законоучителямъ Лицея, преподававшимъ въ Пансіонѣ, Высочайше повелѣно было сохранить жалованье, которое они получали отъ Пансіона, во все время состоянія ихъ на службѣ въ Лицеѣ;—губернаторамъ Лицея, преподававшимъ въ Пансіонѣ—продолжить производство прежняго учительскаго жалованья ихъ въ немъ, впредь до полученія ими новаго отъ Александровскаго корпуса, по условію съ начальствомъ его, если займутъ тамъ мѣста;—губернаторъ Пансіона—опредѣлить преподавателями въ Александровскій Корпусъ. Преподавателямъ, проживавшимъ въ зданіи Пансіона были назначены квартирныя деньги изъ экономическихъ суммъ Лицея.—

Въ заключеніе приведу имена и фамиліи воспитанниковъ Пансіона, въ *послѣдній разъ* выпущенныхъ на службу (XI выпуска) и переведенныхъ въ Лицей (V перевода).—

Выпущено 9 въ гражданскую и 3 въ военную службу, всего 12.

1. *Леонтьевъ*, Николай, 1-я золотая медаль, X классомъ; служилъ Коллеж. Сов., старш. членомъ (Рижской) Таможни, въ 1861 году въ отставкѣ.

2. *Суковкинъ*, Іакинъ, 2-я золотая медаль, X классомъ; умеръ Тайн. Сов., Ст. Секр., управл. дѣлами Комитета Министровъ, и потомъ Помощникомъ Гл. Попеч. И. Челов. Общества.

3. *Корниловъ*, Ѳеодоръ, 1-я серебряная медаль, въ Старую Гвардію; нынѣ Тайн. Совѣт., Управл. дѣлами Комитета Министровъ.

4. *Ивановскій*, Яковъ, 2-я серебряная медаль, X классомъ; до 1861 года Ст. Сов., Нач. Отд. Канц. Капитула Орденъ;—съ 1861 г. въ отставкѣ.

5. *Крузе*, Александръ, X классомъ; въ 1861 г. Дѣйствит. Стат. Совѣт., Вице-Директоръ Канцел. Нам. Царства Польскаго.

6. *Д. Андре*, Алексѣй, X классомъ; — умеръ Дѣйствит. Стат. Совѣт., Управл. Закавказскимъ Прик. Обществ. Призрѣнія.

7. *Крюковскій*, Александръ, X классомъ;—умеръ.

8. *Крюковской*, Петръ, въ Молодую Гвардію; служилъ Л.-Гв. Конноегерескомъ полку;—умеръ.

9. *Долгорукій*, Князь Николай, XII классомъ; служилъ въ Государств. Канцеляріи;—Дѣйств. Статск. Совѣт. въ отставкѣ. *умеръ въ концѣ 1873 г.*

10. *Колубикинъ*, Николай, XII классомъ;—умеръ Генераль-Лейтенантомъ.

11. *Золотаревъ*, Михаилъ, въ армію;—умеръ.

12. *Ульяновскій*, Викторъ, въ армію;—въ отставкѣ. *умеръ*

Переведены изъ Пансіона въ Лицей:

1. *Александровъ*, Владиміръ. 14. *Марченко*, Александръ.

2. *Апухтинъ*, Павелъ. 15. *Мертваго*, Дмитрій.

3. *Барановъ*, Гр. Александръ. 16. *Озеровъ*, Александръ.

4. *Бекманъ*, Антонъ. 17. *Перовскій*, Петръ.

5. *Бухаринъ*, Николай. 18. *Ренненкампфъ*, Павелъ.

6. *Врангель*, Баронъ Василій. 19. *Рихтеръ*, Борисъ.

7. *Гирсъ*, Александръ. 20. *Стессель*, Александръ.

8. *Гротъ*, Константинъ. 21. *Третьяковъ*, Николай.

9. *Домбровскій*, Александръ. 22. *Ханыковъ*, Яковъ.

10. *Кайдановъ*, Александръ. 23. *Харитоновъ*, Алексѣй.

11. *Колеминъ*, Александръ. 24. *Шторгъ*, Николай.

12. *Костливецъ*, Сергій. 25. *Юревичъ*, Ниль.

13. *Лаксманъ*, Александръ.

(вышли изъ Лицея въ 1835 году въ VII выпускъ, послѣднемъ по переводу изъ Пансіона).

XVI.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Числовые выводы за 15½ лѣтъ существованія Пансіона.

По выпускъ 12-ти воспитанниковъ Пансіона на службу, переводъ 25-ти въ Лицей и 45-ти въ С.-Петербургскій Университетскій Пансіонъ, и наконецъ—по выпускъ остальныхъ 92-хъ воспитанниковъ 5-ти классовъ въ разныя гражданскія

и военныя учебныя заведенія и на службу юнкерами, въ теченіи Іюня 1829 года,—Благородный Пансіонъ Императорскаго Царскосельскаго Лицея къ 6-му Іюля этого года былъ *окончательно упраздненъ*.—

Такъ кончилъ онъ свое существованіе, продолжавшееся, съ 27-го Января 1814 года — дня его открытія, до 6-го Іюля 1829 года—дня его закрытія, всего *15 лѣтъ, 5 мѣсяцевъ и 10 дней*.

Въ теченіи этого времени, воспитанниковъ въ немъ состояло, переведено въ Лицей и выпущено на службу слѣдующее число

Года.	Состояло.	Переведено Выпущено на службу въ Лицей. Гражд. Военную Всего.			
1814.	99.				
18 ¹⁴ / ₁₅ .	101.				
18 ¹⁵ / ₁₆ .	105.				
18 ¹⁶ / ₁₇ .	148.	29.			
18 ¹⁷ / ₁₈ .	170.	—			
18 ¹⁸ / ₁₉ .	171.	—	3.	7.	10.
18 ¹⁹ / ₂₀ .	173.	25.	2.	4.	6.
18 ²⁰ / ₂₁ .	174.	—	6.	6.	12.
18 ²¹ / ₂₂ .	171.	—	5.	6.	11.
18 ²² / ₂₃ .	162.	26.	5.	8.	13.
18 ²³ / ₂₄ .	167.	—	6.	4.	10.
18 ²⁴ / ₂₅ .	166.	—	3.	11.	14.
18 ²⁵ / ₂₆ .	157.	26.	7.	10.	17.
18 ²⁶ / ₂₇ .	160.	—	10.	3.	13.
18 ²⁷ / ₂₈ .	151.	—	11.	15.	26.
18 ²⁸ / ₂₉ .	174.	25.	8.	4.	12.

Итого въ 15 лѣтъ 2449.

Среднее — 163. 131. 66. 78. 144 *).

*) Изъ нихъ 1 умеръ послѣ выпуска, до поступленія на службу.

Изъ этой таблицы видно:

1. Что съ 1814 года до 18²⁰/₂₁ число воспитанниковъ въ Пансіонѣ каждый годъ возрастало (отъ 99 до 174), и за тѣмъ *наибольшее*—174—было въ 18²⁰/₂₁ и въ 18²²/₂₃ гг., а *наименьшее*—въ 18²⁷/₂₈ г. (151) и въ 18²⁵/₂₆ г. (157).

2. Что въ 5 переводовъ Пансіонъ далъ Лицею 131 лучшихъ своихъ воспитанниковъ II и III классовъ, и эти 131 воспитанниковъ вышли изъ Лицея въ III выпускъ 1823-го, IV—1826-го, V—1829-го, VI—1832-го и VII—1835-го годовъ.

3. Что въ 11 выпусковъ Пансіонъ далъ Государственной службѣ 143 человека (изъ 144—1 умеръ), изъ которыхъ 66 гражданской и 77 военной.

4. Что изъ 11 выпусковъ, наименьшій былъ II, 1820-го года (6 чел.), наибольшій — X, 1828-го года (26 чел.), средній—V, 1823-го г. и IX, 1827 г.—(по 13-ти чел.), что составляетъ и среднюю цифру 11 выпусковъ.

Изъ числа 144 воспитанниковъ выпущено на службу съ слѣдующими правами и отличіями:

Выпуски.

	I.	II.	III.	IV.	V.	VI.	VII.	VIII.	IX.	X.	XI.	Итого.
Годовъ.												
1819.	1820.	1821.	1822.	1823.	1824.	1825.	1826.	1827.	1828.	1829.		
ли. X кл. 3.	1.	6.	4.	3.	2.	»	3.	4.	3.	6.	—	35.
— XII —	»	1.	»	»	2.	4.	2.	4.	4.	6.	2.	—25.
— VIV —	»	»	»	1.	»	»	1.	»	2.	2.	»	— 6.
щерами:												
рой Гвард.	1.	2.	6.	»	3.	2.	5.	2.	1.	2.	1.	—25.
одой —	2.	1.	»	»	5.	2.	2.	7.	2.	7.	1.	—29.
ли	4.	1.	»	6.	»	»	4.	1.	»	6.	2.	—24.
Итого	10.	6.	12.	11.	13.	10.	14.	17.	13.	26.	12.	—144.

Слѣдовательно X классомъ (35) и въ Гвардію Старую (25), всего 89 чел., вышло гораздо болѣе, нежели XII классомъ (25) и XIV (6) и въ армію (24), всего 55 чел., что свидѣтельствуетъ въ пользу Пансіона и его воспитанниковъ.

Изъ 144 воспитанниковъ 11-ти выпускъ, 39 получили слѣдующія отличія:

Выпускъ:	I.	II.	III.	IV.	V.	VI.	VII.	VIII.	IX.	X.	XI.	Итого.
Годъ:	1819.	1820.	1821.	1822.	1823.	1824.	1825.	1826.	1827.	1828.	1829.	

Медали:

Золотыя..... 1. 1. 1. 1. 2. 1. 1. 2. 1. 1. 2. — 14.

Серебряныя:

1-ю..... 1. 1. 1. 1. 1. 1. 1. 1. 1. 1. 1. — 11.

2-ю..... 1. » 1. » 1. 1. 1. 2. 1. 1. 1. — 10.

3-ю..... » » » » » » 1. » » » » — 1.

Похвальн. листы. 1. 1. 1. » » » » » » » » — 3.

Итого..... 4. 3. 4. 2. 4. 3. 4. 5. 3. 3. 4. 39.

Слѣдовательно изъ 144 воспитанниковъ, выпущенныхъ на службу, отличій удостоены наиболѣе въ VIII выпускъ—5 медалей, наименѣе въ VI—2 медали, среднимъ числомъ—4, что также свидѣтельствуетъ въ пользу Пансіона и его воспитанниковъ.

Имена и фамиліи получившихъ отличія (въ Пансіонѣ означавшіяся на мраморныхъ доскахъ), хотя и названы были выше въ поименованіи воспитанниковъ каждаго изъ 11-ти выпускъ, но заслуживаютъ означенія здѣсь всѣхъ вмѣстѣ:

I выпускъ 1819-го года.

1. *Альховскій*, Петръ, золотая медаль.
2. *Павлищевъ*, Николай, 1-я серебряная медаль.
3. *Безакъ*, Александръ, 2-я серебряная медаль.
4. *Дурасовъ*, Николай, похвальный листъ.

II выпускъ 1820-го года.

5. *Зубковъ*, Левъ, золотая медаль.
6. *Энгелгардтъ*, Александръ, серебряная медаль.
7. *Галаховъ*, Александръ, похвальный листъ.

III выпускъ 1821-го года.

8. *Комовскій*, Василій, золотая медаль.
9. *Бергъ*, Александръ, 1-я серебряная медаль.
10. *Черноглозовъ*, Александръ, 2-я серебряная медаль.
11. *Безакъ*, Николай, похвальный листъ.

IV выпускъ 1822-го года.

12. *Келеръ*, Максимъ, золотая медаль.
13. *Донауровъ*, Николай, серебряная медаль.

V выпускъ 1823-го года.

14. *Урюмовъ*, Алексѣй, 1-я золотая медаль.
15. *Шинулинскій*, Владиміръ, 2-я золотая медаль.
16. *Путята*, Димитрій, 1-я серебряная медаль.
17. *Нумерсъ*, Августъ, 2-я серебряная медаль.

VI выпускъ 1824-го года.

18. *Голицынъ*, Князь Сергій, золотая медаль.
19. *Нумерсъ*, Викторъ, 1-я серебряная медаль.
20. *Гревеницъ*, баронъ Александръ, 2-я серебряная медаль.

VII выпускъ 1825-го года.

21. *Фроловъ*, Илья, золотая медаль.
22. *Голицынъ*, Князь Николай, 1-я серебряная медаль.

23. Юревичъ, Ѳеодоръ, 2-я серебряная медаль.
24. Свѣчинъ, Семень, 3-я серебряная медаль.

VIII выпуска 1826-го года.

25. Бодѣ, баронъ Клементій, 1-я золотая медаль.
26. Деллинсгаузенъ, баронъ Юлій, 2-я золотая медаль.
27. Рашетъ, Евгений, 1-я серебряная медаль.
28. Коцебу, Ѳеодоръ, 2-я серебряная медаль.
29. Рейсигъ, Константинъ, 3-я серебряная медаль.

IX выпуска 1827-го года.

30. Фанъ-деръ-Флитъ, Ѳеодоръ, золотая медаль.
31. Шубинъ, Александръ, 1-я серебряная медаль.
32. Рейнбольтъ, Ѳеодоръ, 2-я серебряная медаль.

X выпуска 1828-го года.

33. Чевати, Александръ, золотая медаль.
34. Ганъ, Александръ, 1-я серебряная медаль.
35. Голенищевъ-Кутузовъ, Графъ Аркадій, 2-я серебряная медаль.

XI выпуска 1829-го года.

36. Леонтьевъ, Николай, 1-я золотая медаль.
37. Суковкинъ, Іакинъ, 2-я золотая медаль.
38. Корниловъ, Ѳеодоръ, 1-я серебряная медаль.
39. Ивановскій, Яковъ, 2-я серебряная медаль.

Но въ 50 лѣтъ времени I выпуска, изъ 144 выпущенныхъ воспитанниковъ Пансіона, многіе уже умерли или находятся въ отставкѣ, о другихъ не имѣется свѣдѣній, и лишь небольшое число остальныхъ состоитъ еще на службѣ, а именно:

Выпускъ:	I.	II.	III.	IV.	V.	VI.	VII.	VIII.	IX.	X.	XI.	
Годовъ:	1819.	1820.	1821.	1822.	1823.	1824.	1825.	1826.	1827.	1828.	1829.	Итого.
Умерло	3.—	2.—	4.—	6.—	6.—	4.—	4.—	10.—	3.—	9.—	6.—	57.
Въ отставкѣ	5.—	—	2.—	—	3.—	1.—	4.—	4.—	5.—	7.—	4.—	35.
Неизвѣстно	1.—	4.—	2.—	5.—	1.—	2.—	4.—	1.—	2.—	4.—	—	26.
На службѣ	1.—	—	4.—	—	3.—	3.—	2.—	2.—	3.—	6.—	2.—	26.
Итого	10.—	6.—	12.—	11.—	13.—	10.—	14.—	17.—	13.—	26.—	12.—	144.

Слѣдовательно умерло—болѣе $\frac{1}{3}$, въ отставку— $\frac{1}{4}$ и на службѣ—съ небольшимъ $\frac{1}{5}$.

Посмотримъ теперь, сколько въ 15 лѣтъ стоило содержаніе Пансіона.

Ежегодной платы съ воспитанниковъ получено:

			по теперешнему курсу.
Въ 1814 и 1815 гг. съ 200 по 1,000 р.	200,000 р. ас. (или	57,142 р.	85 $\frac{1}{7}$ к. с.)
Въ 1816 по 1829 г. съ 2,249 по 1,500 р.	3,373,500 р. ас. (или	963,857 р.	14 $\frac{2}{7}$ к. с.)
Итого въ 15 лѣтъ съ 2,449 всего. . .	3,573,500 р. ас. (или	1,021,000 руб. сер.).	

Отъ Казны же поступило только:

Всемилоствѣйше пожалованныхъ: въ 1812 г. на покупку и перестройку домовъ подъ Пансіонъ и на первоначальное обзаведеніе его	57,500 р. ас. (или 16,428 р.	4 $\frac{1}{7}$ к. с.)
въ 1816 г. на уплату долговъ Пансіона . . .	100,000 р. ас. (или 28,571 р.	24 $\frac{1}{7}$ к. с.)
и затѣмъ еще, на безплатное содержаніе 13-ти казенныхъ пансіонеровъ	48,693 р. ас. (или 13,912 р.	28 $\frac{1}{7}$ к. с.)
Итого	206,193 р. ас. (или 58,911 р.	72 к. с.)

Если послѣдніе 48,693 р. вычестъ изъ 3.573,500 р. общаго прихода съ воспитанниковъ, то окажется, что съ этихъ послѣднихъ получено всего. . . 3.524,807 р. ас. (или 1,007,087 р. 71³/₄ к. с.)

Изъ этой суммы 1% въ Пенсіонный капиталъ воспитателей. . . . 35,248 р. ас. (или 10,070 р. 85⁵/₇ к. с.)

Остатокъ составитъ дѣйствительный расходъ на содержаніе Пенсіона и воспитанниковъ его, изъ платы за послѣднихъ . . . . . 3.489,559 р. ас. (или 997,016 р. 85⁵/₇ к. с.)

Такимъ образомъ содержаніе Пенсіона въ 15 лѣтъ стоило русскому дворянству *болѣе 3¹/₂ милліоновъ руб. ас.*, а казнѣ только *206,103 руб. ас.*, а еслибы первый директоръ Пенсіона съ самаго начала не допустилъ безпорядковъ въ хозяйствѣ его, вовлекшихъ его въ 100,000 р. долгу, что единственно побудило Государя пожаловать Пенсіону эти 100,000 р., то 15-ти лѣтнее существованіе Пенсіона стоило бы казнѣ только 106,193 р. ас. Напротивъ, еслибы помѣщеніе Пенсіона можно было *удвоить*, то число воспитанниковъ и доходъ изъ платы за нихъ также *удвоились* бы—потому что желавшихъ посту-

пать въ Пенсіонъ всегда было болѣе, нежели помѣщенія), а известно, что чѣмъ болѣе воспитанниковъ въ учебномъ заведеніи, тѣмъ содержаніе ихъ въ массѣ должно обходиться дешевле.

И такъ вотъ сколько *выгодныхъ* для Пенсіона выводовъ можно сдѣлать изъ 15-ти лѣтней исторіи его. Оправдываютъ ли они упраздненіе его потому, что *обстоятельства и вся система народнаго образованія измѣнились* и особенно потому, что воспитанники 1829 года будто бы, по словамъ Демидова, *имѣли наружный, необразованный видъ, ибо почти ни одинъ изъ нихъ не умѣлъ ни стоять, ни ходить, ни отвечать?*

Для большаго еще подтвержденія сдѣланныхъ выводовъ, сопоставимъ ихъ съ такими же выводами о Лицеѣ, за 15-ть лѣтъ существованія Пенсіона и особенно за послѣдніи 11 лѣтъ со времени I Пенсіонскаго выпуска въ 1819 году (т. е. съ 1819 г. по 1829 включительно).

Выпущено на службу.

Изъ Пенсіона (изъ 144).		Изъ Лицея (изъ 98-ми).	
Съ чиномъ X класса	35		37
" XII "	25	66	14
" XIV "	6		9
Офиц. Стар. Гвардіи	25	54	14
" Молод. "	29	78	18
" Арміи . . .	24		6
			32
			38

Изъ этого видно, что изъ 144 воспитанниковъ Пенсіона вышло 12 чел. болѣе въ военную, нежели въ гражданскую

службу, и изъ нихъ 54 въ Гвардію и 35 X классомъ, всего 89; изъ 98-ми же воспитанниковъ Лицея вышло, напротивъ, 22 человѣка болѣе въ гражданскую, нежели въ военную службу, и изъ нихъ 37 X классомъ, и 32 въ Гвардію, всего 69.—Слѣдовательно эти результаты уравниваются, не служа къ невыгодѣ ни Пансіона, ни Лицея, а доказывая только, что тутъ все зависѣло отъ воли самихъ воспитанниковъ—касательно будущей ихъ службы: Пансіонскихъ шло болѣе въ военную, а Лицейскихъ болѣе въ гражданскую.—Результатъ сличенія выпуска воспитанниковъ Пансіона и Лицея XII и XIV классами и въ армію, конечно болѣе выгоденъ Лицею, нежели Пансіону: изъ перваго по этимъ разрядамъ вышло всего только 29, а изъ Пансіона 55;—но не слѣдуетъ забывать: 1-е, что 29 изъ Лицея вышли изъ 98-ми чело. четырехъ выпусковъ, а 55 изъ Пансіона—изъ 144 чело. 11-ти выпусковъ и главное 2-е, что Пансіонъ давалъ Лицею лучшихъ своихъ воспитанниковъ II и III классовъ и потому удивительно даже и то, что изъ Лицея вышло 29 воспитанниковъ по III и IV разрядамъ, а не менѣе или даже вовсе ни одного.—Между тѣмъ 25 лучшихъ воспитанниковъ Пансіона, переводимыхъ въ Лицей, отъ 10 до 13 лѣтъ, замѣнялись, можетъ быть, только на половину, и даже менѣе, *хорошими* воспитанниками новаго приѣма и притомъ отъ 8 до 10 лѣтъ.—И такъ, если взвѣснить эти сравнительные результаты, то они далеко не будутъ къ невыгодѣ Пансіона, а напротивъ.

Затѣмъ сравнимъ число и родъ отличій, полученныхъ выпущенными изъ Пансіона и изъ Лицея съ 1819 г. по 1829 годъ.

Получили: въ 11 выпуск. изъ Пансіона. Въ 4 выпуска изъ Лицея.
Медали: (изъ 144). (изъ 98).

Золотыя.

1-ю	11	14	. . . . .	5	11
2-ю	3		. . . . .	6	

Серебряныя.

1-ю	11	36	. . . . .	4	
2-ю	10	22	. . . . .	4	
3-ю	1		. . . . .	4	18
4-ю			. . . . .	5	
5-ю			. . . . .	1	

Похвальные листы.

1-й	3		. . . . .	1	
2-й	"	3	3	1	4
3-й	"			1	
4-й	"			1	

Итого 39 33

Если принять во вниманіе 1), что въ 3 года изъ Пансіона выпускалось среднимъ числомъ 39 челоуѣкъ, а изъ Лицея 25,—и 2), что въ Лицеѣ на 25 чело. раздавалось отъ 6-ти до 11-ти медалей и похвальныхъ листовъ, а въ Пансіонѣ на 39 челоуѣкъ только отъ 10 до 12-ти (что зависѣло отъ назначенныхъ для того въ Лицеѣ и Пансіонѣ суммъ, въ первомъ—казенныхъ, а во второмъ—пансіонерскихъ),—то нельзя будетъ не признать, что 39 медалей и похвальныхъ листовъ на 144 воспитанника 11-ти выпусковъ Пансіона, относительно 33 медалей и похвальныхъ листовъ на 98 воспитанниковъ 4-хъ выпусковъ Лицея—не составляютъ невыгоднаго для Пансіона результата.

Наконецъ сравнимъ и стоимость Пансіона и Лицея правительству.

Содержаніе Пансіона

и отъ 100 до 174 воспитанниковъ его.
р. асс.

Изъ платы 1000 и потомъ—
1,500 р. за каждаго въ годъ отъ 190,000
до 261,000
а въ 15 лѣтъ 5 мѣсяцевъ всего 3,489,559
Отъ казни въ два срока . . . 206,193

Содержаніе Лицея

и 50 воспитанниковъ его.

Изъ штатной суммы въ годъ:
по штату 1810 г. 96,545
" 1817 и 1826 гг. 129,450
всего въ 16 лѣтъ 1,972,485

р. асс.

И такъ Пансіонъ въ 15-ть лѣтъ стоилъ казнѣ только 206,193 руб., а Лицей въ 16 лѣтъ примѣрно 1,972,85 руб. асс. или круглымъ счетомъ, первый 206,000 р., а второй около 2-хъ миллионъ рублей ассигнаціями.—А между тѣмъ первый былъ упраздненъ, а второй—сохраненъ: говорится это вовсе не для того, что лучше было бы упразднить дорогого стоившій казнѣ Лицей, но для того, что собственно по экономическимъ расчетамъ не было причины упразднить ничего не стоившаго казнѣ Пансіона.

И такъ вообще — цифры довольно краснорѣчиво говорятъ въ пользу Пансіона.

Этимъ я и заключаю историческій очеркъ Пансіона по официальнымъ источникамъ и затѣмъ перехожу къ неофициальнымъ комментаріямъ къ нему, которые составятъ содержаніе второй части.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Необходимыя дополненія и поясненія къ первой части этой книги.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Audiamur et altera pars.

Для надлежащаго уясненія себѣ исторіи Благороднаго Пансіона Императорскаго Царскосельскаго Лицея, недостаточно *краткаго очерка* ея, изложеннаго въ 1-й части этой книги, на основаніи *официальныхъ свѣдѣній*, заключающихся въ „Очеркѣ Лицея“ г. Селезнева. Для этого необходимо, *означенный краткій очеркъ* дополнить и пояснить *неофициальными частными свѣдѣніями*, основанными на Пансіонскихъ преданіяхъ и воспоминаніяхъ, сохранившихся въ памяти немногихъ, оставшихся въ живыхъ, бывшихъ воспитанниковъ Пансіона. Кроме того необходимо еще принять въ соображеніе и время, въ которое существовалъ Пансіонъ и тѣ *обстоятельства и лица*, которые имѣли большее или меньшее вліяніе на его судьбу, и всю *внѣшнюю и внутреннюю обстановку* его, словомъ—все, что можетъ досказать и уяснить недосказанное или неуясненное въ *официальныхъ свѣдѣніяхъ* «Очерка Лицея».

Поэтому сначала рассмотримъ исторію Пансіона въ отношеніи къ *времени*, раздѣливъ ее на извѣстные періоды; затѣмъ—*внутреннее устройство* Пансіона по учебной, воспитательной и хозяйственной частямъ, — и въ заключеніе представимъ очеркъ *внутренней жизни* его.

I.

Разсмотрѣніе исторіи Пансіона въ отношеніи къ времени.

Изъ 15½ лѣтъ существованія Пансіона, наибольшая часть— 12 лѣтъ (1814—1825) или $\frac{3}{4}$ —принадлежала царствованію Императора Александра I, и изъ нихъ 2 первые года (1814—1815)—къ 1-й половинѣ его, а остальные 10 лѣтъ (1816—1825)—къ 2-й, существенно отличной отъ 1-й, и притомъ 8 первыхъ лѣтъ (1814—1821 до Марта 1822 г.)—гражданскому управленію, въ вѣдѣніи министра народнаго просвѣщенія—а послѣднія 7½ лѣтъ (1822, до Юня 1829 г.)—военному управленію въ вѣдѣніи главнаго директора Пажескаго и всѣхъ кадетскихъ корпусовъ.

Послѣдніе же 3½ года (1826—1829) или наименьшая часть— $\frac{1}{4}$ —принадлежали царствованію императора Николая I и военному управленію.

Такимъ образомъ исторію Пансіона можно раздѣлить на 4 неравномѣрные и отличные, по характеру, одинъ отъ другаго періода:

Первый, обнимающій первые 2 года (1814 и 1815) *начала* Пансіона въ *концѣ* 1-й половины царствованія Императора Александра I.

Второй—слѣдующіе 6 лѣтъ (1816—1821 до Марта 1822 г.) *серединѣ* этого царствованія или *начала* 2-й его половины, до поступленія Пансіона въ *военное* управленіе.

Третій—слѣдующіе 4 года (1822—1825) *конца* этого царствованія и 2-й его половины,—и

Четвертый—послѣдніе 3½ года (1826—1828 до Юня

1829 г.) существованія Пансіона въ *началѣ* царствованія Императора Николая I, до упраздненія Пансіона.

1. Первый періодъ (1814—1815).

Эти два года, вмѣстѣ съ предшествовавшими ему двумя— 1812 и 1813—предварительныхъ соображеній и мѣръ къ учрежденію, устройству и открытію Пансіона, принадлежали къ концу 1-й половины царствованія Императора Александра I. То было время обширной и либеральной, внутренней реформы, которою Императоръ Александръ I, въ возрастѣ отъ 23 до 38 лѣтъ, со всею пылкостью души Своей, стремился *обновить* Россію, подобно тому какъ за сто лѣтъ передъ тѣмъ, инымъ путемъ и иными средствами, къ тому же стремился Петръ I.—Тѣмъ же духомъ реформы внушена была Императору Александру и мысль объ учрежденіи въ Царскомъ Селѣ Лицея, а достойному исполнителю ея, Графу Разумовскому—и мысль объ учрежденіи тамъ же, въ Царскомъ Селѣ, разсадника Лицея, Благороднаго Пансіона его. Оба эти заведенія должны были доставить Русскому дворянству новый способъ къ приличному воспитанію и образованію дѣтей его и къ достойному приготовленію ихъ къ гражданской и военной службѣ государственной въ высшихъ должностяхъ—цѣль, по тогдашнему времени, по истинѣ великая и прекрасная!—Ей вполне соотвѣтствовали и главные основанія учрежденія и устройства Лицея и его Пансіона. Личными заботами и попеченіями Самаго Государя, подъ Его ближайшимъ наблюденіемъ и руководствомъ и при содѣйствіи такого просвѣщеннаго и вполне сочувствовавшаго Его благимъ намѣреніямъ государственнаго дѣятеля, какимъ былъ Графъ Разумовскій, Лицей и его Пансіонъ были задуманы и учреждены на самомъ широкомъ, соотвѣтствовавшемъ

цѣли, основаніи. Воспитаніе, образованіе, содержаніе—все было основано на мудрыхъ, прочныхъ, Царски-щедрыхъ началахъ. Новое, молодое поколѣніе Русскаго дворянства было разомъ поставлено на вновь открытый ему, широкій и просторный путь истинно Русскаго воспитанія и образованія и нравственно-умственного движенія впередъ.—И 130 малолѣтнихъ воспитанниковъ обоихъ заведеній (30—Лицея и 100—Пансіона), внявъ призыву и слѣдуя указанію Государственнаго благодѣтеля своего, бодро и радостно устремились по этому пути къ указанной цѣли.

Но—не слѣдуетъ забывать, что все это происходило въ 1812, 1813, 1814, 1815 годахъ, въ эпоху самыхъ великихъ, въ началѣ XIX вѣка и въ царствованіе Императора Александра I, политическихъ и военныхъ событій въ Европѣ. Въ это время, Императоръ Александръ въ 1812 г. оставался въ Петербургѣ только по 9 Апрѣля и съ 22 Іюля по 7 Декабря, съ 9-го же Апрѣля по 22 Іюля—находился въ Вильнѣ и Дриссѣ при арміи, и потомъ въ Москвѣ, а съ 7 Декабря, уѣхавъ изъ Петербурга въ Вильну, оставался уже при арміи до самаго возвращенія своего изъ Парижа въ Петербургъ, 13 Іюля 1814 г., послѣ болѣе, нежели полугодового отсутствія. Но вскорѣ онъ снова отправился въ Вѣну на конгрессъ, а оттуда во Францію къ арміи и воротился только по заключеніи 2-го Парижскаго мира въ 1815 году.—Такимъ образомъ въ эти четыре знаменательные года онъ находился въ Петербургѣ, Москвѣ и Вильнѣ только самое короткое время (съ небольшимъ годъ), и то былъ крайне озабоченъ первенствующей важности дѣлами государственными, политическими и военными, отвлекаемый ими отъ внутреннихъ правительственныхъ дѣлъ.—А въ свидѣтельство того, въ какомъ положеніи находились послѣднія въ эти четыре года, приводимъ слова автора недавно

вышедшаго сочиненія: „Исторія царствованія Императора Александра I и Россія въ его время“ (С. Петербургъ, 1869): „Двухлѣтняя тяжелая война съ Наполеономъ и продолжительное отсутствіе Государя отвлекли правительство отъ улучшеній, задуманныхъ въ началѣ царствованія Александра. Администратія находилась въ самомъ жалкомъ состояніи. Сенатъ—хранилище законовъ—потерялъ значеніе и силу. Безпрестанно, въ видѣ опыта, издавались уставы, безъ всякаго надзора за ихъ исполненіемъ. Финансы, юстиція, внутреннее благоустройство, представляли мрачный образъ безпорядковъ и злоупотребленій“ (Т. IV, стр. 586).

Что же сказать послѣ этого о двухъ малѣйшихъ, въ ряду прочихъ, учрежденіяхъ, Царскосельскомъ Лицеѣ и его Пансіонѣ, только что начавшихъ свое существованіе, одно—въ Октябрѣ 1811 г., другое — въ Январѣ 1814? — Ни время, ни обстоятельства не благопріятствовали имъ, особенно если вспомнить, что первый директоръ Лицея *Малиновскій* умеръ въ Мартѣ 1814 г., лишь съ небольшимъ два года по открытіи Лицея и полтора мѣсяца послѣ открытія Пансіона, — что по смерти его Лицей до назначенія *Энгельгардта* въ концѣ Января 1816 г. оставался безъ директора и управлялся Конференціей или нѣкоторыми изъ ея членовъ,—директоромъ же Пансіона и временно управлявшимъ обоими заведеніями былъ *Гауеншильдъ*! Если взять все это вмѣстѣ въ соображеніе, то понятнымъ сдѣлается, что въ самые два первые года существованія Пансіона—1814 и 1815—въ немъ, равно какъ и въ Лицеѣ, произошли, по свидѣтельству Лицейскаго архива, важныя неустройства и безпорядки по воспитательной и хозяйственной частямъ.—Говоря собственно о Пансіонѣ, исторія котораго разсматривается здѣсь, нельзя не сказать, что въ совокупности всѣхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ времени вообще

и въ неудачномъ выборѣ и назначеніи директоромъ Пансіона Гауеншильда въ особенности, заключалось первое зерно всѣхъ невзгодъ и бѣдъ, постигшихъ Пансіонъ въ послѣдствіи. Если внимательно прослѣдить второй, третій и четвертый періоды его исторіи, то нельзя не усмотрѣть, какъ это первое зерно постепенно зрѣло и наконецъ принесло свой горькій плодъ.

Тѣмъ не менѣе неоспоримою истиною остается то, что причина и цѣль учрежденія Пансіона и данное ему первоначально устройство, въ главныхъ основаніяхъ своихъ заслуживаютъ всякаго вниманія, одобренія и признательности.

2. Второй періодъ (1816—1822).

Кончилися войны съ Наполеономъ, пересоздалась Европа по Вѣнскому договору, воротился Императоръ Александръ въ Россію, но—и въ немъ, и въ Европѣ произошли большія перемѣны.

Въ западной Европѣ, послѣ многолѣтняго гнета личнаго произвола Наполеона, подкрѣпленнаго грубою физическою силою, весьма естественно произошла *реакція* въ противоположную сторону, повлекшая за собой *другую*, противодействующую ей. Въ Германіи, Франціи, Италіи, Испаніи—народы устремились къ политической и гражданской свободѣ. Встревожились правительства этою новою крайностью, прямо проистекавшею изъ прежней, и зорко, подозрительно стали слѣдить за движеніемъ умовъ впередъ. Мѣры ихъ къ задержанію и обузданію этого движенія положили начало правительственной *реакціи*. Средоточіемъ ея сдѣлалась *Вѣнна*, душою—первый министръ Австріи—*Меттернихъ*. Держа въ своихъ рукахъ всѣ нити этой реакціи, онъ постоянно страдалъ правительства

грознымъ страшилищемъ, выразившимся единымъ словомъ—*революція*, и руковода мѣрами къ обузданію *революціонеровъ*, не только замедлять и останавливать всякое разумное движеніе впередъ, но даже силился направлять его обратно, къ временамъ и порядкамъ, уже отжившимъ.—Особенное вліяніе въ этомъ отношеніи имѣлъ онъ на трехъ, сосѣдственныхъ между собою, Монарховъ—учредителей Священнаго Союза.—По его вліянію, безпрестанно собирались конгрессы Европейскихъ Государей, имѣвшіе главною цѣлю—*обузданіе прозившей революціи*.—Это слово—*революція*—сдѣлалось повсемѣстно, главнымъ лозунгомъ всѣхъ мѣропріятій правительственныхъ, правленіяхъ преимущественно противъ умственного прогресса, представителями котораго были *учебныя заведенія*, особенно *высшія*—университеты и имъ подобныя, и *печатное слово*. Слѣдствіемъ было—постепенное стѣсненіе и тѣхъ, и другаго, достигавшее, въ рукахъ рьяныхъ реакціонеровъ, до невѣроятныхъ размѣровъ.—Оно усилилось еще присоединеніемъ другой реакціи—*религіозной*, которая, послѣ свободомыслія, порожденнаго Французскою революціей и ея причинами и послѣдствіями, ударила въ противоположную крайность, доходившую до религіозной *экзальтаціи* или восторженности, граничившей съ изувѣрнымъ фанатизмомъ.—Словомъ—религіозно-политическая реакція правительственная всею силою своею обрушилась на религіозно-политическое, по ея убѣжденію, вольнодумство, разсадниками котораго были, будто бы, учебныя заведенія, особенно высшія, а проводникомъ—печатное слово, и которое прямо вело, будто бы, къ одной цѣли—*революціи*.

Не будемъ подробнѣе распространяться объ этомъ предметѣ, всѣмъ хорошо извѣстномъ.—Скажемъ только, что общаго стѣсненія или лучше сказать гоненія не избѣжали и у насъ, ни печатное слово, ни учебныя заведенія, особенно высшія, и въ

томъ числѣ Царскосельскій, Лицей и его Пансіонъ, какъ будетъ объяснено ниже. Здѣсь же, прежде того, укажемъ вкратцѣ на перемѣну, происшедшую въ самомъ Императорѣ Александрѣ I, въ тройномъ отношеніи: религіозномъ, политическомъ и нравственномъ.

Томимый жаждой Христіанскаго утѣшенія, онъ еще съ 1813 года, со времени довѣренныхъ бесѣдъ своихъ съ придворнымъ проповѣдникомъ Короля Прусскаго, Епископомъ *Элмертомъ*, увлекся также современной религіозною экзальтаціей. Въ этомъ отношеніи, сильное, но по счастью лишь временное, вліяніе на него имѣли послѣдовательно, послѣ *Элмerta*, столь извѣстные въ свое время религіозные энтузіасты: г-жа *Крюденеръ* и пасторъ *Госснеръ*, изъ которыхъ послѣдній состоялъ подъ особеннымъ покровительствомъ учредителя и распространителя Библейскаго общества въ Россіи, съ 1803 года—оберъ прокурора Святѣйшаго Синода, а съ Октября 1817 года—министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, князя *Александра Николаевича Голицына*.—Но съ 1822 года, противоѣдствіе ему *Аракчеева* и орудій его, Петербургскаго Митрополита *Серафима* и особенно столь извѣстнаго Гермонаха (въ послѣдствіи Архимандрита) *Фотія*, одолѣло и въ 1824 году окончательно ознаменовало побѣду свою увольненіемъ князя Голицына отъ званія министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, уничтоженіемъ Библейскаго общества, удаленіемъ изъ Россіи *Госснера* и пр.

Въ политическомъ отношеніи перемѣна въ Императорѣ Александрѣ обозначилась тѣмъ, что Онъ, съ такою пылкою ревностю въ первую половину своего царствованія двинувшій Россію по пути всесторонняго прогресса, освободившій въ 1813-мъ году—Германію, а въ 1814—Францію отъ ига Наполеона и даровавшій Франціи и царству Польскому конституцію,—послѣ 1815 года постепенно измѣнялъ свои полити-

ческія воззрѣнія и мнѣнія.—Подъ совокупнымъ вліяніемъ: и увеличившейся съ лѣтами опытности, особливо среди такихъ міровыхъ событій, какими были событія 1812—1815 годовъ,—и политическихъ обстоятельствъ,—и настроенія умовъ въ Европѣ,—и условій и требованій Священнаго союза,—и извнѣ—души политической реакціи, Меттерниха,—а внутри—пользовавшагося полнымъ довѣріемъ его, *Аракчеева*,—Онъ мало по малу разочаровался въ своихъ прежнихъ воззрѣніяхъ и мнѣніяхъ, и сталъ недовѣрчиво относиться къ людямъ и взирать на всякаго рода проявленія движенія умовъ впередь.—Въ этомъ отношеніи преимущественно, вторая половина его царствованія представляетъ совершенную противоположность первой.

Наконецъ въ нравственномъ отношеніи перемѣна въ немъ обозначилась постепенно—усиливавшимися: мрачнымъ настроеніемъ духа, нерасположеніемъ, обнаружившимся еще съ молодыхъ лѣтъ, къ высокому призванію своему и, напротивъ, стремленіемъ къ уединенной жизни, удаленіемъ отъ Петербурга, двора, общества, въ болѣе или менѣе частыя и продолжительныя: пребываніе въ Царскомъ Селѣ или поѣздки за границу и по Россіи. Это состояніе духа повело его, наконецъ, къ удаленію въ Таганрогъ, гдѣ, какъ говоритъ преданіе, Онъ хотѣлъ окончить (и дѣйствительно окончилъ) жизнь свою.

Все это, вмѣстѣ взятое, не могло не имѣть вліянія на государственныи строй вообще и въ частности, отъ самыхъ крупныхъ до самыхъ мелкихъ включительно.—Къ числу послѣднихъ принадлежали и Лицей, и его Пансіонъ. Уже одно мѣсто нахожденія ихъ имѣло немаловажное въ этомъ отношеніи значеніе.—Не слѣдуетъ забывать, что они находились не гдѣ-нибудь въ захолустѣ, за тридевять земель, а въ томъ самомъ Царскомъ Селѣ, въ которомъ любилъ уединять-

ся Государь. Онъ зналъ, что дѣлалось и въ Царскомъ Селѣ, и въ Лицеѣ, и въ его Пансіонѣ;—и для жителей Царскаго Села, въ томъ числѣ и для воспитанниковъ Лицея и Пансіона, было болѣе или менѣе извѣстно то, что касалось жившаго между ними, столь любимаго ими Государя, Его ежедневныя привычки, прогулки, занятія. Воспитанники Лицея и Пансіона привыкли часто встрѣчать Его въ саду и видѣть въ дворцовой церкви, и всегда встрѣчали и видѣли Его безъ всякаго страха, съ любовію и радостію.—И Государь съ своей стороны свыкъ съ ними, благоволилъ къ нимъ, всегда былъ внимателенъ и привѣтливъ къ нимъ, называлъ ихъ *своими*... Казалось бы, чего же лучше? тутъ у самаго источника, Онъ могъ бы знать изъ первыхъ рукъ и все хорошее, и все не совсѣмъ хорошее изъ внутренней жизни Лицея и Пансіона.—Дѣйствительно такъ—еслибы между нимъ и обоими заведеніями не было посредниковъ, однихъ прямо, другихъ косвенно вліявшихъ на нихъ.—А въ этомъ-то именно и заключалась вся сущность дѣла.—До Марта 1822 года такимъ прямымъ посредникомъ былъ министръ народнаго просвѣщенія—и благо было Лицею и его Пансіону, когда министромъ былъ Графъ *Разумовскій*. Но вспомнимъ, что онъ оставался министромъ собственно только до 1816 года, а съ этого времени управлялъ министерствомъ и съ Октября 1817 года сталъ дѣйствительнымъ министромъ князь А. Н. *Голицынъ*.—Между нимъ и Разумовскимъ разница была большая.—Лишь давнишнему личному благорасположенію къ нему Государя и особенному стеченію обстоятельствъ обязанъ былъ Голицынъ званіемъ министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія совокупно *).—Уже одна эта совокупность означала нѣкоторымъ

*) Родившись 8 Декабря 1773 года (за 4 года до рожденія Императора Александра I), онъ 9 лѣтъ отъ роду опредѣленъ былъ Императрицей Екате-

образомъ причину и цѣль ея въ противодѣйствіе страшилищу времени—революціи и ея орудіямъ—религіозному и политическому вольнодумству.—Все его почти семи-лѣтнее управленіе министерствомъ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія (весь составъ котораго сталъ тотчасъ въ его родѣ реакціонернымъ) и состоявшими въ вѣдѣніи его, Лицеємъ и Пансіономъ, исполнѣ подтверждають это. Для этихъ двухъ заведеній онъ далеко не былъ Разумовскимъ.—Благодаря Энгельгардту, тица-

риной II въ Пажескій корпусъ. Здѣсь онъ получилъ совершенно свѣтское, поверхностное воспитаніе и образованіе, научился бойко говорить по французски и лонко танцовать, фехтовать и ѣздить верхомъ. Но одаренный отъ природы острымъ, наблюдательнымъ, пытливымъ умомъ, живымъ характеромъ и неистощимую веселостію, онъ съ дѣтскихъ лѣтъ имѣлъ счастье всѣмъ нравиться.—12 Декабря 1789 года, въ день рожденія Великаго Князя Александра Павловича, Князь Голицынъ, имѣя 16 лѣтъ отъ роду и будучи камеръ-пажомъ, былъ назначенъ Императрицей состоять при Великомъ Князѣ кавалеромъ или собесѣдникомъ, а послѣ свадьбы Великаго Князя въ 1793 году, назначенъ къ нему камеръ-юнкеромъ.—Между нимъ и молодымъ Великимъ Княземъ съ самаго начала установились самыя дружественныя отношенія, никогда съ тѣхъ поръ не прекращавшіяся.—Въ эрмитажномъ кружкѣ Екатерины II Голицынъ усвоилъ себѣ то блестящее свѣтское обращеніе и тѣ изысканныя придворные приемы, которыми отличался до старости, словомъ—сталъ паредворцемъ въ полномъ смыслѣ слова, со всѣми хорошими и дурными сторонами этого положенія.—Имѣя душу возвышенную, сердце нѣжное и доброе, онъ въ жизнь свою никому не сдѣлалъ зла, хотя въ своемъ положеніи имѣлъ бы къ тому и возможность, и поводы.—При пытливомъ умѣ и необыкновенной живости характера, не получивъ основательнаго образованія, онъ всецѣло предавался каждому изъ увлеченій, овладѣвавшихъ имъ.—Съ молодю находясь подъ вліяніемъ бывшихъ тогда въ модѣ идей французскихъ энциклопедистовъ, въ послѣдствіи онъ бросился въ противоположную крайность—сдѣлался утрированно—набожнымъ, а въ послѣдствіи увлекся въ самый крайній мистицизмъ, дошедшій наконецъ до величайшаго безобразія.—(См. объ этомъ статью „Изъ прошлаго“, въ Русскомъ Вѣстникѣ Апрѣля 1868 г.)—Но къ концу жизни онъ отсекся отъ прежнихъ заблужденій и умеръ въ православномъ настроеніи духа.

тельно оберегавшему Лицей, послѣдній не могъ особенно жаловаться на Голицына и его министерство, хотя и не всегда и не во всемъ.—Напротивъ Пансіонъ, благодаря Гауеншильду, поставившему себя въ непріязненные отношенія къ Ангельгардту и, наоборотъ, въ прямые отношенія къ Голицыну, видѣлъ со стороны послѣдняго только *стѣсненіе* и *угрозы*, разрѣшившіяся наконецъ не въ пользу ни Пансіону, ни Гауеншильду, ни самому Голицыну.—Но почему-же и Лицей, и Пансіонъ были отняты у Голицына?—Причина простая—потому, что главнымъ и могущественнѣйшимъ врагомъ Голицына былъ—*Аракчеевъ*.—Этотъ человекъ, ненавидѣвшій Голицына, всячески старался низвергнуть его и, по крутой и жесткой натурѣ своей, внушилъ Государю мысль въ 1822 году строго покарать воспитанниковъ IV выпуска Пансіона, Лицей же и Пансіонъ подчинить военному, кадетскому начальству. А два года спустя, въ 1824 году—по его же вліянію Голицынъ былъ уволенъ отъ званія министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, и по прежнему дѣла духовныя были переданы въ вѣдѣніе Святѣйшаго Синода, а дѣла народнаго просвѣщенія—въ вѣдѣніе особаго министра.

Такимъ-то образомъ Лицей и особенно его Пансіонъ съ 1816 и еще болѣе съ 1817 и 1818 годовъ сдѣлались такъ сказать, игрушкой ненависти Аракчеева къ Голицыну.—Но не одна эта причина имѣла вліяніе на невзгоды Лицея и особенно его Пансіона, и на замѣну Гауеншильда и наконецъ Ангельгардта кадетскими начальниками. Кромѣ того было еще много другихъ причинъ. Укажемъ главныя изъ нихъ.

Иезуиты едва-ли не должны быть поставлены на первое мѣсто.—Учрежденіе Лицея и его Пансіона было для нихъ до крайности непріятно тѣмъ, что прямо нарушало ихъ интересы нравственные (или правильнѣе безнравственные) и особенно

матеріальные, въ Петербургѣ.—Здѣсь они имѣли, какъ было сказано въ 1-й части, огромное значеніе и вліяніе въ кругу высшаго дворянства и въ отношеніи воспитанія его дѣтей,—особый большой домъ и пансіонъ, въ которомъ воспитывали большое число дѣтей лучшихъ фамилій. Но Лицей и Пансіонъ лишали ихъ и воспитаниковъ, и платы за нихъ, и вліянія.—Понятна по этому ихъ тайная злоба противъ нихъ, все болѣе и болѣе возрастающая и не прекратившаяся; но едва-ли еще не усилившаяся послѣ удаленія ихъ изъ Петербурга, а потомъ и изъ Россіи.—Доказательствомъ тому служатъ, между прочимъ, статья, помѣщенная ими, въ 1826 году, въ Ліонской ультрамонтанской газетѣ и въ которой они имѣли дерзость утверждать, будто, вслѣдствіе *крайне либеральнаго* воспитанія Русскаго дворянскаго юношества въ Царскосельскомъ Лицѣѣ, въ *стѣнахъ самаго Императорскаго дворца*,—большая часть молодыхъ людей, выпущенныхъ изъ этого заведенія, была замѣшана въ *государственномъ заговорѣ 14 Декабря 1825 года*.—Эту дерзкую клевету побѣдно опровергъ Е. А. Ангельгардтъ въ письмѣ къ Графу Бенкендорфу и въ статьяхъ своихъ, напечатанныхъ въ Рижской и Гамбургской газетахъ, какъ о томъ подробнѣе будетъ объяснено ниже. Такимъ образомъ, если и 1826 году такъ проявлялась ихъ злоба противъ Лицея, то что же было въ періодѣ времени съ 1811 до 1825 года?—Всѣ Іезуитскія козни были приведены въ дѣйствіе для нанесенія всевозможнаго вреда Лицею и его Пансіону, и онѣ не оставались безъ горькихъ плодовъ, особливо въ соединеніи съ другими современными, имѣвшими ту же цѣль.

Два правительственные вѣдомства—*народнаго просвѣщенія* и *военно-учебное*—занимали, непосредственно вслѣдъ за Іезуитами, второе мѣсто въ рядахъ враждебной Лицею и его Пансіону

оппозиции. — Первое, особенно при Голицынь, не могло скрыть своего нерасположенія къ нимъ, за тѣ огромныя права и преимущества, которыми они надѣлены были по особенной милости Императора Александра I. — IX и X классы не давали имъ, кажется, спать спокойно. — IX и X классы! — молодымъ людямъ отъ 18 до 20 лѣтъ, не прошедшимъ полного Университетскаго курса, тогда какъ дѣйствительные студенты Университетовъ имѣли право лишь на XIV классъ, кандидаты на XII и лишь магистры на X и доктора на IX! — Это приводило пуритовъ стараго закала просто въ ужасъ. — Въ безсильной зависти своей, они, какъ Іезуиты, употребляли все средства, лишь бы только во всемъ поставять затрудненія и даже препятствія Лицею и Пансіону, и всячески вредить имъ. А на это они имѣли полную возможность, потому что все дѣла по Лицею и Пансіону восходили до министра народнаго просвѣщенія чрезъ департаментъ министерства, а по учебной части въ особенности — чрезъ ученый комитетъ послѣдняго. И въ томъ и въ другомъ было порядочное собраніе закорумльзанныхъ рутинеровъ и рьяныхъ фанатиковъ — реакціонеровъ, которые, хоромъ съ Іезуитами, пѣли чуть не анагемъ Лицею и Пансіону, бывшимъ для нихъ синонимами *безбожія, фармазонства* (т. е. *франмасонства*) и *революціи*! — Въ «Очеркѣ» г. Селезнева, есть даже нѣкоторыя officialныя данныя, подтверждающія это, какъ напримѣръ отзывъ главнаго правленія училищъ объ инструкціи, составленной конференціей Лицея въ Январѣ 1816 года, для наблюденія порядка между воспитанниками. Въ критикѣ этой инструкціи такъ и проглядываетъ худо скрытая неприязнь.

Въ военно-учебномъ ведомствѣ начальство военно-учебныхъ заведеній, и всего болѣе — опять тотъ же Аракчеевъ, не могли равнодушно переносить того, что Лицей и Пансіонъ имѣли

право выпускать офицерами въ армію и даже, о ужасъ! въ *молодую и старую гвардію*! — воспитанниковъ своихъ, учившихся, по ихъ мнѣнію, лишь въ двухъ старшихъ классахъ, между прочимъ, кое-какъ и кое-какимъ военнымъ наукамъ, но главное — *необучаемыхъ ни выправкѣ, ни ружейнымъ приемамъ, ни маршировкѣ, ни стрелковымъ ученіямъ*, и не приучаемыхъ съ малолѣтства ко всемъ тонкостямъ тогдашней *педантской и мелочной военной субординаціи и дисциплины*! — А между тѣмъ, по ихъ же мнѣнію, воспитанники военно-учебныхъ заведеній удостоивались такихъ правъ лишь проведя до 10-ти лѣтъ въ этихъ специально-военныхъ упражненіяхъ, которыя въ то время ставились на первомъ мѣстѣ, гораздо выше научныхъ. — Велѣдствіе того и они, имѣя въ головѣ Аракчеева, вторили хору Іезуитовъ и *чиновъ просвѣщенія*, чествуя Лицейстовъ и пансіонеровъ *либералами и фармазонами, не признающими властей и не знающими ни субординации, ни дисциплины воинской*! — Разумѣется, въ этомъ общемъ хорѣ, всего болѣе вѣсу и значенія имѣлъ голосъ Аракчеева, и достаточно въ этомъ отношеніи назвать его имя, чтобы оцѣнить его голосъ. Самъ получивъ воспитаніе и образованіе въ кадетскомъ корпусѣ, въ его время очень немудренныя, однако же ставя ихъ выше всякой премудрости человѣческой, которую, напротивъ, онъ ставилъ на равнѣ съ *фармазонствомъ*, — зная только требованія тогдашней до крайности мелочной и строгой военной субординаціи, при томъ строгій, даже до жестокости, и въ малѣйшихъ случаяхъ нарушенія ея и даже простаго, принятаго порядка, — могъ-ли онъ равнодушно смотрѣть на производство Лицейстовъ и Пансіонеровъ прямо въ офицеры, да еще гвардіи и артиллеріи, въ которой считалъ себя чуть не первымъ въ мірѣ? — Изъ всехъ враговъ Лицея и Пансіона, едва-ли не онъ былъ самый сильный и опасный,

и кажется никто, кромѣ его, не могъ задумать и внушить такую кару, какой подвергнуты были воспитанники IV выпуска Пансіона въ 1822 году, а вслѣдъ за тѣмъ и мысль—Лицей и Пансіонъ подчинить кадетскому начальству!—Едва ли не онъ одинъ былъ способенъ на то.

Содержатели частных пансіоновъ были также далеко не въ числѣ друзей Лицейскаго Пансіона. Онъ отнималъ у нихъ и воспитанниковъ, и главное—деньги, слѣдовательно вредилъ ихъ матеріальнымъ интересамъ, тѣмъ болѣе еще, что часть процентнаго сбора, которымъ были обложены частные пансіоны, была назначена на восполненіе Лицейскому Пансіону.—Понятно по этому, что содержатели частных пансіоновъ видѣли въ Лицейскомъ Пансіонѣ своего врага и старались вредить ему въ общественномъ мнѣніи, не менѣе Іезуитовъ и другихъ недоброжелателей этого заведенія.—А между тѣмъ, могло-ли быть какое-нибудь сравненіе между Лицейскимъ и частными пансіонами? и не право-ли было правительство, покровительствуя первому на счетъ послѣднихъ?—Лицейскій Пансіонъ былъ учрежденіе правительственное, имѣвшее двѣ прекрасныя цѣли—служить разсадникомъ Лицея и давать дѣтямъ Русскаго дворянства *приличное, вполне Русское*, самое тщательное воспитаніе и образованіе, для приготовленія ихъ къ государственной, гражданской и военной, службѣ, съ важными преимуществами; но онъ долженъ былъ содержать себя самъ, платою за воспитанниковъ, сначала по 1 т. руб., а потомъ по 1500 руб. асс.—Частные же пансіоны, содержимые почти исключительно иностранцами-иноувѣрцами и болѣею частію Французами, брали за воспитанниковъ большую плату, а давали имъ воспитаніе и образованіе очень поверхностное и неудовлетворительное, а главное—не-Русское, и не отличались строгими порядкомъ и нравствен-

ностью, а нѣкоторые даже были извѣстны большою распушенностью, чтобы не сказать болѣе.—Пора было правительству обратить на это наконецъ вниманіе и, изъяснивъ воспитаніе русскаго дворянства изъ рукъ Іезуитовъ и иностранцевъ—иноувѣрцевъ, довѣрить его двумъ вновь учрежденнымъ имъ, на исполнѣ Русскихъ и согласныхъ съ требованіями времени началахъ, учебнымъ заведеніямъ.—Тѣмъ не менѣе содержатели частных пансіоновъ также участвовали въ общемъ хорѣ недоброжелателей Лицея и Пансіона, вторя той же пошлой пѣснѣ о *фармазонствѣ и революціи*.

Гауеншильда и другихъ *недоброжелателей* Энгельгардта (у котораго ихъ было не мало) слѣдуетъ также причислить къ числу враговъ Пансіона, а Гауеншильда даже признать главнымъ виновникомъ всѣхъ его бѣдъ, какъ объ этомъ подробно говорится ниже. Кромѣ того у Пансіона были еще и другіе враги, хотя и менѣе значущіе.—Порознь они были ничтожны, однако въ общей массѣ и въ общемъ хорѣ не безъ значенія.

Изъ высшихъ сферъ спустимся теперь пониже и отъ внѣшней обстановки Пансіона обратимся къ внутренней, чтобы посмотрѣть, не было-ли въ ней въ самомъ дѣлѣ какихъ-нибудь элементовъ *неустройства* и *беспорядковъ*, въ которыхъ такъ упорно обвиняли Пансіонъ?

Здѣсь, по порядку чиноначалія, первую встрѣчается личность *директора*, а директоромъ, который управлялъ Пансіономъ первые 8 лѣтъ, былъ *Гауеншильдъ*. Въ 1-й части этой книги уже были приведены данныя о его происхожденіи, образованіи, служебной, ученой и литературной дѣятельности, правахъ на званіе директора такого учебнаго заведенія, какъ Лицейскій Пансіонъ, дѣйствіяхъ его по этому званію, ознаменовавшихся *беспорядками* и *неустройствами* въ Пансіонѣ, съ

самого начала до 1822 года, по воспитательной и хозяйственной частямъ, и пр.—Уже одинъ эти данныя, заимствованныя изъ *официальныхъ* свидѣній Лицейскаго архива и помѣщенныхъ г. Селезневымъ въ его „Очеркъ Лицея“, могутъ, кажется, дать нѣкоторое понятіе о томъ, что это была за личность.— Но чтобы дать болѣе полное и ясное понятіе о ней, нужно прибѣгнуть къ другимъ источникамъ, неофициальнымъ—преданіямъ Пансіона и воспоминаніямъ живыхъ свидѣтелей, бывшихъ его воспитанниковъ. Въ 8 лѣтъ изъ 15½, въ Пансіонѣ пребывало болѣе половины всего числа воспитанниковъ, а нѣкоторые изъ нихъ, сверхъ того, еще до поступленія своего въ Пансіонъ, были въ собственномъ, домашнемъ, приготовительномъ пансіонѣ Гауеншильда.—Слѣдовательно они могли близко и хорошо знать, кто и что такое былъ Гауеншильдъ?

Прежде всего представляется вопросъ: откуда взялся Гауеншильдъ?—Изъ *Австріи*, изъ *Вьны*, слѣдовательно, хотя еще и въ 1811 году, но едва-ли не изъ *лона Меттерниха*. Почему же, спрашивается, первымъ директоромъ Пансіона былъ *поручикъ Вьнской университетской гвардіи и членъ Вьнской академіи художествъ*, а не какой-нибудь извѣстный ученый или профессоръ одного изъ Германскихъ университетовъ, напримѣръ, хоть бы Геттингенскаго, пользовавшагося тогда большою славою и въ которомъ совершили свое образованіе три лучшие Русскіе профессора Лицея и Пансіона, *Куницынъ, Кайдановъ и Карцовъ*?—По какому случаю и по какимъ соображеніямъ этотъ нововыѣзжій изъ Австріи въ Россію Трансильванскій нѣмецъ сразу сталъ профессоромъ *нѣмецкаго языка* въ такомъ учебномъ заведеніи, какъ только-что учрежденный Царскосельскій Лицей, а вскорѣ за тѣмъ—даже и директоромъ его Пансіона, также только-что учрежденнаго?—И почему ему было отдано предпочтеніе передъ достойнѣйшимъ Русскимъ про-

фессоромъ Кошанскимъ, искавшимъ этого мѣста?—Исторія, совокупно съ „Очеркомъ“ г. Селезнева, молчитъ объ этомъ. Есть, правда, нѣкоторые намеки, а именно—объ опредѣленіи Гауеншильда въ Лицей *особенно ходатайствовала* близкій Графу Разумовскому человекъ, тогдашній Попечитель С. Петербургскаго учебнаго округа, *Сергій Семеновичъ Уваровъ*, сочиненіе котораго Гауеншильдъ перевелъ на нѣмецкій языкъ, подъ заглавіемъ „*Ideen über eine Asiatische Akademie*“.— Судя по этимъ намекамъ, ужъ не Сергію-ли Семеновичу Уварову обязаны были Лицей и особенно Пансіонъ пріобрѣтеніемъ такого ученаго мужа и опытнаго педагога?—Положительно удостовѣрять въ этомъ нельзя, но съ вѣроятностію предполагать можно.—Какъ бы то впрочемъ ни было, опредѣленіе профессоромъ Лицея и директоромъ Пансіона, Гауеншильда, а не другаго, именно профессоромъ—*нѣмца, Русскаго подданнаго*,—а директоромъ—*природнаго Русскаго*,—загадка, до сихъ поръ неразгаданная.— Каковъ же былъ этотъ профессоръ Лицея и директоръ Пансіона?—Уже наружность его, сама по себѣ, не была въ его пользу и не внушала симпатіи къ нему. Самую рѣзкою характеристическою чертою его фizioноміи была верхняя губа, какъ-то странно вздернутая вверхъ, что придавало его лицу особенно неприглядное выраженіе и, вмѣстѣ со всѣми его пріемами, манерами, говоромъ и пр., давало ему подобіе *Вьнскаго бюргера* средней руки.—Домашняя его обстановка соотвѣтствовала тому же: все въ ней носило характеръ бережливости и расчетливости, чтобы не сказать болѣе. Вообще едва-ли не главнымъ качествомъ Гауеншильда была его *расчетливость* въ разныхъ отношеніяхъ. Едва только былъ онъ опредѣленъ профессоромъ Лицея, какъ уже, *первый и единственный* изъ профессоровъ его, задумалъ, испросилъ у своихъ милостивцевъ и получилъ позволеніе содержать у себя свой частный, пригото-

вительный для Лицея Пансіонъ.—Учрежденіе, для той же цѣли, Лицейскаго Благороднаго Пансіона, въ который поступили всѣ бывшіе у Гауеншильда воспитанники и директоромъ котораго былъ назначенъ онъ самъ, а не Кошанскій, подають поводъ предполагать, что въ мысли учрежденія Лицейскаго Пансіона едва-ли не участвовала *расчетливость* Гауеншильда.—Но въ первые же два года его директорства, въ Пансіонѣ произошли важныя безпорядки по *воспитательной* и особенно *хозяйственной* части, съ 100 т. р. долгу на Пансіонѣ!—Можетъ-ли это служить въ пользу педагогическихъ и административно-хозяйственныхъ способностей Гауеншильда, какъ директора такого Русскаго учебнаго заведенія, какимъ былъ Лицейскій Благородный Пансіонъ?—Примѣръ Энгельгардта, въ одинъ годъ наилучшимъ образомъ исправившаго и улучшившаго устройство и Лицея, и особенно Пансіона, служить лучшимъ отвѣтомъ на это.—Одинъ сразу отлично устроилъ то, что другой сразу же разстроилъ и не могъ устроить ни въ 2 первые года, ни въ 6 послѣдующихъ лѣтъ. — Какъ одинъ имѣлъ замѣчательный даръ *организатора*, такъ другой, на оборотъ, не только не имѣлъ его, но кажется соединялъ въ себѣ всѣ свойства *дезорганизатора*.—Только-что Энгельгардтъ привелъ все въ порядокъ и устройство, какъ Гауеншильдъ поставилъ себя въ непріязненныя отношенія къ нему и сталъ нарушать чиновначальственный порядокъ, обращаясь помимо Энгельгардта и Лицейскихъ: конференціи и правленія къ Министру, Князю Голицыну.—Такъ, между прочимъ, помимо ихъ, по личному его ходатайству, былъ опредѣленъ въ Лицей и Пансіонъ адъюнктомъ нѣмецкой словесности, выписанный имъ изъ Вѣны же, нѣкій господинъ *де-Оливи*, человекъ, хотя и не безъ образованія, но въ нравственномъ отношеніи недостойный уваженія.—Могло-ли все это, не говоря о многомъ дру-

гомъ, внушать воспитанникамъ Пансіона уваженіе и любовь къ Гауеншильду?—Разумѣется нѣтъ, и отъ того, въ соединеніи съ педагогическою и административною неспособностью Гауеншильда, уже съ 1814 года, по свидѣтельству Лицейскаго архива, *возникають и все чаще и чаще обнаруживаются въ Пансіонѣ неустройства и безпорядки*, разрѣшающіеся наконецъ въ 1822 году удаленіемъ Гауеншильда и подчиненіемъ Пансіона Кадетскому начальству.

Что бы ни говорили, ближайшими цѣлителями начальниковъ учебныхъ заведеній были, есть и будутъ сами воспитанники послѣднихъ.—Ихъ молодая, еще не испорченная натура съ удивительнымъ тактомъ угадываетъ въ начальникѣ все, достойное любви и уваженія, или наоборотъ. Въ первомъ случаѣ начальникъ можетъ сдѣлать съ ними и изъ нихъ что угодно, въ послѣднемъ—никогда и ничего.—Такъ первый случай былъ вполне примѣнимъ къ Энгельгардту въ Лицеѣ, второй—къ Гауеншильду въ Пансіонѣ.—Въ какой степени первого любили и уважали воспитанники Лицея, въ такой второго не любили и не уважали воспитанники Пансіона.—Это—фактъ, котораго никто не въ состояніи опровергнуть.—Онъ достаточно выразился, кромѣ *неустройствъ и безпорядковъ въ Пансіонѣ*, о которыхъ съ 1814 года до 1822-го безпрестанно твердитъ Лицейскій архивъ и которые привели къ такому прискорбному для Пансіона перевороту, еще однимъ обстоятельствомъ, которое въ этомъ отношеніи не безъ вѣса.—Въ Пансіонѣ, какъ и въ Лицеѣ, наследственно послѣ Пушкина и Дельвига, сохранялась любовь къ стихотворству и другимъ литературнымъ занятіямъ, которую тщательно поддерживалъ и развивалъ самъ профессоръ Русской словесности, Н. Ѳ. Кошанскій.—Въ Пансіонѣ, если и не было замѣчательныхъ *поэтовъ*, то были *стихотворцы*, одни лучше, другіе хуже, — и въ

томъ числѣ такіе, которые сочиняли болѣе или менѣе удачные стишки для собственнаго товарищескаго кружка—не далѣе.— Одно изъ такихъ стихотвореній, юмористическаго рода, такъ вѣрно и забавно изобразило въ стихахъ начальство, профессоровъ, преподавателей и воспитателей Пансіона, каждаго съ его характеристической или смѣшной стороны, что сохранилось между воспитанниками Пансіона до самаго упраздненія его и даже послѣ того.—Въ этомъ стихотвореніи, въ главѣ портретовъ, былъ, разумѣется, Гауеншильдъ, изображенный слѣдующимъ образомъ:

Явился тутъ
Съ губою вверхъ задранной,
Гроза точась
Всѣхъ выгнать насъ
По власти Княземъ данной. —

Эти стихи (изъ которыхъ первый, очень вѣрный, но слишкомъ выразительный, умалчивается), хотя, положимъ, въ формѣ и не совѣмъ изящной, чрезвычайно мѣтко выражали и главную характеристику Гауеншильда, и степень уваженія или, лучше сказать, неуваженія къ нему воспитанниковъ.—Между тѣмъ, въ томъ же стихотвореніи, о всѣхъ прочихъ профессорахъ и воспитателяхъ Пансіона говорилось лишь съ безобидною насмѣшливостью, но безъ неуваженія. —

Однимъ словомъ—Гауеншильдъ, и по самымъ фактамъ и результатамъ его 8-ми лѣтняго управленія Пансіономъ, и по нерасположенію къ нему воспитанниковъ послѣдняго, былъ, и по воспитательной, и по хозяйственной части, директоръ Пансіона *неспособный и недостойный, единственный виновникъ всѣхъ неустройствъ и безпорядковъ этого заведенія и постигшихъ его несчастій, въ 1822-мъ году—переворота, а въ 1829-мъ—упраздненія.*—По истинѣ можно сказать, что это былъ *злой*

геній Пансіона, какъ Энгельгардтъ, напротивъ, былъ *добрымъ геніемъ* Лицея.—И если подумать, что изъ за этого злаго генія погибъ Лицейскій Пансіонъ!—Невольно вспомнивъ французскій стихъ:

Amour! tu perdis Troye!

скажешь: „Гауеншильдъ! ты погубилъ Лицейскій Пансіонъ!“

Погубилъ—и скрылся для исторіи, унеся однако съ собою—2000 руб. асс. пожалованной ему въ 1820 году пожизненной пенсіи, за его великіе подвиги въ Россіи!

Совѣмъ въ иномъ свѣтѣ представляется помощникъ Гауеншильда съ 1816-го года, Инспекторъ Пансіона, почтенный *Федоръ Евстафьевичъ Нумерсъ*, ставшій также жертвой Гауеншильдовой неспособности.—Уже одно то, что онъ былъ опредѣленъ въ Инспекторы по рекомендаціи и ходатайству Энгельгардта, и, по свидѣтельству самого Алабова, былъ *человѣкъ точный, къ исполненію должности своей рачительный и весьма честныхъ правилъ, но не былъ поддержанъ начальствомъ* (т. е. Гауеншильдъ), служить въ его пользу.

И дѣйствительно—аккуратный, какъ часы, опытный, строгій и взыскательный, добрый и во всѣхъ отношеніяхъ достойный уваженія, онъ какъ нельзя болѣе былъ на своемъ мѣстѣ—и любовь и уваженіе къ нему воспитанниковъ Пансіона были наилучшимъ свидѣтельствомъ его способности и достоинства.—О! если бы, вмѣсто Гауеншильда, директоромъ Пансіона былъ Энгельгардтъ, съ Инспекторомъ Нумерсомъ, почему знать?—участь Пансіона была бы, можетъ быть, иная! — Но *злой рокъ* надѣлилъ Пансіонъ Гауеншильдъ—и въ произшедшемъ вслѣдствіе того водоворотѣ погибъ для Пансіона Нумерсъ, а наконецъ—и самый Пансіонъ!

Послѣ директора и инспектора слѣдуютъ, по воспитательной части Пансіона, воспитатели, носившіе званіе *гувернеровъ*.—

Большую долю вины въ неурействахъ и безпорядкахъ Пансіона вводи́ли на нихъ, какъ въ ихъ время, такъ и позже.— Но это не совсѣмъ справедливо.— *Воспитаніе и воспитатель*, въ строгомъ педагогическомъ смыслѣ этихъ словъ — понятія очень мудренныя и важныя. Идеаль ихъ—досягаемъ не для многихъ или, лучше сказать, для весьма немногихъ.—Для достиженія его нужна особенная, болѣе или менѣе основательная, глубокая, широкая и многосторонняя, нравственная еще болѣе, нежели умственная, *цивилизация*, для того, чтобы *воспитатель* стать въ уровень съ идеаломъ *воспитанія*.—Но возможно-ли это было у насъ въ Россіи, не только въ 1814 году, но даже и позже, не только въ высшей или средней, но даже хотъ въ низшей степени требованій идеала воспитанія? — Въ эпоху учрежденія Пансіона, не только общественное воспитаніе, но даже и общественное образованіе стояли еще у насъ на болѣе или менѣе низкой степени. — Частное воспитаніе было въ рукахъ Іезуитовъ и иностранцевъ-иновѣрцевъ, болѣею частью французовъ, либо эмигрантовъ, либо *остатковъ великой арміи* (*débris de la grande armée*). — Воспитателей — Русскихъ очень мало, болѣею частью изъ студентовъ университетовъ, Педагогическаго Института и духовныхъ академій и семинарій. — Но въ университетахъ и духовныхъ академіяхъ и семинаріяхъ давалось умственное образованіе, но не давалось *воспитанія*, а въ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ и подавно. — Общественнаго воспитанія *положительнаго* у насъ не было (какъ и теперь еще нѣтъ);—было развѣ только *отрицательное*, заключавшееся въ административно-полицейскихъ мѣрахъ, сводившихся къ единому слову: *не дѣлай того, другою, третью и т. д., иначе — постигнетъ тебя строгая кара*, слѣдовательно двигателемъ въ этомъ воспитаніи былъ единственно *страхъ наказанія*.—Да и прошедшіе чрезъ

это общественное образованіе и отрицательное воспитаніе, въ числѣ довольно скудномъ, шли не въ воспитатели, а на государственную службу, и та еще крайне нуждалась въ людяхъ съ высшимъ образованіемъ. — Откуда же было удовлетворить потребности, по крайней мѣрѣ, въ 8—10 русскихъ воспитателей для Лицея и Пансіона?—Въ Постановленіяхъ объ этихъ заведеніяхъ, отъ воспитателей требовались многія и важныя условія, удовлетворить которымъ съ трудомъ могли Русскіе воспитатели.—Въ Постановленіяхъ: о Лицеѣ и 2-мъ о Пансіонѣ эти условія были еще рациональны, но въ 1-мъ Постановленіи о Пансіонѣ (1812 года) требовалось, чтобы воспитатели имѣли *хорошія свидѣтельства и опытность въ Россійской службѣ* (должно подразумѣвать — *гражданской*, которая не пользовалась еще уваженіемъ, по причинѣ низкой степени образованности служившихъ въ ней),—слѣдовательно—чтобы они были *хорошіе*, не *педагоги*, а *чиновники*! —

И такъ, нечего было дѣлать—нужно было, за неимѣніемъ истинныхъ педагоговъ Русскихъ, опредѣлять въ это званіе, въ Лицей и Пансіонъ, изъ Русскихъ—получившихъ высшее образованіе въ Педагогическомъ Институтѣ, университетахъ или духовныхъ академіяхъ и семинаріяхъ, а изъ иностранцевъ-иновѣрцевъ—болѣе извѣстныхъ или рекомендуемыхъ своею образованностью и педагогическою опытностью или способностью, а тѣхъ и другихъ—съ удостовѣреніемъ въ ихъ доброй нравственности.—И эти люди, много-ли, мало-ли они удовлетворяли строгимъ требованіямъ вести дѣло воспитанія въ Лицеѣ и Пансіонѣ, если были хорошо руководимы и направляемы начальниками.—главами этихъ заведеній.—А въ этомъ-то именно и была большая разница между Лицеємъ и Пансіономъ. — У директора Лицея, Энгельгардта, который самъ былъ отличнымъ педагогомъ, по

собственнымъ: склонности, способности и любви къ дѣлу воспитанія, — оно шло хорошо; у директора же Пансіона, Гауеншильда, не имѣвшего ни одного изъ этихъ условій — оно шло дурно, и въ этомъ вина была не инспектора, не воспитателей и еще менѣе воспитанниковъ, но единственно самого Гауеншильда. — Между тѣмъ какъ Энгельгардтъ, будучи директоромъ Лицея, былъ въ тоже время и инспекторомъ, и главнымъ воспитателемъ, безпрестанно находился среди воспитанниковъ или ихъ собиралъ у себя, — Гауеншильдъ плохо руководилъ и направлялъ Инспектора и воспитателей, не поддерживалъ ихъ, очень рѣдко являлся между воспитанниками, не собиралъ ихъ у себя, а если являлся между ними, то либо въ званіи профессора, въ часы назначенные для лекцій, либо, въ случаѣ какихъ-либо *неустройствъ и безпорядковъ*, единственно съ всегдашнюю свою, *стереотипную* угрозою — *тотчасъ всѣхъ вынаты, по власти княземъ* (Голицынымъ) *данной!* — Въ этомъ и заключалась вся его педагогическая мудрость.

По этому не возможно строго обвинять воспитателей Пансіона. — И они были, хотя и люди болѣе или менѣе образованные и достойные, но все же *люди*: и для нихъ, не менѣе, нежели для воспитанниковъ, необходимы были разумные: руководство, направленіе, надзоръ, наблюденіе и поддержка директора. — Но ихъ-то именно и не было и не могло быть, потому что Гауеншильдъ не имѣлъ ничего нужнаго для того. — Онъ, можетъ быть, былъ хорошимъ профессоромъ нѣмецкой словесности, могъ бы, пожалуй, быть такимъ же, какъ и другіе изъ иностранцевъ, содержащемъ частнаго пансіона, но быть директоромъ такого русскаго учебнаго заведенія, какимъ былъ Лицейскій Пансіонъ, по самой цѣли своего учрежденія и по буквальному смыслу 1-го и 2-го Постановленій о немъ, —

Гауеншильдъ далеко было не подь силу. — Въ этомъ званіи, въ тогдашнее время и въ тогдашнихъ обстоятельствахъ, ему слѣдовало быть главнымъ звеномъ въ цѣпи отношеній Пансіона сверху и снизу, а это-то именно звено и было до крайности *слабо*. —

И такъ — гувернеры Пансіона не были виноваты въ его неустройствѣ и безпорядкахъ, ни *исключительно*, ни даже *преимущественно*, какъ выставлялось иными въ послѣдствіи. — Они ничуть и ничѣмъ не были хуже ни Лицейскихъ, ни въ особенности надзирателей и воспитателей въ другихъ, казенныхъ и частныхъ учебныхъ заведеніяхъ того времени, а можетъ быть и гораздо лучше, нежели въ этихъ послѣднихъ. — Условія выбора ихъ были очень строги, а выборъ ихъ не труденъ тѣмъ, что въ желавшихъ имѣть эти мѣста недостатка не было, по причинѣ почета и преимуществъ службы въ этомъ званіи въ Лицейскомъ Пансіонѣ. — Изъ нихъ русскіе, какъ уже сказано, получили образованіе или въ Педагогическомъ Институтѣ, или въ русскихъ Университетахъ, духовныхъ Академіяхъ и Семинаріяхъ, и всѣ или почти всѣ были вмѣстѣ съ тѣмъ и преподавателями въ Пансіонѣ, а иные и въ Лицеѣ, или были переводимы въ послѣдній гувернерами. — Гувернеры нѣмцы были большею частію изъ Дерптскаго университета или изъ гимназій прибалтійскихъ губерній, и люди вообще образованные. — Французы же, хотя и уступали русскимъ и нѣмцамъ, но все таки опредѣлялись не безъ тщательнаго выбора и были также преподавателями и притомъ хорошими. — Воспитанники жили со всѣми ими въ ладахъ и не имѣли особенныхъ причинъ жаловаться на нихъ, а напротивъ — могли болѣе или менѣе похвалиться ими, всегда разставались съ ними дружелюбно и хранили добрую память о нихъ.

Наконецъ, главный элементъ Пансіона — *воспитанники* его

были, какъ весьма естественно и понятно, не лучше и не хуже воспитанниковъ всякихъ другихъ, казенныхъ и частныхъ, учебныхъ заведеній того времени, стоявшихъ на одной степени съ Пансіономъ. Происхожденіе и первоначальныя воспитаніе и образованіе были тѣже, а получаемыя ими въ Пансіонѣ—даже лучше.—Почему же бы воспитанникамъ Пансіона быть хуже? — Пять переводовъ въ Лицей и одиннадцать выпусковъ изъ Пансіона служатъ, кажется, достаточнымъ свидѣтельствомъ, что воспитанники Пансіона не были плохи.— Правда, не всѣ они были одинаковаго достоинства, особенно въ низшихъ классахъ, въ которые поступали прямо отъ родителей: были и отличные, и хорошіе, и посредственные, и дурные по способностямъ и качествамъ.— Пансіонъ въ то время, особенно въ началѣ, могъ служить нагляднымъ свидѣтельствомъ чрезвычайной *пестроты* въ тогдашнемъ, въ средѣ русскаго дворянства, первоначальномъ, домашнемъ воспитаніи и образованіи дѣтей его, и огромной разницы въ относительныхъ достоинствахъ этого воспитанія и образованія, начиная отъ *отличнаго до самаго неудовлетворительнаго* во всѣхъ отношеніяхъ.—Но развѣ это было только въ одномъ Лицейскомъ Пансіонѣ? — Не во всѣхъ-ли заведеніяхъ было тоже самое? А въ нѣкоторыхъ, какъ напримѣръ въ гимназіяхъ и кадетскихъ корпусахъ, не было-ли даже хуже?—Дѣйствительно можно сказать, что если, вообще говоря, воспитанники Лицейскаго Пансіона были *не хуже*, нежели въ другихъ заведеніяхъ, то, говоря въ частности, они положительно были *лучше*, нежели во многихъ изъ нихъ. Учили ихъ и учились они положительно лучше, а вели себя—если не лучше, то во всякомъ случаѣ не хуже: шалости и проступки были такіе же, какъ и въ другихъ заведеніяхъ,—въ низшихъ классахъ—ребячeskія, но къ чести Пансіона и его воспитанниковъ, по всей

справедливости должно сказать, что *никогда* не было между ними ни религіознаго, ни политическаго вольнодумства, ни того мятежнаго духа, который, при всякомъ, малѣйшемъ столкновеніи съ ближайшими властями, проявлялся бы общими возстаніями, соединенными съ шумомъ, крикомъ, явнымъ неповиновеніемъ и сопротивленіемъ, и другими, тому подобными безобразіями. Преданія пансіонскія передавали рассказы о большихъ или меньшихъ ребяческихъ шалостяхъ въ младшихъ классахъ, о студенческихъ проказахъ и междоусобныхъ или между-классныхъ распряхъ въ старшихъ классахъ и т. п., но ни о *бунтахъ*, ни даже о *бунтикахъ* противъ властей никогда и ничего и въ поминѣ не бывало. Но какъ умы сверху были сильно заняты и запуганы мыслью о *революціи* и страхъ *революціи*, вездѣ и во всемъ, и въ Семеновской исторіи, и даже въ учебныхъ заведеніяхъ, заставлялъ видѣть *совсѣмъ готовую революцію*, нѣкоторые же, высокопоставленные люди, по личнымъ интересамъ своимъ и взаимнымъ между собою отношеніямъ (какъ напримѣръ Аракчеевъ къ Голицыну), находили вѣроятно выгоднымъ играть на этой струнѣ, то и не мудрено, что пансіонскія *шалости, проказы и междуклассныя распри* (не мѣшавшія однако учиться, какъ не мѣшали онѣ тому и въ нѣмецкихъ и въ русскихъ университетахъ) были представляемы официально *неустройствами и безпорядками, начавшимися, продолжавшимися и чаще, и чаще обнаружившимися въ Лицейскомъ Пансіонѣ*.

Если внимательно сообразить въ общей совокупности все изложенное выше, то окажется, что Пансіонъ, во внутреннихъ своихъ: составѣ и обстановкѣ, за исключеніемъ одного директора Гауеншिल्да, не имѣлъ никакихъ особенныхъ элементовъ нестройства и безпорядковъ.—Инспекторъ, гувернеры и

сами воспитанники вовсе не заключали въ себѣ такого рода элементовъ, будучи не только не хуже, но во многихъ отношеніяхъ даже лучше, нежели въ другихъ современныхъ учебныхъ заведеніяхъ равной степени.—Но главный элементъ неустройства и беспорядковъ заключался въ самомъ директорѣ *Гауеншильда* и въ разнообразныхъ вліяніяхъ вѣшной обстановки, начиная отъ низшихъ, ближайшихъ къ Пансіону, до высшихъ.— Зависть и недоброжелательство къ Пансіону, козни и интриги противъ него были, сами по себѣ, не безъ значенія, но вліяніе ихъ навѣрное не было бы такъ вредно для него, еслибы, къ несчастію, къ нимъ не примѣшались обстоятельства времени, интриги между высшими лицами и особенно явная неспособность *Гауеншильда* быть въ такихъ обстоятельствахъ директоромъ Пансіона и притомъ еще крайняя безтактность, съ которою онъ поставилъ себя въ ложное положеніе въ отношеніяхъ своихъ къ *Голицыну* и *Энгельгардту*.—Можно смѣло сказать, что еслибы на его мѣстѣ былъ всякой другой, а тѣмъ болѣе *Энгельгардтъ*, то судьба Пансіона была бы, можетъ быть, иная.—*Энгельгардтъ* безъ сомнѣнія счумѣлъ бы оберегать Пансіонъ, подобно тому, какъ онъ счумѣлъ заботливо оберегать Лицей,—и не смотря даже на всѣ исчисленные выше, неблагоприятныя для Пансіона обстоятельства. Доказательства тому, въ пользу *Энгельгардта* и не въ пользу *Гауеншильда*, на лицо, и приведены выше. Немедленное удаленіе *Гауеншильда* отъ должности въ 1822 году, служить, кажется, вѣрною оцѣнкою его неспособности.— Жаль, что эта неспособность его не сдѣлалась извѣстною и не была признана 8 лѣтъ ранѣе: Пансіонъ былъ бы избавленъ этимъ отъ многихъ, горькихъ для него, послѣдствій первоначальнаго назначенія директоромъ его, не *Кошанскаго*—по всѣмъ правамъ, а *Гауеншильда*—единственно по протекціи. —

3. Третій періодъ. (1822—1825).

Съ Марта 1822 года начинается и уже вплоть до конца Пансіона въ Іюнь 1829 года продолжается *военное управленіе*.—Изъ 7-ми лѣтъ его, 4 года принадлежали царствованію Императора Александра I, а 3 послѣдніе—Императора Николая I.

Главное начальствованіе Цесаревича Великаго Князя Константина Павловича было только именное.—Цесаревичъ почти безвыѣздно жилъ въ Варшавѣ и почти исключительно былъ занятъ дѣлами Царства Польскаго и его арміи.

Главное завѣдываніе Лицеємъ и Пансіономъ въ Петербургѣ принадлежало Главному директору Пажескаго, всѣхъ кадетскихъ корпусовъ и прочихъ военно-учебныхъ заведеній.—Въ Мартѣ 1822-го года въ этомъ званіи былъ одинъ изъ героевъ 1812—13—14 годовъ, заслуженный и достойнѣйшій Генераль-Адъютантъ—Графъ *Петръ Петровичъ Коновницынъ*.—Онъ вступилъ въ завѣдываніе Лицеємъ и Пансіономъ 22-го Марта 1822-го года (на 3-й недѣлѣ Великаго Поста) и вскорѣ посѣтилъ и осмотрѣлъ оба заведенія.—Завѣдываніе его ими было очень тихое, скромное и непродолжительное: 29-го Августа того же года онъ скончался, а 23-го Января слѣдующаго года на его мѣсто былъ назначенъ Генераль-Адъютантъ (въ послѣдствіи Графъ) *Павелъ Васильевичъ Голенищевъ-Кутузовъ*, также одинъ изъ боевыхъ дѣятелей 1812—13—14 годовъ.

Четырехъ-лѣтнее завѣдываніе Лицеємъ и его Пансіономъ *П. В. Голенищева-Кутузова* было также, какъ и *Коновницына*, тихое, скромное, не проявлявшееся никакими чрезвычайными мѣрами, ни особеннымъ вѣшательствомъ въ дѣла Лицея и Пансіона.—Покрайней мѣрѣ, въ „Очеркѣ“ г. Селезнева

никакихъ официальныхъ данныхъ о завѣдываніи *Коновницына* и *Кутузова* изъ дѣлъ Лицейскаго архива не приведено, за исключеніемъ только продолжительной и непріятной для *Энгельгардта* переписки съ нимъ о концертѣ въ Лицеѣ, 12-го Декабря 1822-го года.

Подъ главнымъ завѣдываніемъ *Коновницына* и *Кутузова* до 1826 года директорами были: въ Лицеѣ—до 23-го Октября 1823 г.—*Энгельгардтъ*, съ 1-го Января 1824 г.—Генераль-Маіоръ *Гольцгоеръ*, а въ промежуткѣ между ними—въ должности директора инспекторъ *Нумерсъ*;—въ Пансіонѣ же—капитанъ (въ послѣдствіи Подполковникъ) *Алабовъ*, съ двумя помощниками, кадетскими поручиками *Жеребцовымъ* и *Штохнымъ*.

По Постановленію о Пансіонѣ, директоръ его, *Алабовъ*, былъ членомъ Лицейскаго правленія и въ зависимости отъ него и отъ предсѣдателя его, директора Лицея. Первые полтора года при *Энгельгардтѣ* имѣли ту пользу для Пансіона, что военное управленіе не сразу и не вполне оказало свое вліяніе на него, будучи умѣряемо посредничествомъ *Энгельгардта*, хотя это обошлось ему и не безъ борьбы и непріятностей, вынудившихъ его наконецъ просить увольненія.—Но съ назначеніемъ *Гольцгоера* директоромъ Лицея, съ 1824 года въ обоихъ заведеніяхъ воцарилось уже полное, не смѣшанное, военное управленіе и съ нимъ военные порядки,—хотя впрочемъ умѣренные.

1-го Кадетскаго корпуса капитанъ *Алабовъ*, назначенный Директоромъ Пансіона, какъ сказано въ „Очеркѣ“ г. Селезнева (стр. 110), по собственному выбору Государя Императора, былъ хорошій кадетскій офицеръ и, по счастію для Пансіона, вмѣстѣ съ тѣмъ, добрый и хорошій человѣкъ.—Получивъ кадетское, неглубокое образованіе, онъ, разумѣется, по учебной

части Пансіона не могъ имѣть значенія, тѣмъ болѣе, что эта часть зависѣла не отъ него, а отъ конференціи Лицея, предсѣдателемъ которой былъ Директоръ Лицея.—По хозяйственной части капитанъ *Алабовъ*, вѣроятно, могъ ввести и ввелъ порядокъ, предписанный Положеніями, по крайней мѣрѣ въ матеріальномъ содержаніи Пансіона и его воспитанниковъ, кромѣ перемѣны формы ихъ изъ гражданской въ полувойсковую, въ 1823 году, никакихъ особенныхъ перемѣнъ, ни къ худшему, ни къ лучшему, замѣтно не было.—Но по воспитательной части—главной цѣли назначенія *Алабова*, вполне зависѣвшей отъ Директора, вліяніе его тотчасъ дало себя замѣтить и почувствовать.—Это вліяніе было, можно сказать, чисто военно-полицейское, устремленное главнымъ образомъ къ прекращенію въ Пансіонѣ неустройства и безпорядковъ (по свидѣтельству и выраженію официальныхъ источниковъ) и къ водворенію въ немъ, напротивъ, благоустройства и порядка, вѣроятно, какъ въ кадетскихъ корпусахъ, основаннаго на военной субординаціи и дисциплинѣ.—Порядокъ днемъ въ классахъ, залахъ, столовой, въ полѣ, ночью въ спальняхъ, порядокъ въ стояніи, сидѣніи, ходьбѣ, бѣганьѣ, въ одеждѣ, разговорахъ, отвѣтахъ начальству и пр. и пр.—словомъ порядокъ и порядокъ во всемъ—таковы были альфа и омега ревностнаго усердія и все-часной заботливости *Алабова* и помощниковъ его.—А средствами и приемами при водвореніи порядка въ Пансіонѣ служили имъ тѣ словесныя внушенія, которыя были доступны имъ изъ практики кадетскихъ корпусовъ.—Для воспитанниковъ Пансіона эти средства и приемы были немножко новы и непривычны, но на нѣтъ и суда нѣтъ, а сила и соломѣ ломить: нужно было подчиниться военнымъ порядкамъ и приказаніямъ дѣлай это, не дѣлай того и т. п.—Но какъ ни что не ново подъ луною, а моло-

дежь воспримчива и впечатлительна, то и для воспитанников Пансіона *новые* военные порядки скоро стали *нормами*, и къ *новымъ* директору и его помощникамъ мало по малу привыкли ихъ *новые* питомцы и даже не стали ихъ дичиться.—Этому много содѣйствовало то, что первые 1½ года Пансіонъ имѣлъ въ лицѣ *Энгельгардта* умѣреннаго, а послѣ него въ лицѣ *Гольтшера*—почтеннаго, добраго и умѣреннаго предстателя,—во все же время съ 1822-го года по 1826-й такую же умѣренность Пансіонъ видѣлъ въ лицѣ *Коновницына*, *Кутузова* и особенно—самого Государя Императора—*Александра Павловича*.—Главное дѣло было сдѣлано: гражданское управленіе замѣнено военнымъ, прежнія начальственные лица—новыми, и, за исключеніемъ ничѣмъ незамѣнимой потери въ Октябрѣ 1823 г. *Энгельгардта*, благо еще было для Пансіона, что эта перемѣна лицъ оказалась, въ концѣ концовъ, не во вредъ ему.—Не колеблясь можно поставить прямыхъ, честныхъ и благородныхъ воиновъ, *Коновницына* и *Кутузова*, выше *Голицына*, а *Алабова* выше *Гауеншильда*.—Государь, подчинивъ Лицей и Пансіонъ военному начальству, подъ главнымъ завѣдываніемъ Своего брата, Цесаревича, былъ успокоенъ на счетъ этихъ двухъ заведеній, которымъ не переставалъ благоволить.—А завистникамъ и клеветникамъ Лицея и особенно Пансіона были разомъ отняты предлоги и средства къ явному и гласному изощренію зависти и клеветѣ своихъ.—Но глухая зависть не изсякла и, умолкнувъ на время, ждала только удобнаго случая, чтобы снова высказать голосъ свой.—Случай этотъ какъ разъ представился по смерти Императора *Александра I* и воцареніи Императора *Николая I*.

4. Четвертый періодъ (1826—1829).

Съ вступленіемъ на престолъ Императора *Николая I*, и для Лицея, и особенно для его Пансіона, настала новая эпоха, поставившая ихъ въ совершенно отличное отъ прежняго положеніе.—Обстоятельства, среди которыхъ Императоръ *Николай I* вступилъ на престолъ, въ самомъ цвѣтѣ и силѣ лѣтъ (29½), твердость и энергія его характера, предшествовавшій навывъ его къ строгимъ военнымъ: порядку и исполнительности, личный взглядъ его на государственное управленіе и потребность преобразованій въ немъ, постепенное приведеніе ихъ въ исполненіе по всѣмъ частямъ государственнаго строя, въ томъ числѣ по вѣдомству народнаго образованія, гражданского и военного—все это, въ совокупности съ нѣкоторыми другими обстоятельствами, не могло не имѣть вліянія и на судьбу Лицея и его Пансіона.—Но новыя реформы коснулись ихъ не вдругъ: сначала все, въ отношеніи къ нимъ, наружно-оставалось по прежнему.—Первый годъ, 1826-й, ознаменованный печальнымъ обрядомъ погребенія тѣла умершаго Государя и затѣмъ торжествомъ коронованія новыхъ Императора и Императрицы, лишь въ концѣ своемъ произвелъ первую перемѣну въ положеніе Лицея и Пансіона.—14-го Декабря 1826-го года, на мѣсто *Графа П. В. Голенищева-Кутузова*, за годъ передъ тѣмъ назначеннаго С. Петербургскимъ Военнымъ Генералъ-Губернаторомъ, Генералъ-Адъютантъ *Николай Ивановичъ Демидовъ* былъ назначенъ главнымъ директоромъ Пажескаго, всѣхъ кадетскихъ корпусовъ и прочихъ военно-учебныхъ заведеній, равно Царскосельскаго Лицея и его Пансіона.—А въ слѣдующемъ 1827 году директоромъ Пансіона, вмѣсто Подполковника *Алабова*, былъ назначенъ 2-го кадетскаго корпуса Подполковникъ *Ваксмугъ*.

Причина освобожденія *Кутузова* отъ обязанностей главного директора военно-учебныхъ заведеній, Лицея и Пансіона, понятна: на него послѣ 14-го Декабря 1825 года возложены были важныя и трудныя въ то время обязанности Петербургскаго Военнаго Генераль-Губернатора. — Назначеніе же на его мѣсто *Демидова* было для Лицея и особенно для его Пансіона событіемъ весьма важнымъ по своимъ послѣдствіямъ. — Личность *Демидова* имѣла въ этомъ отношеніи большое значеніе. — Въ „Очеркѣ Лицея“ г. *Селезнева* имѣются о ней весьма многія официальныя данныя, хотя и въ отрывочныхъ выпискахъ. — „Дѣла конференціи Лицея отъ этихъ годовъ“ (за время управленія *Демидова*, съ 14-го Декабря 1826 года до смерти его, 4-го Юля 1833 года) — говоритъ г. *Селезневъ* на стр. 233 — „содержать въ себѣ множество предписаній, распоряженій, инструкцій главного директора, касающихся и преподаванія, и собственно воспитанія; изъ нихъ многія исключительно относятся до Лицея и его Пансіона. — Формою имъ служатъ приказы главного директора и циркулярныя отношенія его къ директорамъ корпусовъ; между ними встрѣчаются частныя письма на имя директора Лицея. — Вступивъ въ управленіе Лицеемъ, Н. И. *Демидовъ* писалъ директору его *Θ. Р. Гольтгоеру* (19-го Января 1828 года № 20), что „поставляетъ себѣ долгомъ обратить особенное вниманіе на часть нравственнаго воспитанія юношества“, — и дѣйствительно, предписанія его по Лицею (слѣдовательно и по Пансіону) почти всѣ содержатъ преимущественно напоминаніе о ней. — Въ одномъ изъ приказовъ по корпусамъ (22-го февраля 1828 г. № 6), выражая благодарность свою начальникамъ и воспитанникамъ за исправность на бывшемъ Высочайшемъ смотрѣ, Генераль-Адъютантъ *Демидовъ* изъясняетъ: „но при семъ я долгомъ представляю изложить предъ воспитывающимися, что возможнѣй-

шее совершенство по фронтовой части есть только *третьестепенное достоинство*; — *главнѣйшее же состоитъ въ чистѣйшей нравственности*, а за симъ въ *надлежащемъ познаніи въ наукахъ*, и потому, какъ искренно желающій видѣть ихъ благополучными, я усерднѣйше прошу ихъ обратить единодушное стараніе къ достиженіюжелаемаго въ семъ отношеніи совершенства“. — Онъ требуетъ доносить ему „о *всѣхъ самома-лѣйшихъ приключеніяхъ*, могущихъ по временамъ случаться въ Лицеѣ и состоящемъ при ономъ Пансіонѣ“, — также „и о томъ, еслибы кто изъ служащихъ или воспитывающихся, будучи остановленъ на улицѣ или приглашенъ въ домъ постороннимъ лицомъ (?!), былъ спрашиваемъ о чѣмъ-либо, касающемся до воспитанія въ заведеніи или тому подобномъ“ (!) (отношеніе директора Лицея къ директору Пансіона 13-го Марта 1827 года). — Обращая вниманіе на занятія воспитанниковъ чтеніемъ, какъ „на похвальное и полезное упражненіе“, онъ требуетъ, чтобы „начальство старалось приохотить воспитанниковъ въ свободное отъ учебныхъ занятій и повтореній уроковъ время, а наипаче въ рекреационные дни, читать нравственныя и историческія книги, сообразныя съ возрастомъ и понятіями воспитывающихся“ (отношеніе 29-го Ноября 1828 года № 296). — „Трагедіи, различные романы и вообще всѣ тѣ книги, которыя могутъ воспалить воображеніе юныхъ воспитанниковъ“, строго запрещены (письмо къ директору Лицея 11-го Февраля 1829 года № 32). — Встрѣтивъ воспитанника за чтеніемъ исторіи Петра Великаго на французскомъ языкѣ, онъ замѣчаетъ, что „гораздо бы приличнѣе было предметы, до отечественной исторіи относящіяся, читать въ книгахъ *россійскихъ*, дабы въ воспитанникахъ съ малолѣтства укоренились вкусъ къ *россійской* словесности и любовь ко всему отечественному“ (отноше-

не к директору Лицея 14-го Февраля 1827 г. № 51).— Вообще желательно было бы, чтобы юношество воспитывалось въ правилахъ вѣры, въ духѣ отечественномъ и *природномъ*“ (!) (тамъ же).—Вслѣдствіе Высочайшаго повелѣнія“ отдавать преимущества тѣмъ воспитанникамъ, кои нравственностію своею заслужили довѣренность и вниманіе начальства, предъ тѣми, которые въ наукахъ хотя *предпочтительнѣе*, но по поведенію *не столь отличны*“; Генералъ-Адъютантъ Демидовъ предписываетъ директору Лицея (отношеніе 25 Августа 1828 г. № 220): „каждый изъ воспитанниковъ долженъ быть тщательно наблюдаемъ во всѣхъ правилахъ его нравственности; а какъ главнѣйше-составляющія оное (?) суть *покорность, послушаніе и учтивость*, то *сіи добродѣтели имѣть во всегдашнемъ предметѣ* и на таковыхъ основывать *всѣ правила воспитанія* каждого изъ благородныхъ юношей“.—Въ Маѣ 1828 года Демидовъ передалъ директору Лицея памятную записку, „по которой (писалъ онъ) всеусердно васъ прошу приказать чинить должное наблюденіе“.—Записка эта слѣдующаго содержанія: „Вдительно наблюдать преимущественно за правилами нравственности, а за симъ успѣхами въ наукахъ и не терять невозвратнаго для сего времени юношей. О учтивости въ разговорахъ и отвѣтахъ и наружномъ видѣ воспитанниковъ, внушая всегда правила вѣжливости и приличія въ поступкахъ, что во всякое время подтверждать; сверхъ сего, дѣлать воспитанникамъ по часту внушенія; собирая ихъ вмѣстѣ, указывать на правила, кои они обязаны соблюдать всегда и во всякомъ мѣстѣ.—Благородные поступки, скромность, учтивость, покорность, послушаніе, опрятность, всего же наипаче чувства вѣры, сіи суть первыя добродѣтели юношей и первый предметъ внушенія воспитателей.—Равномѣрно по ночамъ осматривать спальни, что вмѣняется къ непремѣнному ис-

полненію гг. дежурныхъ гувернеровъ. Строго наблюдать, чтобы не курили и не нюхали табаку и самовольно воспитанники не отлучались. Чтобы должностныя (лица) были всегда при мѣстахъ и ночью была бы исправность. Наблюдать о полезномъ качествѣ книгъ, кои даются для чтенія воспитанникамъ въ рекреационныя часы, и чтобы воспитанники отъ себя ничего не читали и ничего собственнаго не имѣли“. Однимъ изъ условій учтивости полагалось „имѣть навыкъ изъясняться“. — Воспитанниковъ предписывалось держать „во всегдашнемъ близкомъ надзорѣ, не позволяя имъ *отлучаться въ такія мѣста, гдѣ они могутъ быть свободны отъ онаго (?)* и почаще напоминать имъ, *какъ они должны ходить, стоять, сидѣть, кланяться, говорить, словомъ обо всемъ*, что служить къ наружному образованію; объяснять имъ, что весьма неприлично *становиться на окна, высовываться въ форточки на улицу, быть въ каморахъ въ фуражкахъ, съ растегнутыми мундирами*; ибо на основаніи Высочайшей воли, имъ позволено только растегивать воротники и то во время стола или въ классахъ“ (приказъ 29-го Марта 1828 г. № 13).—Въ одномъ изъ писемъ Демидова къ директору Лицея (отъ 5-го Августа 1828 г. № 1817) встрѣчаются такія сужденія его: „одинъ изъ *важнѣйшихъ недостатковъ* общественнаго воспитанія, *сколько я могъ замѣтить*, состоитъ въ томъ, что долгое время пребываніе воспитывающихся въ разлукѣ и безъ всякаго сношенія съ родителями или родственниками, невольно охлаждаетъ въ нихъ тотъ кровный союзъ, который, служа основаніемъ христіанской морали, упрочиваетъ благосостояніе семействъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и общества.“—Въ отвращеніе сего недостатка, онъ, „въ полной увѣренности, что такое повременное сношеніе будетъ поддерживать въ воспитывающихся чувство сыновей и родственной привязанности“,

предписывает наблюдать, чтобы „воспитанники чаще писали о себе къ родителямъ, подъ руководствомъ наставниковъ, кои, въ случаѣ надобности, могли бы дополнять слога письма родственно-почтительными выраженіями“ (!). — Требовалось писать „по крайней мѣрѣ три раза въ годъ, въ большіе праздники.“ — „Деньги, потребныя на пересылку писемъ, въ случаѣ неимѣнія у воспитанниковъ собственныхъ, могутъ быть употребляемы изъ остатковъ отъ штатной суммы, ибо, кажется мнѣ, что сей расходъ не можетъ быть значителенъ“ (тоже письмо). — Въ заботахъ объ исполненіи обязанностей вѣры, главный директоръ обращаетъ вниманіе на самое преподаваніе закона Божія. — Найдя въ 1828 году (отношеніе къ директору Лицея 19 Января 1828 г. № 20), что „преподаваніе догматической части закона Божія въ довольно (!) исправности (!), но практическая часть, заключающая въ себѣ правила христіанскаго ученія, не введена въ надлежащую систему“ (!), онъ озабочивается избраніемъ учебника для сей послѣдней (по порученію Демидова, законоучитель Лицея и Пансіона, Кочетовъ, издалъ свое „Начертаніе христіанскихъ обязанностей“, которое въ 1828 году принято учебникомъ при урокахъ закона Божія въ Лицеѣ, Пансіонѣ и всѣхъ корпусахъ, Селезнева „Очеркъ“ стр. 238). — Чтеніе ветхаго завѣта запрещено: „воспитанникамъ преподается священная исторія ветхаго и новаго завѣта и, сверхъ того, оныя для повторенія имѣютъ уже на сей предметъ книги, потому я полагаю (пишетъ Демидовъ, къ директору Лицея 11-го Февраля 1829 г. № 32), чтеніе бібліи для нихъ излишнимъ, хотя, по существу своему, священной книги, но, по содержанію нѣкоторыхъ мѣстъ, превосходящей юношескія понятія“. Вмѣстѣ съ сими, не дозволено читать и другія богословскія и высокой нравственности книги, изъ коихъ они (воспитанники), по незрѣ-

лости разсудка, могутъ почерпнуть незрѣлыя сужденія“. Къ чтенію Евангелія предписано законоучителямъ „сколь можно болѣе поселять въ воспитанникахъ усердіе“.

„Въ самомъ направленіи преподаванія вообще, главный директоръ остается вѣренъ своимъ убѣжденіямъ. — Онъ присутствуетъ на экзаменахъ, собираетъ у себя преподающихъ, требуетъ отъ нихъ изложенія методъ и предлагаетъ свои заключенія. — Въ 1828 г. онъ замѣчаетъ (отношеніе къ директору Лицея 26-го Сентября № 241), что „успѣхи въ военно-математическихъ наукахъ въ нѣкоторыхъ заведеніяхъ имѣютъ болѣе превосходства противу нравственныхъ и словесныхъ“. — „Признавая въ полной мѣрѣ пользу первыхъ, не менѣе сердечно желаю я (пишетъ Демидовъ директору Лицея), чтобы воспитывающемуся юношеству вразумлена была необходимость наукъ нравственныхъ и словесныхъ; ибо, ежели первыя раскрываютъ способности ума въ соображеніяхъ по дѣйствіямъ военнымъ (?), то послѣднія, образуя сердце человѣка, приготавливаютъ его къ точному исполненію всѣхъ обязанностей, налагаемыхъ законами Божескими и Государственными. — Назидаая такимъ образомъ совѣтъ, они дѣлаютъ человѣка полезнымъ себѣ самому и обществу.“ — Въ такихъ убѣжденіяхъ Демидовъ предписывалъ, „дабы воспитывающіеся тѣмъ болѣе приложили стараніе къ изученію нравственныхъ и словесныхъ наукъ“. — Всѣ приказы главнаго директора (прибавляетъ г. Селезневъ на стр. 240), согласно данному отъ него распоряженію, непременно должны были читаться воспитанникамъ каждаго недѣлю, не менѣе одного раза, наименѣе при отпускахъ со двора (приказъ 31 Марта 1828 г. № 14). — Въ отношеніи его по сему предмету къ директору Лицея (30-го Августа 1828 г. № 228) читаемъ: „постановляя себѣ первою и непременною обязанностию непрестанно обращать бдительнѣй-

шее вниманіе на нравственное поведеніе воспитывающихся и желая искренно видѣть ихъ въ послѣдствіи благополучными, я имѣлъ честь въ нѣсколькихъ отношеніяхъ моихъ и приказъ излагать чувства мои, наставленія и желанія для воспитывающихся по сему предмету, то и покорнѣйше прошу В. П. таковыя дѣлать имъ извѣстными.—Желательно мнѣ, чтобы сіи отношенія и приказы мои были переписаны въ особыхъ тетрадкахъ и розданы по отдѣленіямъ Лицея и Пансіона, для вседневнаго чтенія въ назиданіе воспитанникамъ". (Селезнева „Очеркъ Лицея“, стр. 133—141).

Изъ числа помѣщенныхъ въ „Очеркъ Лицея“ г. Селезнева, выписокъ изъ приказовъ, отношеній, записокъ и писемъ Демидова, касающихся подвѣдомственныхъ ему учебныхъ заведеній, въ томъ числѣ и *Благороднаго Пансіона Царскосельскаго Лицея*, здѣсь приведены все за время съ 14-го Декабря 1826 года до Іюня 1829 года, т. е. за послѣдніе 3½ года существованія Пансіона, съ тою именно цѣлю, чтобы уясненіемъ личности Демидова, въ его *официальномъ* званіи главнаго директора всехъ военно-учебныхъ заведеній, Лицея и его Пансіона, уяснить надлежащимъ образомъ и исторію Пансіона въ эти послѣдніе 3½ года, и то вліяніе, которое Демидовъ имѣлъ на Пансіонъ и его конечную судьбу.—Внимательное чтеніе всехъ этихъ выписокъ достигаетъ означенной цѣли, но не вполне: для возможно - полнаго достиженія ея необходимо выводы изъ *официальныхъ* выписокъ пополнить и уяснить выводами изъ данныхъ *неофициального* свойства. Разсмотримъ сначала первые, а затѣмъ вторые, и изъ сопоставленія ихъ едѣлаемъ общій выводъ.

Официальныя выписки представляютъ двѣ главныя характеристическія особенности. Съ одной стороны кажется, будто все, въ нихъ выраженное, проистекаетъ единственно изъ

истинно-отеческихъ чувствъ Демидова къ вѣренному ему юношеству: нѣжной любви къ нему, горячаго желанія ему добра и пользы, неусыпной заботливости о его умственномъ и особенно нравственномъ преуспѣяніи и будущемъ благополучіи, словомъ—изъ всего того, что составляетъ необходимую принадлежность не только отличнаго начальника—педагога, но и еще болѣе—истиннаго отца роднаго.—Съ другой стороны они въ тоже время поражаютъ какою-то необыкновенною *странностью* въ воззрѣніяхъ педагогическаго свойства. до такой степени, что невольно недоумѣваешь, какъ согласить послѣднее съ первымъ.—Странность эта такъ велика, что чѣмъ болѣе вникаешь въ нее, тѣмъ болѣе приходишь къ убѣжденію въ преобладающемъ значеніи ея и въ невозможности согласовать ее съ другою стороною *официальныхъ* выписокъ, о которой говорено выше.—Въ доказательство того, укажемъ на нѣкоторыя особенно-замѣчательныя черты этой *странности*, не разбирая всехъ ихъ вполне, такъ какъ относящіяся къ нимъ мѣста выписокъ и безъ того нарочно напечатаны *курсивомъ*, дабы обратить на нихъ вниманіе читателя и дать ему самому возможность оцѣнить ихъ.—Кажется, будто Демидовъ ставилъ себя, въ умственно-учебномъ отношеніи, по всемъ отраслямъ *человѣческихъ* знаній, начиная съ Богословія, выше всехъ ученыхъ спеціалистовъ этихъ знаній, а въ нравственно-воспитательномъ—выше всехъ лучшихъ педагоговъ, а въ томъ и другомъ отношеніи вмѣстѣ—властно рѣшалъ самыя трудныя и щекотливыя вопросы.—Между тѣмъ, какъ Голицынъ усиленно распространялъ чтеніе Библии, Демидовъ напротивъ *ограничилъ* чтеніе *Новаго Завета* *класснымъ преподаваніемъ*, а чтеніе *Вѣтхаго Завета* и вовсе запретилъ, равно какъ и чтеніе *Богословскихъ* и *высокой нравственности книгъ*, а также трагедій, романовъ и другихъ, имъ подобныхъ книгъ,

воспалюющихъ воображеніе! Преподаваніе догматической части закона Божія онъ находилъ въ довольно исправности (!), но практическую часть, заключающую въ себѣ правила христіанскаго ученія (!), не введенною въ надлежащую систему (!!). Онъ требовалъ, чтобы воспитанники обо всемъ отечественномъ читали лишь въ книгахъ россійскихъ (!) и вообще воспитывались въ духѣ природномъ (!),—чтобы начальство имѣло во всегдашнемъ предметъ три главные добродѣтели: покорность, послушаніе и учтивость (!!!) и на нихъ основывало всѣ правила воспитанія каждаго изъ благородныхъ юношей (!),—чтобы оно вразумляло воспитывающихся необходимостью наукъ нравственныхъ и словесныхъ, предпочтительно предъ военно-математическими, по какому поводу Демидовъ и излагалъ свою теорію нравственной философіи.—Касательно нравственнаго и наружнаго поведенія онъ предписывалъ самыя подробныя правила, даже до того, какъ воспитанники должны были стоять, сидѣть, ходить, кланяться, говорить (а черезъ 3½ года пришелъ къ заключенію, что они въ Пансіонѣ ничего этого дѣлать не умѣли!), не становиться на окна, не высовываться въ форточки на улицу, не быть въ каморахъ въ фуражкахъ, съ разстелнутыми мундирами, и пр. и пр. т. п.—Отъ сужденія, случайно вполнѣ вѣрнаго, что долговременная разлука воспитывающихся съ ихъ родителями и родственниками невольно охлаждаетъ кровный союзъ между ними и т. д., онъ пришелъ къ совершенно невѣрному и еще болѣе странному заключенію, чтобы воспитанники чаще, по крайней мѣрѣ три раза въ годъ, въ большіе праздники, писали отъ себя къ родителямъ, подъ руководствомъ наставниковъ (!), кои, въ случаѣ надобности (!) могли-бы дополнять слогъ письма (!), родственно-почтительными выраженіями (!). — Нако-

нецъ запрещая воспитанникамъ читать Библію, Богословскія и высокой нравственности книги, равно какъ и трагедіи, романы и т. п., словомъ—и книги нравственныя, и книги, по его понятіямъ, не-нравственныя, онъ въ тоже время требовалъ, чтобы его правила нравственности, поведенія и порядка были безпрестанно внушаемы воспитанникамъ, читались имъ каждаго недѣлю, не менѣе одного раза, наипаче при отпускѣ со двора, были переписаны въ особыхъ тетрадкахъ и розданы воспитанникамъ для всегдашняго чтенія въ назиданіе ихъ (!).

Не будемъ продолжать далѣе: довольно и этого, чтобы убѣдить въ вѣрности сказаннаго выше о двухсторонности приказовъ, наставленій и правилъ Демидова, именно—отеческой, но очень странной, и еще болѣе странной, нежели отеческой, или лучше сказать, до такой степени странной, что все отеческое въ нихъ тонуло и исчезало въ необыкновенной странности.

Посмотримъ теперь на выводы изъ данныхъ неофициальныхъ и поищемъ въ нихъ разгадки этой странной двухсторонности.—Стоитъ только слегка коснуться этихъ неофициальныхъ данныхъ—и разгадка сдѣлается до нельзя проста, легка и ясна до очевидности.—Всѣмъ современникамъ его Демидовъ былъ весьма хорошо извѣстенъ за человѣка, говоря самымъ приличнымъ и вѣжливымъ образомъ, въ высшей степени страннаго.—Но его странность имѣла совершенно иной источникъ и иной характеръ, нежели, напримѣръ, странность Суворова.—У Демидова она происходила прежде всего и болѣе всего отъ крайняго суевѣрія, которое уже само по себѣ несомнѣнно ни съ истинною вѣрой, ни съ истиннымъ просвѣщеніемъ.—Поэтому современное общество и знало, и понимало его, какъ суевѣра и изувера, непросвѣщеннаго ни христіанскимъ, ни свѣт-

скимъ ученіемъ, и ни сердечно, ни душевно не расположеннаго особенно къ добру, но какъ человѣка хитраго, тонкаго, ловкаго и не безъ примѣси лукавства, и немилосердія или, какъ теперь говорятъ, *негуманности*.—Словомъ—это былъ какъ будто *темный* человѣкъ *темныхъ* временъ до-Петровской Руси, даже время Грознаго и *Домостроя* по *Сильвестра*, живой анахронизмъ въ концѣ 20-хъ и началѣ 30-хъ годовъ 19-го вѣка.—Разскажемъ о его странностяхъ и особенно суетвѣрияхъ не было числа, они ходили по городу и возбуждали смѣхъ и горе, потому что странности его носили на себѣ характеръ грубой неразвитости, свойственной только невѣжественнымъ людямъ изъ низшаго, необразованнаго класса народа.—Такъ, напримѣръ, онъ строго наблюдалъ за тѣмъ, чтобы не переступить черезъ порогъ лѣвой ногой, лазилъ подъ стульями и столами вокругъ комнаты, вѣрилъ во всѣ суетвѣрныя примѣты, встрѣтивъ священника, возвращался назадъ или, взявъ его съ собой, возилъ по городу, и пр. т. п. (*) А что касается истинно—отеческой любви его къ вѣренному ему юношеству, то она имѣла очень странныя формы, не свидѣтельствовавшія въ пользу его добросердечія, и строгость его, даже за малѣйшее несоблюденіе формы, приличія, вниманія къ старшимъ и т. п., иногда переходила въ немилосердіе и даже жестокость, и немножко напоминала Аракчеева. **).—Нако-

*) Однажды, ѣхавши въ каретѣ изъ своей квартиры въ 1-мъ Кадетскомъ корпусѣ во дворецъ Великаго Князя Михаила Павловича къ утреннему приему, онъ встрѣтилъ на Исакиевскомъ мосту священника, остановилъ его, посадилъ къ себѣ въ карету, довезъ до дворца и, по инымъ, тамъ отпустилъ его, а по другимъ, продержалъ все время въ своей каретѣ и съ нимъ воротился назадъ.

**) Такъ напримѣръ, одинъ изъ лучшихъ воспитанниковъ V или VI класса Пансіона, имѣвшій во всѣхъ предметахъ и въ поведеніи по 12-ти, но чрезвычайно близорукій, не узналъ подошедшаго къ нему въ театрѣ

нецъ, и въ отношеніи къ Лицейскому Пансіону въ частности, подъ наружнымъ видомъ доброжелательства къ нему, строгимъ соблюденіемъ въ немъ порядка и нравственности, онъ втайнѣ недоброжелательствовалъ ему и своими жалобами на него возбуждалъ нерасположеніе къ нему въ высокостоявшихъ лицахъ и, приготовивъ паденіе его, самъ какъ будто остался въ сторонѣ.

Послѣ этого сдѣлается яснымъ и понятнымъ, какое вліяніе такого рода человѣкъ долженъ былъ имѣть и дѣйствительно имѣлъ на Лицейскій Пансіонъ и его конечную судьбу.—Можно сказать, что Гауеншильдъ въ началѣ, а Демидовъ въ концѣ существованія Пансіона были двумя главными виновниками печальной участи его. То, что одинъ началъ, другой докончилъ, что одинъ разстроилъ, то другой окончательно разрушилъ и уничтожилъ!—И въ этомъ отношеніи, по истинѣ можно сказать, что исторія лишь 15½—лѣтняго существованія Лицейскаго Пансіона есть безпримѣрная въ лѣтописяхъ русскихъ учебныхъ заведеній и въ этомъ заключается едва-ли не главный интересъ ея.

Демидова, какъ потому, что никогда не видалъ его вблизи, такъ и потому, что Демидовъ былъ въ шинели, закрывавшей его знолеть.—Демидовъ велѣлъ ему литься къ себѣ на другой день въ 9 часовъ утра.—Тамъ воспитанникъ нашелъ уже, въ кабинетѣ Демидова, законоучителя Кочетова, въ присутствіи котораго Демидовъ, въ сильномъ раздраженіи, сдѣлалъ воспитаннику строжайшій выговоръ и длинное правоученіе, и велѣлъ ему, явившись въ Пансіонъ, идти въ карцеръ.—Но этимъ все не кончилось: воспитаннику было за одинъ мѣсяцъ поставлено, вмѣсто 12, 6 въ поведеніи и это такъ невыгодно подѣйствовало на сумму его балловъ при выпускѣ, что вмѣсто X класса, на который онъ имѣлъ полное право по ученію и поведенію, онъ былъ вынужденъ, по милости Демидова, XII классомъ!—Комментаріевъ къ этому, кажется, не нужно.

Почему упраздненъ Пансіонъ?

To be or not to be,
That is the question!

Shakespeare. Hamlet.

Подлинно—*вотъ вопросъ!*

Лицейскій архивъ отвѣчаетъ на него рѣшительно: «*потому что преобразование всей системы народнаго образованія въ Россіи, въ 1828—1829 годахъ, имѣло вліяніе и на положеніе Лицея и его Пансіона.*»

Этому же отвѣту вторятъ и г. Селезневъ въ „Очеркѣ Лицея,“ и г. Шульгинъ въ своемъ „Историческомъ обзорѣ Лицея и т. д.“ (смотри выше часть 1-я).

Смѣемъ не быть согласными съ ихъ почтенными мнѣніями.—Причины того были уже отчасти объяснены въ 1-й части.—Прибавимъ къ этому, что разрѣшать вопросъ объ упраздненіи Пансіона *только одною реформою народнаго образованія въ 1828 году*—нѣсколько односторонно и потому недостаточно.—Эта причина была *последняя*, по времени, въ цѣломъ ряду предшествовавшихъ ей, и чтобъ разрѣшить этотъ вопросъ справедливо и вѣрно, необходимо принять въ соображеніе всѣ эти причины въ общей ихъ совокупности и связи.

Для этого бросимъ еще разъ бѣглый взглядъ на исторію Пансіона отъ начала до конца и отмѣтимъ самыя крупныя черты ея, хотя бы при этомъ пришлось и повторить себя. Ради важности вопроса, можно извинить это.

Въ исторіи Пансіона обращаетъ на себя вниманіе то, что все въ ней отъ *прогресса* постепенно, мало по малу, идетъ къ *регрессу* или, говоря по русски, отъ *поступленія впередъ* къ *отступленію назадъ*, и оканчивается—*упраздненіемъ*.

Первые два года, 1814-й и 1815-й, подъ главнымъ управленіемъ создателя Пансіона, Разумовскаго, и при всеобщихъ преобразованіяхъ въ либеральномъ духѣ, имѣютъ характеръ также исключительно прогрессивный въ наилучшемъ значеніи этого слова, т. е. въ видахъ дарованія дѣтямъ Русскаго дворянства наилучшихъ воспитанія и образованія.

Но съ 1816 года, подъ совокупнымъ вліяніемъ политическихъ причинъ, личнаго настроенія Императора Александра I, главнаго управленія Голицына вѣдомствомъ народнаго образованія, при личномъ противодѣйствіи Голицыну Аракчеева, и при многихъ другихъ вліяніяхъ, неблагопріятныхъ Пансіону, начинается уже *реакція*, хотя и умѣряемая мудрымъ управленіемъ Лицея и его Пансіона Энгельгардтомъ, не смотря на противодѣйствіе ему Гауеншильда.—Тутъ, можно сказать, были только двѣ благотѣльно дѣйствовавшія силы: *Императора Александра I и Энгельгардта*—обоихъ лично;—въ прочія за тѣмъ должно признать противодѣйствующими, враждебными или по крайней мѣрѣ неблагопріятными для Пансіона.—Изъ числа послѣднихъ особенно выдается вліяніе Аракчеева, Голицына и Гауеншильда.—Борьба этихъ разнородныхъ вліяній ведетъ къ неустройствамъ и безпорядкамъ въ Пансіонѣ, главнымъ виновникомъ которыхъ—Гауеншильдъ.

Съ Марта 1822 года,—когда виною этого человѣка, равно и Голицына, и не безъ значительнаго вліянія Аракчеева, зависти и недоброжелательства къ Пансіону и другихъ, побочныхъ обстоятельствъ, Пансіонъ постигла *первая катастрофа*, поставившая его подъ военное—кадетское начальство,—реакція продолжается, хотя и умѣряемая еще, до смерти Императора Александра I, личнымъ Его характеромъ и назначенными имъ, главными директорами: Коновницкимъ и Бутузовымъ, и дирек-

торами: Энгельгардтомъ и послѣ него Гольтгоеромъ въ Лицеѣ, а Алабовымъ въ Пансіонѣ.

Но по смерти Императора Александра I все измѣняется—и реакція, уже неумѣряемая никѣмъ и ничѣмъ, а напротивъ усиливается нѣкоторыми особенными обстоятельствами времени и личностію новаго главнаго директора—Демидова, постепенно, но быстро ведетъ къ *упраздненію Пансіона*. —

Новая государственная система обняла и область народнаго образованія. Въ ней почти все должно было подвергнуться коренному преобразованію, начиная съ приходскихъ училищъ, и оканчивая университетами. Хотя преобразованія эти введены въ дѣйствіе лишь съ 1828 — 29 по 1835 — 1836 годы, но въ основаніи они были утверждены уже и ранѣе. — Вѣсма естественно, что Царскосельскіе: Лицей и его Пансіонъ уже не были въ согласіи съ новою системою народнаго образованія. Но Лицей—собственное созданіе Императора Александра I, признанъ былъ неприкосновеннымъ, со всѣми дарованными ему правами и преимуществами, исключая выпуска воспитанниковъ въ военную службу. Пансіонъ же его, созданный Разумовскимъ, въ иное время и въ иныхъ обстоятельствахъ, и уже не соотвѣтствовавшій новой системѣ, признано было не только возможнымъ, но и нужнымъ упразднить. Изъ двухъ задачъ Пансіона, одна—приготовление хорошихъ воспитанниковъ въ Лицей, могла быть исполняема или Петербургскимъ и Московскимъ университетскими Благородными Пансіонами, обращенными позже въ Гимназіи, или же частными приготовительными Пансіонами, какъ было позже; — другая же задача — давать дѣтямъ Русскаго дворянства наилучшее воспитаніе и образованіе, и выпускать ихъ на службу гражданскую X классомъ и ниже, а военную—въ Гвардію и армію, не соотвѣтствовала уже преобразованію гимназій, университе-

товъ и военно-учебныхъ заведеній, предоставлявшихъ или долженствовавшихъ предоставлять дѣтямъ Русскаго дворянства тѣ же средства, хотя и не съ такими большими правами.

Все это такъ и безспорно; — но почему не было бы упразднить Пансіона по этой именно, гласно объявленной и для Пансіона нисколько не предосудительной причинѣ?

Неужели Пансіонъ необходимо было упразднить только потому, что воспитанники его, по словамъ Демидова, будто бы имѣли *наружный необразованный видъ, ибо почти ни одинъ изъ нихъ не умѣлъ ни стоять, ни ходить, ни говорить!* — Да полно, такъ-ли это было? — Въ 15 лѣтъ до того, Пансіонъ далъ государственной гражданской и военной службѣ не *неучей* же, имѣвшихъ *наружный, необразованный видъ*. — Въ концѣ 1-й части приведены цифры, краснорѣчиво, кажется, доказывающія, что эти *неучи* вышли однакоже на службу гражданскую и военную большею частію по первымъ разрядамъ, съ отличіями и наградами, и служили также не безъ отличія. — Отчего же вдругъ въ 1829 году такой упадокъ воспитанниковъ? — Не противорѣчитъ ли этому и самый послѣдній выпускъ 1829 года, изъ котораго двое получили золотыя медали, двое—серебряныя, всѣ служили болѣе или менѣе хорошо и съ пользою, а одинъ занимаетъ теперь очень важное и видное мѣсто? —

Все это какъ-то темно и неясно: ясно только то, что Пансіонъ былъ упраздненъ и на его мѣсто учрежденъ малолѣтній Кадетскій корпусъ. — Уже не вслѣдствіе-ли указанной выше причины несоотвѣтствія цѣли существованія Пансіона съ принятою въ основаніе системою преобразованія низшихъ, среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній? — Не вслѣдствіе ли той же причины вскорѣ было учреждено такое же, какъ Лицей и его Пансіонъ, сословное, привилегирован-

ное учебное заведение, съ большими правами и преимуществами?—

Но темнота, неясность и недоумѣніе исчезнутъ, если раскрыть настоящія причины упраздненія Пансіона, которыя для бывшихъ его воспитанниковъ не составляютъ тайны, да и для *официальныхъ* историковъ Пансіона также, но только послѣдніе очень осторожно обходятъ эти причины и показываютъ видъ, будто не знаютъ ихъ. — Но правда — выше и прежде всего. —

Если Императоръ Александръ Павловичъ, въ періодъ времени съ 1816 года до своей смерти, подъ совокупнымъ вліяніемъ всѣхъ обстоятельствъ, о которыхъ говорено выше, сталъ недовѣрчиво взирать, въ политическомъ отношеніи, на прогрессивное движеніе умовъ впередъ, въ томъ числѣ между учащимся юношествомъ, то Императоръ Николай Павловичъ, съ перваго дня вступленія своего на престолъ — 14-го Декабря 1825 года — взглянулъ на это явленіе уже не только съ недовѣріемъ, но и съ большою строгостью. — Государственный заговоръ, обнаружившійся событіями 14-го Декабря 1825 года и въ которомъ были замѣшаны *два* бывшіе воспитанника Лицея и *одинъ* бывший воспитанникъ Пансіона, съ самаго начала распространилъ строгій взглядъ Государя какъ на всѣ учебныя заведенія вообще, такъ и на Царскосельскіе: Лицей и его Пансіонъ въ частности. — Строгости этого взгляда въ отношеніи къ Лицею и его Пансіону много содѣйствовали предшествовавшія обстоятельства и недоброжелательство обоемъ заведеніямъ какъ въ Россіи, такъ и за границей. — Источники этого недоброжелательства уже были указаны выше. — Прибавимъ только, что обстоятельства времени не ослабили, а усилили его, и за границей, главнымъ источникомъ ихъ были — злоба и козни Иезуитовъ, изгнанныхъ изъ Россіи. — Доказа-

тельствомъ того могутъ служить три чрезвычайно любопытные документа, приведенные въ подлинникахъ на французскомъ языкѣ въ VII приложеніи къ стр. 55 „Очерка Лицея“ г. Селезнева, а также въ подлинникахъ и въ русскомъ переводѣ — въ приложеніи V къ настоящей книгѣ. — Документы эти суть: 1) статья французской газеты *l'Etoile*, 23-го Марта 1826 г. № 3059, напечатанная въ нѣмецкомъ переводѣ въ *Hamburger unparteiischer Correspondent* того же года № 50, и въ другихъ иностранныхъ газетахъ, и очевидно писанныя Иезуитами, — 2) Письмо Е. А. *Энгельгардта* къ тогдашнему Шефу корпуса жандармовъ, генералъ-адъютанту графу *Бенкендорфу*, отъ 6-го мая 1826 года, — и 3) статья Е. А. *Энгельгардта*, напечатанная въ нѣкоторыхъ иностранныхъ газетахъ и на нѣмецкомъ языкѣ въ Рижской газетѣ № 50 и въ *Ostsee-provinzenblatt* № 15, въ 1826 году. — На стр. 55-й „Очерка Лицея“ г. Селезневъ говоритъ: „Прочитавъ въ 1826 г. въ иностранныхъ газетахъ (*Gazette universelle de Lyon* *), *l'Etoile*, *Hamburger Correspondent* и др.) статью противъ Лицея, онъ (Е. А. Энгельгардтъ), какъ бывший директоръ его, выступилъ на защиту его и помѣстилъ въ двухъ остзейскихъ газетахъ и нѣкоторыхъ иностранныхъ свои возраженія на клеветы, которыми въ статьѣ этой *Иезуиты* думали очернить Лицей“. — Именно — въ статьѣ этой было сказано, между прочимъ, слѣдующее: „Всѣ эти планы и заговоры (т. е. 14-го Декабря 1825 г.), рожденные внѣ Россіи, нашли доступъ только въ молодыхъ умахъ весьма либеральнаго воспитанія. — Въ арміи — это единственно офицеры генеральнаго штаба, или сыновья знатныхъ баръ, а въ гражданской службѣ нѣсколько моло-

*) Лионъ былъ и есть однимъ изъ главныхъ центровъ дѣйствій Иезуитовъ.

дыхъ людей изъ академій (т. е. выспихъ учебныхъ заведеній) и особенно этого знаменитаго Императорскаго Царскосельскаго Лицея, основаннаго въ 1811 году Императоромъ Александромъ въ собственномъ его дворцѣ и столь особенно покровительствуемаго имъ;—и далѣе: «большая часть молодыхъ людей, вышедшихъ изъ него (Лицея), болѣе или меньше замѣшана (въ заговорѣ);—и затѣмъ: „достойно замѣчанія то, что въ многочисленныхъ спискахъ арестованныхъ, мы не видали еще имени ни одного воспитанника бывшихъ Иезуитскихъ коллегій“. — На это Е. А. Энгельгардтъ, въ письмѣ къ графу Бенкендорфу, возражаетъ слѣдующимъ образомъ: „Не за меня позволяю себѣ беспокоить В. С., но единственно дабы исполнить священный долгъ къ бывшимъ моимъ воспитанникамъ Императорскаго Лицея, доведу до Вашего свѣдѣнія гнусную и ни на чемъ не основанную клевету, которую нѣкоторые люди дозволили себѣ взвести на нихъ;“ — «въ эпоху ужаснаго покушенія 14-го Декабря нѣсколько глухихъ голосовъ дозволили себѣ заявить, будто между преступниками, замѣшанными въ немъ, находились многіе воспитанники Лицея. — Сильный сознаниемъ моей совѣсти и полагаясь на доказательства противнаго, представленныя на усмотрѣніе справедливаго и правосуднаго правительства, я мало уважилъ обвиненіе, внутреннее злонамѣренностью и ложное въ основаніи. — Тогда только, когда нѣкоторыя иностранныя газеты осмѣлились повторить эту клевету, счелъ я своимъ долгомъ къ Лицею и его воспитанникамъ отвѣчать на это прилагаемою статьею. — Она была помѣщена въ нѣкоторыхъ безпристрастныхъ иностранныхъ газетахъ, равно какъ и въ Рижской газетѣ. — Русскія газеты отказались помѣстить ее, но неизвестнымъ мнѣ причинамъ. — Статья эта заключаетъ въ себѣ

почти все, на что я желаю обратить вниманіе В. С.; позволяю себѣ только приложить къ ней еще именной списокъ воспитанниковъ Лицея, получившихъ воспитаніе въ немъ въ 8^{1/2} лѣтъ моего директорства. — Если В. С. соизволите почтить его благосклоннымъ взглядомъ, Вы найдете вездѣ, во всякъ безъ исключенія родѣ службы, воспитанниковъ Лицея, уже занимающихъ мѣста, которыя свидѣтельствуютъ о довѣри, почетно и достойно оказываемомъ имъ правительствомъ. — Смѣю взывать къ личному свидѣтельству всякъ высшихъ начальниковъ моихъ воспитанниковъ и, смѣю полагать, они засвидѣтельствуютъ, что всѣ, болѣе или меньше, отличаются своею способностью, своею преданностью и особенно своимъ непоколебимымъ безкорыстіемъ. — Изъ этого числа около ста отличныхъ, вѣрныхъ и честныхъ дѣятелей, которыхъ я имѣлъ счастье приотворить отечеству и моему Государю, «два» несчастные были увлечены въ преступную бездну, поглотившую сотни людей, получившихъ воспитаніе либо въ средѣ первыхъ фамилій Имперіи, либо въ различныхъ учебныхъ заведеніяхъ, военныхъ и гражданскихъ, которыя всѣ, болѣе или меньше, имѣли огорченіе видѣть гибель своихъ воспитанниковъ. — Почему же было бы называть только одинъ Лицей? — Почему же хула пала бы исключительно на систему нравственнаго воспитанія сего послѣдняго, тогда какъ вовсе не говорятъ о другихъ учебныхъ заведеніяхъ, имѣвшихъ несчастіе доставить гораздо большее число сообщниковъ этого гнуснаго покушенія? — Это — несправедливость, тѣмъ болѣе жестокая, что она можетъ имѣть очень важное вліяніе на будущность невинныхъ, но легкомысленныхъ молодыхъ людей, заклеянныхъ, при самомъ вступленіи ихъ въ свѣтъ, позорнымъ и неосновательнымъ обвиненіемъ“. — Третья статья, Е. А. Энгельгардта, напечатанная въ иностранныхъ и нашихъ прибалтійскихъ газетахъ, такого же содержанія, какъ и письмо Е. А. Энгельгардта

къ графу Бенкендорфу.—Эти благороднѣйшія засвидѣтельствовапія благороднѣйшаго челоуѣка стоятъ несравненно выше и гнусныхъ клеветъ злонамѣренности, и жалкихъ проповѣдей и наставленій Демидова, и побѣдоносно опровергая первыя и совершенно затмѣвая послѣднія, краснорѣчиво свидѣтельствуютъ, что въ Лицеѣ—и смѣло можно прибавить—въ его Пансіонѣ, ни въ воспитаніи, ни въ духѣ ихъ воспитанниковъ не было и тѣни малѣйшаго политическаго вольномыслія.—Нѣтъ сомнѣнія, что письмо и статья Энгельгардта произвели на честную, благородную и правдивую душу Императора Николая Павловича вполне благоприятное въ отношеніи къ Лицею и его воспитанникамъ впечатлѣніе.—И созданіе Императора Александра Павловича, первоначально назначавшееся для воспитанія Великихъ Князей Николая и Михаила Павловичей, не упало въ мѣтніи перваго изъ нихъ, когда онъ вступилъ на престолъ.—Но Лицейскій Пансіонъ?—Хотя изъ его воспитанниковъ замѣчанъ былъ въ событіи 14-го Декабря всего только одинъ, но какъ въ письмѣ и статьяхъ Энгельгардта рѣчь шла только о Лицеѣ, зависть же и недоброжелательство къ Пансіону, созданію Разумовскаго, не изсякли, а еще усилились, то и неизвѣстно, было ли мнѣніе Императора Николая Павловича о Пансіонѣ столь же или менѣе благоприятно, нежели о Лицеѣ?—Судя по оффиціальнымъ обвиненіямъ Пансіона въ неустройствѣ и безпорядкахъ въ 1814—1815, 1820—1822 годахъ, и при Демидовѣ въ 1827—1828 годахъ, есть основательныя причины предполагать скорѣе послѣднее, нежели первое, т. е. что мнѣніе Государя о Пансіонѣ было болѣе или менѣе не въ пользу послѣдняго, и взглядъ его на Пансіонъ, въ связи съ принятымъ уже въ основаніи преобразованіемъ всей системы народнаго образованія и учебныхъ заведеній, былъ соединенъ съ принятымъ

же рѣшеніемъ упразднить это заведеніе.—Ни въ 1826 году, ни въ 1827 обстоятельства не подавали еще повода къ тому.—Но когда въ 1828 году 8-го Декабря былъ изданъ новый уставъ гимназій, уѣздныхъ и приходскихъ училищъ, то велѣдъ за тѣмъ, 15-го Января 1829 года, Государь лично посѣтилъ Пансіонъ, остался недоволенъ—и 23-го Февраля того же года повелѣлъ—упразднить его, Лицей пополнять воспитанниками С.-Петербургскаго и Московскаго университетскихъ Благородныхъ Пансіоновъ, а воспитанниковъ Лицея готовить только для гражданской службы.

Вотъ правдивый и вѣрный взглядъ на 15^{1/2} лѣтнюю исторію Пансіона и на истинныя причины его упраздненія—и этимъ заканчивая неоффиціальныя комментарии къ оффиціальной исторіи его, перехожу къ изображенію внутренняго его устройства въ учебномъ, воспитательномъ и хозяйственномъ отношеніяхъ, и внутренней его жизни.—

II.

Учебная, воспитательная и хозяйственная части въ Пансіонѣ.

1. Учебная часть.

Она отъ начала до конца была устроена *лучше* и стояла *выше* всѣхъ, и по всей справедливости была украшеніемъ Пансіона.—Какъ вся система преподаванія вообще и каждый отдѣльный предметъ ея въ частности, такъ и всѣ преподаватели ихъ не оставляли желать, въ то время, ничего лучшаго. — Это могутъ засвидѣтельствовать всѣ бывшіе воспитанники Пансіона.

Учебная метода въ Пансіонѣ превосходно изложена во 2-мъ Постановленіи объ этомъ заведеніи. Главныя начала, на коихъ основано вообще преподаваніе всѣхъ предметовъ въ Благородномъ Пансіонѣ, суть слѣдующія: а) Въ началѣ ученія дѣтей, сколько возможно, дѣйствовать посредствомъ лицезрѣнія или впечатлѣнія на внѣшнія ихъ чувства. б) Не затемнять умъ учащихся, особенно въ меньшихъ классахъ, пространными объясненіями, которыя для дѣтей ничто иное суть, какъ наборъ словъ, а заставлять ихъ самихъ разсуждать и собственнымъ размысленіемъ выводить заключенія. в) Не переходить къ новому предмету, доколѣ учащіеся не поняли совершенно предъидущаго и, такъ сказать, не присвоили себѣ объясняемой мысли. Въ семъ преподающій удостовѣриться можетъ чрезъ частые предлагаемые вопросы, на которые учащійся долженъ отвѣчать, не выученными наизусть, а собственными словами.

Начала сіи заключаютъ въ себѣ главныя основанія методовъ: Веттурини-да-Фельтре, Базедова, Кампе, Песталоцци, Феллен-

берга и прочихъ извѣстнѣйшихъ практическихъ Педагоговъ. Преподаватели, имѣя всегда въ виду оныя, будутъ приспособлять къ нимъ, каждый по своей части, ученіе свое, стараясь всегда поступать сходно съ общимъ планомъ и таковымъ согласіемъ содѣйствовать къ скорѣйшему и успѣшнѣйшему достиженію общей цѣли.—

Затѣмъ въ Постановленіи излагаются частныя правила спеціального преподаванія различныхъ учебныхъ предметовъ, въ слѣдующемъ порядкѣ:

Ученіе иностранныхъ языковъ (особенно живыхъ) начинается не съ теоріи Грамматики, которая для дѣтей, незнающихъ еще самаго языка, слишкомъ суха и уму ихъ невнятна, но съ практическаго ученія чрезъ употребленіе оныхъ.—Тогда только, когда дѣти познакомились съ языкомъ и по навыку научились съ нѣкоторою легкостію употреблять оный, начнется въ III классѣ преподаваніе Теорической Грамматики.—Но и здѣсь не должно терять времени повтореніемъ на Нѣмецкомъ или Французскомъ языкѣ тѣхъ общихъ понятій и объясненій, которыя уже извѣстны дѣтямъ изъ Русской или Латинской Грамматики; преподающій, ссылаясь на данныя въ оныхъ объясненія и сказавъ только Нѣмецкое или Французское названіе термину, распространяется тамъ только, гдѣ сіи языки отъ означенныхъ различествуютъ.—Всякое же правило основывается на множествѣ примѣровъ.—

Для сбереженія времени и избѣжанія повторенія одного и того же предмета на трехъ или четырехъ языкахъ, общая Теорія слога, правила и изложеніе свойствъ разныхъ родовъ сочиненій въ прозѣ и стихахъ, преподается вообще для всѣхъ языковъ на Русскомъ.—Учители же Нѣмецкаго и Французскаго языковъ основываются на сихъ объясненіяхъ такъ точно,

какъ въ предыдущей статьѣ сказано о преподаваніи Грамматики.

Въ окончательномъ курсѣ 6-го класса, каждый Профессоръ Словесности по своей части занимаетъ воспитанниковъ предпочтительно практическими упражненіями, стараясь примѣнять задаваемые сочиненія къ предметамъ общежитія и приучать молодыхъ людей къ слогу гражданскому, въ которомъ будутъ они имѣть надобность, вступая въ службу. — Для сего заставляютъ ихъ дѣлать краткія, но ясныя выписки, излагать письменно какое-нибудь происшествіе по порядку, въ видѣ донесенія, письма, записки или тому подобное. — Равнымъ образомъ приучать ихъ безъ предварительнаго приготовленія изложить изустно какое-нибудь дѣло, защищать съ надлежащими доводами и съ благопристойностію мнѣніе свое и проч. сверхъ того въ семь году, каждый Профессоръ проходитъ краткое обзорное характеристики своей Литтературы и достопримѣчательнѣйшихъ по оной писателей. —

Ученіе Географіи не должно начинаться Математическою частію оной, которая для дѣтскаго разума совершенно непонятна. — Въ первомъ классѣ надлежитъ стараться познакомить воспитанника съ цѣлію и пользою науки вообще, съ тѣми предметами оной, которые ему близки и которые можетъ онъ представить себѣ посредствомъ внѣшнихъ чувствъ. — Географія дѣтей начинается съ положенія учебной комнаты и простирается далѣе на мѣстоположеніе дома, города, и проч.; съ постепеннымъ разширеніемъ и зрѣлостію ума, преподаваніе простирается далѣе къ умственнымъ частямъ науки и въ III-мъ уже классѣ, по приобрѣтеніи нужныхъ Математическихъ свѣдѣній, начинается Математическая Географія. —

Арифметика преподается съ двоякою цѣлію; во-первыхъ какъ наука въ общежитіи необходимая, а во 2-хъ какъ лучший

способъ къ развитію умственныхъ способностей и приученію къ постепенности въ ходѣ мыслей. — Посему преподаваніе Арифметики не должно состоять въ одномъ писаніи числительныхъ знаковъ и въ переставленіи ихъ по формуламъ, которыя, не представляя уму дитяти предмета для собственнаго размышленія, не могутъ ни занимать его, ни сдѣлаться ему полезными. — Исключая всѣ формулы, въ 1-мъ классѣ дѣти получаютъ ясное понятіе о составѣ изъ единицъ чиселъ, о достоинствѣ ихъ и объ отношеніи одного числа къ другому. — Здѣсь, вмѣсто цифръ, употребляется отечественный нашъ способъ счисленія, Русскіе счеты, къ которымъ примѣняется совершенно метода Песталотци и которые, по удобности передвигать кости при считаніи, имѣютъ большое преимущество предъ обыкновенными числительными таблицами Песталотци. — Всякое счисленіе въ семь классѣ дѣлается въ умѣ, а знаки служатъ только къ замѣчанію отдѣльныхъ результатовъ, изъ коихъ наконецъ выводится общій. —

Въ слѣдующихъ классахъ начинается Формальная Арифметика, но и здѣсь продолжается упражненіе въ умственномъ счисленіи, какъ вѣрнѣйшій способъ для развитія ума и для приученія оного слѣдовать твердо и безъ разсѣянности ходу какого-нибудь предмета въ разныхъ его видоизмѣненіяхъ. —

Такъ равно и при самыхъ Математическихъ задачахъ наблюдается, чтобы воспитанникъ всегда могъ разсказать обыкновеннымъ слогомъ то, что намѣренъ онъ сдѣлать и показать результатъ его операціи и употребленіе или пользу оной.

Преподаваніе Исторіи начинается общимъ синхронистическимъ изображеніемъ главнѣйшихъ эпохъ Исторіи каждаго народа, не входя въ отдѣльныя подробности. — Эпохи означаются не одними числами, которыя, не представляя дѣтскому разуму никакого предмета, могущаго занять и оставить вне-

чатлѣніе, изглаживаются весьма скоро изъ памяти его.—Каждое опредѣленіе эпохи должно быть сопровождаемо именемъ какого-нибудь извѣстнаго человѣка, или какимъ-нибудь важнымъ происшествіемъ.—Изъ сего составитъ въ нижнихъ классахъ общая нить, къ которой потомъ въ слѣдующихъ полныхъ курсахъ привязывается все то, что въ подробности излагается быть должно.—Впрочемъ въ высшихъ классахъ занятія по Исторіи должны состоять не столько въ изложеніи слѣдовавшихъ одно за другимъ происшествій, но въ философскомъ изслѣдованіи моральныхъ причинъ сихъ происшествій, ихъ связи между собою и вліянія ихъ на образованіе и перемѣны въ родѣ человѣческомъ.—

Въ преподаваніи политической экономіи и правъ наблюдается, чтобы во всякомъ случаѣ дѣлать примѣненія къ Россіи и сличенія съ существующимъ въ оной положеніемъ, дабы исполнить главную цѣль воспитанія въ семъ заведеніи: образовывать людей способныхъ къ дѣлопроизводству, умѣющихъ употреблять въ пользу своего отечества то, чему они научились.

Для сего стараются доставлять воспитанникамъ, поелику можно, полное и подробное познаніе Отечества ихъ, обращая преимущественно вниманіе на Исторію, Географію и Статистику онаго, такъ какъ и вообще на все то, что можетъ ознакомить ихъ съ состояніемъ, со способами, особенными свойствами, источниками богатства и т. п. Россіи.—

Въ 4 классѣ преподается кратко Логика, Психологія, дабы познакомить воспитанниковъ съ началами сихъ наукъ и приучить ихъ къ правильному ходу мыслей и заключеній.—Впрочемъ практическая Логика должна быть основаніемъ преподаванія во всѣхъ классахъ и всего воспитанія въ семъ заведеніи.

Въ ученіи рисованья, учитель никогда не теряетъ изъ вида единственной цѣли сей науки, которая состоитъ въ томъ, чтобы изобразить на бумагѣ дѣйствительные предметы, представляющіеся глазамъ нашимъ, сколько возможно, ближе къ тому, какъ они намъ представляются.—Для достиженія сего, воспитанники не начинаютъ обыкновеннымъ копированіемъ рисованныхъ оригиналовъ, которое есть ни что иное, какъ механическое перенесеніе линий и точекъ съ одной бумаги на другую, гдѣ каждая черта, каждая тѣнь ему назначена и гдѣ собственному его соображенію ничего не предоставлено; но они, сходно съ методою Песталоцци, приучаются проводить отъ руки линіи прямыя, горизонтальныя, перпендикулярныя, діагональныя и параллельныя, раздѣлять длину ихъ на равныя части и проч.;—утвердивъ сими способами руку и глазомѣръ дѣтей, заставляютъ ихъ непосредственно рисовать простыя прямолинейныя тѣла, нарочно для сего приготовленныя, которыя ставятся предъ ними въ разныхъ положеніяхъ.—Видя предъ собою простой предметъ и стараясь изобразить на бумагѣ, съ нѣкоторымъ руководствомъ, они непримѣтно доходятъ до способности изображенія сіи дѣлать совершенно правильно, сходно съ натурою и такимъ образомъ употреблять вѣрную практическую оптику, не зная еще ни одного теорическаго правила.—Съ легкихъ предметовъ переходятъ потомъ къ составнымъ труднѣйшимъ, къ машинамъ, зданіямъ и проч.;—въ высшихъ классахъ, при копированіи оригиналовъ, для усовершенствованія въ искусствѣ рисованія употребляется всегда также рисованье съ дѣйствительныхъ предметовъ, бюстовъ, сниманіе видовъ и тому подобнаго.

Ученіе пѣнія входитъ въ кругъ учебныхъ предметовъ потому, что оно, сверхъ пріятности сего таланта, безъ сомнѣнія лучшее основаніе для всякаго будущаго музыкальнаго ученія;

притомъ же опытомъ доказано, что общественное правильное пѣніе приличныхъ пѣсень утончаетъ вкусъ и чувства молодыхъ людей, и потому можетъ почитаться способнымъ къ нравственному ихъ образованію.—

На гимнастическія упражненія и на образъ обученія онымъ не можно постановить общаго правила, кромѣ того, что они должны всегда употребляемы быть, какъ способы къ развитію силъ тѣлесныхъ, къ пріобрѣтенію ловкости въ тѣлодвиженіяхъ и къ укрѣпленію здоровья воспитанниковъ.—

Вообще по всѣмъ частямъ ученія, преподающіе не теряютъ изъ вида цѣли сего заведенія, образованъ полезныхъ Русскихъ гражданъ, то есть людей не только свѣдѣніи имѣющихъ, но умѣющихъ употребить оныя въ пользу Отечества.—Почему шестой классъ преимущественно назначается для практическихъ занятій по всѣмъ частямъ наукъ, пройденныхъ воспитанниками, и для пріученія ихъ примѣнять изученное ими къ потребностямъ службы и общежитія.—

Здѣсь нарочно приведены вполнѣ и буквально эти 15 §§ Постановленія, безъ малѣйшихъ опущеній и сокращеній въ нихъ, потому что во 1-хъ, заключающіяся въ нихъ правила, въ педагогическомъ отношеніи, чрезвычайно *снры* и весьма *замѣчательны*;—во 2-хъ они не только въ то время, но и теперь вполнѣ согласны съ законами здравой и разумной педагоги и съ цѣлію дарованія наилучшихъ: образованія и воспитанія;—въ 3-хъ въ нихъ на вѣрномъ общемъ основаніи утверждены столь же вѣрныя частныя правила спеціальнаго преподаванія каждаго изъ учебныхъ предметовъ;—въ 4-хъ по нимъ вся система преподаванія была разумно основана на образованіи *математическомъ*, т. е. *реальномъ* или *положительномъ*, а не на такъ называемомъ *классическомъ* или *идеальномъ*;—удѣляя наибольшую долю преподаванія наукамъ

физико-математическимъ, они изъ *классическихъ мертвыхъ языковъ* допускали только одинъ *Латинскій* и то въ *равномѣрности съ тремя живыми языками*, а не въ превосходной противъ нихъ мѣрѣ, къ вреду и ущербу ихъ;—наконецъ въ 5-хъ заведеніе, для котораго они были начертаны, уже по этому самому должно было выходить изъ ряду другихъ, ему современныхъ, за исключеніемъ Царскосельскаго Лицея, устроеннаго на тѣхъ же началахъ и руководствовавшагося такими же правилами.

Но, къ сожалѣнію, вслѣдъ затѣмъ должно сказать, что *превосходныя въ теоріи*, правила эти не были вполнѣ и во всей точности *примѣнены на дѣль*, по крайней мѣрѣ въ 20-хъ годахъ (о трехъ первыхъ годахъ 1817—18 и—19 свѣдѣній не имѣется).—Изъ вышеприведенныхъ 15-ти §§ можно было убѣдиться, что въ основаніе всего преподаванія, какъ въ высшихъ классахъ, такъ преимущественно въ низшихъ, были положены прекрасныя правила лучшихъ педагогическихъ методовъ, особенно *Песталоцци*.—Но на практикѣ это было примѣнено не такъ, какъ требовалось по теоріи, въ отношеніи преподаванія языковъ, географіи, ариметики, исторіи, рисованія, пѣнія и гимнастики.—Пять первыхъ предметовъ преподавались въ низшихъ классахъ не вполнѣ согласно съ *чисто-практическими* методами, но лишь отчасти *практически*, большею же частію, по старой рутинѣ, *теоретически*, какъ подробнѣе будетъ указано ниже.—Пѣніе преподавалось преимущественно церковное, а гимнастика вовсе не преподавалось: вмѣсто нея были танцованіе, фехтованіе и—необязательно—болышія игры (лапта, бары и т. п.) весною, лѣтомъ и осенью на воздухѣ.—

Почему прекрасныя педагогическія правила 2-го Постановленія не были примѣнены вполнѣ и въ точности—неизвѣстно.—

Можно предполагать, что причиною тому была не *невозможность*, но скорѣе *недостатокъ доброй воли* со стороны конференции Лицея, преподавателей и особенно Гауеншильда. — Конференція Лицея имѣла главное и общее завѣдываніе учебною частію и преподаваніемъ въ Лицеѣ и Пансіонѣ. — Никакъ нельзя полагать, чтобъ она признала преподаваніе въ Пансіонѣ, на точномъ основаніи §§ 36—50 Постановленія о немъ, *невозможнымъ* или по крайней мѣрѣ *труднымъ, неудобоисполнимымъ* и еще менѣе не *практическимъ* и *малополезнымъ*. — Члены конференции были люди слишкомъ образованные для того, чтобы имѣть такое странное мнѣніе. — Но, можетъ быть, они не были вполне согласны касательно этого предмета между собою и особенно съ Энгельгардтомъ. — Можетъ быть, они были согласны, но преподаватели не умѣли или не желали примѣнить на дѣлѣ правилъ Постановленія. — Наконецъ, можетъ быть, Гауеншильдъ, *поставившій себя*, какъ уже было сказано, *съ самаго начала въ неблагопріятныя отношенія къ Энгельгарту*, своимъ противудѣйствіемъ способствовалъ неисполненію означенныхъ правилъ. Каждое изъ этихъ трехъ предположеній возможно, но вѣроятнѣе послѣднее и особенно первое, т. е. противудѣйствіе Гауеншильда и еще болѣе — конференции, такъ какъ въ послѣдней инстанціи рѣшала все таки она. — Какъ бы то ни было впрочемъ, учебныя правила 2-го Постановленія, въ главной, существеннѣйшей части своей, *исполняемы не были*, что очень жаль. — За всеѣмъ тѣмъ, все таки должно сказать, что главныя основанія и главная цѣль образованія въ Пансіонѣ, такъ какъ они выражены въ §§ 36—50 2-го Постановленія, всегда имѣлись въ виду и служили руководствомъ для преподавателей, различіе же было только въ подробностяхъ исполненія. — И результаты были все таки *очень хороши*, но безъ сомнѣнія должны и могли бы быть

еще лучше, если бы правила Постановленія были исполняемы во всей точности. —

Раземотримъ теперь *предметы преподаванія*, каждый отдѣльно, такъ, какъ они дѣйствительно преподавались въ 20-хъ годахъ. —

1) *Законъ Божій*. Въ учебной программѣ 1-го Постановленія о Пансіонѣ (1812 г.) означено было только вообще *преподаваніе Закона Божія и священной исторіи* (объ этомъ было говорено въ своемъ мѣстѣ въ 1-й части). —

По учебной программѣ 2-го Постановленія 1816 года (§ 34) преподаваніе Закона Божія, въ 6-ти классахъ Пансіона было распределено слѣдующимъ образомъ:

I классъ: всеобщее христіанское и нравственное преподаваніе катехизиса. —

II классъ: Библейская исторія. —

III классъ: Библейская исторія и чтеніе Новаго Завѣта.

IV классъ: Чтеніе Новаго Завѣта. —

V классъ: Изображеніе важнѣйшихъ эпохъ Церковной Исторіи.

VI классъ: продолженіе того же и чтеніе Вѣтхаго и Новаго Завѣта. —

Дѣйствительно же, со времени образованія всѣхъ 6-ти классовъ, въ нихъ преподавались:

Въ *I* и во *II* классахъ: краткій Катехизисъ и священная исторія Вѣтхаго и Новаго Завѣта, по руководству „Чтеніе изъ книгъ Вѣтхаго и Новаго Завѣта.“ —

Въ *III* и *IV* классахъ: изъясненіе Символа вѣры, молитвы Господней и десяти заповѣдей по пространному катехизису Филарета, и обзорнѣе книгъ Св. Писанія по запискамъ законоучителя, по примѣру „краткаго руководства къ чтенію Священнаго Писанія, изданнаго Митрополитомъ Амвросіемъ.“ —

Въ V классъ: исторія вѣры въ ветхозавѣтной и новозавѣтной Церкви, по запискамъ законоучителя, составляемымъ на основаніи Св. Писанія, Церковнобиблейской исторіи Преосвященнаго Филарета и Церковной исторіи Преосвященнаго Иннокентія.

Въ VI классъ: дѣятельное ученіе вѣры по особенно составленному для того законоучителемъ учебному курсу.

Во всѣхъ классахъ сверхъ того было заведено чтеніе Евангелія (по одной главѣ или менѣе, каждый день передъ 1-мъ утреннимъ классомъ).

„Первымъ законоучителемъ православнаго исповѣданія“ — говоритъ г. Селезневъ въ „Очеркѣ Лицея“ на стр. 119 — „былъ“ (въ Лицеѣ и Пансіонѣ) „придворный протоіерей Музовской; но въ началѣ 1816 года онъ, съ полученіемъ назначенія въ наставники будущей Великой Книжныи, нынѣ въ Бозѣ почивающей Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ, былъ отправленъ за границу, и уроки его временно поручены священнику Таврическаго дворца, *Полянскому*, мѣсто котораго въ томъ же году заступилъ Священникъ Казанскаго собора *Павскій*. — Велѣдъ за сямъ возвратился *Музовской*, но опять долженъ былъ отбыть съ дворомъ въ Москву. — Такое неправильное теченіе классовъ побудило директора Энгельгардта просить о назначеніи отдѣльнаго для Лицея“ (и его Пансіона) „Священника. — Представляя объ этомъ князю Голицыну, онъ указывалъ на необходимость имѣть законоучителемъ такого наставника, „который бы образованіемъ своимъ и собственнымъ примѣромъ и самою наружностью могъ заставлять слушателей уважать его и имѣть къ нему довѣріе.“ — Министръ вполнѣ раздѣлялъ это мнѣніе и въ томъ же духѣ относился къ Митрополиту Амвросію, которымъ, по указанію

ректора академіи, Епископа Филарета“ (въ послѣдствіи Митрополита Московскаго), „и назначенъ былъ (1817) къ сей должности магистръ и бакалавръ академіи *Іоакимъ Семеновичъ Кочетовъ*, съ посвященіемъ въ санъ священника въ придворную Царскосельскую церковь и съ оставленіемъ при академіи. — Отправленіе церковной службы не входило, впрочемъ, въ обязанность Кочетова: онъ совершалъ ее лишь по усмотрѣнію начальства Лицея въ особенныхъ случаяхъ, при говѣніи воспитанниковъ, напримѣръ, и. т. п.; — съ этихъ поръ уроки закона Божія не прерывались; законоучитель сталъ вмѣстѣ духовникомъ воспитанниковъ — и въ послѣдствіи назначенъ членомъ конференціи Лицея. — Кочетовъ на первыхъ же порахъ „*снискалъ отъ воспитанниковъ (Лицея и Пансіона) любовь и уваженіе, которыя и сохранилъ за собою въ теченіе всей долговременной службы при Лицѣ*“, продолжавшейся до 1854 года. — Въ послѣдствіи Кочетовъ занималъ многія важныя мѣста въ духовномъ вѣдомствѣ и весьма широко развилъ дѣятельность свою; но онъ постоянно продолжалъ считать себя лицейскимъ и Лицей видѣлъ въ немъ одного изъ достойнѣйшихъ своихъ представителей. — Въ 1823 году напечатано имъ было сочиненіе: „*Черты дѣятельнаго ученія въ Лицѣ*“, за которое, по опредѣленію комисіи духовныхъ училищъ, онъ получилъ степень доктора Богословія. — Оно послужило руководствомъ на лекціяхъ въ Лицеѣ „(въ старшемъ курсѣ и въ VI классѣ Пансіона),“ а до сего изданія, эта часть курса проходима была по запискамъ; въ остальной же пользовались катихизисомъ, принятымъ въ министерствѣ просвѣщенія и священной исторіею Флѣри; воспитанники часто и много были занимаемы чтеніемъ Новаго Завета и библіи на славянскомъ языкѣ; но во многихъ случаяхъ законоучитель руководствовался священнымъ писаніемъ на языкахъ

Французскомъ и Нѣмецкомъ (журналъ конференціи 1819 г.)“ (Селезнева „Очеркъ Лицея“ стр. 119—121).

О перемѣнахъ въ преподаваніи закона Божія въ Лицеѣ и Пансіонѣ, введенныхъ Демидовымъ, говорено выше, и тамъ же сказано, что, по порученію Демидова, протоіерей Кочетовъ въ 1828 году вторично издалъ прежнее сочиненіе свое *«Черты дѣятельнаго ученія въри»* въ другомъ видѣ, подъ заглавіемъ: *«Начертаніе христіанскихъ обязанностей по ученію православной грекороссійской церкви»*.—Книга эта тогда же была принята учебникомъ при урокахъ закона Божія въ Лицеѣ, Пансіонѣ и всѣхъ корпусахъ.»

Слова Энгельгардта, въ представленіи Князю Голицыну, о назначеніи въ Лицей и Пансіонъ особаго законоучителя, который образованіемъ своимъ и собственнымъ примѣромъ и самою наружностью могъ бы заставлять слушателей уважать его и имѣть къ нему довѣріе, удивительнымъ образомъ оправдались въ прекрасной личности Кочетова.—Образованность, нравственность и самая наружность его, словомъ вся его *святлая личность* была причиной, что онъ съ самаго начала и до конца былъ отличнѣйшимъ законоучителемъ и духовнымъ отцомъ и руководителемъ воспитанниковъ Лицея и Пансіона, и пользовался необыкновенными съ ихъ стороны любовью и уваженіемъ,—даже и по выпускѣ изъ этихъ заведеній.—Высокія: образованность и нравственность его были засвидѣтельствованы возведеніемъ его, въ 1825 году, въ санъ протоіерея Смоленскокладбищенской церкви, именно *«по уваженію особеннаго просвѣщенія и превосходной нравственности»*.—Особенно замѣчательна была необыкновенная кротость его нрава, печать которой лежала и на его красивомъ и умномъ лицѣ: въ чертахъ и выраженіи его воспитанники, въ своемъ увлеченіи, находили даже сходство съ изображеніемъ

на иконахъ лика Спасителя.—Понятно, что съ этими любовью и уваженіемъ къ нему, при его образованности и личномъ характерѣ и влияніи, воспитанники всѣхъ возрастовъ учились у него прилежно и успѣшно.—Словомъ, истиннымъ счастіемъ для Пансіона, какъ и для Лицея, было то, что исполненіе главной, основной задачи ихъ—*истинныхъ, вполне религіозныхъ, въ духѣ Православной церкви и ея ученія, образованія и воспитанія* ихъ воспитанниковъ, лежало на такомъ достойнѣйшемъ во всѣхъ отношеніяхъ законоучителѣ и духовникѣ, какимъ былъ Протоіерей Кочетовъ.—И память его всегда была и будетъ драгоценна для всѣхъ бывшихъ православныхъ воспитанниковъ какъ Лицея, такъ и Пансіона.

Законъ Божій евангелическо-лютеранскаго исповѣданія до 1818-го года предоставлено было родителямъ воспитанниковъ преподавать имъ, по своему усмотрѣнію, въ свободное отъ классовъ время.—Но съ 1818-го года въ Лицеѣ и Пансіонѣ введено было, по ходатайству Энгельгардта, преподаваніе этого предмета пасторами Царскосельской лютеранской церкви, до 1823 года—*Гнигтелемъ*, а съ 1823-го *Авенаріусомъ* (Селезнева „Очеркъ“ стран. 119—120).

Воспитанникамъ римско-католическаго исповѣданія Законъ Божій не былъ преподаваемъ до 1825 г.—Они довольствовались чтеніемъ Св. Писанія на французскомъ и польскомъ языкахъ, и частными уроками священника Царскосельско-римско-католической церкви, аббата *Цезаря*, по болѣзни къ тораго продолжительное время съ ними занимался гувернеръ Пансіона *Трико*.—По смерти аббата Цезаря, на мѣсто его въ 1825 г. поступилъ священникъ *Онигимовскій*, который и былъ опредѣленъ законоучителемъ закона Божія римско-католическаго исповѣданія въ Лицеѣ и Пансіонѣ (Селезневъ „Очеркъ“ стран. 119).

2) *Языки и словесность*. а) *Русский и латинский*. По § 34 2-го Постановления о Пансіонѣ положено было преподавать:

Въ I классъ: чтеніе и упражненіе въ разговорѣ на русскомъ языкѣ.

Во II классъ: начальныя основанія русской и латинской грамматикѣ.

Въ III классъ: продолженіе русской и латинской грамматикѣ, съ практическимъ примѣненіемъ ихъ.

Въ IV классъ: по русски для всѣхъ языковъ: общая теорія словесности, правила и характеристика различныхъ родовъ прозаическихъ и стихотворныхъ сочиненій; — латинская словесность, чтеніе и разборъ лучшихъ писателей, переводы на русскій языкъ и т. п.

Въ V классъ: русская и латинская словесность, характеристическое обзорѣніе оной и лучшихъ писателей ея.

Въ VI классъ: практическія упражненія на русскомъ языкѣ въ различныхъ родахъ сочиненій, въ особенномъ отношеніи къ будущему служебному положенію воспитанниковъ; — общее характеристическое обзорѣніе древней литературы вообще.

Въ дѣйствительности это преподаваніе производилось отчасти такъ, какъ здѣсь означено, отчасти же съ нѣкоторыми измѣненіями. — Такъ вообще въ трехъ низшихъ классахъ преподавалась теоретически и практически *грамматика* русскаго и латинскаго языковъ, со всѣми практическими при этомъ упражненіями: чтеніемъ, письмомъ, разборомъ, а по латинскому языку — и переводомъ на русскій языкъ, при чемъ для грамматическихъ упражненій служили басни Крылова и другихъ русскихъ баснописцевъ, и латинскія басни Федра, и т. п. Въ трехъ старшихъ же классахъ вообще преподавалась уже *словесность* русская и латинская, съ чтеніемъ и разборомъ ав-

торовъ и практическими упражненіями въ переводахъ и сочиненіяхъ. — Въ IV классѣ читалась *общая теорія словесности* на русскомъ языкѣ для всѣхъ прочихъ языковъ и въ частности теорія прозаическихъ и стихотворныхъ сочиненій, и исторія русской литературы. — Практическія же упражненія въ переводахъ и сочиненіяхъ были не въ одномъ VI классѣ, но во всѣхъ трехъ старшихъ. —

Преподаваніе русскаго и латинскаго языковъ и словесности вообще было, для тогдашняго времени, *отличное*, особенно въ старшихъ классахъ. — Преподавателями были: въ низшихъ классахъ — большею частію гувернеры ихъ, въ III и IV — до 1828 г. адъюнктъ-профессоръ *Георгіевскій*, а съ 1828 г. — адъюнктъ-профессоръ *Троицкій*, въ V и VI же классахъ — до 1828 г. профессоръ *Кошанскій*, а съ 1828 г. — профессоръ *Георгіевскій*. — И Георгіевскій, и Троицкій, и преподаватели въ низшихъ классахъ преподавали, вообще говоря, очень хорошо; но всѣхъ ихъ превосходилъ *Кошанскій*, бывшій въ свое время въ Лицеѣ и Пансіонѣ едва ли не тѣмъ же, чѣмъ профессоръ *Мерзляковъ* былъ въ свое же время въ Московскомъ университетѣ. — Съ многостороннею, классическою образованностію и большою опытностію въ преподаваніи, онъ соединялъ необыкновенно тонкій и изящный вкусъ, восторженное, поэтическое настроеніе и одушевленіе и особенный даръ передавать то и другое своимъ слушателямъ. — Лекціи его вполнѣ можно было называть эстетическими и поэтическими, исполненными занимательности, завлекательности и изящнаго вкуса. — Онъ старался поддерживать и развивать въ слушателяхъ своихъ, установившуюся еще со временъ Пушкина и Дельвига, любовь къ литературнымъ упражненіямъ, прозаическимъ и стихотворнымъ, и обращалъ особенныя свои вниманіе и заботливость на тѣхъ изъ воспитанниковъ, которые обнаруживали преимуще-

ственные способности и склонность къ нимъ.— Вся его вѣнность, необыкновенно мягкая и изящная въ формахъ, вполне соответствовала его внутреннимъ достоинствамъ, и все вмѣстѣ внушало къ нему искреннюю любовь и уваженіе воспитанниковъ.— Будучи старшимъ изъ профессоровъ Лицея и Пансіона, со времени ихъ открытія, онъ былъ однако еще въ зрѣлыхъ лѣтахъ (въ 1811 году ему было 29 лѣтъ, другіе профессора, кромѣ двухъ, были моложе его лѣтами).— Два раза онъ былъ назначаемъ исправляющимъ должность директора Лицея, а въ 1828 г. по собственной просьбѣ былъ уволенъ отъ должности профессора въ Лицеѣ и Пансіонѣ, и умеръ въ 1831 г. въ должности директора Института Слѣбныхъ въ Петербургѣ.—

Заступившій его мѣсто (въ Пансіонѣ только въ одномъ 18^{28/29} учебномъ году), бывшій съ 1815 г. адъюнктъ его, Петръ Егоровичъ *Георгіевскій*, первоначальное образованіе получилъ въ Калужской Семинаріи, изъ которой поступилъ въ 1811 г. въ Педагогическій Институтъ, а изъ него въ 1815 г. въ Лицеѣ и Пансіонѣ, гдѣ въ 18^{15/16} г. исполнялъ обязанности гувернера и репетитора, а съ 18^{16/17} до 18^{28/29}—должность адъюнкта. — Онъ былъ достойный человѣкъ и весьма знающій и опытный преподаватель.

б) *Французскій и нѣмецкій языки и словесность* по § 34 2-го Постановленія о Пансіонѣ должны были быть преподаваемы также сообразно съ преподаваніемъ русскаго и латинскаго языковъ и словесности, а именно:

Въ I классъ: чтеніе и практическія упражненія въ разговорахъ—преимущественно на обоихъ этихъ языкахъ.—

Во II классъ: практическое изученіе обоихъ языковъ, безъ грамматики, преимущественно чтеніе и переводы съ одного языка на русскій и на оборотъ.—

Въ III классъ: грамматическое изученіе обоихъ языковъ, съ опущеніемъ общихъ опредѣленій, уже извѣстныхъ изъ русскаго и латинскаго грамматикъ и только указываемыхъ преподавателемъ, съ необходимыми пополненіями тамъ, гдѣ одинъ языкъ отличается отъ другаго.—

Въ IV классъ: литература обоихъ языковъ, чтеніе и разборъ лучшихъ писателей, переводы, сочиненія и т. д.

Въ V классъ: характеристическое обзорѣніе литературы обоихъ языковъ и ихъ лучшихъ писателей.—

Въ VI классъ: Окончаніе предъидущаго и практическія упражненія.—

Но въ дѣйствительности французскій и нѣмецкій языки и словесность преподавались также, какъ русскій и латинскій, въ низшихъ классахъ—*грамматически*, въ теоріи и практикѣ, а въ старшихъ классахъ—*литературно*, съ повтореніемъ *грамматики*, особливо Синтаксиса, и съ практическими упражненіями въ чтеніи и разборѣ лучшихъ авторовъ, переводахъ, сочиненіяхъ, а также и съ изученіемъ исторіи обихъ литературъ.

Вообще преподаватели и преподаваніе французскаго и нѣмецкаго языковъ и ихъ словесности были весьма хороши.— Если преподаваніе и не соответствовало вполне главной мысли 2-го Постановленія, т. е. не было въ двухъ низшихъ классахъ исключительно, а въ другихъ преимущественно *практическое*, то все же оно разумно соединяло съ собою отъ начала до конца теорію съ практикой и даже имѣло характеръ болѣе практическій, нежели теоретическій.— Преподаватели вели дѣло свое весьма удовлетворительно и всѣ тѣ воспитанники, которые имѣли способность и склонность къ изученію этихъ двухъ языковъ, дѣлали въ нихъ большіе, иногда даже весьма замѣчательные, успѣхи.— Преподаватели этихъ

двухъ языковъ въ разное время были: въ младшихъ классахъ—губернеры Французы: *Кюкюэль*, *Гуасленъ*, *Менюз*, *Трико*, и Нѣмцы: *Виллемъ*, *Эртель*, *Штернъ* и *Беттисеръ*, а въ старшихъ классахъ по французской словесности—*Трико* (до 1827 г.) и профессора *де Будри* (до 1821 г.), *Флѣри* (въ 1821—1823 гг.) и *Тилло* (съ 1821 до 1829), а по Нѣмецкой—профессоръ *Гауеншильдъ* (съ 1814 до 1822 г.) и съ 1821 г. адъюнктъ, а съ 1825 года профессоръ *де-Олива*.—Послѣдніе два были безспорно хорошими преподавателями, но не пользовались расположеніемъ воспитанниковъ.—Старый эмигрантъ *де-Будри*, старый и лѣтами (въ 1821 г.—70 лѣтъ), былъ и нѣсколько устарѣлымъ преподавателемъ.—*Флѣри* былъ неспособный и несвѣдущій преподаватель и оставался недолго.—Но выше всѣхъ преподавателей двухъ иностранныхъ языковъ стоялъ *Тилло*, до 1824 г. адъюнктъ, а съ 1824 г. профессоръ.—Онъ былъ прежде преподавателемъ французскаго языка въ Петербургскомъ университетѣ, Гимназіи, Горномъ корпусѣ, Инженерномъ и Артиллерійскомъ училищахъ и Педагогическомъ Институтѣ, гдѣ заслужилъ отъ Ангельгардта полное одобреніе за превосходную систему въ обученіи.—*Тилло* имѣлъ большое преимущество въ томъ отношеніи, что зналъ въ совершенствѣ французскій языкъ и вполнѣ владѣлъ русскимъ.—Всегда ровный и спокойный, онъ говорилъ ясно и отчетливо, судилъ вѣрно и мѣтко, и занимательностью преподаванія, а подѣ часть и остроумнымъ словомъ или замѣчаніемъ—умѣлъ поддерживать вниманіе и направлять занятія воспитанниковъ, которые, вслѣдствіе того, любили и уважали его и учились у него очень старательно.

3) *Географія, исторія и статистика*.—По § 34 2-го Постановленія о Пансіонѣ положено было преподавать:

Въ I классъ: начальныя основанія топографіи.—

Во II классъ: всеобщую географію и начальныя основанія всеобщей исторіи.—

Въ III классъ: всеобщую и математическую географію, исторію древнихъ временъ и обзоръ русской.—

Въ IV классъ: всеобщую и русскую географію, исторію среднихъ вѣковъ и русскую.—

Въ V классъ: Окончаніе русской исторіи и всеобщую исторію трехъ послѣднихъ столѣтій, въ особенномъ отношеніи къ политикѣ, торговлѣ и колоніямъ европейскихъ государствъ.—

Но съ ходомъ времени преподаваніе географіи, исторіи и статистики установилось слѣдующимъ образомъ:

Въ младшихъ классахъ—постепенно: начальныя основанія географіи математической, физической и политической пяти частей свѣта и Россіи, и всеобщая исторія древнихъ временъ.

Въ старшихъ же классахъ—географія и статистика европейскихъ государствъ и Россіи, и исторія: всеобщая среднихъ вѣковъ и новѣйшихъ временъ, въ связи съ русскою, и русская исторія особо.—

До 1816 г. географію и исторію во всѣхъ классахъ преподавалъ одинъ профессоръ *Иванъ Кузьмичъ Кайдановъ*.—Въ 1816 году, съ назначеніемъ ему въ помощники губернатора Пансіона, бывшаго студента Педагогическаго Института, *Ивана Петровича Шульгина*, положено начало, а въ 1823 г. окончательно утверждено раздѣленіе между ними предметовъ: преподаваніе исторіи въ среднихъ и старшихъ классахъ осталось за *Кайдановымъ*, а географіи и въ старшихъ классахъ статистики—за адъюнктомъ его (впослѣдствіи профессоромъ) *Шульгинымъ*.—Въ младшихъ же классахъ географію съ 1821/22 г. преподавалъ губернаторъ и учитель (въ послѣдствіи адъюнктъ) *Василій Дмитріевичъ Трошкій*.—Кайдановъ читалъ исто-

рию всеобщую и русскую по собственнымъ запискамъ; изъ нихъ учебникъ всеобщей исторіи былъ составленъ по Гейму, у котораго *Кайдановъ* слушалъ лекціи въ Геттингенѣ. — Нынѣ устарѣлый, въ то время онъ былъ не безъ достоинствъ. — Тоже можно сказать и о его курсѣ Русской Исторіи. — Преподаваніе Кайданова было нѣсколько утомительно: онъ читалъ почти по книгѣ и притомъ монотонно и съ сильнымъ малороссійскимъ акцентомъ. — Напротивъ *И. П. Шульгинъ* читалъ лекціи изустно, безъ книги и записокъ и отличался замѣчательными: памятью и даромъ слова, и лекціи его были чрезвычайно занимательны. — Вообще географія, статистика и исторія въ Пансіонѣ преподавались весьма хорошо. —

4) *Физико-математическія науки* — главные и лучше всѣхъ преподававшіяся въ Пансіонѣ. — По § 34-му 2-го Постановленія о Пансіонѣ преподаваніе ихъ было распредѣлено по классамъ слѣдующимъ образомъ:

Въ *I классъ*: начальныя основанія счисленія, съ примѣненіемъ методы Песталотци къ русскимъ счетамъ. —

Во *II классъ*: практическое счисленіе и начало теоретической ариметики. —

Въ *III классъ*: ариметика, геометрія и алгебра; — начальныя основанія физики. —

Въ *IV классъ*: чистая математика, физика и главные начала химіи. —

Въ *V классъ*: прикладная математика, особенно механика; — физика и обзоръ системы химіи; — общее обзоръ естественной исторіи. —

Но еще прежде, съ самаго открытія Пансіона, для преподаванія въ немъ физико-математическихъ наукъ была принята также, что и для Лицея, программа профессора этихъ наукъ, *Якова Ивановича Карцова*. — Получивъ первоначаль-

ное образованіе въ Смоленской Семинаріи и высшее въ Педагогическомъ Институтѣ, Карцовъ, вмѣстѣ съ Куницынымъ, Кайдановымъ и еще 9-ю отличѣйшими студентами, въ 1807 году былъ отправленъ за границу для усовершенствованія въ физико-математическихъ наукахъ. — Воротясь изъ-за границы, онъ въ 1811 г. (28 лѣтъ отъ роду) былъ назначенъ адъюнкты-профессоромъ этихъ наукъ въ Лицей и въ 1814 г. въ Пансіонъ, а въ 1816 г. утвержденъ профессоромъ. — Основываясь на Постановленіи о Лицеѣ, онъ, въ составленной имъ программѣ, дѣлилъ курсъ свой на *математику* и *физику*, подраздѣляя ихъ, первую — на *чистую* и *прикладную*, а вторую на *физическую* и *техническую*. — Преподаваніе *чистой математики* начиналось съ *арифметики*, за которою слѣдовали всѣ три части *геометріи*, *прямолинейная тригонометрія*, *коническія сѣченія* и въ заключеніе *сферическая тригонометрія* и *математическая географія*. — Затѣмъ преподаваніе *прикладной математики* начиналось изъясненіемъ цѣли и раздѣленіе математики вообще и прикладной въ частности. — Къ послѣдней относились: въ *физическомъ* отдѣлѣ: а) науки *механическія*: *статика*, *динамика*, *гидростатика*, *гидродинамика* и *аэрометрия*; б) науки *астрономическія* и в) *оптическія*; — въ *техническомъ* же отдѣлѣ: а) *практическая механика*, б) *гидравлика*, в) *гидротехника*, г) *гражданская архитектура*, д) *артиллерія*, е) *фортификація* и ж) *морскія науки*. — По этой программѣ Карцовъ и преподавалъ въ Лицеѣ съ 1811 г. и въ Пансіонѣ съ 1814 года чистую математику и физическій отдѣлъ прикладной. — Но съ наступленіемъ послѣднихъ годовъ (1815—1817) курса перваго приѣма воспитанниковъ Лицея, онъ отозвался невозможностью принять на себя преподаваніе второй, технической части прикладной математики. — Поэтому науки этой части

отошли отъ него и съ 1816 г. образовали предметъ занятій особаго профессора *военныхъ наукъ*.—Что касается *физики*, то она Карцовымъ была раздѣлена на три части: *всеобщую, частную и прикладную*.—Во *всеобщей* излагались: общія явленія тѣлъ, явленія сѣпленія, притяженія и еродства, законы равновѣсія и движенія твердыхъ, жидкихъ, каплеобразныхъ и жидкихъ упругихъ тѣлъ. — Въ *частной* физикѣ изъяснялись явленія теплоты, свѣта, простыхъ веществъ и ихъ соединений, электричества, гальванизма и магнетизма.—Окончательный же, высшій курсъ *прикладной* физики состоялъ въ изложеніи общаго понятія о небесныхъ тѣлахъ, затѣмъ физической географіи и метеорологіи, и наконецъ системы и связи всѣхъ наукъ физическихъ. — Руководствомъ служили Фуссъ, Лоренцъ, энциклопедія Клигеля и записки профессора (Селезнева „Очеркъ Лицея“ стр. 129—131).

Адъюнктомъ физико-математическихъ наукъ въ Лицеѣ и Пансіонѣ былъ назначенъ въ 1815 г. Студентъ Педагогическаго Института, *Василій Михайловичъ Архангельскій*, получившій первоначальное образованіе въ Нижегородской Семинаріи.—Онъ былъ адъюнктомъ только до Іюня 1827 г. и въ 1828 г. умеръ.—Съ Августа 1827 г. до Августа 1828 г. должность его въ Лицеѣ (и въ Пансіонѣ) исправлялъ учитель *Миловановъ*, а по смерти Архангельскаго, на мѣсто его опредѣленъ въ Лицей С. Петербургскаго университета кандидатъ физико-математическихъ наукъ Р. П. *Щиглевъ* (который преподавалъ и въ Пансіонѣ).—(Объ Архангельскомъ, Миловановѣ и Щиглевѣ въ „Очеркѣ“ Селезнева стр. 132, 348 и 349).

Такимъ образомъ физико-математическія науки въ Пансіонѣ преподавали: первый годъ 18^{14/15}—одинъ Карцовъ въ званіи адъюнктъ-профессора, 12 слѣдующихъ лѣтъ (18^{15/16}—18^{26/27})—профессоръ Карцовъ и адъюнктъ Архангельскій, а два послѣд-

ніе года (18^{27/28}—18^{28/29})—Карцовъ же, учитель *Миловановъ* и адъюнктъ *Щиглевъ*.—Слѣдовательно главное руководство въ преподаваніи этихъ наукъ въ Пансіонѣ всѣ 15^{1/2} лѣтъ принадлежало Карцову, а вспомогательное ему преподаваніе въ теченіе 12 лѣтъ—Архангельскому.—

Согласно съ приведенными выше программами: Карцова и отчасти 2-го Постановленія о Пансіонѣ, физико-математическія науки преподавались въ 6-ти классахъ его слѣдующимъ образомъ:

Въ I и II классахъ: начало и продолженіе ариметики.—

Въ III классъ: окончаніе ариметики и начало геометріи и алгебры.—

Въ IV классъ: окончаніе алгебры и геометріи, прямолинейная тригонометрія и коническія сѣченія;—теорія логарифмовъ;—общая физика.—

Въ V классъ: аналитическая геометрія и сѣрическая тригонометрія;—дифференціальныя и интегральныя вычисленія;—статика, динамика, гидростатика и гидродинамика;—частная физика.—

Въ VI классъ: математическая географія, аэрометрия, науки астрономическія и оптическія, и прикладная физика съ опытами.—

Изъ этого видно, какъ обширенъ былъ въ Пансіонѣ курсъ наукъ физико-математическихъ.—Но обширность его еще мало или ничего не значила бы, еслибы преподавателями его не были такіе отличные физико-математики, какъ Карцовъ и Архангельскій.—Оба они были, по своей специальности, люди выходившіе изъ ряду, физико-математики не только по призванію, но и по способности и склонности, даже можно сказать по страсти (что особенно относилось къ Архангельскому, даже ускорившему тѣмъ свою рановременную смерть) — и

одни изъ лучшихъ преподавателей физико-математическихъ наукъ въ Россіи.—Обширныя и глубокія познанія ихъ въ области этихъ наукъ возвышались еще болѣе особенностями ихъ свѣтлаго, вѣрнаго и точнаго, чисто-математическаго ума.—Но, при этихъ общихъ имъ обобщенныхъ достоинствахъ, они существенно различались, какъ преподаватели, и личнымъ характеромъ, и методою, и приемами преподаванія, и вліяніемъ на воспитанниковъ.—Архангельскій, человѣкъ болѣзненный, слабогрудый, нервный, раздражительный, всегда серьезный и строгій, былъ до того преданъ своему предмету, что малѣйшее небреженіе или нераденіе къ послѣднему или даже неразуміе его онъ чуть не принималъ въ личную обиду себѣ.—Оттого въ низшихъ классахъ строгость его доходила даже до суровости, и для этихъ классовъ, въ которые онъ ввелъ нѣкоторые учебные приемы и обычаи Семинарій (напримѣръ *цензоровъ* или *мониторовъ*), онъ былъ просто грозой и ужасомъ: все буквально трепетало передъ нимъ и на его лекціяхъ полкласса, не исключая и цензоровъ, нерѣдко бывало болѣе или менѣе наказанныхъ.—Понятно, что у такого преподавателя учиться спустя рукава было невозможно, и только совершенно неспособные или нерадивые не могли дѣлать успѣховъ въ той именно части преподаванія, которая должна была служить твердымъ основаніемъ для высшаго курса старшихъ классовъ.—Но съ переходомъ воспитанниковъ въ IV классъ и далѣе, Архангельскій постепенно измѣнялся, обращаясь уже съ своими слушателями, хотя и по прежнему серьезно, но уже болѣе и болѣе какъ съ молодыми людьми, сознательно занимавшимися высшими частями математики, и какъ въ низшихъ классахъ раздражался нераденіемъ, даже неразуміемъ, такъ въ старшихъ снисходительно приходилъ на помощь неразумію и съ радостью видѣлъ, ободрялъ и цѣнилъ математическія способности и успѣхи.—

Совсѣмъ иной былъ Карцовъ.—Невысокій ростомъ, ниже средняго, тѣломъ плотный, почти круглый, всегда веселый, остроумный и забавный, онъ и самые трудные вопросы и задачи математики и физики преподавалъ какъ бы шутя, смѣючись, и такимъ же образомъ, легко и безъ особенныхъ видимыхъ труда и утомленія умѣлъ передавать ихъ своимъ слушателямъ, цѣня разумніе способныхъ и старательныхъ изъ нихъ, и безъ снисхожденія, подъ часъ нещадно бичуя непонятливыхъ и особенно явно—нерадивыхъ своими извѣтельными шутками и насмѣшками.—Словомъ—то, чего Архангельскій достигалъ своею серьезностью и даже строгостью, Карцовъ достигалъ какъ бы шутя, своимъ яснымъ, точнымъ, остроумнымъ преподаваніемъ, соединеннымъ для иныхъ съ лестнымъ одобреніемъ, а для другихъ съ насмѣшкой, болѣе чувствительной, нежели наказанія Архангельскаго въ младшихъ классахъ.—

Результатомъ характера дѣятельности того и другаго было вообще то, что въ Пансіонѣ воспитанники учились физико-математическимъ наукамъ достойно отличныхъ преподавателей ихъ, съ большимъ стараніемъ и успѣхами, и въ числѣ ихъ всегда было много хорошихъ и нѣсколько отличныхъ физико-математиковъ.—Это отчасти характеризуетъ образованіе, которое воспитанники получали въ Пансіонѣ—твердое, основательное, чрезвычайно способствовавшее развитію ихъ умственныхъ способностей, особенно мышленія и разсудка,—и можетъ служить опроверженіемъ стараго убѣжденія, что достиженію этой цѣли способствуетъ преимущественно и даже исключительно такъ называемое *классическое* образованіе, основанное на изученіи греческаго и латинскаго языковъ.—

5) *Нравственныя, политическія и юридическія науки.*—По Постановленію о Лицеѣ (1810 г.) къ наукамъ нравственнымъ были отнесены три программы: *Закона Божія* для обоихъ куръ

совъ, логики для начального и собственно нравственных наукъ для окончательнаго.—Въ послѣднюю входили: изложене системы наукъ нравственныхъ, философское понятіе о правахъ и обязанностяхъ, раздѣленіе ихъ по разнымъ отношеніямъ на право естественное, публичное, гражданское и др.,—иенка или правоученіе,—право публичное,—политическая экономія съ сравненіемъ трехъ главныхъ ея системъ: коммерческой, экономической и Адама Смита,—и собственные сочиненія воспитанниковъ на темы изъ политической экономіи.—

Первымъ адъюнктомъ и съ 1816 года профессоромъ нравственныхъ наукъ въ Лицеѣ и Пансіонѣ былъ *Александръ Петровичъ Куницынъ*, вмѣстѣ съ Кайдановымъ и Карцовымъ изъ Педагогическаго Института отправленный за границу и по возвращеніи оттуда опредѣленный въ Лицей и потомъ въ Пансіонъ.—Полный курсъ Куницына въ Лицеѣ и Пансіонѣ заключалъ въ себѣ: 1) логику, 2) психологію, 3) правоученіе (иенку), право естественное, 4) частное и 5) публичное, 6) право народное, русскія права: 7) гражданское, 8) публичное и 9) уголовное, 10) римское право, 11) политическую экономію и 12) право финансовое.

Съ 1817 г. въ званіи помощника профессора нравственныхъ наукъ былъ утвержденъ гувернеръ и учитель Пансіона *Андрей Филиповичъ Оболенскій*, получившій образованіе въ Педагогическомъ Институтѣ.—Онъ преподавалъ логику, психологію и науку о нравственности (иенку) въ младшемъ курсѣ Лицея и въ низшихъ классахъ Пансіона.

Въ 1820 г. Куницынъ, по прошенію, былъ уволенъ отъ должности профессора при Лицеѣ и Пансіонѣ, и на его мѣсто назначенъ Казанскаго университета ординарный профессоръ правъ, баронъ *Егоръ Васильевичъ Врангель*, получившій об-

разованіе въ Іенскомъ, Виртембергскомъ и Вюрцбургскомъ университетахъ.—Онъ преподавалъ въ Лицеѣ и Пансіонѣ по программѣ Куницына только науки юридическія, за исключеніемъ естественнаго права, преподаваніе котораго было прекращено съ 1820 г. по 1827 г., когда возобновлено, но только ограничиваясь общими указаціями о преподаваніи наукъ и цѣлю образованія юношества въ общественныхъ училищахъ.—Логикѣ же, психологію и иенку или науку о нравственности, продолжалъ преподавать адъюнктъ Оболенскій.

По 2-му Постановленію о Пансіонѣ положено было преподавать: въ IV классѣ—сокращенный курсъ логики и психологіи, а также иенку, а въ V классѣ—оканчивать курсъ нравственныхъ наукъ.—Но съ 1817-го года логика и психологія преподавались въ IV классѣ, а иенка, подъ названіемъ нравственной философіи, въ V классѣ (по сочиненіямъ Якоба и психологіи Шюльца) адъюнктомъ Оболенскимъ.—Юридическія же науки преподавались до 1820 г. Куницынымъ по программѣ Лицея, а съ 1820 г. Врангелемъ, съ нѣкоторыми измѣненіями противъ программъ Куницына и 2-го Постановленія о Пансіонѣ—въ V и VI классахъ,—именно сначала (до 1820 г.) естественное право, а потомъ только римское право (по запискамъ профессоровъ, на основаніи Канта, Шмалца, Гуфеланда, Клейна и др.), и русскія права: государственное, гражданское и уголовное (по методѣ, принятой въ Комисіи составленія законовъ),—а также политическая экономія (въ V классѣ) по началамъ Адама Смита.

Изъ трехъ преподавателей нравственныхъ и юридическихъ наукъ въ Пансіонѣ, какъ и въ Лицеѣ, первенство принадлежало Куницыну, отличному профессору тѣхъ и другихъ наукъ.—Баронъ Врангель и Оболенскій были весьма знающіе и

опытные преподаватели, но преподаваніе ихъ было нѣсколько утомительно потому, что производилось отчасти по не совѣтмъ удовлетворительнымъ русскимъ переводомъ нѣмецкихъ руководствъ (напримѣръ нравственная философія и политическая экономія),— а преподаваніе барона Врангеля сверхъ того — по несовершенно свободному владѣнію его русскимъ языкомъ.— За всеѣмъ тѣмъ справедливость требуетъ сказать, что и послѣ Куницына нравственныя и юридическія науки преподавались въ Пансіонѣ, вообще говоря, весьма хорошо и воспитанники оказывали въ нихъ очень хорошіе успѣхи.

6) *Военныя науки* преподавались менѣе всеѣхъ удовлетворительно до 1822 г. и нѣсколько удовлетворительнѣе съ того времени.—Онѣ вошли въ курсъ старшаго возраста Лицея и двухъ старшихъ классовъ Пансіона только съ 18^{16/17} учебного года, когда, какъ сказано выше, техническая часть прикладной математики отошла отъ профессора физико-математическихъ наукъ и составила особую кафедру только однихъ *военныхъ наукъ*.—Къ преподаванію ихъ въ 18^{16/17} г. былъ приглашенъ Инженеръ-Полковникъ баронъ *Эльснеръ*, сначала какъ частный преподаватель, а потомъ какъ профессоръ военныхъ наукъ.—По выѣздѣ Эльснера въ 1820 году, только пять мѣсяцевъ спустя, на его мѣсто былъ опредѣленъ — служившій прежде въ Свитѣ Е. И. В. по квартирмейстерской части (что нынѣ Генеральный Штабъ), а въ то время, въ чинѣ титулярнаго совѣтника, состоявшій учителемъ въ Горномъ корпусѣ и въ Благородномъ Пансіонѣ С.-Петербургскаго университета, *Александръ Михайловичъ Пушкинъ*.—Но онъ умеръ въ 1821 году и на кафедру военныхъ наукъ въ Лицеѣ и Пансіонѣ явилось пять соискателей.—Имъ предложено было представить программы курса, и предпочтеніе было отдано отставному поручику Виртембергскаго Генеральнаго Шта-

ба, *Сентъ-Андре* (изъ военноплѣнныхъ 1812 года).—Онъ былъ опредѣленъ въ Лицеѣ и Пансіонѣ въ 1822 году и преподавалъ: 1) науку объ оружіи, особенно объ артиллеріи—по Баковену и отчасти по Гогелю и Маркевичу;—2) науку о войскѣ— по Баковену, съ своими дополненіями;—3) полевую фортификацію — по Пушкину;— 4) тактику — по Теобальду, Бисмарку и Деккеру;—5) стратегію и военную исторію—по Теобальду и Гаузеру;—6) военную топографію и черченіе плановъ—по Леману,—и 7) обзоръ исторіи военнаго искусства—по Гойеру.—Программа, какъ видно, довольно полная и по тогдашнему времени удовлетворительная.—Но и Сентъ-Андре оставался только два учебныхъ года и въ 1824 году былъ замѣщенъ откомандированнымъ въ Лицейскій Пансіонъ, въ помощь директору его, 1-го кадетскаго корпуса капитаномъ *Александромъ Васильевичемъ Устиновымъ*, съ званіемъ профессора.—Онъ оставался до упраздненія кафедры военныхъ наукъ въ Лицеѣ и Пансіонѣ въ 1829 году.—Программа его была не такъ обширна и полна, какъ программа Сентъ-Андре: онъ преподавалъ только тактику, артиллерію, фортификацію полевую и долговременную, съ принадлежащимъ къ нимъ военнымъ черченіемъ,—по методамъ и руководствамъ принятымъ въ то время въ военно-учебныхъ заведеніяхъ (Селезнева „Очеркъ“ стр. 132—134).—Изъ этого видно, что постоянного профессора военныхъ наукъ не было, профессора 4 раза мѣнялись, оставаясь отъ одного до 4 лѣтъ не болѣе, преподавали по различнымъ программамъ и методамъ, только въ двухъ старшихъ классахъ, и имѣя немного часовъ, могли сообщать только необходимыя, довольно поверхностныя свѣдѣнія по части военныхъ наукъ воспитанникамъ, готовившимся въ военную службу.—Разумѣется, если изъ Лицея и Пансіона воспитанники могли выходить въ военную службу, то все же

лучше было имъ до того приобрести хотя общія, необходимыя военныя свѣдѣнія, нежели никакихъ.—Но во всякомъ случаѣ должно сознаться, что въ сравненіи съ учебными курсами для воспитанниковъ, готовившихся въ гражданскую службу, курсъ военныхъ наукъ для тѣхъ изъ нихъ, которые готовились въ военную, составлялъ нѣсколько слабую сторону общаго учебнаго курса Пансіона, что было въ прямой зависимости отъ двойственнаго предназначенія воспитанниковъ Пансіона къ гражданской и къ военной службѣ, обусловленнаго временемъ учрежденія Лицея и Пансіона.—Но съ ходомъ времени и усовершенствованіемъ общаго и спеціальнаго образованія, такая двойственность уже не соответствовала ни тому, ни другому, и потому нельзя не признать справедливымъ исключеніе изъ назначенія Лицея, въ 1829 году, приготовленія воспитанниковъ его и для военной службы, для чего существовали спеціальныя военно-учебныя заведенія.—Тѣмъ не менѣе должно сказать, что воспитанники Пансіона, какъ и Лицея, вышедшіе въ военную службу, приобрѣта въ этихъ заведеніяхъ необходимыя общія военно-теоретическія свѣдѣнія, а потомъ, въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцовъ прикомандированія къ строевымъ частямъ войскъ—и необходимое практическое знаніе строевой службы, всегда были хорошими офицерами и многіе изъ нихъ съ отличіемъ служили въ гвардіи и арміи, въ мирное и военное время, а нѣкоторые запечатлѣли отличную боевую службу своєю ранами или смертію въ сраженіяхъ.

Наконецъ 7) *изящныя искусства и гимнастическія упражненія*.—По Постановленіямъ 1-му и 2-му о Пансіонѣ положено было учить: *чистописанію, рисованію, танцованію, пѣнію, фехтованію, вольтижированію, верховой ѣздѣ, плаванію*, а по первому Постановленію 1812-го года—сверхъ

того и *ученію ружьемъ* въ лѣтніе, свободные отъ классовъ, часы.—Неизвѣстно, учили-ли въ Пансіонѣ, въ первые годы по его учрежденіи, ружью и вольтижированію, но въ послѣднія 10 лѣтъ имъ не учили и обязательными предметами были только: чистописаніе—въ трехъ низшихъ классахъ, фехтованіе—въ трехъ старшихъ, рисованіе, танцованіе и пѣніе—во всѣхъ.

Учителями этихъ предметовъ были:

1) *Чистописаніе*: губернеры *Калиничъ* и потомъ *Кокоревъ*. *Фотій Петровичъ Калиничъ* былъ старѣйшій, по началу и продолжительности службы, изъ губернеровъ Пансіона и потомъ Лицея.—Мальчикомъ вывезенный изъ Малороссіи (въ 1795 г.) для придворной пѣвческой капеллы, онъ, когда спалъ съ голоса, перешелъ къ письменнымъ дѣламъ въ кабинетъ Е. И. В.;—оттуда, имѣя отличный почеркъ, былъ назначенъ въ 1811 году учителемъ чистописанія въ Лицей, а въ 1814 году—тѣмъ же и вмѣстѣ губернаторомъ въ Пансіонъ. Но въ 1820-хъ годахъ учителемъ чистописанія въ низшихъ классахъ Пансіона былъ уже губернаторъ его *Николай Васильевичъ Кокоревъ*,—также отличный каллиграфъ. И онъ, и *Калиничъ* много способствовали твердому (и) красивому почерку воспитанниковъ и изъ нѣкоторыхъ образовали хорошихъ каллиграфовъ.—Нельзя не сказать при этомъ, что воспитанники Пансіона отчасти и Лицея въ особенности имѣли довольно схожій между собою скорый почеркъ, даже по выходѣ изъ заведеній.

2) *Рисованіе*. Неизвѣстно, кто былъ первымъ учителемъ рисованія въ Пансіонѣ: кажется тотъ же, что и въ Лицеѣ—губернаторъ и учитель этого искусства въ немъ *Сергій Гавриловичъ Чириковъ*, такой же ветеранъ Лицея, какъ и *Калиничъ*.—Но въ 1820-хъ годахъ учителемъ рисованія въ Пансіонѣ

былъ губернёръ его, Англичанинъ (вполнѣ Русскій) *Василій Васильевичъ Джаксонъ*.—Воспитанники учились по постепенной методѣ, копируя преимущественно съ оригинальных эстамповъ—разные предметы природы, ландшафты, головы и т. п. и вообще говоря успѣшно.—Нѣкоторые изъ нихъ (напримѣръ два брата *Лангера*) обнаружили особенныя способности къ рисованію и были даже талантливыми рисовальщиками.

3) *Пѣніе и музыка*.—Обязательнымъ было только обученіе пѣнію во всѣхъ классахъ и преимущественно церковному.—Изъ воспитанниковъ съ лучшими по выбору голосами, въ Пансіонѣ былъ всегда хорошій хоръ, пѣвшій во время говѣнія на 1-й недѣлѣ Великаго поста (за неимѣніемъ до 1828 г. собственной церкви въ Пансіонѣ) иногда въ церкви Царекосельскаго дворца, а иногда въ церкви Знаменія Богородицы (бывшей тогда приходскою), возлѣ Лицея. Голоса мѣнялись, но большею частію были хорошіе и хоральное пѣніе было весьма удовлетворительное.—Первымъ учителемъ пѣнія и музыки въ Лицеѣ и Пансіонѣ былъ придворный капельмейстеръ баронъ *Тенперг-де-Ферюссонъ* (съ 1811 и 1814 гг. до 1819 г.), обучавшій бесплатно.—Онъ извѣстенъ тѣмъ, что отлично положилъ на музыку прощальный гимнъ воспитанниковъ 1-го выпуска Лицея, сочиненный *Дельвигомъ* и пѣтый на выпускномъ актѣ 1817 года.—Съ 1819 г. до 1820 г. одинъ годъ учителемъ пѣнія въ Лицеѣ и Пансіонѣ былъ учитель пѣнія Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ, *Бланки*, уже съ жалованьемъ.—Съ 1820 же года до упраздненія Пансіона учителемъ пѣнія въ немъ и въ Лицеѣ былъ иностранецъ, бывшій домашній учитель, въ послѣдствіи Титулярный Совѣтникъ *Федоръ Богдановичъ Гальтеновъ* (Селезнева „Очеркъ“ стр. 135).

Обученіе инструментальной музыкѣ не было обязательнымъ и производилось желающимъ частными уроками въ свободные отъ классовъ часы.

4) *Танцованіе*.—Обученіе ему началось съ 1814 г. учителемъ танцованія *Гюаромъ*, мѣсто котораго въ 1815 г. заступилъ *Билле*, а мѣсто послѣдняго въ 1816 г.—*Иванъ Ивановичъ Эбергардтъ*, остававшійся до самаго упраздненія Пансіона.—Обученіе танцованію производилось съ низшихъ классовъ постепенно и для лучшихъ танцовщиковъ среднихъ и высшихъ классовъ было общее.—Сверхъ того зимой, въ воскресные или праздничные дни, въ большой залѣ старшихъ классовъ Пансіона бывали иногда между воспитанниками танцы подъ музыку.—Эбергардтъ былъ весьма хорошій учитель танцованія и по возможности способствовалъ развитію въ воспитанникахъ развязности, ловкости и приличія не только въ танцахъ, но и въ поступи и движеніяхъ.

5) *Фехтованію* въ старшихъ классахъ училъ въ Лицеѣ и Пансіонѣ, съ самаго начала учрежденія ихъ, иностранецъ, въ послѣдствіи въ чинѣ Майора, *Вальвилъ*, до 1824 г., когда мѣсто его заступилъ учитель фехтованія въ 1-мъ Кадетскомъ корпусѣ, *Гавеманъ*, остававшійся въ Пансіонѣ до упраздненія его.—Фехтованіемъ весьма охотно и усердно занимались воспитанники старшихъ классовъ Пансіона, не только во время уроковъ, но и въ свободные отъ классныхъ занятій часы, что также, при искусномъ преподаваніи Вальвила и Гавемана, способствовало развитію въ воспитанникахъ ловкости и развязности.

Вообще фехтованіе, танцованіе, большія игры весною, лѣтомъ и осенью на дворѣ, особенно въ *лапту* и *бары* на два лагера, много способствовали развитію въ воспитанникахъ физической силы, ловкости и развязности, не смотря на то

что до 1827 г. ни въ Лицеѣ, ни въ Пансіонѣ не было гимнастическихъ упражненій и никогда не было военной выправки.—По этому обвиненіе Демидовымъ, въ Февраль 1829 года, воспитанниковъ Пансіона въ томъ, что *почти ни одинъ изъ нихъ не умѣлъ, ни стоять, ни ходить, не имѣетъ никакого основанія.*

Что касается гимнастики, верховой ѣзды и плаванія, то первая была введена, въ Лицеѣ и Пансіонѣ, только съ 1827 г., по правиламъ, принятымъ тогда въ военно-учебныхъ заведеніяхъ.—Учителя гимнастики не было, а предписано было воспитанниковъ, въ свободное отъ классовъ время, занимать, подъ наблюденіемъ гувернеровъ, гимнастическими упражненіями, по опредѣленнымъ на то правиламъ и печатному руководству, на разныхъ для того машинахъ, лѣстницахъ и т. п.—Верховой же ѣздѣ и плаванію обязательнаго обученія не было.—Съ 1816 г. воспитанники Лицея и Пансіона обучались верховой ѣздѣ въ Лейбъ-Гвардіи Гусарскомъ полку, три раза въ недѣлю посѣбно, безъ постороннихъ зрителей, при гувернерѣ и подъ руководствомъ сначала Полковника *Крекишина*, а потомъ берейтора.—Но это продолжалось недолго и въ послѣдствіи воспитанники старшихъ классовъ Пансіона, желавшіе учиться верховой ѣздѣ, брали частные уроки у придворныхъ берейторовъ, въ Царскосельскомъ придворномъ манежѣ.—Тѣ же, которые готовились вступитъ въ кавалерію, по выпускѣ учились верховой ѣздѣ, вмѣстѣ съ обученіемъ строевой службѣ, при одномъ изъ полковъ Гвардейской кавалеріи, расположенныхъ въ Петербургѣ, большею частію при Лейбъ-Гвардіи Конномъ полку.

Точно также и обученіе плаванію производилось только съ лѣта 1817 г., въ большой купальнѣ Царскосельскаго сада, особо назначенными для того матросами, но продолжалось не

долго.—Въ послѣдствіи воспитанники Пансіона лѣтомъ были водимы поклассно купаться въ этой купальнѣ, но обученія плаванію не было.

Изъ всего сказаннаго выше объ устройствѣ и состояніи учебной части въ Пансіонѣ, легко можно убѣдиться, что вообще она была поставлена въ отличныя, въ тогдашнее время, отношенія.—Учебныя программы, профессора и преподаватели, методы преподаванія ихъ и успѣхи воспитанниковъ были такъ хороши, какъ только можно было желать того.—Въ этомъ отношеніи, смѣло можно сказать, что учебная часть была украшеніемъ Лицея и Пансіона, и заботливость о ней правительства, вмѣстѣ съ пожертвованіями его на нее, были причиной, что Пансіонъ, какъ и Лицей, вполне и достойно выполняли указанное имъ назначеніе—доставлять русскому дворянству новый способъ дарованія своимъ дѣтямъ отличныхъ образованія и воспитанія.—И дѣйствительно, за 1000 и потомъ за 1500 р. ассигн. годовой платы въ Пансіонѣ, ни одному частному лицу невозможно было имѣть для своихъ дѣтей такихъ домашнихъ преподавателей и давать имъ такое домашнее образованіе, какіе имѣлись и давались въ Пансіонѣ.—И это преимущество въ тогдашнее время было подлинно неоцѣненное.

2) Воспитательная часть.

Въ закрытыхъ учебныхъ заведеніяхъ воспитаніе физическое и нравственное тѣсно соединено съ образованіемъ умственнымъ и сочетается въ себѣ теорію съ практикой. Подъ теоріей я разумѣю всѣ, различнаго рода *Постановленія*, касающіяся собственно воспитанія въ извѣстномъ учебномъ заведеніи, а къ практикѣ отношу исполненіе ихъ и примѣненіе на дѣлѣ.—Теорія всегда болѣе или менѣе хороша; но

не всегда можно тоже сказать о практикѣ, весьма много зависящей отъ личности исполнителей или воспитателей и разныхъ обстоятельствъ, и иногда то, что прекрасно въ теоріи, неудовлетворительно въ практикѣ.

Въ Пансіонѣ, какъ и въ Лицеѣ и всякихъ закрытыхъ учебныхъ заведеніяхъ, воспитаніе въ теоретическомъ отношеніи имѣло въ основаніи цѣлый рядъ постановлений, различныхъ степеней или инстанцій: 1) правительственныхъ, заключавшихся въ Постановленіяхъ о Лицеѣ 1810 г. и о Пансіонѣ: 1-мъ 1812 г. и 2-мъ 1816 г.;—2) въ предписаніяхъ и инструкціяхъ министра народнаго просвѣщенія и потомъ главнаго директора военно-учебныхъ заведеній;—3) въ инструкціяхъ и правилахъ, составленныхъ и данныхъ конференціею Лицея, общео для него и для Пансіона,—и наконецъ 4) во всѣхъ вообще, печатныхъ, письменныхъ и словесныхъ распоряженіяхъ директора Пансіона, какъ главнаго воспитателя въ немъ.—Еслибы собрать всѣ эти постановленія за 15½ лѣтъ существованія Пансіона, то составилъ бы довольно значительный сборникъ ихъ, не лишенный интереса въ томъ отношеніи, что онъ указалъ бы взглядъ тогдашнихъ властей Пансіона на воспитаніе и методу его, равно и употреблявшіеся ими воспитательные приемы.

По тѣсной связи Пансіона съ Лицеомъ въ учебномъ, воспитательномъ и хозяйственномъ отношеніяхъ и по подчиненности Пансіона конференціи Лицея, съ директоромъ его въ качествѣ председателя, и министру народнаго просвѣщенія, а потомъ главному директору военно-учебныхъ заведеній,—Пансіонъ, независимо отъ двухъ собственныхъ Постановленій 1812 и 1816 гг., могъ считать своимъ же и Постановленіе о Лицеѣ 1810 г., какъ основное законоположеніе для обоихъ заведеній.—*Воспитаніе*, въ обширномъ смыслѣ слова—

физическое, нравственное и умственное — составляло главный предметъ содержанія этого Постановленія, занимая почти $\frac{3}{4}$ изъ всѣхъ 150 §§ его.—Въ немъ „умственное образованіе тѣсно соединено съ нравственнымъ воспитаніемъ,“ и такъ какъ невозможно было высказать всѣ приемы въ первомъ и особенно во второмъ отношеніи, то изложивъ подробно программу ученія, Постановленіе о Лицеѣ предоставляло самимъ наставникамъ выполнить дѣло нравственнаго образованія воспитанниковъ „*черезъ руководство ихъ добрыми своими примерами жизни*“ (Селезнева „Очеркъ Лицея“ стр. 84—85).

Въ 1-мъ Постановленіи о Пансіонѣ 1812 г., въ отдѣленіи 1-мъ, о порядкѣ воспитательномъ, §§ 13, 14 и 15 (см. Приложение I) сказано только, что въ отношеніи къ порядку воспитательному, начальство Пансіона принимаетъ всевозможныя мѣры: а) къ усовершенствованію душевныхъ способностей и б) тѣлеснаго здоровья воспитанниковъ;—что для достиженія первой цѣли будутъ наблюдаемы: неуспынный присмотръ за воспитанниками, благоразумное обращеніе съ ними, направленіе ума и сердца ихъ къ правотѣ, утвержденіе въ священныхъ истинахъ закона Божія и нравственности, обогащеніе полезными свѣдѣніями и внушеніе пламенной любви къ Государю и Отечеству;—для достиженія же послѣдней цѣли будутъ наблюдаемы: здоровая и умѣренная пища, строжайшая опрятность и врачеваніе болѣзней (см. Приложение I).

Во 2-мъ Постановленіи о Пансіонѣ 1816 г., въ §§ 13—31 сказано, что собственно воспитаніе составляетъ главный предметъ заботливости директора, инспектора и особенно надзирателей или гувернеровъ, — изображены общія и частныя обязанности ихъ всѣхъ, особенно гувернеровъ, и требуемыя отъ нихъ условія, а также говорится объ условіяхъ и обязан-

ностях прислуги, состоящей при воспитанниках (см. Приложение III).

Предписанія Министровъ: Народнаго Просвѣщенія, Графа Разумовскаго и Князя Голицына, и главныхъ директоровъ военно-учебныхъ заведеній, Графа Коновницына и Голенищева-Кутузова касательно воспитательной части въ Пансіонѣ, въ „Очеркѣ Лицея“ г. Селезнева приведены весьма немногія и то въ отрывкахъ.—Но должно полагать, что въ 15 лѣтъ ихъ было много, особенно отъ Князя Голицына. Изъ предписаній же Демидова, напротивъ, въ „Очеркѣ“ г. Селезнева находится весьма много отрывковъ.—Суди по нимъ, равно по неустройству и безпорядкамъ, въ которыхъ Лицейскій архивъ обвиняетъ Пансіонъ начиная съ 1815 г., и по нѣкоторымъ другимъ соображеніямъ, съ вѣроятностію предположить можно, что предписанія Князя Голицына и главныхъ директоровъ, особенно Демидова, имѣли главнымъ предметомъ—*строгость* воспитательныхъ мѣръ и взысканій, постепенно увеличивавшуюся.

Изъ числа мѣръ и распоряженій конференціи Лицея, въ отношеніи къ Пансіону, также вѣроятно болѣе или менѣе значительныхъ числомъ, въ „Очеркѣ“ Селезнева помѣщены только *Инструкціи должностнымъ лицамъ Пансіона*, составленныя конференціей въ 1815-мъ году, въ слѣдствіе предписанія Графа Разумовскаго, и заслуживающія особеннаго вниманія. — „Какъ извлеченія изъ устава, инструкціи эти не составляли, впрочемъ (говоритъ г. Селезневъ на стр. 79 „Очерка Лицея“) самостоятельнаго труда, за исключеніемъ одной, написанной Куницынымъ, подъ заглавіемъ „*Частныя правила для воспитанниковъ*“.—Основанія, служившія руководствомъ для сочинителя, были тѣ самыя, изъ которыхъ слагался домашній бытъ Лицея.—Правила эти заслужили полное одобреніе и сохранили,

такимъ образомъ, для насъ прекрасный очеркъ воспитательныхъ приемовъ того времени“. — (*Инструкціи должностнымъ лицамъ Пансіона см. въ Приложеніи II*).—

Что касается до мѣръ и распоряженій директоровъ Пансіона и собиравшихся подъ ихъ предѣлательствомъ еженедѣльно, ежемѣсячно и ежегодно совѣщательныхъ по воспитательной части засѣданій инспектора и гувернеровъ Пансіона, то число ихъ въ 15½ лѣтъ, вѣроятно, было очень значительно, а свойство ихъ—разнообразно въ частныхъ подробностяхъ, хотя и одинаково въ главныхъ основаніяхъ, указанныхъ выше и изложенныхъ въ Постановленіяхъ о Лицеѣ и Пансіонѣ, въ предписаніяхъ министровъ и главныхъ директоровъ и въ инструкціяхъ конференціи Лицея.—Мѣры и распоряженія эти, вѣроятно, изложены въ журналахъ совѣщательныхъ собраній воспитателей и хранятся въ дѣлахъ Лицейскаго Архива, но въ „Очеркѣ“ г. Селезнева изъ нихъ не приведено и о нихъ не упомянуто ничего.—

Система наградъ и взысканій въ Пансіонѣ, по *теоріи* была справедливая и гуманная, и не отличалась ничѣмъ особеннымъ отъ бывшей въ общемъ въ то время, во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, употребленіи.—Она изложена въ 1-мъ и 2-мъ Постановленіяхъ о Пансіонѣ (см. въ Приложеніяхъ).—

Сведя вмѣстѣ все, приведенное выше о постановленіяхъ по воспитательной части въ Пансіонѣ, можно сказать вообще, что въ этомъ отношеніи *ничего не было упущено изъ виду и ничѣмъ не было пренебрежено* для того, чтобы воспитательную часть въ Пансіонѣ съ самаго начала постановить и постоянно до конца содержать въ самомъ лучшемъ состояніи, наиболѣе соотвѣтствующемъ какъ правиламъ педагогическимъ, такъ и особеннымъ условіямъ и требованіямъ такого учебнаго заведенія, какимъ Царскосельскій Лицейскій Пансіонъ, по обонимъ Поста-

новленіямъ о немъ, долженъ былъ быть.—Словомъ по *теоріи* воспитательная часть въ Пансіонѣ была, можно смѣло сказать, въ отличномъ видѣ.

Но такова-ли она была на *практикѣ*, на самомъ дѣлѣ?—Соотвѣтствовало-ли Постановленіямъ *исполненіе ихъ*?—Отчего, при такой прекрасной теоретической обстановкѣ воспитательной части, въ Пансіонѣ уже съ 1815 г. *начинаются и постепенно усиливаются* безпорядки, какъ гласитъ Лицейскій архивъ, и мало по малу ведутъ къ разнымъ строгимъ мѣрамъ и наконецъ—къ самому упраздненію этого заведенія?—Что было причиною, кто былъ виною того, и каково дѣйствительно, на дѣлѣ, было воспитаніе въ Пансіонѣ?—Выше уже было достаточно объяснено, что причиной и виной безпорядковъ въ Пансіонѣ, собственно говоря, не были ни *воспитанники*, ни *губернеры*, но *первый директоръ Пансіона Гауеншильдъ*.—Разумѣется, безпорядки производили (съ 1815 г. до 1822-го г.) воспитанники, но только потому, что Инспекторъ и губернеры были неудовлетворительно руководимы и недостаточно поддерживаемы Гауеншильдомъ, не пользовавшимся любовью и уваженіемъ воспитанниковъ, и дѣйствовавшимъ только посредствомъ угрозъ и страха взысканій и изгнанія.—Удалили Гауеншильда и поставили Пансіонъ подъ военное, кадетское начальство въ 1822-мъ году — и безпорядки прекратились, только вовсе не по второй, а по первой изъ этихъ причинъ.—Но относя главную причину и вину безпорядковъ къ Гауеншильду, по справедливости должно сказать, что не совсѣмъ безвинны въ нихъ были и воспитатели, и воспитанники.—Педагогическая неспособность Гауеншильда вредно дѣйствовала на тѣхъ и на другихъ, въ большей или меньшей мѣрѣ.—Воспитатели или губернеры при этомъ были болѣе виновны, нежели воспитанники, какъ люди старше ихъ лѣтами и опытностью, хотя говоря во-

обще, они были, болѣе или менѣе, люди образованные и воспитатели хорошіе или покрайнѣй мѣрѣ не дурные (во всякомъ случаѣ гораздо лучше большинства губернаторовъ-иностранцевъ, особливо французовъ, въ семействахъ русскаго дворянства того времени).—Воспитанники же были всѣхъ менѣе виноваты, если только можно даже считать ихъ въ этомъ случаѣ виноватыми.—Вину ихъ уменьшали, если даже не уничтожали совершенно, и молодость ихъ лѣтъ, хотя бы доходившая до 20-ти лѣтъ отъ роду, и еще болѣе — чрезвычайное разнообразіе или пестрота въ первоначальномъ воспитаніи, полученномъ ими въ семействахъ своихъ до поступленія въ Пансіонъ.—Семейное воспитаніе и образованіе русскаго дворянства въ то время, особливо въ 1-й половинѣ 15-ти лѣтняго существованія Пансіона (1814—1822) было до того разнообразно и пестро, что представляло множество оттѣнковъ, отъ *наилучшаго* до *наихудшаго*.—Образами ихъ служили воспитанники, поступавшіе въ Пансіонъ со всѣхъ мѣстъ и краевъ Россіи, съ самымъ разнообразнымъ домашнимъ воспитаніемъ.—Рядомъ съ отлично-воспитанными были дурно-воспитанные или вовсе не воспитанные и грубые, какъ настоящіе *дѣти природы*.—Эти грубыя натуры, которыхъ только и можно было держать въ повиновеніи мѣрами строгости, всегда были главными виновниками и возбудителями безпорядковъ.—А ихъ всегда было довольно, въ низшихъ классахъ болѣе, нежели въ высшихъ, потому что съ ходомъ времени, возрастомъ и пребываніемъ въ Пансіонѣ (иногда продолжительнымъ, вслѣдствіе *вздвиженія классовъ*, т. е. пребыванія по 2 года въ классѣ), грубость и недостатки перваго воспитанія все же болѣе или менѣе сглаживались.—Но, говоря по справедливости, можно-ли было винить этихъ воспитанниковъ?—Виноваты-ли они были въ томъ, что дома получили дурное воспитаніе, а въ Пансіонѣ не умѣли или не могли ско-

ро перевоспитать ихъ?—Можно было сожалѣть о нихъ, но винить ихъ было бы грѣшно.—

Затѣмъ, каково же дѣйствительно, на самомъ дѣлѣ, было воспитаніе въ Пансіонѣ?—По справедливости говоря—отнюдь не хуже, нежели и во всѣхъ другихъ правительственныхъ, учебно-воспитательныхъ заведеніяхъ того времени, но положительно лучше, нежели въ иныхъ изъ нихъ, на которыя можно было бы прямо указать, но которыя лучше не называть.— Эти *иные* имѣли и долго сохраняли всѣмъ извѣстную, далеко не лестную репутацію и однако же прѣблагополучно существовали и до сихъ поръ существуютъ.— Воспитаніемъ—въ строгомъ смыслѣ этого слова—не могутъ справедливо похвалиться и теперешнія казенныя учебно-воспитательныя заведенія; чтожъ сказать о тогдашнихъ?—Едва-ли не одинъ Царскосельскій Лицей, въ 7^{3/4} лѣтъ управленія Энгельгардта (1816—1823) могъ дѣйствительно и справедливо похвалиться разумнымъ воспитаніемъ юншества, получавшаго въ немъ образованіе.— По крайней мѣрѣ онъ стоялъ въ этомъ отношеніи, въ эти 7^{3/4} лѣтъ, безспорно выше другихъ заведеній, и даже самаго Пансіона своего, управляемаго Гауеншильдомъ.—Въ 1814 и 1815 же и особенно въ 1824—1829 годахъ Пансіонъ, по воспитанію, находился на совершенно одинаковой степени съ Лицеемъ: *военное управленіе совершенно выровняло ихъ обоимъ въ одну линію.*—Такимъ образомъ воспитаніе въ Пансіонѣ, изъ 15^{1/2} лѣтъ его существованія, половину времени было не лучше, а другую половину—не хуже, нежели въ Лицее, а вообще—вовсе не въ такомъ состояніи, которое могло бы хотя малѣйше оправдывать совершенно несправедливо присвоенную Пансіону недобрую славу и упраздненіе его по этой причинѣ.—Въ доказательство этого можно привести тотъ несомнѣнный фактъ, что 143 воспитанника, выпущенные изъ Пансіона,

ни на службѣ, ни въ обществѣ никогда не считались и не были ни *неучами*, ни *невъждами безъ образованія и воспитанія.*—Далеко напротивъ.—

3. Хозяйственная часть.

Устройство ея по 1-му и 2-му Постановленіямъ о Пансіонѣ было достаточно указано выше и можетъ быть усмотрѣно изъ самыхъ этихъ Постановленій, приведенныхъ въ приложеніяхъ къ этой книгѣ.—О дѣйствительномъ же состояніи ея можно сказать только то, что частію извѣстно о немъ изъ „Очерка Лицея“ г. Селезнева, частію же могло быть извѣстно самимъ воспитанникамъ Пансіона только по *наружности*, т. е. въ томъ, что касалось содержанія ихъ и вообще всего Пансіона. Внутренняя же, такъ сказать, сторона этой части, обнимающая всѣ хозяйственныя распоряженія и счетныя дѣла, въ „Очеркѣ“ г. Селезнева не указана, а воспитанникамъ Пансіона извѣстна быть не могла, составляя тогда тайну хозяйственного управленія Пансіона, а теперь—Лицейскаго архива.—

И такъ изъ „Очерка“ г. Селезнева и приведенныхъ выше извлеченій изъ него можно заключить вообще, что хозяйственная часть Пансіона въ первые два года существованія его (1814—1815) была въ весьма неудовлетворительномъ состояніи, въ беспорядкѣ и разстройствѣ. — Энгельгардтъ *еще въ первые мѣсяцы назначенія своего, войдя въ подробности положенія всѣхъ частей хозяйственныхъ обоимъ вѣрнымъ ему заведеній, нашелъ беспорядки, а по Пансіону и большіе, относительно бѣлья, платья, постелей, чистоты и опрятности комнатъ;—сверхъ того, усматривая за Пансіономъ долгъ и доказывая неизбежность пріидти денежнымъ оборотамъ его въ самое критическое положеніе, если продлится настоящее состояніе долга, испросилъ Пансіону денежное*

пособіе въ 100 тысячъ рублей“ („Очеркъ Лицея“ г. Селезнева, стр. 50—51).—Допущеніе хозяйственной части Пансіона, въ два первые года его существованія, до такой степени *большимъ безпорядкомъ*, не внушаетъ высокаго мнѣнія о хозяйственныхъ способностяхъ и распорядительности Гауеншильда.—Энгельгардтъ, какъ хорошій хозяинъ и администраторъ, исправилъ то, что испортилъ Гауеншильдъ; но затѣмъ этотъ послѣдній опять таки остался на 5 слишкомъ дѣтъ ближайшимъ распорядителемъ хозяйственной части Пансіона.—А какова она была на самомъ дѣлѣ послѣ того при Гауеншильдѣ и подѣ военнымъ управленіемъ, о томъ, за неимѣніемъ официальныхъ данныхъ, могутъ свидѣтельствовать только факты, которые были хорошо извѣстны воспитанникамъ, потому что касались содержанія ихъ и вообще всего внутренняго, домашняго быта ихъ.—Разсмотримъ по порядку *помѣщеніе* ихъ съ принадлежностями къ нему, *содержаніе* ихъ бѣльемъ, одеждой, обувью, пищею, врачебнымъ пользованіемъ и прочимъ, относившимся къ чистотѣ и здоровью ихъ и къ прислугѣ имъ, а также къ *содержанію домовъ Пансіона* съ принадлежностями.

Изъ двухъ домовъ, соединенныхъ деревянною галлереею и имѣвшихъ каждый свой дворъ со службами, а позади, къ полю, пустопорожнее мѣсто съ остатками сада,—во 2-мъ отъ угла домъ помѣщались: въ нижнемъ этажѣ — спальни 3-хъ низшихъ классовъ, въ верхнемъ—3-хъ высшихъ, а въ среднемъ—шесть учебныхъ комнатъ и четыре рекреаціонныя залы 6-ти классовъ.—Въ угловомъ же домѣ внизу, возлѣ галлерей, была столовая и рядомъ съ нею буфетъ и кухня (позже перенесенная въ особо-выстроенное недалеко, одноэтажное каменное зданіе);—всѣ остальные затѣмъ помѣщенія въ этомъ домѣ были заняты больницей, аптекой и квартирами директора,

гувернеровъ и прислуги.—Деревянная же галлерей служила сообщеніемъ между обоими домами, для хожденія воспитанниковъ въ столовую и садъ или поле, и для игръ ихъ въ дурную погоду. — Такимъ образомъ первое неудобство въ помѣщеніи, бросающееся въ глаза, заключалось въ томъ, что столовая находилась не въ одномъ домѣ съ классами и спальнями, и ходить въ нее 4 раза въ день и 4 раза обратно, зимою, въ морозъ, и даже осенью и весною въ сырую погоду, было не безвредно и небезопасно для здоровья воспитанниковъ,—тѣмъ болѣе, что въ столовой, гдѣ за шестью столами сидѣли воспитанники всѣхъ 6-ти классовъ (до 170 и болѣе), всегда было болѣе или менѣе душно и жарко.—Спальни внизу иверху были устроены такъ, какъ теперь уже въ учебныхъ заведеніяхъ не устроятся, а именно—не общими и открытыми, но отдѣльными и полузакрытыми для каждого помѣщеніями.—Въ низшихъ классахъ каждая кровать, съ небольшимъ шкапикомъ для платья возлѣ нея, составляла особую спальню, отдѣленную отъ сосѣднихъ перегородками, въ ростъ человѣка, изъ парусины, натянутой на деревянные рамы и выкрашенной блѣдно-розовою клеевою краскою, съ входомъ изъ корридора, возлѣ кровати.—Надъ входомъ въ каждую спальню была прибита круглая черная дощечка, съ именемъ и фамиліей воспитанника бѣлыми буквами. — Такихъ отдѣльныхъ спаленъ, по числу воспитанниковъ низшихъ классовъ, было нѣсколько рядовъ, раздѣленныхъ проходами, въ длину и ширину.—Закрываясь съ трехъ сторонъ, онѣ были открыты съ четвертой—съ проходовъ въ длину, и могли быть видны и гувернерамъ, и прислугѣ.—Незначительное возвышеніе перегородокъ, при гораздо большей вышиинѣ общей залы, гдѣ помѣщались спальни, равно какъ и то, что перегородки были открыты сверху и со стороны входа, все это не препятствовало свободному движе-

нію воздуха и освѣженію спаленъ.—За всѣмъ тѣмъ эта система все таки представляла нѣкоторыя неудобства для опрятности спаленъ, чистоты воздуха, надзора за воспитанниками и т. п. Независимо отъ того, нельзя сказать, чтобъ эти спальни съ перегородками, и мебель въ нихъ, содержались въ безукоризненной исправности и чистотѣ.—Умывальники были общіе, большіе, въ видѣ огромныхъ самоваровъ, изъ красной мѣди, съ кранами и съ лужеными бассейнами и ящиками изъ мѣди для стока воды.—Все это хотя и чистилось, но было довольно старо и имѣло наружность не очень приглядную.—Но особенно нехороши были отхожія мѣста въ пристроенныхъ, по тогдашнему обычаю, къ дому, въ двухъ мѣстахъ, 3-хъ этажныхъ башняхъ, входъ въ которыя былъ со внутреннихъ лѣстницъ.—Эти башни заражали воздухъ и внутри, и снаружи.—Такого рода устройство этихъ мѣстъ было въ обоихъ домахъ и составляло одно изъ главныхъ неудобствъ и безобразій.

Спальни старшихъ классовъ въ верхнемъ этажѣ были иного рода, нежели спальни младшихъ въ нижнемъ.—Вдоль всего верхняго этажа шелъ широкій корридоръ, освѣщенный съ двухъ концовъ большими полукруглыми окнами, а по обѣимъ сторонамъ корридора были расположены отдѣльныя для каждаго воспитанника спальни.—Каждая изъ нихъ образовала продолговатую (аршинъ въ 6), узкую (аршина въ 3) комнату, имѣвшую по бокамъ деревянныя оштукатуренныя перегородки выше роста человѣческаго, а по концамъ, на одномъ—половину окна, а на другомъ—деревянную дверь въ корридоръ, верхняя часть которой состояла изъ проволочнаго переплета.—Въ каждой спальнѣ стояли: кровать, столъ, стулъ, а иногда и иная, собственная мебель воспитанника (напримѣръ шкапъ, комодъ).—Надъ дверью каждой спальни была прибита такая

же дощечка, съ именемъ и фамиліей воспитанника, — какъ и надъ входомъ въ каждую изъ нижнихъ спаленъ.—На обѣихъ концахъ корридора были такіе же большіе мѣдные умывальники, какъ и въ нижнихъ спальняхъ.—Верхнія спальни, какъ и нижнія, не только не имѣли никакой роскоши и щегольства (какъ, напримѣръ, въ Лицеѣ), но и отличались большою простотой и незатѣйливостью: стѣны и перегородки были выкрашены простою клеевою свѣтлосѣрою краскою, двери—желтою масляною, а полы, когда-то выкрашенные такою же краской, были совершенно истерты.—

Въ среднемъ этажѣ классныя комнаты и рекреационныя залы были высокія и просторныя, но наружность ихъ была также очень простая и незатѣйливая.—Стѣны и потолки были выкрашены также простою клеевою краскою, полы и здѣсь, когда-то крашенные масляною краскою, были до того вытерты, что краски и слѣдовъ не было; мебель въ классахъ и залахъ (скамейки, лавки, столы, шкапы) была самая простая, деревянная, крашеная темно-сѣрою масляною краской.—За чистотой въ спальняхъ смотрѣла прислуга воспитанниковъ и сторожа—инвалиды, а въ классныхъ комнатахъ и залахъ—одни послѣдніе, и нужно признаться и тѣ, и другіе довольно плохо, не имѣя сами ни привычки къ чистотѣ и опрятности, ни даже надлежащаго понятія о ней.—Вобщемъ должно сказать, что домъ, гдѣ помѣщались воспитанники, далеко не могъ похвалиться щегольствомъ и опрятностью, и все въ немъ имѣло видъ, болѣе нежели простоты и незатѣйливости, а скорѣе бѣдности, запущенія, даже видъ казармы, въ которую онъ,—странное дѣло!—и долженъ былъ превратиться 31 годъ спустя послѣ упраздненія Пансіона.

Къ этому дому, въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ соединялся съ деревянной галлереей, примыкалъ подъ прямымъ угломъ одно-

этажный деревянный флигель, въ которомъ жилъ до своего увольнения Гауеншильдъ.— Въ немъ было достаточно комнатъ для помѣщенія какъ самого Гауеншильда съ семействомъ, такъ и жившихъ у него частныхъ пансіонеровъ, приготовлявшихся къ поступленію въ Пансіонъ или же, до открытія вакантныхъ мѣстъ въ немъ, посѣщавшихъ классы его въ качествѣ экстерновъ.— Къ этому флигелю, по той же линіи, примыкалъ принадлежащій къ нему особый небольшой садъ, отдѣленный деревянною рѣшеткой отъ двора и пустопорожняго мѣста между обоими домами и позади ихъ. — Въ 1823 году флигель этотъ былъ сломанъ и на мѣстѣ его пристроенъ подъ прямымъ угломъ каменный 3-хъ этажный флигель къ дому, гдѣ помѣщались воспитанники.— Военные же директоры *Алабовъ* и *Ваксмуъ* жили въ бельэтажѣ другаго углового дома (бывшаго Константиновскаго дворца).— Инспекторъ Нумеръ жилъ въ нижнемъ этажѣ дома, гдѣ помѣщались воспитанники, отъ входа съ улицы въ сѣни на лѣво, противъ двери, ведущей въ спальни младшихъ классовъ, гдѣ у входа въ нихъ находилась и его небольшая спальная комната.

Деревянная галлерей, соединявшая оба дома, длиною въ 30, шириною снаружи въ 6, а внутри въ 5 сажень и столько же въ вышину, освѣщалась днемъ полукруглыми окнами, по 7-ми съ каждой стороны, расположенными въ верхней части боковыхъ стѣнъ, а въ темное время по утрамъ и вечерамъ— двумя лампами съ большими, круглыми, зеркальными рефлекторами, на обоихъ концахъ галлерей.— Последняя снаружи и внутри была выкрашена желтою масляною краскою, имѣла деревянный досчатый полъ, три створчатыя двери, выходившія на внутренній дворъ и садъ;— къ сторонѣ улицы же выхода не имѣла и была отдѣлена отъ нея деревянною рѣшеткой, между которой и галлерей были деревья и кусты, остатки бывшаго

сада (этотъ палисадникъ принадлежалъ къ квартирѣ инспектора, изъ которой въ него былъ выходъ). — Галлерей, какъ сказано, служила для сообщенія между обоими домами, для хожденія воспитанниковъ въ столовую и въ поле, равно и для игръ ихъ въ дурную погоду.— Для всего этого галлерей была очень удобна, но зимою—очень холодна, а весною и осенью—сыра.

Въ угловомъ домѣ или бывшемъ Константиновскомъ дворцѣ, первую отъ входа изъ галлерей была столовая, въ нижнемъ этажѣ лѣваго фаса, сажень 16 въ длину, съ 9-ю окнами въ передній палисадникъ—между галлерей и рѣшеткой, и сажени 3 въ ширину, съ 2-мя окнами на улицу.— Въ длину столовая была раздѣлена по срединѣ 4-мя массивными столбами, поддерживавшими потолокъ, а по обѣимъ сторонамъ стояли длинные и узкіе столы 6-ти классовъ, нечетныхъ на право, четныхъ на лѣво, младшихъ у входа, старшихъ на другомъ концѣ (именно отъ входа изъ галлерей на право 1-го, 3-го и 5-го, а на лѣво 2-го, 4-го и 6-го).— За столами воспитанники сидѣли на деревянныхъ табуретахъ, въ 4-хъ низшихъ классахъ — по такъ называемой *пересадкѣ*, т. е. по успѣхамъ и поведенію, мѣнявшейся ежемѣсячно 1-го числа,— нечетные (1, 3, 5 и т. д.) съ лѣвой, а четные (2, 4, 6 и т. д.) съ правой стороны стола, одинъ противъ другаго.— Дежурные гувернеры имѣли свои мѣста на верхнихъ концахъ столовъ и обѣдали вмѣстѣ съ воспитанниками. — При входѣ въ столовую, на право былъ буфетъ, а рядомъ съ нимъ, окнами на дворъ, кухня, въ 1824 г. перенесенная во вновь выстроенное для нея, каменное, одноэтажное зданіе, пристроенное къ лѣвому фасу дома, по одной линіи съ нимъ (оно и теперь еще существуетъ, служа кухней музыкантовъ и барабанщиковъ).— Новая кухня была просторнѣе, удобнѣе, свѣт-

лѣе и чище старой.—Столовая была хороша и для 6-ти классовъ помѣстительна, но зимою въ ней было душно и обратный выходъ изъ нея прямо въ холодную галлерею не безвреденъ и не безопасенъ для здоровья воспитанниковъ.

При соединеніи галлерей съ *Константиновскимъ*, на лѣво, какъ сказано, былъ входъ въ столовую, а прямо, черезъ дверь съ раздвижнымъ окошечкомъ, у котораго за дверью стоялъ на часахъ сторожъ (чтобы не пропускать безъ билета воспитанниковъ младшихъ классовъ), прямо передъ дверью была каменная лѣстница, которая вела въ больницу во 2-мъ этажѣ и въ аптеку съ квартирой аптекаря въ 3-мъ;—лѣвѣе же этой лѣстницы былъ узкій проходъ на дворъ Константиновскаго дома.

Больница занимала 2 небольшихъ комнаты окнами на дворъ Константиновскаго дома и 4 комнаты окнами на галлерею и на поле и палисадникъ по обѣ стороны ея; изъ нихъ одна была большая, въ 3 окна.—Первыя 2 комнаты (одна—буфетъ и для сторожей, а другая—пріемная) были довольно низки, но послѣднія (самая больница) высоки и имѣли достаточно свободнаго воздуха.—Кругомъ стѣны стояли желѣзныя кровати, съ шкапиками и табуретами возлѣ нихъ.—Больница содержалась очень чисто, а пользованіе и содержаніе въ ней воспитанниковъ было вообще очень хорошо.

За исключеніемъ столовой, больницы и аптеки, все остальное помѣщеніе въ Константиновскомъ домѣ было занято квартирами гувернеровъ и съ 1822 года также и директора, а на дворѣ помѣщались разныя службы: прачешная, кладовая, сарай, конюшни и проч. Квартыры директора и гувернеровъ во всѣхъ трехъ этажахъ были болѣе или менѣе обширны и удобны. Но главное неудобство ихъ происходило, какъ сказано, отъ безобразнаго помѣщенія отхожихъ мѣстъ въ трехъ пристроен-

ныхъ со двора деревянныхъ башняхъ. Это неудобство, и очень важное, было общее обоимъ домамъ. Система ватерклозетовъ въ то время не была еще введена въ казенныя учебныя заведенія и эта неизбежная часть была и въ Пансіонѣ въ неудовлетворительномъ видѣ.

Принадлежностями обоихъ домовъ были внутренніе дворы со службами и обширное *пустопорожнее мѣсто* позади обоихъ домовъ, во всю ширину ихъ и почти на такое же протяженіе въ глубину, съ остатками сада—деревьями и кустами. Дворъ за домомъ, въ которомъ помѣщались воспитанники, образовалъ узкій, продолговатый четвероугольникъ вдоль задняго длиннаго фаса, параллельно которому были расположены два деревянные, одноэтажные дома. Изъ нихъ въ одномъ была баня, а въ другомъ жили сторожа.—Правѣ послѣдняго, между нимъ и крайнимъ деревяннымъ заборомъ былъ небольшой, грязный и покрытый плесенью прудъ, а за обоими домами было изрытое, поросшее кустами и отчасти деревьями, *пустопорожнее мѣсто*. Баня была не очень просторна и довольно старая. Такъ какъ въ нее воспитанники ходили по-классно, то для цѣлаго класса передбанникъ былъ довольно тѣсенъ, а самая баня съ полками—и того болѣе.—Въ баню воспитанники ходили разъ въ двѣ недѣли.

Позади обоихъ Пансіонскихъ домовъ съ ихъ дворами, и соединявшей ихъ галлерей, во всю ширину ихъ (до 100 сажень) и въ глубину примѣрно въ половину (до 50 сажень), простиралось *пустопорожнее мѣсто*, принадлежавшее Пансіону.—Между галлереей съ одной стороны, флигелемъ Гауеншильда справа и лѣвымъ фасомъ Константиновскаго дома слѣва, оно образовало ровную площадь, шириною въ 30 сажень и глубиною сажень въ 10 или менѣе.—Съ четвертой, противоположной галлерей стороны, прямо противъ дверей въ

серединѣ галлерей, площадь эту замыкалъ продолговатый, деревянный срубъ подъ желѣзной крышей, ошбѣенной деревяннымъ крестомъ. — Предназначенный служить Пансіонскою церковью, онъ былъ построенъ въ 1820 или 1821 году, но — недостроенъ и наконецъ разобрать, и Пансіонъ не имѣлъ своей церкви до самаго января 1828 года (слѣдовательно 14 лѣтъ изъ 15½). Что за грустный фактъ! — Начали строить церковь, да не достроили, и предназначенный для нея срубъ года 3, если не болѣе, стоялъ, подъ крестомъ, подверженный непогодамъ всѣхъ четырехъ временъ года, разрушенію, играмъ и шалостямъ воспитанниковъ. Кому и чему обязанъ былъ этимъ Пансіонъ — неизвѣстно. — Въ Лицейскомъ архивѣ безъ сомнѣнія имѣются о томъ свѣдѣнія, но въ „Очеркѣ“ г. Селезнева ихъ нѣтъ.

И такъ между галлерей, недостроеннымъ церковнымъ срубомъ и зданіями справа и слѣва, была ровная и гладкая площадь. — Это было мѣсто *Олимпійскихъ игръ* Пансіонскаго юношества, всѣхъ родовъ и видовъ, но особенно *ланты* и *баровъ* на два лагеря. — За церковнымъ срубомъ *пустопорожнее мѣсто* простиралось на право до сосѣднихъ казармъ Лейбъ-Гвардіи Гусарскаго полка, на лѣво до новой бульварной дороги чрезъ Гумаласары въ Павловскъ, а въ глубь — до поля, покрытаго кустарникомъ (теперь тутъ кругомъ зданія города Софіи, казармы и конюшни Лейбъ-Гвардіи Гусарскаго и Кирасирскаго Его Величества полковъ) — границей съ трехъ сторонъ служилъ досчатый заборъ. — Справа и спереди было изрытое, поросшее травой и кустарникомъ мѣсто, пропадавшее совершенно даромъ; — на лѣво же, вдоль новой Павловской дороги, были остатки прежняго сада: горка, подъ названіемъ *Парнасса*, и передъ нею продолговатый лужокъ, окруженный дорожкой и старыми, высокими и развѣ-

систыми березами. — Это былъ единственный, собственно говоря, садъ Пансіона, въ которомъ воспитанники могли прогуливаться. — Но и онъ былъ лишь остаткомъ прежняго сада, и за исключеніемъ площадки для игръ, все остальное за тѣмъ пространство *пустопорожняго мѣста*, съ недостроеннымъ срубомъ перкви, съ изрытой землей, заросшей травой, крапивой и кустами, и фланкированное справа тинистымъ прудомъ, подернутымъ зеленою плесенью, носило на себѣ нѣкоторое подобіе запущенной усадьбы какого-нибудь старосвѣтскаго Русскаго помѣщика въ глуши, въ Саратовъ.

Изъ всего сказаннаго выше, мы достаточно ознакомились, внутри и снаружи, съ жилищемъ Пансіонеровъ. — Посмотримъ теперь какъ ихъ въ немъ *содержали*, т. е. *одѣвали, грѣли, осыпцали, кормили и поили*.

По пословицѣ: *своя рубашка ближе къ телу*, начнемъ по порядку съ *блѣя*. — Не облачали Пансіонеровъ ни въ батистъ, ни даже въ голландскую пряжу, но съ благимъ намѣреніемъ способствовать процвѣтанію Россійскихъ, не то Ярославскихъ, не то доморощенныхъ крестьянскихъ, полотняныхъ издѣлій, облекали ихъ по подряду съ торговъ въ русскій холстъ, не очень толстый, но и далеко не тонкій, а такъ себѣ — середка на половинѣ. По облаченіи питомца Пансіона въ *ризы льняныя* Россійскаго доморощеннаго издѣлія, надѣвали ему на ноги сапоги, также посредственные, по подряду съ торговъ, по столько съ дюжины. — Затѣмъ шли по порядку брюки синяго, дешеваго, нетонкаго сукна, поддерживаемые кожаными подтяжками, — галстукъ шелковый черняй, — фракъ въ 3-хъ старшихъ, полуфракъ въ 3-хъ младшихъ классахъ, изъ того же синяго сукна, съ мѣдными гладкими пуговицами, а съ 1823 года — сертукъ и мундиръ синяго сукна, съ красными воротниками, на мундирѣ

безъ петлицъ,—фуражка того же сукна, до 1823 года одноцвѣтная, а съ 1823 г. съ краснымъ околышемъ,—наконецъ, поверхъ всего—шинель темносѣраго сукна, съ откиднымъ и висичимъ воротниками, а съ 1823 г.—военной формы, съ стоячимъ воротникомъ того же цвѣта, но съ красною выпушкой.—За тѣмъ Пансіонеръ былъ съ головы до ногъ одѣтъ и обутъ въ полную Пансіонскую форму, нельзя сказать, чтобъ слишкомъ хорошую, но и не очень дурную: носить было можно, хотя за свои, а не за казенныя денежки, пожалуй, можно было бы желать чего-нибудь и получше.—Для исполненія условій чистоты тѣла, было ежедневное по утрамъ, а въ случаѣ надобности—и днемъ, и вечеромъ, совершеніе омовенія рукъ и лицъ подъ кранами спальныхъ умывальниковъ въ видѣ большихъ самоваровъ, а въ двѣ недѣли разъ—и всего тѣла въ домовой банѣ, съ возможностью охотникамъ и выпарить себя березовыми вѣниками.—Затѣмъ шло *типаніе* тѣла, утромъ въ 7 часовъ—чаемъ или молокомъ, по желанію, съ бѣлымъ или чернымъ домашняго печенія хлѣбомъ,—въ полдень, по мудрому обычаю старины, обѣдомъ изъ трехъ блюдъ въ будни, четырехъ въ воскресные и праздничные дни,—по полудни въ 5 часовъ—снова чаемъ или молокомъ съ тѣмъ же хлѣбомъ, и наконецъ въ 8 часовъ вечера ужиномъ изъ двухъ блюдъ.—Чай давался, разумѣется, черенный, изъ дешевенькихъ,—варился на плитѣ въ большихъ мѣдныхъ чайникахъ, съ сахарнымъ пескомъ, и подавался въ фаянсовыхъ бѣлыхъ кружкахъ, мѣрой съ добрый стаканъ. Молоко давалось снятое, но свѣжее, хлѣбъ бѣлый и черный домашняго печенія—также свѣжій и недурной.—Обѣдъ въ скоромные дни состоялъ изъ перваго блюда—мяснаго супа или щей, съ овощной приправой, 2-го блюда—мяснаго, разнаго рода, какъ то: битыхъ котлетъ, вареной или жареной говядины и т. п.,

а въ праздники—и телятины, и птицъ,—съ приправами изъ овощей: картофеля, гороху, чечевицы и т. п.,—и наконецъ 3-го блюда—пирожнаго съ сахаромъ или паточнымъ вареньемъ, какъ-то: аладій, левашниковъ, розановъ и т. п.—Въ воскресные и праздничные дни 4-мъ блюдомъ былъ большею частію, по русскому обычаю, пирогъ, а въ нѣкоторые высокаторжественные дни, подѣ часъ, въ заключеніе, весною и лѣтомъ давалось еще по апельсину.—За ужиномъ были 2 блюда, большею частію легкія мясныя и разныя каши съ коровьимъ масломъ, подававшимся особо, равномерно наръзанными квадратными кубиками (которые воспитанники—большею частію оставляли, въ стаканахъ съ водою, къ чаю слѣдующаго утра).—Въ постные дни на 1-й недѣли Великаго поста и говѣнья воспитанниковъ столъ былъ постный, изъ овощей и рыбы, на постномъ маслѣ—для православныхъ, и скоромный—для католиковъ и лютеранъ, обѣдавшихъ и ужинавшихъ вмѣстѣ—за двумя общими столами.—Для питья служили: отличная ключевая вода изъ Царскосельскаго сада, проведенная въ него изъ Таицъ чрезъ Баболово, и порядочный домашняго варенья квасъ.

Вообще справедливость требуетъ сказать, что содержаніе воспитанниковъ Пансіона пищей, питьемъ и чаемъ было хорошо.—Провизія была свѣжая, хлѣбъ и квасъ удовлетворительны, кушанье готовилось хорошо, подавалось опрятно, и хотя не на *серебръ*, какъ предполагено было въ 1-мъ Постановленіи о Пансіонѣ, но въ хорошей фаянсовой посудѣ,—столъ былъ сытный и вся эта часть содержанія воспитанниковъ была удовлетворительна.—Доказательствомъ можетъ служить то, что дежурные гувернеры всѣ, а изъ не-дежурныхъ и холостые, не имѣвшіе своего хозяйства, пользовались однимъ столомъ съ воспитанниками.—Въ больницѣ же, смотря по роду и свой-

ству болѣзней, содержаніе столомъ было даже весьма хорошо, начиная отъ простѣйшаго вида—пресловутаго *Габерсуна съ черносливомъ и сухарной воды*, до легкихъ бульоновъ, суповъ, жареныхъ цыплятъ, дичи, саго, компотовъ, желе и т. п. включительно, съ бѣлыми французскими булками, чаемъ и по мѣрѣ надобности—столовымъ виномъ и пр.—И врачебное пользованіе больныхъ воспитанниковъ также было весьма тщательное, добросовѣстное и исправное, благодаря весьма хорошему врачу Пансіона, доктору *Шмидту*, и его помощнику, Нѣмцу—аптекарю, обимъ—изъ Дерптскаго университета.

Пансіонская прислуга состояла изъ *дядекъ и сторожей*.—Дядьки были частію вольнонаемные, большею же частію крѣпостные люди воспитанниковъ и, по происхожденію послѣднихъ, также разноплеменные, и великоруссы, и малоруссы, и бѣлоруссы, и нѣмцы, и латыши, и чухонцы, и холостые, и семейные, но большею частію пожилые, а иные даже и очень.—Они прислуживали и своимъ господамъ, и другимъ воспитанникамъ, присутствуя при ихъ вставаніи, умываніи, одѣваніи и раздѣваніи, чистя имъ платья и сапоги, перемѣняя бѣлье, сопровождая ихъ въ баню для мытья и при выходахъ по одному, 2 и болѣе изъ Пансіона въ Царское Село, кромѣ прогулокъ по-классно съ гувернерами,—и исполняя разныя ихъ порученія, гласныя и разрѣшенныя, а подѣ часть и негласныя и неразрѣшенныя (какъ, напримѣръ, большею частію снабженіе лакомствами).—Дядьки исполняли дневное и ночное дежурство въ спальняхъ, а также служили за 4-мя столами въ день, и вообще были въ достаточномъ числѣ, надлежащей исправности, служили хорошо и состояли съ воспитанниками въ добрыхъ отношеніяхъ.—Сторожа изъ отставныхъ солдатъ—инвалидовъ, почти всѣ, дѣлавшіе походы 1812—13—14 гг., а нѣкоторые даже и съ Суворовымъ, отличались

ветхостію и пристрастіемъ къ зелену-вину (особенно одинъ, при учебныхъ комнатахъ и залѣ старшихъ классовъ, ветеранъ 1812-го года, *Лонингъ*, былъ столько же старъ и забавенъ, сколько и пристрастенъ къ вину).—На сторожахъ лежали всѣ черныя работы, привозъ, приносъ и уносъ воды, дровъ, тонка печей, дежурства на лѣстницахъ, входахъ и выходахъ, дворахъ, при кухнѣ, буфетѣ и пр.—Они носили казенную форменную одежду—синіе, длинныя сертуки съ красными воротниками и шинели солдатскаго сѣраго сукна безъ погоновъ,—между тѣмъ какъ дядьки ходили въ такъ называемомъ *партикулярномъ* платьѣ.

Управленіе всею хозяйственною частію въ Пансіонѣ, по 2-му Постановленію о немъ, было ввѣрено эконому, подѣ непосредственнымъ руководствомъ и наблюденіемъ директора.—Экономъ долженъ былъ заботиться о всемъ, что касалось стола, бѣлья, одежды, прислуги, освѣщенія, отопленія, чистоты и порядка въ домахъ Пансіона.—Главнымъ хозяиномъ въ этомъ отношеніи былъ директоръ, какъ членъ Лицейскаго Правленія подчиненный сему послѣднему.—Выше было уже говорено, что съ 1814-го г. до 1816-го хозяйственная часть въ Пансіонѣ, подѣ управленіемъ Гауеншильда, была въ жалкомъ состояніи и даже въ большомъ безпорядкѣ, такъ что Пансіонъ въ 2 года сдѣлалъ до 100 т. руб. долгу.—Съ 1816-го же года хозяйственною частію завѣдывали, подѣ главнымъ руководствомъ и наблюденіемъ Лицейскаго Правленія и директора Пансіона, Инспекторъ *Нумерсг* и экономъ *Визлерг*.—Послѣдній и особенно первый были люди честные и аккуратные, и потому хозяйственная часть Пансіона вообще говоря, какъ изъ выше изложеннаго видѣть можно, до 1822 г. при Гауеншильдѣ и съ 1822 до 1829 при Алабовѣ и Ваксмутѣ, была въ исправности, по инымъ частямъ болѣе, по другимъ менѣе.—Всѣхъ

лучше была часть, касавшаяся содержанія столомъ, — недурно было содержаніе бѣльемъ, обувью и одеждой, — но неудовлетворительнѣе было содержаніе домовъ, со всѣми ихъ принадлежностями, въ должной исправности, порядкѣ и особенно чистотѣ. — Последняя — чистота — составляла слабую сторону и большое мѣсто Пансіона. — Не смотря на весьма недавнее учрежденіе и недолговременное существованіе его, оба дома его походили на старую казарму, приходившую въ разрушеніе, содержались не въ должныхъ исправности, порядкѣ и чистотѣ, и какъ внутри, такъ и снаружи, на дворахъ и пустопорожнемъ мѣстѣ, являли видъ запущенія. — Объяснить причину этого — трудно, тѣмъ болѣе, что такого рода учебное заведеніе, какимъ былъ Царскосельскій Лицейскій Пансіонъ, имѣло, кажется, достаточныя средства для удовлетворенія необходимыхъ требованій, не роскоши и щегольства, а исправности, порядка и чистоты въ хозяйственномъ отношеніи. — Изъ приведенныхъ въ концѣ 1-й части числовыхъ выводовъ видно, что наибольшее число воспитанниковъ въ Пансіонѣ было 174, наименьшее 151, среднее 163, слѣдовательно и ежегодная плата за нихъ, по 1,500 руб. ассигн. за каждаго, составляла: наибольшая 261,000 р., наименьшая 226,000 руб., средняя 243,750 р. — (или по переложеніи на серебро по теперешнему курсу 74,571 р. 42 к., — 64,571 р. 42 к. — и 69,428 р. 57 коп., — но тогда курсъ былъ гораздо выше). — Неужели же на эти суммы, хотя бы даже наименьшую — 226,000 р., невозможно было, если не вдругъ, то постепенно въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, привести дома Пансіона, съ ихъ принадлежностями, дворами и пустопорожнымъ мѣстомъ, въ надлежащую исправность и затѣмъ содержать ихъ постоянно въ порядкѣ и чистотѣ? — Если этого не было, то должно предположить, что скорѣе отъ недостатка денегъ, — нежели отъ

недостатка доброй воли или умѣнья, хотя и трудно себѣ представить, чтобы хорошій домохозяинъ, получивъ 100/т. р. на уплату стараго долга, немогъ послѣ того, недѣлая новыхъ долговъ, постепенно приводить свое хозяйство въ лучшій и лучший видъ. — Но въ томъ-то и дѣло, что, какъ доказано фактами, Гауеншильдъ не былъ одаренъ способностью вести хозяйство большаго Русскаго учебнаго заведенія, и благо еще было, что воспитанниковъ не подвергали голоду и жаждѣ, не одѣвали оборванцами и только содержали въ невзрачной казармѣ, съ такою же обстановкою на дворѣ и въ саду.

Хозяйственная часть Пансіона въ особенности представлялась въ неудовлетворительномъ видѣ при сравненіи съ состояніемъ ея въ Лицеѣ при Энгельгардтѣ. — Правда, что Лицей помѣщался во дворцѣ и имѣлъ только 50 воспитанниковъ, на содержаніе которыхъ, по всѣмъ частямъ и во всѣхъ отношеніяхъ, по штатамъ 1817 и 1826 гг. шло 129,450 р. ассигн. въ годъ, т. е. по 2589 р. на воспитанника, но за то же какая огромная разница и въ помѣщеніи воспитанниковъ Лицея, и въ ихъ содержаніи бѣльемъ, одеждой и столомъ! — Тутъ подлинно были, не только довольство и приличіе, но даже въ нѣкоторой степени роскошь и щегольство, между тѣмъ какъ въ Пансіонѣ, хотя и не было убожества, но скромность въ хозяйственномъ отношеніи доходила едва-ли не до крайнихъ предѣловъ. — Словомъ, старшій братъ — Лицей — былъ Евангельскій богачъ, а младшій — Пансіонъ — бѣдный Лазарь, даже не пользовавшійся крупницами отъ трапезы его. — Напротивъ, въ „Очеркѣ Лицея“ г. Селезнева на стр. 187, по случаю упраздненія Пансіона, сказано, что тогда „представилась не только возможность, но и необходимость увеличить Лицей, потому что Пансіонъ своими суммами поддерживалъ Лицей (!), именно: половина жалованья преподавателямъ шла отъ него,

1% с доходов Пансіона поступалъ въ пенсіонный капиталъ служащихъ, — наконецъ, — экономическими оборотами, которые все сосредоточивались въ хозяйственномъ управленіи Лицея, Пансіонъ много содѣйствовалъ къ привлеченію подрячковъ и къ выгоднѣйшему заключенію съ ними контрактовъ». — Такимъ образомъ, совершенно наоборотъ, бѣдный Лазарь удѣлялъ свои крупницы богачу или иными словами — своими частными, сословными суммами восполнялъ казенный! — Это довольно оригинально.

Общій выводъ объ учебной, воспитательной и хозяйственной частяхъ въ Пансіонѣ.

Приведа все, сказанное выше объ учебной, воспитательной и хозяйственной частяхъ въ Пансіонѣ, къ одному общему результату, нетрудно прійти къ заключенію, что если матеріальная или хозяйственная обстановка Пансіона всегда была бѣднѣе, скромнѣе и неудовлетворительнѣе Лицейской, если воспитательная часть въ Пансіонѣ уступала той же части въ Лицеѣ — только во время *Энгельгардта*, то учебная, въ свою очередь, во все время существованія Пансіона, всегда стояла на одинаковой съ состояніемъ ея въ Лицеѣ, высокой степени и составляла лучшее украшеніе перваго, какъ и послѣдняго изъ этихъ двухъ заведеній. — А вѣстѣ съ одинаковымъ состояніемъ въ нихъ воспитательной части до и послѣ *Энгельгардта*, она нѣкоторымъ образомъ уравнивала ихъ въ отношеніи нравственнаго и особенно умственнаго развитія и образованія ихъ воспитанниковъ. — Только въ 6½ лѣтъ управленія *Энгельгардта* можно сказать, что Лицей превосходилъ Пансіонъ и съ воспитательнымъ, и съ хозяйственнымъ отноше-

Во всякомъ случаѣ, говоря по самой строгой справедливости, Царскосельскій Лицейскій Пансіонъ, послѣ своего старшаго собрата, Царскосельскаго Лицея, рѣшительно и положительно былъ однимъ изъ лучшихъ Русскихъ Учебныхъ заведеній своего времени, принесъ Государству и Обществу свою, немалую долю пользы и потому память о немъ не должна пройти даромъ и прійти въ забвеніе.

III.

Внутренняя жизнь Пансіона.

Куда бы насъ ни бросила судьбина
И счастье куда-бъ ни повело,
Все тѣ же мы: намъ цѣлый міръ чужбина,
Отечество намъ Царское Село.

А. Пушкинъ. 19-е Октября 1825 года.

Все или почти все, что нужно и можно было сказать о началѣ, исторіи, устройствѣ, управленіи, состояніи и концѣ Влагороднаго Пансіона Царкосельскаго Лицея — сказано. — Остается изобразить картину или по крайней мѣрѣ хоть легкій очеркъ того, что не подлежитъ официальному повѣствованію, но можетъ быть извѣстно только тѣмъ, которые сами были въ томъ живыми дѣателями и участниками, а именно — *внутренней жизни Пансіона*. — Не безынтересно, по прошествіи столь долгаго времени, возобновить въ памяти эту школьную жизнь, въ разныхъ ея видахъ и съ разными ея особенностями, въ стѣнахъ родной школы, да еще въ такомъ мѣстѣ, какъ *Царское Село*, и съ такою обстановкой, въ какую былъ поставленъ *Лицейскій Пансіонъ*.

Царское Село! — сколько значенія, силы и обаянія въ этихъ двухъ словахъ для бывшихъ воспитанниковъ Царкосельскаго Лицея и его Пансіона! — Какъ громко и краснорѣчиво говорить они ихъ уму и сердцу! — Въ Царскомъ Селѣ были родные и дорогіе имъ Лицей и его Пансіонъ, въ стѣнахъ которыхъ они провели лучшія лѣта своей жизни — лѣта отрочества и юношества, приобрѣли неоцѣненные блага высшаго умственнаго и нравственнаго образованія и приготовились съ пользою

и честно служить отечеству и обществу. — Здѣсь была *вторая родина* ихъ, гдѣ они сугубо родились для новой жизни — умственной и нравственной, на пользу общественную, и въ этой второй родинѣ ихъ Царское Село, Лицей и его Пансіонъ были такъ тѣсно связаны между собою, что составляли одно нераздѣльное цѣлое, которое Пушкинъ удивительно мѣтко, вѣрно и сильно выразилъ однимъ словомъ — *отечество*: *Отечество намъ Царское Село!*

Свидѣтельство Пушкина подтверждаютъ всѣ бывшіе воспитанники Царкосельскихъ: Лицея и его Пансіона, и въ свою очередь засвидѣтельствуютъ, какъ въ нихъ всегда сильна и жива была и будетъ привязанность къ Царскому Селу, Лицею и его Пансіону, и какъ имъ дорога память о нихъ!

Съ этими чувствами обращаясь къ изображенію внутренней жизни собственно Лицейскаго Пансіона, въ его стѣнахъ, въ Царскомъ Селѣ, полагаю, что ее лучше всего прослѣдить по порядку *временъ года*, начиная съ *Осени*, присоединивъ къ ней *последній лѣтній*, но *первый* въ учебномъ году Пансіона мѣсяцъ Августъ, съ котораго ежегодно обычною чредой возобновлялась школьная жизнь Пансіона.

1. Осень.

(Августъ — Сентябрь — Октябрь — Ноябрь)

Роняетъ лѣсъ багряный свой уборъ;
Сребритъ морозъ увянувшее поле;
Проглянетъ день какъ будто по неволѣ,
И скроется за край окружающихъ горъ.

А. Пушкинъ. 19-е Октября 1825 г.

Еще мѣсяца за два до наступленія изображенной здѣсь глубокой осени, къ 1-му числу Августа, на большой почтовой шоссейной дорогѣ изъ Петербурга и Москвы, вдоль большого

сада, возникало особенное движеніе. — Съ обѣихъ сторонъ, въ собственныхъ и наемныхъ экипажахъ разнаго рода, или въ дилижансахъ, съ родителями, родственниками или провожатыми, съ чемоданами, узлами и непрѣмными *домашними гостинцами*, съ разныхъ концовъ Россіи, собирались въ Пансіонъ его малые и большіе питомцы. — У параднаго подъѣзда Пансіона происходилъ съѣздъ экипажей, какъ въ театры, изъ экипажей выходили воспитанники, выносились пожитки, происходили прощанія — и раскрытыя двери швейцарской поглощали все новыя и новыя толпы прѣзжавшихъ. — Не всѣ, какъ водится, были аккуратны и прѣзжали къ сроку: были, разумѣется, и *отсталые*, запаздывавшіе болѣе или менѣе, даже до половины Августа и болѣе. — Но эти *отсталые* не задерживали обычнаго начала годовой школьной жизни, и хотя и профессоры, и преподаватели также не всѣ собирались къ 1-му Августа, однако классы начинались и шли своимъ порядкомъ, а съ ними и вся Пансіонская жизнь. — Тяжело были первые дни для воротившихся съ *каникулъ* въ домашнемъ привольѣ, особливо для юнѣйшихъ: грустно, даже невыносимо, бывало инымъ, и ни ученіе не шло въ голову, ни кушанье въ горло, и даже игры не занимали. — Но — у молодежи первыя впечатлѣнія не продолжительны: перемѣна и новость положенія, съѣздъ товарищей изъ разныхъ мѣстъ Россіи, у каждаго свои разсказы, а такихъ было всегда немало — все это служило развлеченіемъ, и недѣли черезъ двѣ все входило въ свою обычную колею, какъ будто и каникулъ не бывало. —

Сутки въ Пансіонѣ дѣлились такъ: отъ 6-ти часовъ утра до 10-ти часовъ вечера, всего 16 часовъ — *дневная дѣятельность*, росписанная по часамъ; съ 10-ти часовъ вечера до 6-ти часовъ слѣдующаго утра — *сонъ*. —

Въ Августѣ солнце въ Петербургѣ встаетъ въ началѣ въ 5-мъ,

а въ концѣ въ 6-мъ часу, — слѣдовательно прежде пробужденія Пансіонскаго улья. — Въ спальняхъ внизу и сверху — все спитъ молодымъ, крѣпкимъ, утреннимъ сномъ. — Внизу, при входѣ въ спальни младшихъ классовъ, на лѣво дверь ровно въ 6-ть часовъ подуотворяется и изъ за нея показывается человѣческая фигура, въ ночномъ шлафрокѣ и ночномъ колпакѣ. — Это — почтенный Инспекторъ Федоръ Евстафьевичъ *Нумерсг*, имѣющій свою спальню въ преддверіи и на стражѣ спящаго стана юнѣйшихъ Пансіонеровъ, и ежедневно въ 6 часовъ, аккуратно, какъ хронометръ, командующій: „звони!“ — По этой командѣ, дежурный дядька или сторожъ-инвалидъ, уже вооруженный *колокольчикомъ* — *даромъ Валдая*, немилосердно потрясаетъ его по улицамъ и переулкамъ спаленъ, и вдоль и поперекъ. — Даръ Валдая, въ рукахъ дядьки или сторожа, хоть мертвыхъ разшевелить; но спятъ себѣ живые, какъ мертвые. — Однако вслѣдъ за звонаремъ уже идутъ дневные дежурные гувернеры и будятъ лѣнливыхъ на разныхъ діалектахъ. — „*Вставайте!*“ „*levez-vous!*“ — „*Stehen Sie auf!*“ — раздается во всѣхъ углахъ — и улей начинаетъ пробуждаться; а не прошло и 1/4 часа — уже поднялись и шумъ, и движеніе, и перекатная трескотня до 100 молодыхъ голосовъ, и началось великое переселеніе народовъ отъ спаленъ къ умывальникамъ — самоварамъ, и плесканье водой среди неумолкаемаго говора. — Заспавшихся поощряютъ перспективой сухояднія, т. е. оставленія безъ чая — и волей-неволей разстается разоспавшійся и со сномъ, и съ ночнымъ ложемъ. — Шумъ и говоръ увеличиваются — имъ вторятъ такіе же, несущіеся сверху. — Тамъ, въ спальняхъ старшихъ классовъ, таже исторія, съ нѣкоторыми особенностями. — Тамъ уже *баричи-студенты*, позволяющіе себѣ нѣкоторыя льготы, напримѣръ поспать или понѣжиться въ постели и подолѣ срока, не взирая на возгласы дядекъ, на словесныя

убѣжденія гувернеровъ и даже, въ крайности, на сильный стукъ ихъ въ двери спаленъ.—Но—всему конецъ—и въ 6^{1/2} ч. внизу и вверху раздается 2-й звонъ колокольный—*на молитву*.—По этому звону снизу по одной лѣстницѣ вверхъ, сверху по другой внизъ, идетъ вся масса въ рекреационныя залы, гдѣ въ младшихъ классахъ, по-классно, одинъ по очереди читаетъ утреннія молитвы по печатной книжкѣ, а въ старшихъ классахъ, для всѣхъ вмѣстѣ въ общей залѣ, тѣже молитвы читаетъ одинъ изъ голосистыхъ, большею частію изъ пѣвчихъ басовъ.—Прочтены молитвы—и по 3-му звонку начинается шествіе внизъ по парадной лѣстницѣ, чрезъ галлерею въ столовую, старшіе классы впереди—6-й въ головѣ, 1-й въ хвостѣ.—Вошли въ столовую, сѣли за свои столы—младшіе классы *по пересадкѣ*, и принялись за чай, кто съ молокомъ, кто безъ молока, а кто и одно молоко, заѣдая бѣлымъ хлѣбомъ а иногда (когда наканунѣ за ужиномъ была каша съ масломъ) и *бутербродтами*.—Послѣ сна, поутру, натошакъ, въ молодыя лѣта, вкусно ѣлось и пилося!—Звонокъ—и всѣ идутъ воятъ, но уже младшіе впереди, обратно чрезъ галлерею въ залы и въ классы.—Въ 7 часовъ звонокъ—начало классовъ, и къ старшимъ приходятъ профессеры, къ младшимъ учителя.—Въ залахъ водворяется тишина, а изъ классовъ слышатся голоса или преподавателей, или отвѣчающихъ на ихъ вопросы.—1-е утренніе уроки и лекціи начинались чтеніемъ преподавателя одной главы Евангелія (такъ заведено было Голицынымъ).—Уроки и лекціи были 2-хъ часовые.—Въ 9 часовъ звонокъ возвѣщалъ конецъ уроковъ и лекцій, и рекреацию на 1 часъ, до 10 часовъ.—Все толпой, съ шумомъ валяло изъ классовъ въ залы, въ галлерею, *въ поле* предъ нею, гдѣ тотчасъ же учреждались игры, а охотники до прогулокъ отправлялись на *парнасъ* и въ остатокъ сада у него.—Но

были и такіе, которые разсыпались по всѣмъ угламъ въ Пансіонѣ и на его дворахъ, кто играть, кто шалить, а кто и промышлять, чѣмъ бы позавтракать, или у гувернеровъ, или у семейныхъ дядекъ.—Дѣйствительно больные и мнимо больные шли въ больницу къ доктору, который въ это время принималъ приходящихъ, и кого помѣщаль въ больницу, а кого (именно больныхъ лихорадкой, которую называли febris privorialis) обращалъ въспать.—Разумѣется, послѣднее относилось къ младшимъ классамъ, особливо къ 1-му и 2-му.—Для нихъ проходъ изъ галлерей въ Константиновскій былъ прегражденъ замкнутою дверью, съ раздвижнымъ окошечкомъ, у котораго по другую сторону стоялъ неумолимый церберъ—сторожъ солдатъ *Бородаковъ*, съ Готартовскою фizioноміей, круглымъ, краснымъ лицомъ и толстыми губами и носомъ.—Для прохода чрезъ это мытарство, мимо этого мытаря, *маленькимъ*, только по *крайней надобности*, давались дежурными гувернерами особые билеты.—И нужно было видѣть какъ безпаспортные торговались, иногда долгое время, съ флегматическимъ и неумолимымъ Бородаковымъ, измышляя всевозможныя тонкости и хитрости, чтобъ убѣдить его или, если это не помогало, надуть и проскользнуть, особливо если проходилъ *старшій* или кто иной.—Но Бородаковъ *стоялъ* и — если и не умиралъ, какъ гвардія Наполеона I подъ Ватерлоо, то во всякомъ случаѣ — *не пропускалъ*: жалости въ немъ не было ни малѣйшей! — Но если кому удавалось проскользнуть безъ билета или хотя и съ билетомъ, то случалось и помародерствовать по сосѣдству въ буфетѣ, а не то и на кухнѣ, благо тамъ въ это время и варили, и пекли, и жарили, и кушаньемъ пахло преаппетитно.—

Но вотъ—раздаются звонки, и на крыльцѣ галлерей, и изъ оконъ Пансіона, выходящихъ на дворъ и въ поле.—10 ча-

совъ—и конецъ играмъ и гулянью, мародерству за завтраками и дипломатическимъ переговорамъ съ Бородаковымъ, и потянулись толпы опять въ классы.—Отъ 10 до 12 ч.—2-е уроки и лекціи, и снова тишина въ залахъ, голоса въ классахъ.—Не обходится безъ мародерства, въ младшихъ классахъ, и во время уроковъ: то изъ одного, то изъ другаго, то изъ третьяго шмыгаютъ просящіеся у преподавателя *въ отпускъ*, особенно усердные къ учению, и пробавляются въ отпуску или шалостями, или рассказами, доколь дежурный гувернеръ не поймаетъ милыхъ мародеровъ и не загонитъ ихъ обратно въ классъ.—А въ классахъ (младшихъ) на столѣ преподавателя лежитъ разверзтою грозная книга *судебъ* предсѣдающихъ—*классный журналъ*, въ который рукою преподавателя вписываются и добро, и зло, и награда, и кара—кому безъ одного-последняго, кому безъ двухъ-последнихъ блюдъ, а кому и вовсе безъ обѣда.—Такова участь, постигающая обыкновенно или особенно способныхъ или особенно усердныхъ къ учению, либо *невинно-прзвизгившихъ* въ классѣ.— Не ѣсть даже одного блюда, а тѣмъ паче двухъ и трехъ—горькая участь! Но еще горше была она, если преступнику предоставлялось, стоя у средняго столба, наслаждаться лицезрѣніемъ, какъ товарищи истребляли и первое, и второе, и третье блюдо!—

Но вотъ наконецъ раздается желанный и радостный звонокъ—12 час., конецъ 2-хъ уроковъ и лекцій и шестіе къ обѣду, послѣ котораго 1½ часа до 2-хъ час. рекреація!—Шумно и весело выходитъ все изъ классовъ и тѣмъ же порядкомъ, что и поутру, отправляется въ столовую.—Вошли, стали по мѣстамъ за своими столами, *учиненный итецъ* изъ старшихъ классовъ (также большею частію изъ пѣвчихъ басовъ) громко читаетъ молитву передъ обѣдомъ—звонокъ—съ шумомъ са-

дится вся 6-ти классная компанія—и начинается обѣдъ.—Двумя вереницами справа и слѣва несутъ служители по большой суповой чашкѣ съ супомъ къ каждому классу, разливаютъ, подаютъ—и начинается общій, громкій стукъ тарелокъ и ложекъ, при общемъ говорѣ и шумѣ болѣе 170-ти голосовъ и тонкихъ, и толстыхъ.—Гувернеры обѣдаютъ тутъ же на верхнихъ концахъ столовъ своихъ классовъ, прогуливаясь въ промежуткахъ блюды, вдоль своихъ столовъ, для соблюденія порядка.—Въ числѣ этихъ блюстителей порядка особенное вниманіе обращаетъ на себя человѣкъ довольно высокаго роста и плотнаго сложенія, съ добродушнымъ лицомъ.—На немъ, по тогдашнему обычаю, бѣлый галстукъ, сѣрый фракъ, черные панталоны и гусарскіе сапоги съ кисточками.—Это—ветеранъ Пансіона, *Фотій Петровичъ Калининъ*, воспитатель, блюститель, хранитель и оберегатель преимущественно *ничужекъ*—такъ называлъ онъ обыкновенно *маленькихъ*, т. е. 1-во и 2-ро классниковъ, иногда возвышаясь даже и до 3-го класса.—Рѣчь его всегда начиналась словомъ *ничужка* или *ничужки* и была разбѣренная, съ паузами, какъ въ пѣніи, которому онъ служилъ въ юности своимъ голосомъ (въ придворной пѣвческой капеллѣ, см. выше).—Маяча съ верхняго конца до нижняго и обратно, съ заложенными назадъ руками, онъ по временамъ обращался къ *ничужкамъ* или одной *ничужекъ*, съ увѣщаніями сидѣть прямо и смиренно, не голосить и т. п., все это—съ *чувствомъ*, съ *толкомъ*, съ *разстановкой*.—Преданіе Пансіонское гласило, что однажды, за обѣдомъ, ходя вдоль стола, онъ сдѣлалъ одной *ничужкѣ* отеческое наставленіе въ 4-хъ словахъ, выказанныхъ въ 4 похода вверхъ и въ низъ: въ 1-й—*ничужка!* во 2-й—*собственнымъ*, въ 3-й—*себя* и въ 4-й—*представляешь*.

Впрочемъ исторія молчитъ объ этомъ.—На хазовомъ концѣ

столовой, гдѣ межъ пичужекъ медленно и размѣренно ступаетъ, какъ статуя командора въ *Донъ-Жуанъ*, Ф. П. *Калиничъ*, отъ веселья до горя—лишь единый шагъ.—Тутъ-то являются плоды, посѣянные утромъ или накануне и внесенные въ видѣ судебныхъ приговоровъ въ грозный классный журналъ.—Въ одномъ мѣстѣ, между двухъ ѣдящихъ пичужекъ, сидитъ третья, лишенная этого полезнаго и пріятнаго права, либо ѣсть, но имѣть въ перспективѣ не ѣсть 3-го или 2-го и 3-го блюда, а въ другомъ мѣстѣ, какъ стражъ на часахъ, уныло стоитъ другая пичужка у столба, исполняя на себѣ пословицу: *видитъ око, да зубъ неймае*.—Иногда эти неяденіе и стояніе—безслезныя, а иногда—и горько-слезныя... Впрочемъ невольнаго постника тайкомъ кормить иногда сострадательная рука собрата крохами отъ трапезы... Тутъ же, на хазовомъ концѣ, цвѣтутъ промышленность и торговля: промышленяютъ себѣ лишній кусочекъ, торгуютъ *блюдами*, за урокъ, за задачу, за переводъ, за подсказыванье, за ту или другую вещь, кому блюдо, а кому и два.—Народъ все бойкій, смѣтливый и расчетливый.—На верхнемъ же концѣ столовой, гдѣ засѣдаютъ гг. Геттингенскіе бурши и филистеры, ну тамъ иное дѣло—тамъ идетъ рѣчь *все объ матерьялахъ важныхъ*, точно Аѳинскій ареопагъ или Римскіе *patres conscripti*, хотя и тутъ говорится не въ тихомолку, не по секрету, а гласно, порой даже очень, высказываются *мысли вслухъ*.—

На дворѣ Августъ — положимъ, синее небо, яркое солнце, теплый воздухъ: окна въ столовой раскрыты—и благо, иначе съ 1-го же блюда было бы душно и жарко.—Скорѣе, чѣмъ рассказывается, скушано 1-е блюдо—супъ, за нимъ—2-е—мясное и въ заключеніе 3-е — пирожное, какія-нибудь „*аладжи, насипанъ сахаръ*“, какъ безграмотно писалъ буфетчикъ изъ чухонцевъ или латышей—и конецъ трапезы.—Звонокъ—съ

громомъ, разомъ все встаетъ и отодвигаетъ табуретки, чтець читаетъ молитву послѣ обѣда и, младшіе впереди, шумно валитъ ватага въ галлерею и въ поле.—Снова, какъ въ 10-мъ часу утра, все разсыпается, ходитъ, бѣгаетъ, играетъ.—И теперь, какъ утромъ, мигомъ устроивается *лапта*, съ записными *лаптежниками*, каждый разъ безъ промаха бьющими резиновымъ мячикъ (собственной фабрикаціи) подъ небеса или на какую угодно высоту, или въ любомъ направленіи, иные даже *машой* (лѣвой рукой).—А бѣгуновъ-то, бѣгуновъ, да еще какихъ?—какъ зайцы, и не оберешься.—Что это, въ самомъ дѣлѣ, за искусники бывали, да еще во всякаго рода искусствахъ, и безъ всякихъ гимнастическихъ упражненій съ машинами и учителями, а просто такъ себѣ, какъ Богъ послалъ и мать-природа научила.—Бывало, и не принимавшему участія въ большихъ играхъ, со стороны любо-дорого было смотрѣть на нихъ, ни дать, ни взять, я думаю, какъ древнимъ, классическимъ грекамъ на ихъ общественныя игры, борьбы, бѣги и конскія ристанія. И нужно сказать, что игры Пансіонскія съ утра до вечера становились постепенно все живѣе и интереснѣе: послѣ обѣда болѣе, нежели утромъ, послѣ вечерняго чая болѣе, нежели послѣ обѣда, но послѣ ужина это уже были рѣшительно *турниры*, въ которыхъ принимали участіе всѣ классы вообще и всѣ самые сильные, ловкіе и бойкіе игроки въ особенности, такъ что эти послѣ-ужинныя игры были настоящими и интереснѣйшими *вечерними спектаклями* Пансіонскими, особливо въ ясный, теплый вечеръ.—Въ этомъ отношеніи Пансіонъ имѣлъ рѣшительное преимущество передъ Лицеємъ, которому играть въ большія игры было негдѣ: на его тѣсномъ дворѣ ни бѣгать, ни особенно въ мячъ, въ лапту или въ барты играть было невозможно или по крайней мѣрѣ крайне неудобно; того и гляди, что вышибешь стекла или у себя въ Лицеѣ, или въ

Знаменской церкви, или во дворцѣ. — И приходилось играть чинно и степенно на узенькомъ Лицейскомъ дворикѣ, да чинно и скромно гулять въ маленькомъ Лицейскомъ садикѣ. — То-ли дѣло въ Пансіонѣ: было гдѣ разбѣжаться, куда мячъ пустить, безъ боязни сшибить съ ногъ постороннихъ, или произвести сборище на улицѣ, или разбить стекла въ окнахъ. — И послѣ такихъ-то 6-ти лѣтнихъ, а иногда и болѣе, почти ежедневныхъ игръ на воздухѣ, въ соединеніи еще съ танцованіемъ и фехтованіемъ, можно было обвинять пансіонеровъ, что *почти ни одинъ изъ нихъ не умѣлъ ни стоять, ни ходить!* — Какъ-то трудно вѣриться; впрочемъ о вкусахъ не спорятъ: это дѣло совершенно условное. — Нѣтъ, пансіонскія игры, вмѣстѣ съ танцованіемъ, фехтованіемъ и домовыми отпусками въ родительскіе дома, даже такъ называемыхъ *увальней* и *хомяковъ* превращали болѣе или менѣе въ развязныхъ и ловкихъ молодыхъ людей, благотворно дѣйствуя вмѣстѣ съ тѣмъ на здоровье и развитіе физическихъ силъ воспитанниковъ Пансіона. — Лицейскимъ же именно недоставало широкаго простора ни для игръ, ни для ходьбы и бѣга на дворѣ и въ саду у себя дома; — прогулки же въ дворцовомъ саду и въ окрестностяхъ Царскаго Села были соединены съ совѣсмъ иными условіями.

Кстати уже о пансіонскихъ играхъ, нужно прибавить, что за исключеніемъ каникулярнаго Іюля и дней дождливыхъ или холодныхъ, онѣ происходили съ Өминой недѣли до конца Сентября, а иногда, если осень была хорошая и теплая, даже до Октября, отъ 4-хъ до 5-ти и даже 6-ти мѣсяцовъ: — на открытомъ воздухѣ, а въ остальное время года — въ галлерей и рекреационныхъ залахъ, хотя, разумѣется, въ гораздо меньшихъ размѣрахъ. —

Въ Августѣ и Сентябрѣ, въ ясную, теплую погоду, случа-

лось, что послѣ обѣда воспитанники ходили по-классно съ гувернерами гулять въ дворцовый садъ и въ окрестности Царскаго Села. — Но это случалось чаще въ воскресные и праздничные дни, нежели въ недѣльные, въ которые могло развлекать во вредъ учебнымъ занятіямъ.

Въ 1^{3/4} ч. — звонки въ классы; отъ 2 до 5 ч. — по два урока и двѣ лекціи (3-й и 4-й); въ 5 ч. звонки къ вечернему чаю, послѣ котораго было 1^{1/2} часа рекреации, отъ 6^{1/2} до 8 ч. вечернія занятія, приготовительныя къ слѣдующему дню: въ младшихъ классахъ — такъ называвшіяся *репетиціи* или *часы съ репетиціей*, въ классахъ, подѣ надзоромъ дежурныхъ гувернеровъ, а въ старшихъ классахъ — по волѣ воспитанниковъ, частію въ классахъ, большею же частію каждаго въ своей спальнѣ, также подѣ надзоромъ дежурныхъ гувернеровъ. —

По этому случаю, кстати упомянуть здѣсь о классныхъ занятіяхъ, сначала въ младшихъ классахъ, а потомъ въ старшихъ. —

Во всякомъ учебномъ заведеніи, весьма естественнымъ образомъ, въ младшихъ классахъ трудно содержать постоянно тишину и порядокъ. — Чѣмъ моложе кровь и разсудокъ, тѣмъ труднѣе сидѣнье на одномъ мѣстѣ неподвижно и напряженіе вниманія, устремленнаго на одинъ и тотъ же предметъ, да притомъ еще такой невеселый, какъ грамматика, ариметика и т. п., въ продолженіи цѣлаго часа, а тѣмъ болѣе полутора или двухъ часовъ, какъ было тогда въ Пансіонѣ, да и вездѣ. — А *ничужкамъ* не сидится и не о грамматикѣ и ариметикѣ думается, а такъ и подмигиваетъ или вставать, ходить, выходить, или поболтать, или тайкомъ почитать, поиграть, либо учителю *штуку выкинуть*, словомъ — пошкольничать и порѣзвиться. — По этому, какія со стороны преподавателя необходимы: хладнокровіе, терпѣніе, опытность, умѣніе отчасти

заинтересовать учениковъ, отчасти заставить ихъ уважать и даже бояться себя и постоянно держать ихъ въ тишинѣ, порядкѣ, вниманіи и послушаніи? — Совершенства въ этомъ никогда и нигдѣ не бывало и нѣтъ впольнѣ, и всѣ малолѣтніе классы всегда и вездѣ походятъ болѣе или менѣе на жидовскія школы. — Въ классѣ — словно жужжанье пчелъ въ ульѣ, и изъ среды этого жужжанья возвышается усиленный голосъ учителя, призывающій къ молчанію и порядку, либо проповѣдующій свои склоненія и спряженія, сложенія и вычитанія и т. п. — Элементъ молодой, т. е. учениковъ, во всѣхъ училищахъ и младшихъ классахъ ихъ былъ, и есть, и будетъ тотъ же, но элементъ учительскій — разнообразенъ до безконечности. — Тутъ что личность, то особенность, и начиная съ той, которой и одно присутствіе, одно слово заставляетъ цѣлый классъ, даже ничужекъ, хранить мертвое молчаніе, до такой, которая, какъ бы ни старалась, никогда не въ состояніи установить въ классѣ ни молчанія, ни тишины, ни порядка — безконечное число отъѣнковъ. — Точно тоже было и въ младшихъ классахъ Пансіона: что преподаватель, то особенность, по указанной выше лѣтницѣ. — На самомъ верху ея стоялъ, — какъ я уже имѣлъ случай говорить въ своемъ мѣстѣ выше, — *Архангельскій*, адъюнктъ геометріи и алгебры въ 3-мъ классѣ, гроза и ужасъ обоихъ его отдѣленій и всѣхъ его воспитанниковъ, не только плохихъ, но и хорошихъ. — Не испытать самому, не только трудно, но просто невозможно повѣрить, чтобы гдѣ, когда и кто-нибудь могъ, въ качествѣ преподавателя, внушать своимъ ученикамъ такой, можно сказать, *паническій страхъ*, соединенный однако съ невольнымъ *уваженіемъ*! — Страхъ этотъ *Архангельскій* внушалъ своею немолимою строгостью къ неразрѣшенію математическихъ вопросовъ и задачъ, отъ чего бы оно ни происходило, отъ незна-

нія, или неяснаго пониманія, или отъ робости и т. п. Но эта строгость была всегда сопряжена, не съ гнѣвомъ, крикомъ и укориженными словами, но съ холоднымъ, ледянымъ лаконизмомъ. — Спросилъ онъ, не отвѣтилъ, замаялся или ошибся спрошенный — среди мертвой тишины въ классѣ раздавались только отрывочныя слова блѣднаго и серьезнаго *Архангельскаго*: *въ уголъ! — на колѣни!* — и т. п. Но отвѣчалъ-ли кто смѣло и правильно, съ яснымъ пониманіемъ дѣла, ледяное лицо *Архангельскаго* нѣсколько оживлялось и онъ съ видимымъ интересомъ и даже съ благосклонностью вступалъ съ отвѣчающимъ въ математическую бесѣду. — Невольное же уваженіе къ себѣ *Архангельскій* внушалъ какъ своею страстною любовью къ математикѣ (отчего происходила и строгость его), такъ и тѣмъ, что, при всей своей строгости по отношенію къ преподаваемому имъ предмету, онъ никогда никому не говорилъ ничего лично обиднаго, казнилъ жестоко, но — за незнаніе урока, за неразрѣшеніе вопроса или задачи, словомъ — за математику, и притомъ — коротко и ясно, безъ дальнѣйшихъ разсужденій. — Знаешь — хорошо, не знаешь — казни безъ милости, и виновному, и его цензору, а иногда и самому цензору, и безъ чужой вины, приходилось плохо. Словомъ — это былъ рѣдкій, оригинальный феноменъ. —

Послѣ самаго строгаго и взыскательнаго преподавателя, какимъ былъ *Архангельскій*, въ младшихъ классахъ были преподаватели самыхъ различныхъ характеровъ и особенностей. — Но нельзя умолчать, что изъ ряду ихъ рѣзко выступалъ, во всѣхъ классахъ Пансіона, законоучитель Закона Божія Православнаго исповѣданія Протоіерей І. С. Кочетовъ. — Этотъ достойнѣйшій человѣкъ, безъ всякой суровой строгости, умѣлъ внушать къ себѣ во всѣхъ классахъ самое полное, совершенное уваженіе, соединенное съ любовью безъ всякой боязни, и

въ младшихъ классахъ у него царствовали величайшіе порядокъ и тишина.—

О прочихъ профессорахъ и преподаваніи ихъ въ старшихъ классахъ было уже говорено въ своемъ мѣстѣ выше.

Нѣсколько словъ о внутренней обстановкѣ классныхъ комнатъ.

Во всѣхъ классахъ было по одной большой черной доскѣ на квадратномъ возвышеніи въ одну ступень (исключая 6-го класса, въ которомъ возвышенія не было), съ столомъ и стуломъ передъ доскою на возвышеніи, и затѣмъ скамьи съ наклонными передъ ними досками для писанія, съ утвержденными сверху оловянными чернильницами и съ полкой внизу для тетрадей и книгъ.—Скамьи, на два человѣка въ 1, 2, 3, и 4-мъ классахъ и на одного въ 5-мъ и 6-мъ, были крашены сѣрой, а верхнія доски ихъ черной масляной краской.—Въ 1, 3, 4 и 5 классахъ, выходившихъ окнами на дворъ, скамьи стояли въ 2, 3 или 4 ряда, съ проходами между ними.—Но во 2-мъ и 6-мъ классахъ, выходившихъ окнами на улицу, были нѣкоторыя особенности.—Во 2-мъ, противъ входа, между двухъ оконъ, была доска на возвышеніи, а по обѣ стороны комнаты, вдоль стѣнъ стояло амфитеатромъ по два ряда скамей.—6-й классъ прежде помѣщался въ небольшой и тѣсной комнаткѣ, съ окномъ на дворъ, на лѣво отъ верхней площадки парадной лѣстницы.—Но потомъ, по причинѣ тѣсноты и духоты, онъ былъ перемѣщенъ въ правую угловую комнату съ 2-мя окнами на улицу, гдѣ былъ физическій кабинетъ.—Шкапы съ инструментами остались на своихъ мѣстахъ по стѣнамъ, а скамьи воспитанниковъ поставлены полукругомъ противъ доски и стола профессора, стоявшихъ на полу безъ возвышенія, противъ входной изъ большой залы двери.—Физическіе опыты производились тутъ же.—Въ преж-

немъ же помѣщеніи 6-го класса остались шкапы съ библіотечной Пансіона, впрочемъ очень не большой.—

Въ этихъ-то классныхъ помѣщеніяхъ происходили утреннія и послѣ обѣденныя классныя занятія, а ввечеру отъ 6½ до 8 ч. въ младшихъ классахъ и репетиціи,—въ 1-й половинѣ Августа еще безъ огня, но со 2-й половины и конца этого мѣсяца уже при огнѣ одной стѣнной лампы возлѣ кафедры и по одной сальной свѣчѣ въ мѣдномъ подсвѣчникѣ на каждого воспитанника.—Въ залахъ также зажигалось по одной лампѣ.—Лампы зажигалъ Пансіонскій ламповщикъ *Аверьянъ*, также лицо замѣчательное и всѣмъ воспитанникамъ Пансіона памятное.—Въ одно время съ классами и залами освѣщались лампами и швейцарская, и лѣстницы, и спальни внизу и вверху, и галлерей, а во время чая и ужина—и столовая.—

Воспитанники старшихъ классовъ ввечеру занимались, какъ уже сказано, большею частію въ своихъ спальняхъ, а кто хотѣлъ—и въ своихъ классахъ.—Такъ какъ они пользовались большею свободою, нежели воспитанники младшихъ классовъ, то и разнообразили свои келейныя занятія по временамъ или хожденіемъ по корридору спаленъ, или музыкальными занятіями нѣкоторыхъ дилеттантовъ, особенно флейт-траверсистовъ и кларнетистовъ, отъ которыхъ чаще и больше всего приходилось терпѣть занимавшимся дѣломъ сосѣдямъ.—Впрочемъ, прогулки по корридору, игра на флейтахъ и кларнетахъ, подѣ часъ оживленный разговоръ или споръ въ однихъ спальняхъ, не нарушали особенно общей тишины и порядка, и не мѣшали занятіямъ: всѣ болѣе или менѣе къ тому привыкли.—Къ этому нужно еще прибавить, что въ хорошую и теплую погоду, напримѣръ въ Августъ, иногда и въ Сентябрѣ, окна спаленъ на улицу и дворъ, и по концамъ корридора (полукруглыя, Венеціанскія), на шоссе къ Петербургу и

къ Москвѣ, можно было отворять и наслаждаться и пріятно-
стію вечера, и видомъ сада, дороги и окрестностей, и слы-
шать неумолкаемый шумъ водопадовъ и крикъ лебедей въ
дворцовомъ саду, или звонъ почтоваго колокольчика на шоссе,
бывшемъ большою почтовою дорогою. — Такіе вечера, при рас-
крытыхъ окнахъ верхнихъ спаленъ, имѣли своего рода не-
обыкновенную прелесть. —

Но вотъ — и внизу, и сверху раздаются звонки — 8 часовъ —
къ ужину. — Старшіе сверху впереди, младшіе изъ классовъ
за ними, отправляются въ столовую, гдѣ тѣмъ же порядкомъ,
что и обѣдъ, происходитъ ужинъ, состоящій изъ двухъ блюдъ
и съ конца Августа уже при лампахъ. — Вторымъ блюдомъ
чаще всего бывала каша съ коровинымъ масломъ, котораго каж-
дому давалось по куску. — Эти куски масла нѣкоторые гастро-
номы предпочитали сохранять въ стаканахъ съ водою, наглухо
прикрытыхъ чернымъ хлѣбомъ и передаваемыхъ служителямъ,
къ утреннему чаю, для потребленія съ бѣлымъ хлѣбомъ въ
видѣ буттербродтовъ. — И замѣчательно, что на слѣдующее
утро всѣ стаканы съ масломъ, не перемѣшиваясь, попадали на
свои столы и тотчасъ же безъ труда разбирались тѣми, кому
принадлежали. —

Ужинъ продолжался недолго; — звонокъ — и все шло чрезъ
галерею на большой дворъ, гдѣ, смотря по времени года и
мѣсяца, если еще не было слишкомъ темно, тотчасъ же устраи-
вались общіе бары на два лагеря. — Въ Августѣ, въ 1-й по-
ловинѣ, въ эту пору (8^{1/2} — 9^{1/2} ч.) еще не очень темно, и
играть было можно; — но со 2-й половины уже становилось
темно и потому на дворъ уже не ходили, а шли въ залы,
гдѣ, въ большой старшіе прогуливались по одному, по два
или болѣе взадъ и впередъ, а младшіе классы въ своихъ

залахъ проводили послѣднюю рекреацію передъ сномъ или въ
ходьбѣ, или въ бѣганьѣ, или въ играхъ. —

Въ 9^{1/2} ч. звонки звонили на молитву, которая читалась
въ старшихъ и младшихъ классахъ, какъ по утру, и затѣмъ
старшіе шли на верхъ, а младшіе по-классно, 1-й классъ впе-
реди, внизъ — въ свои спальни. — Здѣсь начиналось раздѣванье,
умыванье, укладыванье въ постели, въ младшихъ классахъ
при такомъ же говорѣ и шумѣ, какъ по утру, только посте-
пенно слабѣвшемъ. — Наконецъ въ 10 часовъ лампы тушились
и по всѣмъ корридорамъ на цѣлую ночь зажигались жестя-
ные ночники съ сальными свѣчами въ водѣ. — Ночные дежур-
ные гувернеры и дядьки смѣняли дневныхъ, и въ 10 часовъ
Пансіонъ погружался въ сонъ. — Въ то же время или нѣсколько
позже являлся въ свою спальню внизу (см. выше) Инспекторъ
Ө. Е. Нумерсъ, не разъ ночью обходившій рундомъ. — Такимъ
же бдительнымъ стражемъ, какъ онъ, былъ Ф. П. Калининъ,
также усердно ходившій ночью рундомъ и удостоившійся за то
переложенія, въ честь его, начала извѣстнаго стихотворенія
Жуковского:

Отуманилася Ида,
Помрачился Иллионъ,
Спитъ во мракѣ станъ Атрида,
Лишь одинъ не дремлетъ онъ.

слѣдующимъ образомъ:

Отуманилася Софія,
Помрачился Пансіонъ,
Спитъ во мракѣ станъ Фотія,
Лишь одинъ не дремлетъ онъ.

На верху гг. студенты, особенно 6-го класса, изволятъ
еще прогуливаться по два, по три и болѣе по корридору, въ
пріятныхъ разговорахъ, и наконецъ въ 10 часовъ, по уси-

леннымъ просятъ дежурнаго ночнаго гувернера (имѣвшаго въ самой серединѣ свою особую спальню), расходятся по своимъ спальнямъ и ложатся, но и лежа въ постеляхъ продолжаютъ еще иногда, по мѣстамъ, свои бесѣды.—Но вскорѣ и здѣсь воцаряется тишина, прерываемая лишь порой храпѣніемъ, порой разговоромъ во снѣ, порой мѣрными шагами дежурнаго дядьки.

Кончился Пансіонскій день... проходитъ и сонная ночь, и на другой день съ 6-ти часовъ утра опять тотъ же порядокъ.

Одинъ за другимъ, одинъ какъ другой, непримѣтно прошли шесть дней недѣли и наступило Воскресенье.—Этотъ день, какъ и всѣ праздничные, въ жизни Пансіона совершенно выходилъ изъ ряду недѣльныхъ, рабочихъ.—Съ утра воспитанники заняты болѣе обыкновеннаго своимъ туалетомъ, начиная съ перемѣны бѣлья: одѣваются, прибираются, приглаживаются, готовятся идти въ свои церкви (православную, католическую, лютеранскую) къ обѣднѣ, а потомъ гулять или *въ гости*.—Католики и Лютеране къ 10-ти часамъ отправляются съ гувернерами своихъ исповѣданій въ Царскосельскія церкви: Римско-католическую и лютеранскую.—Православные же идутъ по-классно, съ дежурными гувернерами, изъ Пансіона прямо чрезъ входныя ворота въ большой дворцовый садъ, вдоль берега озера или большаго пруда, мимо Камероновой колоннады на право, либо отъ большаго пруда на право въ большую аллею вдоль набережной—въ соборную церковь Царскосельскаго дворца, къ обѣднѣ въ 11 часовъ, въ Высочайшемъ присутствіи Государя Императора Александра Павловича и Государыни Императрицы Елисаветы Алексѣевны (во время Ихъ присутствія въ Царскомъ Селѣ). Они обыкновенно переѣзжали изъ Зимняго Дворца, послѣ Пасхи, вскрытія Невы и

наведенія мостовъ, сначала въ Каменно-Островскій дворецъ, а потомъ въ Царское Село до половины Іюня.—Съ этого времени до Августа Дворъ былъ большею частію въ Петергофѣ, а по окончаніи Царскосельскаго лагеря переѣзжалъ снова въ Царское Село, откуда Государь, иногда ранѣе, иногда позже (обыкновенно послѣ праздника Преображенія, 6-го Августа, и не позже 31-го Августа или 1-го Сентября, послѣ дня Ангела Государя) отправлялся въ обычные свои поѣздки по Россіи или за границу.—Между тѣмъ вдовствующая Императрица Марія Фёдоровна изъ Зимняго Дворца переѣзжала прямо въ свой любимый Павловскъ, гдѣ и оставалась до половины осени, за исключеніемъ времени съ конца Іюня (передъ Петровымъ днемъ) до конца Іюля или начала Августа, которое проводила въ Петергофѣ, гдѣ, какъ извѣстно, особенно торжественно праздновался день Ея Ангела, 22-го Іюля, между прочимъ столь извѣстными Петергофскими: народнымъ гуляньемъ и иллюминаціей.

И такъ, во время пребыванія Двора въ Царскомъ Селѣ, воспитанники Пансіона, какъ и Лицея, и какъ всѣ постороннія лица, жившія въ Царскомъ Селѣ, ходили къ обѣднѣ въ большую дворцовую церковь.—Только послѣ пожара дворца въ 1820 году и во время передѣлки дворца и церкви, равно большею частію въ отсутствіи Двора изъ Царскаго Села, когда не всегда бывала служба въ дворцовой церкви, воспитанники Пансіона ходили въ Знаменскую, возлѣ Лицея, бывшую тогда приходскою и, по малой величинѣ своей, очень тѣсную и неудобную, а иногда и въ Софійскій Соборъ Лейбъ-Гвардіи Гусарскаго полка, находившійся тогда совершенно въ полѣ.

Въ дворцовой церкви воспитанники Лицея имѣли важное преимущество становиться вдоль лѣвой стороны, противъ правой

входной двери изъ большого корридора, а воспитанники Пансіона—непосредственно за ними.—Прочіе же, городскіе посѣтителі стояли подъ хорами.—Правая сторона оставалась свободною для лицъ Двора.

Къ 11-ти часамъ, по обычаю, проскомидія была совершенна, часы прочитаны, Царскія двери раскрыты, служащіе священникъ и діаконъ стояли передъ ними, лицомъ ко входу, хоръ придворныхъ пѣвчихъ съ Бортнянскимъ на правомъ клиросѣ, въ церкви глубокая тишина.—Въ 11-ть часовъ обѣ половинки правой входной двери отворялись придворными лакеями—и величественно входили Государь и Государыня, которую Онъ велъ подъ руку.—Государь былъ обыкновенно въ вицъ-мундирѣ Л.-Гв. Гусарскаго полка, придерживая лѣвой рукой шляпу съ бѣлымъ султаномъ и саблею.—Войдя въ церковь, Государь и Государыня тотчасъ оборачивались къ иконостасу, крестились, кланялись духовенству и присутствовавшимъ въ церкви, которые отвѣчали почтительнымъ поклономъ;—затѣмъ становились за правымъ клиросомъ—и немедленно начиналась обѣдня.

Кто хоть разъ присутствовалъ при такой обѣднѣ и видѣлъ во время ея Императора Александра Павловича и Императрицу Елисавету Алексѣевну, отъ входа ихъ въ церковь до выхода изъ нея, и слышалъ эту величественную придворную обѣдню и чудное пѣніе превосходныхъ голосовъ придворныхъ пѣвчихъ, управляемое Бортнянскимъ—тотъ во вѣкъ этого не забудетъ!—Чтожъ сказать о воспитанникахъ Лицея и Пансіона, которые ежегодно, во все время пребыванія Двора въ Царскомъ Селѣ, каждое Воскресенье имѣли неопыненное счастье слышать эту обѣдню и этихъ пѣвчихъ, но особенно—видѣть Государя и Государыню!—Уже одни входъ и выходъ Ихъ, и невыразимая прелесть ихъ поклоновъ и всѣхъ дви-

женій, никогда не могутъ изгладиться изъ памяти тѣхъ, которые имѣли счастье видѣть Ихъ!—Понятно поэтому, какими особенно торжественными для воспитанниковъ Лицея и Пансіона были воскресные и праздничные дни, какіе это были для нихъ истинно праздники.

Обѣдня и пѣніе шли довольно скоро, и къ 12-ти часамъ, по окончаніи обѣдни, Государь и Государыня, совершенно также, какъ при входѣ, перекрестившись на иконостасъ, поклонившись духовенству и присутствовавшимъ въ церкви (изъ коихъ *первымъ* поклоны Царскіе приходились воспитанникамъ Лицея и Пансіона, которыхъ Государь называлъ *своими*), выходили изъ церкви.

А воспитанники Пансіона, полные самыхъ отрадныхъ ощущеній, по выходѣ изъ церкви весело возвращались въ Пансіонъ къ обѣду, а многіе прямо изъ церкви расходились съ дядьками по Царскому Селу, къ родителямъ, родственникамъ или знакомымъ.—Такихъ всегда было довольно, и въ Пансіонѣ обѣдало одною четвертью, третью, а иногда и на половину меньше, нежели въ обыкновенные дни.—И обѣдъ по Воскресеньямъ и праздникамъ былъ иной: блюдъ было четыре и они были лучше и изысканнѣе недѣльных.—А послѣ обѣда, воспитанники вскорѣ отправлялись гулять по-классно или особыми сборными компаніями, съ гувернерами, или въ большой садъ, или въ окрестности Царскаго Села, или въ Павловскъ.—По вечерамъ же, послѣ вечерняго чая, по причинѣ сокращенія дней и раннихъ сумерекъ, со 2-й половины Августа такого рода прогулки уже не дѣлались.

Царскосельскій садъ былъ ближайшимъ, обыкновеннѣйшимъ и любимѣйшимъ мѣстомъ прогулокъ.—Да и подлинно, обширность этого сада или лучше сказать, нѣсколькихъ *садовъ*, въ немъ заключавшихся, позволяла чрезвычайно разнообразить

прогулки въ немъ, а великолѣпіе и роскошь его, истинно Царскія, доставляли этимъ прогулкамъ необыкновенную прелесть.—Но какъ ни обширенъ былъ Царскосельскій садъ, можно рѣшительно сказать, что не было ни одной части его, ни одного уголка, ни одной дорожки, даже ни одного кустика, которые бы не были коротко знакомы и любезны воспитанникамъ Лицея и Пансіона.—Любовь ихъ къ Царскосельскому саду была тѣсно и неразрывно соединена съ привязанностію ихъ къ самому Царскому Селу, къ Лицею и Пансіону.

Царскосельскій садъ дѣйствительно заключаетъ въ себѣ нѣсколько садовъ.—Непосредственно позади большого дворца—*первый* по времени устройства своего при Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, во вкусѣ Версальскаго и другихъ XVIII вѣка садовъ.—Это—*Елисаветинскій* садъ.—Впереди и влѣво отъ дворца и вокругъ большого пруда—*второй* по времени, устроенный Императрицею Екатериною II, съ обоими *капризами*, съ китайскими и турецкими домиками и мостиками, съ памятниками Орлову и другимъ государственнымъ людямъ царствованія Екатерины II, руинами и пр.—Это—*Екатерининскій* садъ, регулярный, но менѣе Елисаветинскаго.—За предѣлами его уже начинается *Александровскій паркъ*, разведенный Императоромъ Александромъ I, во вкусѣ Англійскихъ парковъ, съ извилистыми дорогами и ни одною прямою, съ фермой, паркомъ дамъ и пр.—Наконецъ позднѣйшій, *Николаевскій* паркъ, совершенно вновь устроенный и распространенный Императоромъ Николаемъ I, за предѣлами Александровскаго, до слободы Александровки (гдѣ теперь станція Варшавской желѣзной дороги), до Баболова и въ другую сторону до Павловска.—Этого послѣдняго парка, въ описываемое время существованія Пансіона, разумѣется, еще не было, и мимо Гатчинскихъ воротъ, вдоль окраины сада,

черезъ Александровку, проходила почтовая шоссейная дорога въ Петербургъ, а между нею и Гатчинскимъ шоссе, равно между Царскимъ Селомъ и Павловскомъ, были поля съ деревьями, кустарникомъ и отчасти съ заѣянными полями.

И такъ гуляньемъ для Пансіонеровъ служили отлично извѣстные имъ и любимые ими, Елисаветинскій и Екатерининскій сады и Александровскій паркъ.—Проведя нѣсколько лѣтъ въ Пансіонѣ, каждый воспитанникъ покидалъ его съ подробнымъ и вѣрнымъ знаніемъ исторіи и топографіи Царскаго Села и его садовъ, не хуже *Описанія Села Царскаго*, соч. г. Яковкина.—Но это еще не все: главное—онъ любилъ ихъ и въ Пансіонѣ, и по выходѣ изъ него, храня нѣжную привязанность къ нимъ.—И до сихъ поръ каждое мѣсто въ нихъ возбуждаетъ дорогія для него воспоминанія.

Послѣ Царскосельскихъ садовъ и парковъ, первое мѣсто въ числѣ прогулокъ Пансіонеровъ занималъ прекрасный въ своемъ родѣ Павловскій садъ съ его паркомъ.—Павловскъ, любимое мѣстопребываніе Императрицы Маріи Ѳеодоровны,—воспѣтый Жуковскимъ, постоянно проводившимъ въ немъ лѣто и осень, какъ Карамзинъ въ Царскомъ Селѣ,—украшенный дворцами, прекраснымъ садомъ и паркомъ по обѣ стороны рѣчки Славянки, съ изящными постройками въ нихъ, съ лѣтними дачами многихъ придворныхъ, знатныхъ или богатыхъ людей, и живописными окрестностями,—имѣлъ своего, особеннаго рода привлекательность для лѣтнихъ прогулокъ и жительства въ немъ.—Особенно по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ онъ привлекалъ многихъ изъ Царскаго Села и Петербурга, какъ для прогулокъ, такъ и для того, чтобы видѣть Императорскую Фамилію, проводившую эти дни большею частію семейно у Императрицы Маріи Ѳеодоровны.

Ведя простую и скромную жизнь въ дни недѣльные, она

соблюдала нѣкоторый этикетъ въ воскресные и праздничные дни, но и тутъ умѣя соединить съ нимъ необыкновенное вниманіе къ доставленію возможнаго удовольствія своимъ гостямъ.—Послѣ обѣдни въ дворцовой церкви, публика, уже въ большомъ числѣ гулявшая въ паркѣ и пользовавшаяся предлагаемыми ей въ эти дни, въ молочномъ домикѣ и на фермѣ, прекрасными молочными произведеніями послѣдней, часто видала Императрицу, съ ея свитою, гулявшею пѣшкомъ или въ придворныхъ линѣйкахъ.—Къ обѣду во Дворцѣ обыкновенно прѣзжали изъ Царскаго Села Государь и Императрица Елисавета Алексѣевна, и собирались другіе члены Императорской Фамиліи.—Послѣ обѣда была обыкновенно прогулка двора въ линѣйкахъ по парку, часовъ въ 7 было представленіе въ дворцовомъ театрѣ и день оканчивался танцами или въ Розовомъ павильонѣ, или въ большой гостиной нижняго этажа дворца, окнами на противоположный каскадъ, который въ эти дни обыкновенно бывалъ въ полномъ дѣйствіи и во всей красѣ.—Павловская хозяйка была до того внимательна къ публикѣ, что дозволяла допускать ее къ самымъ окнамъ гостиной, гдѣ танцовали, и приказывала выносить ей фрукты, мороженое и прохладительные напитки.—Осенью вечера оканчивались иногда фейерверкомъ.—Въ эти дни съ утра шоссе между Царскимъ Селомъ и Павловскомъ бывало покрыто шедшими пѣшкомъ или ѣхавшими въ экипажахъ въ Павловскъ, и точно такое же было и обратное движеніе поздно вечеромъ и даже ночью.

Для Пансіонеровъ эти воскресныя и праздничныя прогулки въ Павловскъ (осенью—днемъ, а весною—днемъ или ввечеру) имѣли необыкновенную прелесть и привлекательность.—Можно было и вдоволь нагуляться, и полакомиться молокомъ, творогомъ и пр. въ молочномъ домикѣ или на фермѣ, и видѣть

Императорскую Фамилію и дворъ, и ихъ прогулки, и спектакль, и танцы.—Многіе изъ Пансіонеровъ имѣли родственниковъ или знакомыхъ въ числѣ придворныхъ лицъ или лѣтнихъ жителей Павловска и отправлялись къ нимъ, а другіе, съ гувернерами, между обѣдомъ и вечернимъ чаемъ—осенью, или между вечернимъ чаемъ и ужиномъ—весною, шли въ Павловскъ, гуляли въ немъ и возвращались пѣшкомъ.

Такимъ образомъ воскресные и праздничные дни весною, лѣтомъ и осенью, когда дворъ находился въ Царскомъ Селѣ и Павловскѣ, были для Пансіонеровъ настоящими праздниками, приятными, веселыми и притомъ такими, которые имѣли весьма хорошее вліяніе на нихъ всѣмъ тѣмъ, что они видѣли и чѣмъ наслаждались.—

Но съ Октября оканчивались уже для Пансіонеровъ прогулки въ Павловскъ и рѣже становились прогулки въ Царскосельскомъ саду, и то только по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, въ хорошую погоду и послѣ обѣда.—

Съ наступленіемъ осени и сокращеніемъ дней, происходили и нѣкоторыя, сообразно съ тѣмъ, измѣненія въ описанномъ выше, внутреннемъ недѣльномъ порядкѣ.—Огни утромъ тушились уже все позже, а ввечеру зажигались ранѣе;—вставанье по утру, утренніе и послѣдніе вечерніе классы происходили уже при огнѣ.—Рекреаціи по утру и послѣ обѣда на воздухѣ, на большомъ дворѣ, бывали уже только въ хорошую и теплую или не очень холодную погоду, и прекращались въ дождливую, сырую, холодную и вообще послѣ вечерняго чая.—Для нихъ оставались тогда уже только галерея и рекреационныя залы.—Пансіонъ, послѣ весенней и лѣтней наружной жизни, болѣе и болѣе замыкался въ свои внутреннія стѣны.—А тутъ, послѣ осеннихъ дождей, выпадалъ уже и первый снѣжокъ, а за нимъ и настоящій снѣгъ, наступали легкіе морозы по ночамъ,

а потомъ и днемъ—предвѣстники наступавшей зимы, а съ ними и новыя развлеченія для молодежи—игра въ снѣжки и катанье, если еще и не на конькахъ, то по замерзшимъ лужамъ.— Деревья обронули уже *багряный свой уборъ*, стояли обнаженные и шумѣли только своими вѣтвями, а имъ вторилъ по прежнему неумолкавшій говоръ водопадовъ въ саду.— Дворъ уѣзжалъ изъ Царскаго Села и Павловска, и въ нихъ водворялась уже зимняя тишина.— Она не нарушалась даже и тогда, когда Государь и зимою прѣзжалъ иногда въ Царское Село на болѣе или менѣе продолжительное время.—

Въ Ноябрьѣ иногда уже устанавливались зима и санный путь, а иногда продолжалась осенняя, по временамъ очень бурная погода.—Такъ 7-го Ноября 1824 года, когда въ Петербургѣ было большое наводненіе, въ Царскомъ Селѣ была страшная буря, съ такимъ сильнымъ вѣтромъ, что въ саду поломало множество деревьевъ, а съ пансіонскихъ и другихъ крышъ сорвало и носило по воздуху желѣзные листы, и произошло много другихъ поврежденій.—

Между тѣмъ время идетъ и рѣшительно близится къ настоящей зимѣ: снаружи либо грязь, либо снѣгъ, сыро, холодно и днемъ пасмурно, а внутри въ Пансіонѣ давно уже вставлены зимнія рамы, топятся печи, въ галлерей сыро и холодно, воспитанники ходятъ черезъ нее уже въ шинеляхъ... А былъ одинъ годъ (1822), когда и черезъ нее не было ходу, а ходили возлѣ нея дворомъ.—Въ это время въ Пансіонѣ готовился домашній спектакль, едва-ли не къ одному дню съ домашнимъ концертомъ, готовившимся въ Лицеѣ (о которомъ говорено въ 1-й части), именно къ 12 Декабря, дню рожденія Государя.— Въ той части галлерей, которая примыкала къ столовой, уже была устроена сцена съ декорациями и кулисами, и производилась репетиція какой-то французской пьесы съ пѣніемъ, какъ

вдругъ—все это было отмѣнено, спектакль не состоялся, сцена разобрана, галлерей очищена и по ней опять открылся ходъ.— Такъ какъ 29-го Августа этого года (1822) скончался главный директоръ кадетскихъ корпусовъ, Генераль-Адъютантъ Графъ Коновницынъ, и по этому случаю въ Лицеѣ празднованіе дня открытія его, 19-го Октября, было отложено и вмѣсто того устроенъ концертъ 12-го Декабря, то должно полагать, что въ близкомъ соотношеніи съ этимъ было и устройство, а потомъ отмѣна домашняго спектакля въ Пансіонѣ.—

2. Зима.

(Декабрь—Январь—Февраль).

Съ бѣлыми Борей власами
И съ сѣдою бородой,
Потрясая небесами,
Облака сжималъ рукой,
Сыпалъ иней пушисты
И мятели воздымалъ.

Наступила наконецъ и настоящая зима по календарю, съ снѣгомъ, морозомъ, саннымъ путемъ, замерзшими водами и мятелями.—Самый первый день зимы по календарю—12-е Декабря, на память Св. Спиридона Тримифунтскаго, что въ народѣ называется *Спиридона — поворота, солнце на льто, зима на морозъ*,—Пансіонъ праздновалъ высокаторжественно.— Это былъ день рожденія Государя Императора Александра Павловича, торжественно празднуемый и всею Россією.— День этотъ Пансіонеры начинали обѣдней съ молебствіемъ въ придворной церкви, а за тѣмъ половина расходилась по Царскому Селу, а другая возвращалась въ Пансіонъ обѣдать и потомъ гулять.—Многіе изъ воспитанниковъ имѣли своихъ ро-

дителей и семейства въ Царскомъ Селѣ и къ нимъ по праздникамъ собирались Пансіонскіе товарищи ихъ, и время проводилось весело, днемъ въ гуляньяхъ пѣшкомъ и катаньемъ въ саняхъ, а вечеромъ и въ танцахъ.—Однимъ изъ такихъ средоточій для Лицействъ и Пансіонеровъ по праздникамъ былъ, между прочимъ, гостепріимный домъ Князя Ѳедора Сергѣевича Голицына (нынѣ принадлежащій Князю Барятинскому, на углу, противъ Александровскаго дворца и парка, и бывшаго Лицейскаго сада), двое сыновей котораго воспитывались въ Пансіонѣ. — Тамъ по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ собиралась цѣлая толпа Лицействъ и Пансіонеровъ, и у привѣтливыхъ хозяина и хозяйки дома проводила время какъ одна родная семья, а ввечеру нѣсколько большихъ саней развозили гостей въ Лицей и Пансіонъ. —

А хорошо было въ Царскомъ Селѣ и въ Пансіонѣ и зимой, разумеется если она была снѣжная и морозная, а дни стояли ясные.—Въ Царскомъ Селѣ, благодаря строгому блюстителю порядка и чистоты въ немъ, главноуправлявшему имъ и его дворцовымъ правленіемъ, Генералъ-Лейтенанту *Захаржевскому* (назначенному въ эту должность въ 1814 году, въ самый годъ открытія Пансіона), улицы были старательно вычищены, снѣгъ собранъ правильными кучами по сторонамъ, и весь городъ имѣлъ, какъ и лѣтомъ, ему собственно свойственный, правильный и опрятный видъ.—Въ большомъ саду и въ паркѣ нѣкоторыя главныя дорожки и дороги были разчищены отъ снѣга и первыя изъ нихъ усыпаны пескомъ (какъ напримѣръ кругомъ большаго пруда и отъ него ко двору).—Видъ сада зимой имѣлъ свою особенную фیزیомію, не лишенную оригинальной красоты. — Надъ снѣжной пеленой, покрывавшей и пруды, и берега ихъ, и все пространство сада и парка, высились огромныя старыя деревья, и цѣлыя аллеи, и кусты, все—

густо напудренные снѣгомъ, а между тѣмъ водопады, по крайней мѣрѣ нѣкоторыя, болѣе значительныя, не прекращали своей работы и своего неумолчнаго говора.—Чуденъ былъ видъ сада, въ этомъ зимнемъ уборѣ его, въ тихіе, ясные и солнечные зимніе дни; но для любителей и цѣнителей красотъ природы, онъ и въ пасмурные, вѣтреные дни не лишенъ былъ особенной привлекательности.—Тогда по поверхности прудовъ и открытыхъ мѣстъ крутились снѣговые столпы, и весь садъ наполнялся гуломъ, шумомъ и говоромъ деревьевъ и всего сада!—А тутъ, за предѣломъ сада, по лѣвую или западную сторону большаго пруда, за рвомъ съ палисадникомъ, пролегла почтовая шоссе-ная дорога, по которой звенѣли колокольчики экипажей, проѣзжавшихъ на почтовыхъ лошадяхъ, а по другую сторону этой дороги простирались зданія городка Софіи, начиная отъ Гатчинскихъ воротъ до новой дороги въ Павловскъ.—Начинаясь у первыхъ военными магазинами и почтовой станціей, за которыми слѣдовали: и оригинальная площадь съ домиками въ восточномъ вкусѣ, расположенными въ видѣ театральной сцены, и домъ полковаго командира Лейбъ-Гвардіи Гусарскаго полка, съ гауптвахтой, и рядъ деревянныхъ, одноэтажныхъ казармъ этого полка, съ дворами между и позади ихъ, зданія Софіи замыкались наконецъ, у нвоей Павловской дороги, противъ адмиралтейства въ саду, двумя большими домами Пансіона, съ галлереей между ними.—Все это было покрыто густымъ слоемъ снѣга, а кругомъ разстилалась широкая снѣжная равнина, и совсѣмъ на краю Софіи, среди поля, возвышался Софійскій соборъ, построенный Императрицей Екатериной II въ маломъ видѣ по образцу Цареградской Софіи.

Соедините все это вмѣстѣ, отъ одного края Царскаго Села до другаго—и вы получите понятіе о зимнемъ ландшафтѣ его, можетъ быть и не представлявшемъ ничего особеннаго для че-

ловѣка посторонняго, но для жителей Царскаго Села и особенно для учившейся въ немъ Лицейской и Пансіонской молодежи имѣвшемъ необыкновенную прелесть. — Представьте себѣ прогулки этой молодежи, пѣшкомъ въ саду или по праздникамъ въ саняхъ по улицамъ или окрестностямъ города, и вы поймете, что и зима, не менѣе другихъ временъ года, имѣла для нея свою обворожительную сторону и оставляла въ ней самыя пріятныя воспоминанія. — Менѣе простору и раздолья было внутри Пансіона зимой, нежели весною, лѣтомъ и осенью, потому что большой дворъ и садъ — были завалены снѣгомъ и туда воспитанниковъ не пускали, и двери изъ галлерей были заперты; оставались только два заднихъ двора за обоими домами, и хотя оба были разчищены, но одинъ, за самымъ Пансіономъ, былъ узкій и тѣсный, а къ другому, за Константиновскимъ, доступъ воспитанникамъ, какъ сказано, былъ возбраненъ или труденъ. — Но и на маленькомъ дворикѣ, за недостаткомъ большого, можно было въ зимнее время порѣзвиться, позабавиться снѣжками, а на замерзшемъ прудѣ и покататься на конькахъ или безъ нихъ. — А для охотниковъ — и вся длинная галлерей была къ ихъ услугамъ: съ конца въ конецъ было гдѣ побѣгать. — Но, по зимнему времени, рекреаціи эти были уже только въ 10-мъ часу утра и послѣ обѣда до 2-хъ ч. пополудни, а остальное время — въ классахъ и залахъ при огнѣ. — Тамъ было, вообще говоря, тепло, въ спальняхъ и классахъ болѣе, въ залахъ менѣе, но и тутъ для охотниковъ погрѣться можно было присоединиться къ печнымъ дверцамъ и отдушникамъ, и сидя на скамейкахъ близъ нихъ, грѣть свое грѣшное тѣло. — Особенно хороша и заманчива была въ этомъ отношеніи длинная скамейка въ большой залѣ старшихъ классовъ, у 6-го класса; тутъ обыкновенно собирались, въ часы рекреацій, любители посидѣть, погрѣть спину и покалякать. —

А въ младшихъ классахъ вытопленные печи имѣли еще и другого рода употребленіе: въ нихъ жарились и сушились куски бѣлаго или чернаго хлѣба, съ масломъ, припасенные отъ чая, обѣда или ужина. — Этимъ кухоннымъ производствомъ занимались нѣкоторые художники и во время рекреацій, а подъ часъ и *въ часы съ репетиціями* и даже въ классахъ, разумеется — контрабандой, подъ страхомъ конфискаціи завтрака и внесенія артистовъ въ штрафной журналъ — безъ одного или двухъ блюдъ, стало быть — съ проигрышемъ. —

Дни недѣльные, воскресные и праздничные зимой шли своимъ порядкомъ, какъ описано выше, съ тою разницей, что съ постепеннымъ сокращеніемъ дней до половины Декабря и увеличеніемъ ихъ съ того времени, и огни тушили и зажигались въ Пансіонѣ сообразно съ тѣмъ. — Въ Декабрѣ первые утренніе классы до 9-ти часовъ и послѣобѣденные съ 3-хъ были при огнѣ, но потомъ *безогненное* пространство времени все раздвигалось болѣе и болѣе, весело напоминая уже приближеніе весенняго равенства и благодатной весны.

Но до весны еще три мѣсяца и Пансіонъ, только-что отпраздновавъ начало зимы и день 12-го Декабря, вскорѣ видѣлъ себя уже накануне Рождества Христова и Святыхъ, которыми собственно начинался его *зимній сезонъ*. — На Рождественскія святки не ропускали всѣхъ безъ исключенія по домамъ, но только нѣкоторыхъ, имѣвшихъ родителей и семейства въ Царскомъ Селѣ, Петербургѣ и его окрестностяхъ. — Эти блаженные проводили праздники и святки дома и возвращались послѣ Крещенія, всѣ прочіе же оставались въ Пансіонѣ и проводили святки по праздничному, у родныхъ и у знакомыхъ семействъ въ Царскомъ Селѣ. — Послѣ Крещенія до масленицы возобновлялось ученіе и обычный порядокъ, съ тою разницей, что въ это время бывали иногда и въ Пансі-

онѣ, по праздничнымъ днямъ, нѣкоторыя зимнія увеселенія, какъ напримѣръ — танцевальныя вечера, подъ музыку, между воспитанниками, въ большой залѣ старшихъ классовъ, или у директора Пансіона, или у котораго-либо изъ семейныхъ профессоровъ или гувернеровъ, или наконецъ въ нѣкоторыхъ домахъ и семействахъ Царскаго Села. — Всѣхъ оригинальнѣе были, разумѣется, танцевальныя вечера въ Пансіонѣ между воспитанниками, хотя они случались и не часто. — Тутъ, лучшіе ученики Эбергардта, корифеи этихъ вечеровъ, имѣли случай выказывать свои таланты въ высокихъ и сложныхъ *entrechats, jetés battus* и тому подобныхъ хореграфическихъ хитростяхъ, бывшихъ въ большемъ ходу въ то время, когда на балахъ дѣйствительно *танцовали*, а не *прогуливались*, лѣнливо двигая ногами. — Въ числѣ этихъ корифеевъ бывали отличные танцоры французскихъ кадрили, вальсовъ въ 3 темпа и мазурокъ со всѣми стародавними фигурами. — Бывало, во Французской кадрили, два корифея, одинъ противъ другаго, вылетятъ *en avant deux* — какъ будто ихъ изъ пушки выпалятъ, — и на серединѣ, одинъ передъ другимъ, оба разомъ исполняютъ такіе отчаянные *entrechats*, что чуть не до потолка! — А мазурку нѣкоторые отплясывали съ чисто-Польскимъ національнымъ *шникомъ*, и нужно по справедливости сказать — отлично! — За то же и рядомъ съ корифеями бывала и другая противоположность: усердныя къ плясу, но, увы! не довольно искусныя въ немъ, а подъ часъ и неловкіе, и неуклюжіе, выплясывали по образу и подобию медвѣжьему, на смѣхъ всему міру Пансіонскому, ни мало не конфузясь тѣмъ. — Словомъ и веселья, и смѣху было довольно. — А музыка была полковая, обыкновенно Австрійская, т. е. Гренадерскаго Императора Австрійскаго полка, квартировавшаго въ Царскомъ Селѣ и который въ Пансіонѣ сокращенно называли *Австрійцами*. — По поводу этихъ *Ав-*

стрійцевъ, Пансіонскими остряками сложена была даже поговорка, а именно, если кто слишкомъ острился, то ему говорили:

Полно тебѣ *остриться*,

Лучше тебѣ *остричься*

И идти въ *Австрійцы*!

Созвучіе рижъ тутъ, какъ видно — удивительное! — Австрійцы и ихъ музыка не на однихъ Пансіонскихъ танцевальныхъ вечерахъ, впрочемъ, играли особенную роль въ домашней хроникѣ Пансіона, но и въ другихъ случаяхъ, какъ увидимъ въ своемъ мѣстѣ ниже. — Здѣсь же прибавимъ только, что Пансіонскіе балы съ Австрійскою музыкою полковою очень живо походили на деревенскіе балы въ Евгеніѣ Онѣгинѣ. —

Бывали иногда званые танцевальныя вечера и у директора Пансіона, Ивана Абрамовича Алабова, хотя и не часто. — Такъ какъ Алабовъ, бывъ назначенъ директоромъ Пансіона, вступилъ съ своею супругою въ Царскосельское общество, довольно многочисленное и зимою жившее открыто и весело, то будучи приглашаемъ къ другимъ, приглашалъ и къ себѣ, — въ томъ числѣ и нѣкоторыхъ изъ воспитанниковъ старшихъ классовъ Пансіона.

Наконецъ, воспитанники Пансіона бывали и на собраніяхъ съ танцами или домашними увеселительными играми въ семействахъ своихъ товарищей, которыя находились на постоянномъ жительствѣ въ Царскомъ Селѣ, и въ этихъ собраніяхъ проводили время весело и приятно, въ хорошемъ, образованномъ обществѣ. —

Все это, вмѣстѣ взятое, съ присоединеніемъ времени пребыванія воспитанниковъ на Пасхѣ и каникулахъ въ своихъ семействахъ, способствовало ихъ развязности, ловкости и хорошимъ приемамъ и обращенію въ кругу благовоспитанныхъ и

образованныхъ людей, и опять таки ни мало не подтверждаетъ заявленія Демидова, будто почти ни одинъ изъ нихъ не умѣлъ ни стоять, ни ходить, ни говорить! Если, при поступленіи въ низшіе классы Пансіона, въ воспитанникахъ и встрѣчались случаи неуклюжести, неразвязности и не совсѣмъ хорошихъ пріемовъ, въ слѣдствіе болѣе или менѣе несовершеннаго, первоначальнаго домашняго воспитанія, то съ ходомъ времени и лѣтъ и съ прохожденіемъ черезъ старшіе классы, все это болѣе или менѣе сглаживалось и принимало одинаковый, лучший характеръ. —

Зимній сезонъ съ его увеселеніями завершился наконецъ масляницей, — то раньше, то позже, смотря потому, когда приходилась въ году Пасха, но среднимъ временемъ — въ половинѣ Февраля, стало быть еще зимою. — На масляницу или, правильнѣе сказать, на три послѣдніе дня ея, общаго роспуска воспитанниковъ Пансіона не было, но роспускались только имѣвшіе семейства свои въ Царскомъ Селѣ, въ Петербургѣ и ближайшихъ его окрестностяхъ, — слѣдовательно около половины воспитанниковъ; — оставались только иногородные, т. е. имѣвшіе семейства свои въ другихъ губерніяхъ; но изъ нихъ многіе уходили въ Царское Село. — Впрочемъ еще до роспуска воспитанники справляли масляницу въ Пансіонѣ, какъ водится, блинами, которые подавались за обѣдомъ, а также добывались со стороны — у семейныхъ гувернеровъ и дядекъ. — Изъ этихъ послѣднихъ, главнымъ поставщикомъ блиновъ на масляницѣ и всякаго рода лакомствъ, какъ-то: дешевенькихъ леденцовъ, конфетъ, шоколаду и т. п., во всякое время, для Пансіонскихъ лакомокъ, быть пользовавшийся въ то время большою извѣстностью и еще большею популярностью между ними дядька, дворовый челоѣкъ воспитанниковъ — братьевъ Васильковъ, Иванъ Тимоѣевичъ, имѣвшій жену Марью Ильи-

ничну, и кучу дѣтей, малъ-мала меньше. — Эта хлѣбосольная (за деньги) семья такъ и была извѣстна между Пансіонерами подъ нераздѣльнымъ названіемъ Иванъ Тимоѣевича и съ Марьей Ильиничной. — Славные блинки пекла послѣдняя, и прямо со сковородки, горяченькіе, съ масломъ, они гастрономически вкушались юными посѣтителями этого Пансіонскаго кафе-ресторана. — А съ прекращеніемъ въ четвергъ классовъ и съ роспускомъ воспитанниковъ, послѣдніе три дня проводились въ масляничныхъ увеселеніяхъ разнаго рода, какія только возможны были въ Царскомъ Селѣ и въ Пансіонѣ. — Сюда принадлежали: прежде всего, разумѣется, ѣденіе блиновъ и у Ивана Тимоѣевича, и у семейныхъ служащихъ чиновъ Пансіона, и за обѣдомъ, и въ частныхъ домахъ, и гулянья пѣшкомъ и катанья въ саняхъ, и обѣды, и вечера въ Царскомъ Селѣ. — Недоставало только театровъ и балагановъ, которыхъ въ Царскомъ Селѣ не было, но ледяныя катальныя горы были въ разныхъ мѣстахъ, и въ самомъ Пансіонѣ, и катанье на нихъ, а также и на конькахъ, производилось воспитанниками исправно и усердно. — Словомъ — остававшіеся въ Пансіонѣ даромъ трехъ послѣднихъ дней масляницы не теряли и веселились какъ только могли. —

Но масляница 1822-го года, приходившаяся съ 6-го по 12-е Февраля (Пасха была въ этомъ году 2-го Апрѣля) вышла со всѣмъ изъ ряду другихъ — началась весело, а разыгралась печально. — На ней именно произошло то важное событіе, когда 6 или 7 взрослыхъ воспитанниковъ VI класса, на выпускѣ, изволили прогуляться ввечеру безъ гувернера и даже безъ дядьки! Проступокъ 7-ми гулякъ, возведенный на степень преступленія, былъ, какъ сказано, строго наказанъ на нихъ и на Пансіонѣ — и повлекъ за собою крутую реформу въ главномъ управленіи и Пансіономъ, и Лицеѣмъ. — Но все это раз-

рѣшилось официально уже послѣ масленицы и 1-й недѣли Великаго поста, именно — 27-го Февраля, въ Понедѣльникъ 3-й недѣли (1-й рескриптъ Министру Народнаго Просвѣщенія Князю Голицыну) и 18-го Марта въ Субботу 5-й недѣли (Указы Великому Князю Константину Павловичу и Князю Голицыну).—А 22-го Марта, въ Среду 6-й недѣли, главный директоръ Пажескаго и всѣхъ Кадетскихъ Корпусовъ, Генералъ-Адъютантъ Графъ Коновницынъ вступилъ уже въ главное завѣдываніе Лицеѣмъ и Пансіономъ, а вновь назначенный директоръ послѣдняго, Капитанъ Алабовъ — въ управленіе имъ. — „Отселя“ (какъ говоритъ Карамзинъ въ началѣ изложенія Царствованія Іоанна III) *исторія Пансіона принимаетъ уже новый характеръ—военный*, по крайней мѣрѣ по высшему управленію, и сохраняетъ его вплоть до упраздненія Пансіона, слѣдовательно — нѣсколько болѣе половины 15^{1/2} лѣтняго существованія этого заведенія. — А первую причину этого кризиса была масленица! — Дорого обошлась она Пансіону и потому составляетъ замѣчательную эпоху въ его исторіи. —

Въ послѣднее, прощальное Воскресенье на масленицѣ, къ 9-ти часамъ вечера всѣ воспитанники Пансіона, бывшіе въ отпуску, возвращались — и конецъ масленицѣ, а съ нею и зимнему сезону, и съ слѣдующаго же утра, въ Понедѣльникъ 1-й недѣли Великаго Поста, начиналось говѣніе воспитанниковъ. — На всю эту недѣлю законоучитель и духовникъ Лицея и Пансіона пріѣзжалъ уже на жительство въ Царское Село и совершалъ въ большой залѣ старшихъ классовъ, для всѣхъ Православныхъ воспитанниковъ вмѣстѣ, въ Понедѣльникъ утромъ и во всѣ дни съ Понедѣльника до Пятницы включительно по вечерамъ — утрени (въ первые 4 дня — съ чтеніемъ Великаго Канона).—Въ Понедѣльникъ, Вторникъ и

Четвергъ къ часамъ и вечернѣ, а въ Среду и Пятницу къ преждеосвященнымъ обѣднямъ воспитанники ходили либо въ Церковь Царекосельскаго дворца, если служба была въ ней, либо въ приходскую Знаменскую Церковь возлѣ Лицея, причемъ за обѣдной пѣли пѣвчіе или Лицея, или Пансіона (и нужно сказать—пѣли хорошо), подѣ управленіемъ своего учителя пѣнія *Гальтенофа*.—Въ Четвергъ, часа два послѣ часовъ и вечерни, начиналась уже Исповѣдь воспитанниковъ I, II и III классовъ въ одной изъ ихъ классныхъ комнатъ и продолжалась до поздняго вечера. — Исповѣдавшіеся шли въ тотъ же вечеръ въ баню. — Въ Пятницу между обѣдной и утреней ввечеру и послѣ этой утрени, воспитанники IV, V и VI классовъ исповѣдывались въ классной комнатѣ IV класса и послѣ исповѣди шли также въ баню. — Наконецъ въ Субботу всѣ говѣвшіе и исповѣдавшіеся воспитанники шли въ дворцовую Церковь къ обѣднѣ, которую по этому случаю служилъ часовъ въ 9 утра самъ законоучитель и духовникъ Лицея и Пансіона, Протоіерей *Кочетовъ*.—Передъ обѣдной читалось правило передъ причастіемъ, а въ концѣ обѣдни, послѣ прочтенія общей для всѣхъ передпрічастной молитвы, всѣ въ порядкѣ, младшіе классы впереди, подходили къ причастію и были причащаемы духовникомъ.—Затѣмъ, по окончаніи обѣдни, прочтеніи послѣ-причастныхъ молитвъ и цѣлованія креста, причастники возвращались въ Пансіонъ. — Во всю эту недѣлю классовъ не было, а чай, обѣдъ и ужинъ для Православныхъ воспитанниковъ были постные, для католиковъ же и лютеранъ — скоромные, почему Православные садились въ столовой на 4-хъ верхнихъ столахъ, а католики и лютеране всѣ вмѣстѣ на 2-хъ нижнихъ, младшіе классы съ младшими, а старшіе съ старшими. —

Во время говѣнія и вообще въ теченіи всего учебнаго года

большимъ неудобствомъ для Пансіона было то, что у него до Января 1828 года не имѣлось собственной церкви и воспитанники его были лишены возможности слушать всенощныя на воскресные и праздничные дни, а во время говѣнья—часы съ вечерней и обѣдней въ собственной церкви, а должны были ходить только къ обѣднямъ въ дворцовую или Знаменскую церкви въ Царскомъ Селѣ. — Отчего съ самаго начала въ Пансіонѣ не было устроено церкви, а потомъ она построена, но недостроена — неизвѣстно: но во всякомъ случаѣ, повторяемъ, это было большое неудобство. — Впрочемъ оно вознаграждалось отчасти тѣмъ, что всѣ религіозныя обязанности вообще и говѣніе въ частности исполнялись весьма добросовѣстно и исправно, благодаря преимущественно отличному законоучителю и духовнику Пансіона, Кочетову, любви и уваженію къ нему воспитанниковъ и духовно-нравственному вліянію его на нихъ. — Служилъ онъ прекрасно, а духовникъ былъ превосходный, исповѣдую съ необыкновенными: терпѣніемъ, кротостію и назидательностію. —

Прошла 1-я недѣля Великаго Поста, кончилось говѣніе — и снова началось ученіе и съ нимъ обычный порядокъ внутренней жизни Пансіона на цѣлыхъ пять недѣль Великаго поста. — А затѣмъ въ перспективѣ Страстная недѣля — и рождество на всю Святую недѣлю Пасхи. — Радостная перспектива! всѣ ждутъ, не дожидаясь ея, общаѣ себѣ много удовольствій, особенно тѣ, которые будутъ распушены въ семействѣ свои въ Царское Село, Петербургъ и его окрестности. — Но изъ массы нетерпѣливо ожидающихъ и радостно чающихъ близкаго будущаго, всѣхъ нетерпѣливѣе выпускные. — Для нихъ рождество на эту Святую недѣлю будетъ уже послѣднимъ въ Пансіонѣ, и затѣмъ вскорѣ и послѣдніе экзамены, и выпускъ на волю, въ свѣтъ, на службу! — Есть отъ чего быть въ ди-

хорадочномъ ожиданіи и нетерпѣніи! — И въ какихъ разнообразныхъ формахъ не проявляются они! — И въ радужныхъ мечтахъ, и въ безконечныхъ толкахъ и планахъ, и въ выпускныхъ карманныхъ календарикахъ на весь послѣдній, выпускной учебный годъ. — У каждого выпускнаго ужъ непремѣнно бывалъ такой календарикъ, росписанный съ 1-го Августа по 15-е Іюня, по числамъ и днямъ, и каждый день ввечеру вычеркивался со счету долой, съ означеніемъ, *сколько дней осталось до выпуска*. — И чѣмъ менѣе оставалось дней, тѣмъ болѣе росло нетерпѣніе; — чѣмъ ближе къ цѣли, тѣмъ болѣе, казалось, удалялась она. —

Но — не будемъ забѣгать впередъ. — По среднему расчету времени празднованія Пасхи, 1-ю недѣлю великаго поста, съ говѣніемъ на ней, можно было считать, болѣе или менѣе, и близкимъ концомъ зимы и наступленіемъ весны — по календарю. — А потому и переходимъ къ этой послѣдней. —

3. Весна.

(Мартъ — Апрель — Май).

O primavera, gioventù dell' anno!
O gioventù, primavera della vita!
(О весна, юность года!
О юность, весна жизни!)

(Изъ итальянскаго стихотворенія).

9-е Марта, день 40-ка мучениковъ и начала весны по календарю! — Прощай зима, здравствуй весна — юность года, разцвѣтъ и радость природы и Пансіона! И въ немъ обновляется жизнь, украшаемая и вѣяніемъ весны и мечтами о близкихъ праздникахъ Пасхи и не очень далекомъ рождествѣ на

лѣтнія вакаціи или каникулы, а кому и о совершенномъ выпускѣ изъ Пансіона! — Какъ не радоваться юности—веснѣ жизни, какъ не ликовать съ природой — хоть и Петербургской, но уже съ каждымъ днемъ поддающейся благодатному вліянію весны! — Лежитъ еще снѣжная пелена и въ Царско-сельскомъ саду, и на окрестныхъ поляхъ, но и большія деревья, и малые кусты уже болѣе не напудрены снѣгомъ, а молодая верба уже пускаетъ почки и ждетъ, чтобъ ее сорвали къ близкому Вербному Воскресенью. — Большое почтовое шоссе передъ Пансіономъ и всѣ улицы въ городѣ и дороги вѣтъ его—уже почернѣли. — Вмѣсто полоза саней, уже, какъ говорить Пушкинъ, *звончій копыто, колесо....* Таетъ снѣгъ, таютъ лужи, а потомъ и малые и большіе пруды; все громче и громче шумятъ въ саду водопады; воды и грязи на дворѣ прибавляется. — А день сравнялся съ ночью и началъ шибко перегонять ее. — Солнышко уже встаетъ и садится въ 6 часовъ—и съ нимъ, уже безъ огня, встаютъ Пансіонеры, лишь въ поздній вечеръ еще освѣщаемые послѣднимъ свѣтомъ свѣчей и лампъ. — Но и тому недолго: скоро, скоро настанутъ чудные, свѣтлые, сѣверные вечера и ночи... Мокро и сыро еще на дворахъ Пансіонскихъ, но распахнулись уже двери изъ галлерей на Пансіонскій ипподромъ — и хлынула уже на него толпа зимнихъ затворниковъ, и веселыми голосами ихъ снова оглашается безлюдный и безмолвный зимою ипподромъ, а этимъ голосамъ весело вторить весеннее щебетаніе птичекъ. — Оживился ипподромъ уже во всѣ рекреации, исключая еще послѣужинной, и, не смотря на лужи и слякоть, уже начались на немъ игры, хотя еще и не во всемъ размѣрѣ. — Хорошо и весело, и грудь свободно дышетъ весеннимъ воздухомъ!

А тутъ, глядишь—пролетѣли всѣ среднія недѣли великаго поста, прошло и вербное Воскресенье съ молодыми вербами—и

наступила Страстная недѣля... Встрепенулся Пансіонъ: домой, домой, *at home*, туда, гдѣ зрѣютъ, не *лимоны*, а всѣ радости семейныя и — столичныя на Святой недѣлѣ. Прошли три первыя дня Страстной недѣли, насталь наконецъ четвертый, Великій четвергъ — и какъ рой пчелъ изъ родимаго улья, мигомъ разлетѣлись $\frac{2}{3}$ Пансіона на всѣ четыре стороны свѣта, особенно на Сѣверъ—въ градъ Св. Петра. — Остались лишь *иногородные*, пришельцы дальнихъ странъ Великой, Малой, Бѣлой и всѣхъ прочихъ Россій!—Но не горюйте о нихъ: не останутся они въ накладѣ, и для нихъ радушно раскроются двери хлѣбосольныхъ домовъ Царскаго Села, и Святая недѣля проведется и ими не скучно. — Въ Великія: пятницу и субботу ходятъ они къ службамъ въ Церковь, тамъ же встрѣчаютъ въ полночь величайшій христіанскій праздникъ Свѣтлаго Христова Воскресенія, и похристосовавшись и разговѣвшись идутъ къ товарищамъ и ихъ семействамъ, живущимъ въ Царскомъ Селѣ, и къ Царскосельскимъ знакомымъ, и одинъ день, и другой, и третій, и такъ далѣе до конца....

А конецъ-то именно и недалекъ: долго-ли длиться Святой недѣлѣ?—Летитъ она еще скорѣе, нежели время до нее — и вотъ уже—Θомино Воскресеніе, и ввечеру пчелки возвращаются въ свой улей. — И онъ, на Святой Недѣлѣ довольно пустой и тихій, вдругъ снова наполнился и оживился еще болѣе прежняго, потому что у каждаго — рассказовъ не въ примѣръ больше сказокъ *тысячи и одной ночи*!—Хромаетъ ученье на Θоминою—голова еще слишкомъ полна весельями скоро минувшей недѣли, для того, чтобы въ нее вмѣщалось, какъ слѣдуетъ, ученье. — Но это продолжается недолго: прошла Θомина недѣля — и все опять втянулось въ обычный порядокъ и пошло по прежнему, тѣмъ болѣе, что впереди, если еще до-

вольно далеки блаженные каникулы, то до них предстоит довольно дѣла и труда.—Нужно докончить учебные курсы, а тамъ, благословясь, и за экзамены, переводные и особенно *выпускной публичный*, а это что-нибудь да значило.—Подобно тому, какъ на настоящемъ ипподромѣ рьяные ѣздоки и кони, чѣмъ ближе къ цѣли, тѣмъ горячѣе рвутся къ ней, такъ и въ Пансіонѣ—необходимо сугубо приложить трудъ къ труду и стараніе къ старанію, чтобы первымъ прійти къ цѣли, либо перегнать, догнать или покрайней мѣрѣ не отстать въ хвостѣ. — Это — своего рода скачка съ препятствіями, не только не имѣющая ничего предосудительнаго, но и напротивъ составляющая одно изъ главныхъ преимуществъ общественнаго воспитанія передъ домашнимъ. — Состязаніе (конкурренція) въ честныхъ и благородныхъ предѣлахъ—дѣло столь же похвальное, сколько и самый трудъ, къ которому оно побуждаетъ и поощряетъ.—

Съ этою цѣлію въ виду, уже заранѣе составляются, болѣе или менѣе, свои кружки или артели, соединенными силами работающія дружно, усердно и дѣятельно, даже на счетъ ночного сна (съ вставаньемъ за 1, 2 и даже 3 часа), надъ повтореніемъ годичнаго курса и приготовленіемъ къ экзаменамъ.—

И тутъ положительно можно сказать, что за исключеніемъ отпѣтыхъ бездарностей и лѣнтяевъ, всѣ остальные воспитанники всѣхъ классовъ, особливо старшихъ, серьезно принимались за работу и трудились неунынно и неустанно.—Пансіонъ точно обращался въ улей, въ которомъ все работало и трудилось съ усиленною дѣятельностью.—Описанныя выше увеселенія зимняго сезона, масляницы и Святой недѣли ни малѣйше не нарушали обычнаго хода учебныхъ занятій, во вредъ послѣднимъ. — Напротивъ, воскресныя и праздничныя развлечения и увеселенія полезно освѣжали силы и умъ, и давали имъ по-

вую пищу для послѣдующихъ занятій. — Веселье не мѣшало ученію, а ученіе—усугубляло веселье. — Ученіе въ Пансіонѣ было хорошо, даже очень хорошо, и со стороны учащихся, и со стороны учащихся: доказательства тому приведены, въ концѣ 1-й части, въ *цифрахъ*.—

И такъ, послѣ Оминой недѣли, по учебной части, шесть дней недѣльныхъ съ ранняго утра до ночи проводились въ усиленномъ трудѣ, но съ промежутками рекреаций, становившихся, съ постепеннымъ ходомъ весны, все болѣе и болѣе оживленными и оригинальными.—А вровень съ ними, и дни воскресные и праздничные также проводились своимъ особеннымъ, веселымъ образомъ.—

Прошелъ 1-й весенній мѣсяцъ — Мартъ, насталъ Апрель, болѣею частью теплый и благодатный.—Снѣгъ лежитъ еще небольшими пространствами въ саду и на поляхъ, но пруды уже вскрылись, на нихъ появились уже лебеди и лодки, водонады заголосили еще громче;—деревья еще обнажены, но уже пускаютъ первыя почки;—дороги и дорожки въ саду разчищены, усыпаны пескомъ и укатаны — и весело ходить по нимъ, среди оживающей природы. — Заря уже во всю ночь, солнце встаетъ въ 4 часа, садится въ 8, день—длинный, ночь—свѣтлая, хороши дни, но еще лучше ночи.—Эти весеннія ночи въ Царскомъ Селѣ — имѣли свою особенную, невыразимую прелесть, такъ, что не рѣдко приковывали воспитанниковъ (старшихъ классовъ, даже выпускнаго) къ раскрытымъ окнамъ далеко за урочное время 10-ти часовъ вечера, не смотря на усиленные занятія и вечеромъ, и рано утромъ.—И вставанье за 1, 2 и даже 3 часа было легко и весело: видишь, бывало, чудный восходъ солнца и пробуждающуюся природу—и оторваться отъ раскрытаго окна не хочется, и работать-то нужно! И сядешь работать у открытаго окна, противъ большаго

сада или поля, и вдыхаешь въ себя полной грудью свѣжій весенній воздухъ, и хотя видишь еще голыя деревья, но слышишь шумъ водопадовъ, и крикъ лебедей, и съ Юрьева дня рожокъ пастуха, и мычаніе стада, впервые выгоняемаго въ поле—и работа идетъ легко и свободно, и непримѣтно доводить до утренняго звонка въ 6-ть часовъ утра.—Пробудился Пансіонъ, закипѣла въ немъ жизнь—и пошла машина въ ходъ.—Ни свѣчей, ни печей, ни закрытыхъ на-глухо оконъ и дверей—уже и въ поминѣ нѣтъ.—Въ столовую и изъ нее чрезъ галерею идти уже не холодно, а изъ галереи раскрытыя двери такъ и манятъ на большой дворъ.—Но идутъ 1-е уроки и лекціи—и только въ 9 часовъ все наличное население Пансіона высыпаетъ изъ галереи и разсыпается по двору, саду и полю.—Дворъ уже сухъ—и на немъ тотчасъ же начинаются разнообразныя игры, и лантой пускаются *свѣчки* (резиновые мячики) на такую высоту, что едва глазъ видитъ, и свайка мѣтко и звонко бьется въ кольцо, и производится бѣги, и пр. и пр.—Пролетитъ одинъ часъ рекреаціи и на вольномъ весеннемъ воздухѣ, въ играхъ и бѣганьѣ, такъ разогрѣвшись, что румянецъ выступить во всю щеку, и долго не соберешься съ духомъ, и только отдохнешь въ классѣ во 2-е уроки и лекціи.—А обѣдаешь уже съ открытыми окнами, безъ чего въ столовой нестерпимо душно.—Послѣ утреннихъ трудовъ, умственныхъ и тѣлесныхъ, вкусно и сладко ѣтся за обѣдомъ, а затѣмъ—опять въ поле на воздухъ, и опять гулянье, бѣганье, игры.—Да если къ этому еще солнечный, теплый день и безоблачное небо—что за прелесть!—А все-таки тайная думка—объ экзаменахъ, а за ними о каникулахъ и выпускѣ....

Пансіонскій недѣльный день весною особенно отличался въ Маѣ по вечерамъ, послѣ вечерняго чая.—То было—*хождение*

на музыку, игравшую на большомъ дворѣ Царскосельскаго дворца, у гауптвахты, и заключающуюся въ 9 часовъ вечерней зарей съ церемоніей.—

Въ Маѣ, въ Царскомъ Селѣ, ежедневно ввечеру отъ 7 до 9 часовъ, у главной дворцовой гауптвахты, играла полковая музыка гренадерскаго Императора Австрійскаго полка или, по пансіонски—*австрійская*,—такъ какъ и караулъ бывалъ отъ этого же полка.—На эту музыку, въ свѣтлые майскіе вечера собирались жители и жительницы Царскаго Села, а въ томъ числѣ и воспитанники Лицея и Пансіона съ гувернерами, и слушали музыку, собираясь вокругъ хора музыкантовъ или прохаживаясь вдоль обширнаго дворцоваго двора.—Въ 9 часовъ музыка оканчивалась зарею съ церемоніей и вечернею молитвой, передъ которой хоръ игралъ чудный гимнъ: *Коль слава нашъ Господь въ Сіонѣ*.—По окончаніи всего, публика расходилась во всѣ стороны, и лицеисты возвращались по близости въ Лицей, а пансіонеры черезъ садъ въ Пансіонъ къ ужину.—Эти прогулки на музыку были для нихъ въ своемъ родѣ праздникомъ и пріятнымъ развлеченіемъ.

Кромѣ того, воспитанники Пансіона въ Апрѣлѣ, Маѣ и Іюнѣ ходили гулять по-классно съ гувернерами, въ недѣльные дни, послѣ вечерняго чая—въ большой садъ, гдѣ нерѣдко катались въ лодкахъ и иногда съ пѣніемъ, а въ воскресные и праздничные дни, послѣ обѣда или вечерняго чая—и далѣе, а именно: или въ Баболово, или въ Павловскъ, или другія окрестности Царскаго Села.—Всѣхъ интереснѣе и пріятнѣе были прогулки въ Павловскъ, уже описанныя выше въ осеннихъ мѣсяцахъ.—Но тогда, по краткости уже дней и темнотѣ вечеровъ, онѣ совершались послѣ обѣда, весною же и по вечерамъ.—Въ это время воспитанникамъ Пансіона, кромѣ всѣхъ удовольствій въ Павловскѣ, о которыхъ говорено, слу-

чалось бывать и въ Павловскомъ дворцовомъ театрѣ (бывшемъ на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь гимнастическая мачта съ сѣткой для дѣтей). Тутъ, въ присутствіи Высочайшаго двора, давались представленія русскою и французскою трупами придворныхъ актеровъ, большею частію—русскою оперною, которая тогда была очень хороша.—Украшеніемъ ея были: *Самойловъ*—отецъ, бастъ, *Климовскій*—теноръ и *Нимфодора Семеновна Семенова*—сопрано.—Репертуаромъ служили оперы *Сорока воровка*, *Водовозъ* и др., въ которыхъ особенно хороши были *Самойловъ* и *Семенова*.—Эти придворные спектакли, въ присутствіи Двора, были не безъ значенія для воспитанниковъ Пансіона, доставляя имъ случай видѣть Государя, Императрицу и Особь Императорской Фамиліи, и, среди отборнаго общества, слышать хорошую музыку, хорошее пѣніе и проводить время столько же пріятно, сколько скромно и прилично.

Но рядомъ съ весенними развлечениями, шла, какъ сказано, и серьезная работа—окончаніе курсовъ и приготовленіе къ экзаменамъ.—Кончились, наконецъ, первые и начались послѣдніе во всѣхъ классахъ.—Это бывало уже въ концѣ Мая и въ Іюнь,—значить въ концѣ весны и въ началѣ лѣта, а потому и переносу рассказъ объ этомъ къ *послѣднему*, по принятому мною порядку, изъ четырехъ временъ года.

4. Лѣто.

(Іюнь и Іюль.)

О лѣто, лѣто горяче,
Мухами обильно паче,
Только тѣмъ не любовно,
Что не грибовно!

В. К. Тредьяковскій.

Сии вирши онаго прблагознаменитаго мужа, Элоквенціи профессора и всероссійскаго пѣтца, только на одну треть относи-

лись къ воспитанникамъ Пансіона.—Изъ *горячаго и обильнаго мухами*, но *негрибовнаго лѣта*, на ихъ долю выпадалъ только Іюль съ каникулами *внѣ* Пансіона;—2-я же половина Іюня и Августъ съ 1-й половиной Сентября, не всегда *горячіе и обильные мухами*, но перѣдко дождливые и *грибовные*, проводились ими, говоря языкомъ стихотворнымъ, *подъ снѣгу* Пансіона.—Въ Іюль же, на каникулахъ, *подъ снѣгу роднаго крова*, ни горячая температура лѣта, ни обиліе мухъ, ни даже негрибовность его, не въ состояніи были ни на волосъ убавить счастья провести этотъ блаженный *медовый мѣсяцъ* дома на волѣ.—Не даромъ же къ этому Іюлю стремились всѣ, самыя жаркія, задушевные и сердечныя желанія Пансіонеровъ, малыхъ и большихъ, отъ Өоминой до минуты роспуска включительно!—Но эти желанія, мечты и ожиданія насколько не вредили экзаменамъ, а напротивъ служили отличнымъ поощреніемъ къ наилучшей сдачѣ ихъ.—Кому же не было пріятно, воротясь домой, порадовать родныхъ вѣстію о переводѣ въ высшій классъ, а лучшимъ и съ наградой—хорошей книгой, эстампомъ или похвальнымъ свидѣтельствомъ, выпускнымъ же—о выпускѣ по 1-му разряду (X-мъ классомъ или въ Старую гвардію) или по крайней мѣрѣ по 2-му (XII классомъ или въ молодую Гвардію).—Несовсѣмъ же ловко было явиться домой—оставленнымъ въ томъ же классѣ или выпущеннымъ съ чиномъ XIV класса либо офицеромъ арміи.—Домашняя скорбь въ послѣднемъ случаѣ бывала сильнѣе домашней радости въ первомъ, и каждый, если только не одолѣвала бездарность или лѣнь, рвался изъ всѣхъ силъ порадовать отца и мать, братьевъ и сестеръ, родныхъ и знакомыхъ, и встрѣтить ихъ радостный, веселый пріемъ, поздравленія и всякое ублаженіе.—Каждый заранѣе зналъ, что внесилъ этимъ утѣшеніе и радость въ свою семью—и удваивалъ

стараніе, не щадилъ силъ, чтобы не только не отстать, но, коли можно было, и перегнать и стать изъ первыхъ.

Настали наконецъ экзамены, и переводные, и выпускной публичный.—Первые продолжались весь Іюнь мѣсяцъ, послѣдній же происходилъ и оканчивался большею частію въ 1-й половинѣ этого мѣсяца.—Во время экзаменовъ вообще внутренняя жизнь Пансіона нѣсколько измѣнялась тѣмъ, что ни классовъ, ни особенныхъ по крайней мѣрѣ дальнихъ прогулокъ на недѣлѣ уже не было, а вмѣсто того были усиленные занятія по утрамъ, а въ старшихъ классахъ, особенно VI-мъ выпускномъ, и по вечерамъ, и даже за полночь, для приготовления къ экзаменамъ.—По утрамъ и внизу, и вверху, въ спальняхъ у входовъ и дверей почти вездѣ видѣлись условные знаки пробужденія дежурными дядьками за 1, 2 и даже 3 часа; т. е. полотенца, связанные въ 1, 2 или 3 узла.—Съ свѣтлыми въ Іюнь вечерами и ночами, при открытыхъ окнахъ, тепломъ воздухѣ, зелени сада и окрестныхъ полей и лѣсовъ уже въ полной силѣ, при раннемъ восходѣ солнца и прелести ранняго Іюньскаго утра—эти утреннія и вечернія, экстренныя приготовления къ экзаменамъ заключали въ себѣ столько пріятнаго, что заставляли легко переносить и лишеніе себя сна, и утомительный сидячій трудъ.—Надежда успѣха и затѣмъ—отдохновения, освѣженія силъ, развлечения и удовольствій во время каникулъ, одушевляла всѣхъ и каждого одинаково и восполняла собою и всѣ лишенія, и всѣ труды.—Въ переводныхъ экзаменахъ однако это было легче, нежели въ выпускномъ, потому что они были съ промежутками, въ которые можно было и отдохнуть, и размяться на воздухѣ прогулками или играми на Пансіонскомъ полѣ.—Кромѣ того переводные экзамены были домашніе въ своихъ классахъ.—Но выпускные экзамены происходили почти еже-

дневно, безъ промежутковъ, по утрамъ, въ большой залѣ старшихъ классовъ, въ присутствіи всего Лицейскаго и Пансіонскаго начальства и публики—родителей, сродниковъ, знакомыхъ и, какъ говорится, *любителей просвѣщенія*, пріѣзжавшихъ изъ Царскаго Села, Петербурга и иныхъ мѣстъ.—Для этого въ глубинѣ залы, возлѣ IV класса, посреди стѣны ставилась большая учебная доска, по обѣ стороны ея полукругомъ—одиночныя классныя скамейки, на которыя садились выпускные воспитанники VI класса, а посреди залы, противъ доски—большой столъ, крытый краснымъ сукномъ, за нимъ въ 1-мъ ряду креселъ возсѣдали власти и почетнѣйшіе посѣтители, а въ слѣдующихъ рядахъ остальные. Профессоръ экзаменуемаго предмета садился съ боку возлѣ учебной доски, если предметъ требовалъ письма на ней, или же стоялъ либо сидѣлъ съ боку возлѣ экзаменаторскаго стола. Экзаменуемые, по назначенію старшаго предсѣдательствовавшего, отвѣчали съ мѣстъ стоя, по изустнымъ вопросамъ, или у доски,—а на экзаменѣ изъ опытной физики—у аппаратовъ посреди залы.—При этомъ, по нѣкоторымъ предметамъ, на примѣръ Закону Божию, русской и иностранной словесности, математическимъ, историческимъ и государственнымъ наукамъ, экзаменуемые читали собственнаго сочиненія диссертации.—Послѣднимъ экзаменомъ большею частію бывалъ экзаменъ изъ опытной физики и химіи, съ *опытами* электричества, гальванизма, магнетизма и т. п.—Этимъ заключался публичный выпускной экзаменъ, власти и посѣтители удалялись, а для выпускныхъ—двери Пансіона разверзались настежь, для выхода изъ него *навсегда, на волю, на всѣ четыре стороны* и уже *однихъ, безъ сопровожденія гувернера или дядьки!*—Радость и ликование—безмѣрные!—Шесть лѣтъ—а кому и болѣе—пробыванія въ Пансіонѣ, со всѣми его радостями и

горемъ, все исчезало въ одномъ ощущеніи невыразимаго счастья быть на свободѣ и ринуться въ свѣтъ и его кипучую жизнь, со всѣми ихъ, столь заманчивыми и упоительными для молодежи, наслажденіями.—Эта радость ослабляла неизбежное чувство скорби при прощаньи и разлукѣ съ товарищами, остававшимися въ Пансіонѣ, съ наставниками, воспитателями и даже съ прислугой.—Да и времени на это было немного: обыкновенно къ послѣдному дню экзамена у выпускныхъ все уже было готово къ немедленному отъѣзду изъ Пансіона—и всѣ разтѣзались изъ него въ тотъ же день въ разныя стороны, большею частию въ Петербургъ.—Но случалось, что до того всѣ, либо большая или меньшая часть выпускныхъ, собирались гдѣ-нибудь въ Царскомъ Селѣ, въ семействѣ одного изъ товарищей, на обѣдъ, и уже послѣ него разтѣзались съ тѣмъ, чтобы въ слѣдующемъ Августѣ снова съѣхаться на актъ, на которомъ провозглашались результаты выпуска и раздавались аттестаты и награды медалями или похвальными листами.—Въ *послѣдній разъ* собравшись на актъ, выпускные уже *окончательно* разставались и съ Пансіономъ, и съ его воспитанниками, и даже съ многими сотоварищами по выпуску, съ тѣмъ, чтобы, можетъ быть, *никогда въ жизни* съ ними болѣе не встрѣчаться!—Но въ эту минуту едвали кто помышлялъ о *вѣчной* разлукѣ, и она приходила на умъ и ложилась на сердце лишь гораздо позже, когда лѣта и опытъ жизни все болѣе и болѣе давали себя чувствовать.

Наконецъ—разтѣхались выпускные, опустѣла и классная комната ихъ, и спальни ихъ, и столъ ихъ въ столовой, и для оставшихся товарищей примѣтно и чувствительно кого-то и чего-то не доставало... Но это было лишь мгновенное чувство: продолженіе и окончаніе переводныхъ экзаменовъ и ожиданіе скорого, давно-желаннаго отпуска на каникулы скоро

изглаживали тяжесть разлуки, и всѣ продолжали по прежнему свои усиленные приготовленія къ послѣднимъ экзаменамъ.

Насталъ и имъ конецъ, а съ нимъ и отпускъ на каникулы—и все пришло въ движеніе, все радостно и шумно зашевелилось въ Пансіонѣ.—И тѣже самыя сцены, которыя были описаны выше по случаю возвращенія съ каникулъ къ 1-му Августа въ Пансіонъ, повторяются и теперь, съ тою только разницею, что въ нихъ замѣтны необыкновенныя: оживленіе, торопливость, радость и веселье... Въ самомъ скоромъ времени Пансіонъ пустѣетъ на цѣлый мѣсяцъ и въ немъ, вмѣсто молодой учебной семьи и ея занятій и развлеченій, водворяются рабочіе для ремонтныхъ исправленій и освѣженія Пансіона къ 1-му Августа.

IV.

Заключеніе.

Въ заключеніе этой краткой лѣтописи или, лучше сказать, некролога Благороднаго Пансіона Императорскаго Царскосельскаго Лицея, такъ недолго существовавшего и такъ рановременно окончившаго свое существованіе, священныи долгъ *признательности*, этой, по прекрасному выраженію Карамзина—*памяти сердца*, требуетъ почтить память тѣхъ, которые учредили и устроили Пансіонъ, и тѣхъ, которые руководили и наставляли его питомцевъ, и наконецъ—самого Пансіона, которому питомцы его были столь многими обязаны.

И первая дань признательности да будетъ посвящена Тому, Который, державной волею Своею, утвердивъ учрежденіе разсадника Царскосельскаго Лицея и вмѣстѣ съ тѣмъ новаго способа къ воспитанію и образованію дѣтей Русскаго дворянства,

облагодѣтельствовалъ Лицейскій Пансіонъ, дарованіемъ ему матеріальныхъ средствъ и важныхъ правъ и преимуществъ, и по побужденію собственнаго сердца, никогда не переставалъ благоволить къ нему и его воспитанникамъ, которыхъ считалъ и называлъ *Своими*.

Вторая дань признательности — знаменитому Государственному мужу, министру народнаго просвѣщенія въ 1810—1816 гг., учредителю и благодѣтелю Пансіона, Графу Алексѣю Кирилловичу Разумовскому. — Въ его умѣ возникла мысль объ учрежденіи при Царскосельскомъ Лицеѣ Благороднаго Пансіона. — Онъ, съ Высочайшаго утвержденія Императора Александра Павловича, привелъ ее въ исполненіе, и *учредивъ* Пансіонъ, *устроилъ* его, испросилъ ему и дома съ землею для помѣщенія, и деньги на обзаведеніе, и тѣ права и преимущества, которыми онъ пользовался съ 1816 г. до своего упраздненія. — И если, по слабости человѣческой, онъ ошибся въ выборѣ перваго директора Пансіона, за то не ошибся въ выборѣ Ангельгардта — и этимъ искупилъ ошибку свою. —

Третья дань признательности

Наставникамъ, хранившимъ юность нашу,
Всѣмъ честно, и мертвымъ и живымъ,

Не помня зла, за благо воздадимъ.

А. Пушкинъ. 19-е Октября 1825 г.

Наставникамъ, вводившимъ насъ въ свѣтлый храмъ науки, воспитателямъ, учившимъ насъ уму-разуму и добрымъ порядкамъ, и особенно — опытному и искусному въ наукѣ воспитанія, устроителю и благодѣтелю Пансіона, какъ и Лицея, незабвенному Егору Антоновичу Ангельгардту, — *мертвымъ* — вѣчная память, *живымъ* — признательный привѣтъ отъ сердца, всѣмъ — хвала, и честь, и благодареніе!

И послѣдняя дань признательности — тебѣ, нашъ *благородный* Пансіонъ, такъ мало жившій, такъ рано угасшій! — Тебѣ какъ нельзя болѣе приличны стихи Malesherbes'a:

Et rose, elle a vécu
Ce que vivent les roses —
L'espace d'un matin!...

Вся твоя краткая жизнь была сцѣпленіемъ какихъ-то необыкновенныхъ, незаслуженныхъ невзгодъ. — Отъ самаго начала до самаго конца, и тайно, и явно, возставали противъ тебя бури — страстей и козней людскихъ. — Ты постоянно служилъ имъ цѣлю, или средствомъ, или — игрушкой. — И іерархія властей, и люди, неудачно избранные для твоей управы, и могучіе, временщики, и Іезуиты всѣхъ родовъ и видовъ, и тайные, и явные враги и недоброжелатели, и перекрестная нить темныхъ и недостойныхъ козней и наушныхъ нареканий ихъ, 15½ лѣтъ подкапывались подъ тебя, какъ будто подъ злынаго и опаснаго врага! — И наконецъ — таки одолѣли они тебя: сломила тебя, молодое деревцо, злая буря — и стерла тебя съ лица земли, и развѣяла самые слѣды твои! — Остались только твои стѣны, да смутная память о тебѣ. — Но и въ стѣнахъ твоихъ, въ былое время — пріютъ науки и воспитанія молодаго поколѣнія на службу отечеству, теперь — *казармы* и въ нихъ не научное, а *строевое* ученіе, не голосъ науки и не клики учащагося юношества, а *звукъ военной трубы* и *воинскіе возгласы*.... А память о тебѣ блѣднѣетъ, кружокъ тѣхъ, которымъ она всѣхъ ближе и дороже, рѣдѣетъ — все болѣе и болѣе....

Увы! нашъ кругъ часъ отъ часу рѣдѣетъ;
Кто въ гробъ спитъ, кто дальній сиротѣтъ;
Судьба глядитъ, мы вянемъ, дни бѣгутъ;
Невидимо склоняясь и хладѣя,

Мы близимся къ началу своему...
Кому-жъ изъ насъ подъ старость день Лицея
Торжествовать придется одному?

А. Пушкинъ. 19 Октября 1825 г.

Кому?—день Пансіона?—грустный вопросъ!—*Никто никогда и не торжествовалъ дня Пансіона*, даже не припоминать его!—Какъ будто вымерла его память, словно никогда его и не бывало!

А кажется, есть чѣмъ признательно помянуть его. Если мы на *первой* родинѣ нашей, въ *родной* семьѣ, получили жизнь и первоначальное воспитаніе въ дѣтскомъ возрастѣ, то на *второй* родинѣ—въ Пансіонѣ, въ *другой* семьѣ—Пансіонской, мы обрѣли, можно сказать, *сугубую* жизнь, довершивъ свое воспитаніе и умственное образованіе, для службы Государственной, на пользу общественную.—И если дороги для насъ впечатлѣнія и воспоминанія дѣтскихъ лѣтъ на *первой* родинѣ, въ *родной* семьѣ, то не сугубо дороже-ли для насъ должны быть впечатлѣнія и воспоминанія лѣтъ отроческихъ и юношескихъ, проведенныхъ на *второй* родинѣ, въ Царскомъ Селѣ, въ Лицейскомъ Пансіонѣ, въ средѣ *другой* семьи—Пансіонской, не расторгавшей однако нашихъ кровныхъ узъ съ *родной* семьей?—Въ Царскомъ Селѣ, этомъ великолѣпномъ Царскомъ владѣніи, съ его дворцами и садами, въ этомъ нѣкогда *маломъ Русскомъ Геттингенѣ*, въ стѣнахъ Лицейскаго Пансіона, въ благихъ трудахъ на пользу собственного нашего умственного образованія, живительно освѣжаемыхъ, но не нарушаемыхъ разнообразными развлечениями въ часы и дни досуговъ,—мы по истинѣ *сугубо возродились къ жизни*—умственной и, съ запасомъ свѣжихъ силъ и полезныхъ знаній, изъ Пансіона какъ бы *вторично* вступили въ *новый міръ*—*дѣятельности общественной*.—Почтимъ же память Пансіона,

которому мы такъ много обязаны, признательнымъ о немъ воспоминаніемъ—хотя *теперь*, по случаю наступающаго 50-ти лѣтія I-го его выпуска, коль скоро уже не помянули его въ минувшее 50-ти лѣтіе его открытія.—Немного изъ насъ уже осталось въ живыхъ, и тѣ — на склонѣ лѣтъ, отцы и даже дѣды... Случится-ль намъ, *ветеранамъ* Пансіона, путь мимо его старыхъ стѣнъ, нерушимо цѣлыхъ доселѣ, — пройдемъ-ли мимо въ холодномъ невниманіи къ нимъ? — Да не будетъ! — Благоговѣнно обнаживъ и склонивъ предъ ними голову, скажемъ изъ глубины души и сердца: „Вотъ все, что осталось отъ тебя, нашъ *благородный* Пансіонъ!—Эти стѣны—краснорѣчивый для насъ, въ своемъ безмолвіи, памятникъ тебѣ на томъ мѣстѣ, гдѣ ты такъ мало жилъ, такъ рано угасть!—Прими-жъ отъ насъ признательный привѣтъ: хвала тебѣ, и честь, и благодареніе—и вѣчная память!...“

КОНЕЦЪ.

ПРИЛОЖЕНИЕ I

**ПОСТАНОВЛЕНИЕ О ЗАКОННОСТИ ВЪВЕДЕНИЯ
НАРОДНОЙ СЛУЖБЫ**

(1-е издание, 1912-1913)

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 1912-1913 гг. в России введена новая форма государственной службы — народная служба. Это было сделано в целях улучшения управления государством и повышения ответственности государственных служащих перед народом. Народная служба была введена в различных отраслях государственного управления, включая министерства, ведомства, местные органы власти и т.д. Это позволило привлечь к государственной службе более широкий круг лиц, обладающих необходимыми знаниями и способностями. Народная служба стала основой для формирования нового государственного аппарата, который должен был работать на благо народа.

ПРИЛОЖЕНИЯ.

1. 3. Народная служба — это служба, в которой участвуют лица, избираемые народом или народными органами власти. Народная служба является основой государственного управления в России.

2. 4. Народная служба должна быть основана на принципах демократизма, ответственности и открытости. Народная служба должна быть доступна для всех граждан, имеющих необходимые знания и способности.

3. 5. Народная служба должна быть основана на принципах справедливости, равенства и законности. Народная служба должна быть свободна от коррупции и злоупотреблений.

4. 6. Народная служба должна быть основана на принципах сотрудничества и взаимопомощи. Народная служба должна быть направлена на достижение общих целей и интересов народа.

ПРИЛОЖЕНІЕ I.

ПОСТАНОВЛЕНІЕ О БЛАГОРОДНОМЪ ПАНСІОНѢ ВЪ ГОРОДѢ ЦАРСКОМЪ СЕЛѢ.

(1-е постановленіе Іюля 1812 года).

ВВЕДЕНІЕ.

§ 1. Въ городѣ Царскомъ Селѣ учреждается Благородный Пансіонъ.

§ 2. Цѣль сего заведенія двоякая: а) устроеніе въ немъ разсадника собственно для Царскосельскаго Лицея, б) доставленіе новаго способа дворянству для приличнаго званію сему воспитанія.

§ 3. Благородный Пансіонъ сей состоитъ въ зависимости отъ Министра просвѣщенія.

§ 4. Правленіе Лицея располагаетъ воспитательною частію Пансіона; конференція имѣетъ попеченіе объ учебной части онаго.

§ 5. Ближайшій надзоръ за внутреннимъ устройствомъ Пансіона имѣетъ одинъ изъ профессоровъ Лицея, извѣстный своимъ поведеніемъ, обширными познаніями въ наукахъ и языкахъ иностранныхъ и искусствомъ въ воспитаніи и управленіи юношествомъ.—Сіе однакожъ не стѣсняетъ власти министра ввѣрить надзоръ за Пансіономъ стороннему лицу, если признаетъ то полезнѣйшимъ для заведенія. —

§ 6. Чиновникъ, имѣющій ближайшій надзоръ за Пансіономъ, носитъ званіе Директора Благороднаго Пансіона и имѣетъ при себѣ помощника изъ стороннихъ чиновниковъ съ такими

же качествами, каковыя въ § 5 требуются отъ директора, исключая науки, въ коихъ и не столь обширныя познанія могутъ быть приняты въ уваженіе. —

§ 7. Какъ директоръ, такъ и помощникъ его, преимущественно избираются изъ природныхъ Россіянь, или, по крайней мѣрѣ, изъ подданныхъ російскихъ. — Оба сіи чиновника опредѣляются непосредственно самимъ министромъ.

§ 8. По части воспитанія, Пансіонъ имѣетъ нужное число комнатныхъ и хозяйственныхъ надзирателей или гувернеровъ; по части учебной, онъ заимствуетъ профессоровъ и учителей изъ Лицея, недостающее же число ихъ принимаетъ со стороны.

§ 9. Въ семь Пансіонѣ предполагается воспитывать 150 дѣтей; но число сіе можетъ быть впредь увеличено, по мѣрѣ возможности помѣщенія, какое Пансіонъ со временемъ приобрететъ. —

§ 10. На содержаніе воспитанниковъ, на жалованье учителей, чиновниковъ и служителей, на содержаніе дома и всего хозяйства Пансіона составляется сумма изъ денегъ, вносимыхъ за воспитаніе дѣтей родителями, родственниками или другими особами. —

§ 11. Сверхъ означеннаго въ § 9 числа пансіонеровъ, въ заведеніи семь воспитывается, по соображенію удобства помѣщенія и капитала, извѣстное число воспитанниковъ на счетъ процентовъ, получаемыхъ съ содержателей всѣхъ пансіоновъ въ Имперіи. — Сіи воспитанники избираются изъ дѣтей преимущественно военныхъ чиновниковъ, лишенныхъ всѣхъ способностей воспитанію оныхъ. —

§ 12. Для полнаго образованія въ семь Пансіонѣ назначается девять лѣтъ; если же кто изъ воспитанниковъ до истеченія сего срока пожелаетъ выйти изъ Пансіона, то не получить аттестата и лишится выгодъ, предоставленныхъ пансіонерамъ, окончившимъ полный курсъ въ семь заведеніи.

Одѣленіе первое.

О порядкѣ воспитательномъ.

§ 13. Въ отношеніи къ порядку воспитательному, начальство Пансіона приѣмлетъ всевозможныя мѣры: а) къ усовершенствію душевныхъ способностей, и б) тѣлеснаго здравія воспитанниковъ.

§ 14. Для достиженія первой цѣли наблюдаемы будутъ: неуспѣхъ присмотръ за воспитанниками, благоразумное обращеніе съ ними, направленіе ума и сердца ихъ къ правотѣ, утвержденіе въ священныхъ истинахъ закона Божія и нравственности, обогащеніе полезными свѣдѣніями и внушеніе пламенной любви къ Государю и Отечеству. —

§ 15. Для достиженія послѣдней цѣли будутъ наблюдаемы: здоровая и умѣренная пища, строжайшая опрятность и врачеваніе болѣзней.

§ 16. Воспитанники раздѣляются на три возраста: младшій, средній и старшій

Приѣмъ воспитанниковъ.

§ 17. Приѣмъ воспитанниковъ бываетъ до начатія годичнаго ученія, которое въ Пансіонѣ должно быть начинаемо въ одно время съ ученіемъ въ Императорскомъ Лицеѣ. —

§ 18. При открытіи Пансіона имѣетъ быть принято не болѣе ста воспитанниковъ для двухъ только возрастовъ: для младшаго отъ 8 до 10-ти и болѣе лѣтъ, а для средняго отъ 10 до 13-ти лѣтъ, и распределяется по классамъ, сообразно ихъ свѣдѣніямъ въ наукахъ, каковыя окажутъ на предварительномъ испытаніи. — Поступившіе въ средній возрастъ со-

вершать учение свое въ Пансіонѣ чрезъ 6 лѣтъ, а въ младшій чрезъ 9, по предположенію § 12.

§ 19. Чрезъ три года съ открытія Пансіона, когда сіи воспитанники успѣютъ въ наукахъ столько, что составятъ средній и старшій возрасты, въ Пансіонѣ принято будетъ остальное предполагаемое число 50-ти воспитанниковъ для младшаго возраста. —

§ 20. Въ слѣдующее время дѣти будутъ принимаемы только въ младшій возрастъ, не моложе 8 и не старѣе 10 лѣтъ. —

§ 21. Знанія наукъ отъ нихъ впредь при приѣмѣ не требуется; ибо въ Пансіонѣ учение начинается съ самыхъ первыхъ основаній. — Впрочемъ не считать препятствіемъ къ приѣму, если дитя будетъ умѣть читать и писать по русски или на другомъ какомъ языкѣ.

§ 22. При приѣмѣ наблюдается, чтобы дитя было совершенно здорово, для чего требуется свидѣтельство о томъ не только стороннихъ врачей, но и при Пансіонѣ находящихся, которые принимаемое дитя осматриваютъ въ присутствіи начальства Пансіона.

§ 23. Родители или родственники дѣтей, особливо иногородные, желающіе отдать ихъ въ Пансіонъ, должны заблаговременно доставить въ правленіе Лицея просьбу, по образцу подъ буквою А, у сего постановленія означенному, примѣняясь ко времени приѣма и мѣсту своего пребыванія, дабы правленіе могло предварить просящаго о возможности или невозможности удовлетворить его желанію.

§ 24. При просьбѣ прилагается свидѣтельство о дворянствѣ или благородномъ происхожденіи дитяти, свидѣтельство священника, его крестившаго, или того прихода, гдѣ онъ креститъ, и свидѣтельство лекаря о томъ, что ему привита была оспа; ибо за правило поставляется, чтобы дѣти прини-

маемы были въ сей Пансіонѣ такіа только, на коихъ оспа уже была. —

Внутреннее устройство.

§ 25. Всѣ комнаты, опредѣленные для жилья воспитанниковъ и учебные покои должны быть чисты, сухи, высоки, содержимы въ умѣренной теплотѣ и освѣжаемы наружнымъ воздухомъ, лѣтомъ и зимою. —

§ 26. Кровати ихъ (когда удобность мѣста позволить) расположатся по срединѣ спальныхъ большихъ покоевъ, отдѣляясь одна отъ другой высокою перегородкою. —

§ 27. При кроватяхъ должны находиться стулья и столы съ ящиками, для храненія одежды, ежедневно употребляемой воспитанниками. —

§ 28. Воспитанники ложатся спать въ 10-ть часовъ вечера, а встаютъ въ 6 часовъ утра. —

§ 29. Въ воскресные и праздничные дни воспитанники, въ сопровожденіи своихъ надзирателей, идутъ въ церковь для слушанія Божественной литургіи. —

§ 30. Воспитанники, въ учебные дни, въ свободное отъ классовъ время, подъ приемотромъ надзирателей, занимаются повтореніемъ уроковъ и другими упражненіями въ тѣхъ же классныхъ комнатахъ. —

§ 31. Воспитанники ежегодно говѣютъ и причащаются Святыхъ Таинъ на Страстной недѣлѣ. —

§ 32. Во все продолженіе 9-ти лѣтняго курса воспитанники изъ Пансіона не отпускаются въ дома родителей или родственниковъ своихъ, но имъ предоставляется посѣщать ихъ въ Пансіонѣ въ воскресные или праздничные дни. —

Пища и столовый приборъ.

§ 33. Пища воспитанниковъ должна быть самая здоровая, безъ роскоши и изливства. — Обѣдъ ихъ состоитъ изъ четырехъ кушаньевъ, а ужинъ изъ трехъ; первый долженъ быть готовъ въ полдень, а второй въ 8 часовъ вечера; обыкновенный завтракъ подаютъ въ 7 часовъ утра. — Между обѣдомъ и ужиномъ бываетъ полдникъ, состоящій изъ бѣлаго хлѣба. —

§ 34. Ложки, солонки и стаканы употребляются серебряные, посуда вся фаянсовая; весь кухонный, столовый приборъ и бѣлье должны содержаться въ наилучшей чистотѣ и опрятности. —

Присмотръ.

§ 35. За ученіемъ и поведеніемъ воспитанниковъ наблюдаютъ: директоръ, его помощникъ и комнатные надзиратели (гувернеры).

§ 36. Директоръ и помощникъ его имѣютъ свою обязанностью нести обо всемъ томъ, что способствуетъ къ умноженію познаній, къ укрѣпленію здоровья и къ нравственности воспитанниковъ. —

§ 37. Они назначаютъ имъ предметъ занятія въ неклассные часы, смотря по ихъ познаніямъ и успѣхамъ. — Какъ особы, занимающія мѣста родителей для воспитанниковъ, они никогда не упускаютъ изъ вида образа ихъ жизни, поступковъ и обращенія между собою. — Отъ нихъ, какъ отъ хозяевъ, зависитъ развѣщеніе по комнатамъ, расположеніе и все то, что касается до благоустройства дома. —

§ 38. Директоръ Пансіона и его помощникъ, съ вѣдома его, во внутреннемъ управленіи Пансіона распоряжаются сами. —

По хозяйственной части директоръ съ помощникомъ его и нѣсколькими чиновниками, назначаемыми министромъ, составляютъ комитетъ, который и распоряжается оною, сообразно утвержденному министромъ штатному положенію; но въ важныхъ случаяхъ, особливо требующихъ новыхъ распоряженій или отступленій отъ штата, директоръ Пансіона относится въ правленіе Лицея, чрезъ которое испрашиваетъ разрѣшенія министра. —

§ 39. Директоръ Пансіона и его помощникъ живутъ въ пансіонномъ домѣ и получаютъ письменныя или словесныя извѣщенія отъ учителей и комнатныхъ надзирателей о поступкахъ воспитанниковъ во время ученія и прочее время дня; въ неважныхъ случаяхъ они исправляютъ проступившаго по собственному своему благоразумію и отеческой нѣжности къ юношеству; въ важныхъ — доносятъ директору Лицея, который, смотря по качеству вины, или самъ рѣшитъ или доводитъ до свѣдѣнія министра. —

§ 40. Комнатныхъ надзирателей полагается на каждаго 15 воспитанниковъ по одному и слѣдовательно для 150-ти десять, изъ коихъ четыре правильно говорящіе на отечественномъ языкѣ, два на нѣмецкомъ, два на французскомъ и два на англійскомъ. — Ихъ принимается болѣе или менѣе, по мѣрѣ умножающагося числа воспитанниковъ. —

§ 41. Комнатные надзиратели во всякое время говорятъ съ дѣтьми на тѣхъ языкахъ, подъ наименованіемъ коихъ они извѣстны: руссійскомъ, нѣмецкомъ, французскомъ и англійскомъ. —

§ 42. Въ комнатные надзиратели принимаются предпочтительно такіе люди, которые приобрѣли хорошія свидѣтельства и опытность въ руссійской службѣ; ибо главнѣйшая ихъ обязанность должна состоять во всеобщемъ направленіи нравовъ

и свойствъ дѣтей къ образованію истинныхъ и полезныхъ сыновъ отечества.

§ 43. Комнатные надзиратели должны быть люди совершенного возраста.—Они живутъ въ покояхъ, ближайшихъ къ воспитанническимъ комнатамъ, пользуясь мѣстною удобностію для собственныхъ своихъ занятій.—Они имѣютъ столъ съ воспитанниками общій.—

§ 44. Они имѣютъ обязанность быть неотлучными отъ вѣреннаго ихъ надзиранію числа воспитанниковъ во всякое свободное время учебныхъ дней; въ праздничные дни они чередуются и могутъ отлучаться изъ Пансіона по усмотрѣнію директора, но такъ, чтобы всегда большее число ихъ находилось при воспитанникахъ. — Въ часы учебные, когда наблюдаютъ за благоустройствомъ директоръ самъ или его помощникъ съ однимъ дежурнымъ надзирателемъ, прочіе имѣютъ право отлучаться изъ Пансіона по своимъ надобностямъ.—

§ 45. Ночью комнатные надзиратели поочередно ночуютъ въ спальняхъ воспитанниковъ и по часту проходятъ по спальнямъ, освѣщеннымъ ночниками.—Они смотрятъ за порядкомъ и за всѣмъ тѣмъ, что относится къ чистотѣ и исправности воспитанниковъ. —

§ 46. Въ лѣтніе праздничные дни воспитанники прогуливаются въ саду, по городу или за городомъ, съ комнатными надзирателями, въ назначенные директоромъ часы; зимою, для пріятнаго и полезнаго препровожденія времени, занимаются они дѣтскими правоучительными играми и представленіями, играютъ концерты, танцуютъ и проч., въ хорошую жъ погоду также прогуливаются. —

§ 47. Всѣ воспитанники пользуются въ двѣ недѣли разъ банею, по близости, въ удобномъ мѣстѣ для нихъ собственно построенною.

§ 48. Больница Благороднаго Пансіона находится въ отдаленной части дома, въ чистыхъ и здоровыхъ покояхъ.—Она имѣетъ при себѣ особаго доктора и смотрителя. —

§ 49. Конференція Лицея, съ утвержденія министра, предписываетъ правила должностей директора, помощника его и комнатныхъ надзирателей, такъ какъ и правила поведенія воспитанниковъ.—Послѣднія должны быть напечатаны, наклеены на доски и повѣшены въ столовой, спальнѣ и учебныхъ комнатахъ.

Прислуга.

§ 50. Прислуга въ Пансіонѣ состоитъ изъ служащихъ при столѣ, при классахъ, при спальняхъ и при воспитанникахъ.

§ 51. Прислуга воспитанниковъ можетъ быть собственная или пансіонская; но та и другая подчинена начальству особаго чиновника.—Собственные слуги, ежели кто пожелаетъ имѣть ихъ при дѣтяхъ, содержатся на счетъ господъ своихъ, и живутъ, если мѣсто позволить, въ домѣ Пансіона.—Прислуга для классовъ, для стола и спальныхъ цокоевъ нанимается отъ Пансіона.

Хозяйство.

§ 52. Воспитанники Благороднаго Пансіона за воспитаніе и ученіе вносятъ по *тысячѣ* рублей въ годъ.

§ 53. Сумма сія не полагается непремѣнною навсегда.—Начальство Пансіона, съ утвержденія министра, можетъ перемѣнять количество оной, сообразуясь съ обстоятельствами и нуждами.—Въ такихъ случаяхъ всегда будетъ оно имѣть въ виду единственно пользу и благо юныхъ своихъ соотечественниковъ.

§ 54. Платежъ долженъ быть впередъ за годъ, или не меньше

какъ за полгода, такъ, чтобы сроки его были приводимы всегда къ 1-му числу Января или Юля, и при томъ, для избѣжанія разстройки въ хозяйственныхъ и учебныхъ распоряженіяхъ, безъ всякихъ вычетовъ въ деньгахъ, хотя бы воспитанникъ и не пробылъ въ Пансіонѣ до предполагаемаго времени.

§ 55. Каждый пансіонеръ, сверхъ ежегоднаго вноса суммы, доставляетъ въ Пансіонъ единовременно на столовый приборъ, серебряную посуду, желѣзную кровать, постель, подушки и одѣяла байковое и верховое, единовременно по 300 руб.

§ 56. Затѣмъ вся одежда, бѣлье и проч. будутъ производимы отъ Пансіона, и единообразныя.

§ 57. Воспитанники имѣютъ бѣлья, какъ постельнаго, такъ и другаго, столько, что первое, состоящее изъ двухъ простынь, двухъ наволочекъ и ночной головной сѣтки или кошака, перемѣняться будетъ еженедѣльно разъ; а прочее, какъ то: рубашка, галстукъ, ночное исподнее платье, чулки, носовой платокъ и полотенце, не менѣе какъ два раза въ недѣлю.

§ 58. Для хозяйственныхъ должностей Пансіона опредѣляются два смотрителя: первый изъ нихъ наблюдаетъ за пищею и ея принадлежностями; второй за всею прислугою, одеждою и внутренними потребностями дома; оба они находятся въ вѣдѣніи директора Пансіона.

§ 59. Правленіе Лицея даетъ хозяйственнымъ надзирателямъ подробное наставленіе въ ихъ обязанностяхъ.

§ 60. Сверхъ выписанныхъ должностей, оба хозяйственные смотрителя получаютъ отъ правленія Лицея шнуровыя книги; одинъ имѣетъ книгу для внесенія денегъ, отдаваемыхъ родственниками на мелочныя надобности воспитанниковъ: сіи

деньги вписываются въ приходъ или самими родителями, если того пожелаютъ, или, въ противномъ случаѣ, помощникомъ директора. — Другой ведетъ книгу для записыванія одежды, бѣлья и другихъ вещей воспитанниковъ.

§ 61. Подряды на надобности стола воспитанниковъ производятся въ комитетѣ пансіонномъ, при хозяйственномъ смотрителѣ принадлежностей пищи. — Количество хранимыхъ имъ вещей должно быть ежемѣсячно освидѣтельствовано однимъ изъ членовъ Лицейскаго правленія и директоромъ Пансіона или его помощникомъ.

§ 62. Подряды на прочіе предметы производятся также въ комитетѣ пансіонномъ, при смотрителѣ прислуги и прочихъ внутреннихъ потребностей Пансіона.

§ 63. Смотритель сей обязанъ доносить директору Пансіона заблаговременно, когда онъ предусмотритъ въ чемъ-либо недостатокъ; а директоръ беретъ все нужныя мѣры для отвращенія оного, представляя о томъ, въ случаяхъ, власть его превышающихъ, министру.

§ 64. Черезъ каждые полгода правленіе назначаетъ особыхъ членовъ для освидѣтельствованія вещей, подвѣдомыхъ оному смотрителю: сходно-ли число ихъ съ книгами, достаточно-ли оныхъ и въ исправномъ-ли онѣ состояніи находятся.

§ 65. Отсутствующіе родители или родственники, въ случаѣ требованія ихъ, получаютъ отъ директора Пансіона извѣстія о здоровьѣ, успѣхахъ и поведеніи воспитанниковъ по начертанному образцу подъ буквою В.

Отдѣленіе второе.

О порядкѣ учебномъ.

§ 66. Для ученія въ Благородномъ Пансіонѣ учреждаются три класса, сообразно возрастамъ воспитанниковъ: младшій, средній и старшій. Въ каждомъ изъ сихъ классовъ совершается кругъ ученія въ три года.

§ 67. Предметы ученія суть слѣдующіе:

Науки.

1. Законъ Божій и священная исторія. —
2. Логика, психологія и правоученіе (юрика). —
3. Исторія всемірная, русская и статистика. —
4. Географія: математическая, политическая, всеобщая и русская. —
5. Древности и міѳологія. —
6. Наука государственнаго хозяйства, права естественнаго и римскаго. —
7. Основанія права частнаго гражданскаго, уголовныхъ законовъ и особенно практическаго русскаго законодѣнія. —
8. Математика:

{	а. Арифметика.
{	б. Геометрія.
{	в. Тригонометрія.
{	г. Алгебра до 3-й степени уравненія.
{	д. Приложение алгебры къ геометріи и космическимъ свѣченіямъ и механика.
9. Военныя науки: артиллерія, фортификація.

10. Гражданская архитектура.

11. Краткая опытная физика и естественная исторія.

Языки.

12. Русскій языкъ.

Чтеніе и чистописаніе.

Этимологія.

Синтаксисъ и легкія сочиненія въ стихахъ и прозѣ.

Слогъ и практическое чтеніе лучшихъ писателей.

13. Нѣмецкая

Чтеніе и чистописаніе.

Этимологія.

словесность: Синтаксисъ и переводы.

Чтеніе хорошихъ писателей и сочиненія.

14. Французская словесность — тѣ же предметы.

15. Латинская словесность — тѣ же предметы.

16. Англійская словесность — тѣ же предметы.

Искусства.

17. Рисованье.

18. Танцованье.

19. Фехтованье.

20. Ученіе ружьемъ въ лѣтніе, отъ классовъ свободные, часы. —

§ 68. Для воспитанниковъ, желающихъ учиться играть на фортепіано или на скрипкѣ, Пансіонъ имѣетъ собственные инструменты; но на платежъ учителямъ музыки должно вносить особую сумму, такъ какъ обученіе оной не входитъ собственно въ планъ ученія Пансіона. —

§ 69. Ученіе ежедневно продолжается восемь часовъ въ

день, съ осьми до двѣнадцати утра и съ двухъ до шести по полудни.—

§ 70. Сверхъ того, начальство Пансіона, дабы не упустить ничего, касающагося до благороднаго воспитанія, будетъ имѣть манежъ, гдѣ воспитанники могутъ обучаться верховой ѣздѣ за сходную цѣну.—

§ 71. Директоръ Благороднаго Пансіона испытываетъ успѣхи воспитанниковъ, когда заблагодарасудитъ; но главное испытаніе воспитанниковъ бываетъ въ концѣ года.— При семъ испытаніи присутствуютъ ученые чиновники и посторонніе благородныя особы, которыя предварительно извѣщаются о семъ печатными программами.—

§ 72. Директоръ Лицея, отъ имени всего сословія, въ присутствіи благороднаго общества, удостоиваетъ отличившихся успѣхами слѣдующихъ наградъ: въ нижнихъ классахъ провозглашаются имена заслужившихъ особенное одобреніе; въ среднихъ и вышнихъ раздаются книги, ландшафты, атласы и проч., за подписаніемъ директора, похвальные листы за печатью Лицея; медали серебряныя и золотыя получаютъ тѣ изъ воспитанниковъ, которые окажутъ отличные успѣхи въ наукахъ.—

§ 73. Отличившіе изъ воспитанниковъ Пансіона поступаютъ въ число воспитанниковъ Лицея, во время, положенное для пріема въ оный, по соображенію убылыхъ мѣсть.

§ 74. Воспитанники, безъ позволенія начальника, не имѣютъ права читать никакихъ книгъ, кромѣ тѣхъ, которыя нужны, какъ классныя, при Пансіонѣ.— Для пріятнаго и полезнаго ихъ занятія, Пансіонъ имѣетъ собственную свою бібліотеку, изъ которой они могутъ употреблять хорошія и приличныя ихъ возрасту книги.—

§ 75. Сверхъ того, Благородный Пансіонъ доставляетъ вос-

питаннику всѣ обыкновенныя при упражненіяхъ учебныя пособия и учебныя книги.—

§ 76. Конференція Лицея, по обстоятельствамъ и нуждѣ, начертываетъ будетъ порядокъ ученія, въ Пансіонѣ преподаваемаго, и представлять на утвержденіе министру.—

§ 77. Предполагается, что доброе поведеніе воспитанниковъ будетъ неразлучно съ отличными успѣхами; ибо противнаго оному Пансіонѣ, послѣ возможныхъ усилій о исправленіи, терпѣть не будетъ.—

ПРИЛОЖЕНИЕ II.

ИНСТРУКЦИИ ДОЛЖНОСТНЫМЪ ЛИЦАМЪ ПАНСИОНА. ПРАВИЛА ДОЛЖНОСТИ ДИРЕКТОРА ЦАРСКОСЕЛЬСКАГО БЛАГОРОДНАГО ПАНСИОНА.

§ 1. Директоръ Пансіона есть такой чиновникъ, коего благоразумію и бдительности ввѣряется ближайшій надзоръ за симъ заведеніемъ, а посему онъ наблюдаетъ, чтобы предписанныя въ Постановленіи правила всѣми лицами къ Пансіону принадлежащими исполняемы были во всей точности.—

§ 2. Наблюдая за порядкомъ учебнымъ и нравственнымъ, онъ, въ силу § 4, относится въ конференцію Лицея, равно какъ по части хозяйственной въ правленіе онаго.—По учебной и нравственной части могутъ быть слѣдующія отношенія.—

§ 3. Имѣя попеченіе объ избраніи гувернеровъ и учителей, директоръ Пансіона представляетъ прошенія ихъ въ конференцію Лицея, которая, на основаніи 42 § Пост., разсматривъ аттестаты и, въ случаѣ нужды, сдѣлавъ приличное испытаніе, представляетъ о таковыхъ на благоусмотрѣніе министра просвѣщенія.—

§ 4. Директоръ получаетъ отъ помощника, или гувернера, каждую недѣлю вѣдомость объ ученіи въ Пансіонѣ, съ означеніемъ, кто не былъ въ классѣ и по какой причинѣ, и представляетъ подлинную за своимъ подписаніемъ министру просвѣщенія, а копію съ оной въ тоже время препровождаетъ въ конференцію.—

§ 5. Во время отсутствія кого-либо изъ учащихся, дирек-

торъ назначаетъ гувернера, или заступаетъ самъ его мѣсто, занимая воспитанниковъ приличными классу ихъ упражненіями; но въ случаѣ частаго упущенія, или болѣзни кого-либо изъ учащихся, представляетъ конференціи, которая, въ такомъ случаѣ, принимаетъ свои мѣры.—

§ 6. Имѣя попеченіе о доставленіи воспитанникамъ классныхъ книгъ и о собраніи для нихъ библіотеки, директоръ относится въ конференцію Лицея, дабы каждый профессоръ назначилъ необходимыя по своей части книги; списокъ оныхъ долженъ быть представленъ на усмотрѣніе министра просвѣщенія, и означенныя въ немъ книги не прежде могутъ быть куплены, какъ по утвержденіи списка министромъ.—

§ 7. Директоръ Пансіона, въ силу 71 §, испытываетъ успѣхи воспитанниковъ, когда заблагоразсудитъ; но, соображаясь съ постановленіемъ Лицея, можетъ чрезъ каждые полгода относиться въ конференцію о назначеніи частнаго испытанія, въ присутствіи всѣхъ профессоровъ и директора Лицея.—Касательно же годичнаго испытанія, къ которому должны быть приглашены родители и родственники, онъ заблаговременно представляетъ конференціи для назначенія къ тому удобнаго времени и для представленія министру просвѣщенія.—

§ 8. Директоръ Пансіона предлагаетъ сословію профессоровъ о назначеніи наградъ прилежнѣйшимъ воспитанникамъ.—Каждый профессоръ избираетъ по своей части приличные двумъ достойнѣйшимъ въ своемъ классѣ книги, кои заблаговременно покупаются и подписываются директоромъ Лицея и профессоромъ той части, по коей дается книга.—Переведеніе воспитанниковъ изъ класса въ классъ и изъ возраста въ возрастъ и назначеніе медалей опредѣляется въ полномъ собраніи конференціи.—

§ 9. По части нравственной Директоръ прилагаетъ особен-

ное стараніе о соблюденіи всего предписаннаго въ §§ 14, 37 и 39-мъ. —

§ 10. Наконецъ директоръ Пансіона, въ случаѣ отсутствія своего, или тяжелой болѣзни, доноситъ Директору Лицея, который немедленно доводитъ о томъ до свѣдѣнія г. Министра. —

Правила должности комнатныхъ надзирателей.

§ 1. Каждый надзиратель долженъ собою подавать примѣръ воспитанникамъ въ добронравіи, трудолюбіи, опрятности, благопривѣтливости и вообще въ строгомъ наблюденіи порядка. —

§ 2. Каждый, въ силу 44 §, имѣетъ обязанность быть неотлучнымъ отъ ввѣреннаго надзиранію его числа воспитанниковъ въ тѣ часы, когда нѣтъ классовъ, и наблюдать безъ послабленія, чтобы каждый воспитанникъ, ему ввѣренный, учился прилежно, велъ себя тихо, вѣжливо и во всемъ порядочно: онъ смотритъ такъ же, чтобы самые служители наблюдали чистоту и порядокъ въ комнатахъ. —

§ 3. Каждый надзиратель имѣетъ списокъ воспитанникамъ, ему ввѣреннымъ, и записываетъ, кто въ чемъ одобренъ за ученіе или поведеніе, кто въ чемъ былъ виноватъ, наказанъ или прощенъ и каждую субботу подаетъ такой списокъ директору; отмѣчая такъ же исправность или неисправность служителей. —

§ 4. Надзиратель наблюдаетъ, чтобы воспитанники заданные имъ уроки изъ классовъ выучивали; а постороннихъ книгъ, сверхъ классическихъ и позволенныхъ, никакихъ не читали. —

§ 5. Онъ смотритъ, чтобы въ учебные дни воспитанники, внѣ классовъ, всегда говорили на иностранныхъ языкахъ и

для сего каждый день даетъ отъ себя билеты и взыскиваетъ, смотря по винѣ. —

§ 6. За хорошіе поступки и прилежаніе надзиратель въ правѣ давать за завтракомъ и полдникомъ и при повтореніи уроковъ высшее мѣсто, дѣлать всякое отличіе и похвалу и представлять куда слѣдуетъ къ одобренію; а за лѣность, рѣзвость и неопрятность сажать во время повтореній за черный столъ, дѣлать выговоръ и, въ случаѣ нужды, давать знать директору или его помощнику. —

§ 7. Каждый надзиратель, со ввѣреннымъ ему числомъ воспитанниковъ, долженъ сидѣть за столомъ во время завтрака, обѣда и ужина, раздавать кушанье, и смотрѣть, чтобы всегда сохраняема была тишина и благопристойность. —

§ 8. Дежурные надзиратели, во время праздниковъ, должны смотрѣть вообще за всѣми воспитанниками и наблюдать, чтобы во всѣхъ комнатахъ былъ порядокъ. — Комнатные надзиратели отдаютъ подъ присмотръ своихъ воспитанниковъ дежурнымъ во время молитвы, а во время ужина опять берутъ ихъ каждый подъ свой присмотръ. —

§ 9. Дежурный надзиратель, въ силу 45 §, обязанъ ночевать въ спальняхъ воспитанниковъ и по часту проходить по спальнямъ, освѣщеннымъ ночниками. — Онъ смотритъ за порядкомъ и за всѣмъ тѣмъ, что относится къ чистотѣ и исправности воспитанниковъ. —

§ 10. Наконецъ, комнатные и дежурные надзиратели доставляютъ каждый день директору Пансіона, или помощнику вѣдомости о всемъ томъ, что произошло въ классахъ и комнатахъ, для составленія изъ оныхъ общей еженедѣльной вѣдомости. —

Подробное наставленіе смотрителю за прислугою, одеждою и внутренними принадлежностями дома.

§ 1. Въ обязанности сего смотрителя тщательное наблюдение за чѣстностію, прочностію и должнымъ порядкомъ во всемъ, ему ввѣренномъ.—

§ 2. Онъ безпрестанно осматриваетъ строеніе и его принадлежности, малыя поврежденія исправляетъ своимъ распоряженіемъ, а о значительныхъ немедленно доносить.—

§ 3. По содержанію § 58, онъ имѣетъ въ своемъ вѣдѣніи все то, что поступитъ до открытія Пансіона, и то, что будетъ приобрѣтаться, разумѣя строеніе съ принадлежностями, мебели, всю вообще экипировку, столовое и прочее бѣлье, кухонную и всю вообще посуду, экипажи, зброю, лошадей, словомъ все то, что не есть пища для стола пансіонеровъ и служителей.—

§ 4. Онъ ведетъ книги прихода и расхода вещамъ, ему ввѣреннымъ.—

§ 5. Въ его распоряженіи наемъ служителей, ихъ число и должности.—Служители предварительно испытываются какого поведенія и способностей.—

§ 6. Въ непремѣнную обязанность предписать служителямъ: 1) благопристойность, учтивость и трезвость; 2) совершенная опрятность, чистота и чѣлость имъ порученнаго; 3) непрестанное занятіе дѣломъ какъ входящимъ въ должность каждаго порознь, такъ и служащимъ къ общему порядку; 4) не отлучаться безъ вѣдома; 5) уклоняясь отъ дѣла подъ предлогомъ надобности, не собираться для праздности и увеселенія.—

§ 7. Въ обязанности смотрителя непремѣнный порядокъ въ освѣщеніи и отопленіи комнатъ, а особливо въ должной теплотѣ въ каждомъ отдѣленіи, напримѣръ въ спальняхъ, столо-

вой, гимнастической залѣ и классахъ.— Сверхъ руководства, предписаннаго Постановленіемъ Пансіона въ § 25, хозяйственное правленіе Лицея доставитъ Пансіону степени теплоты собственноручнаго начертанія его сіятельства господина Министра.—

§ 8. Хотя служители должны быть осторожны отъ огня, отопливающаго и освѣщающаго корпусъ съ отдѣльными его частями; но смотритель обязанъ имѣть собственный надзоръ по сему предмету во всемъ томъ, что его смотрѣнію ввѣрено, ибо отъ сего зависитъ главнѣйшая безопасность заведенія и тягчайшій отвѣтъ за упущеніе.—

§ 9. Директоръ Пансіона, вмѣстѣ съ хозяйственными смотрителями, постановятъ мѣру, сколько на что употреблять свѣчъ и мыла, сколько какого корма лошадямъ и тому подобнаго, дабы привести въ извѣстность мѣсячную и дневную пропорцію онымъ.—

§ 10. Смотритель имѣетъ деньги на жалованье служителямъ и ежедневные мелочные расходы, отдавая въ нихъ отчетъ тѣмъ порядкомъ, какой будетъ введенъ.—

§ 11. Подрядчики же и лица, коимъ будутъ слѣдовать довольно значительныя суммы, обращаются въ правленіе Лицея для полученія денегъ.—

§ 12. Исполняя правила сего начертанія, смотритель отнюдь не отступаетъ отъ предписаній постановленія о Пансіонѣ и, такъ сказать, каждый шагъ своихъ распоряженій дѣлаетъ съ вѣдѣнія директора Пансіона.—

§ 13. Смотритель, не стѣсняясь содѣйствовать къ открытію всего того, что служить къ истинной пользѣ и чести Пансіона, предлагаетъ свое мнѣніе мѣстному начальству и въ случаѣ невниманія, въ значительныхъ обстоятельствахъ, доноситъ правленію Лицея, какъ присутствію, отъ котораго зависитъ, по §

4 постановления о Пансіонѣ, распоряженіе воспитательною частію. —

§ 14. Формы книгамъ, отчетамъ и ежедневнымъ запискамъ какъ о пищѣ, такъ и о расходѣ припасовъ дадутся отъ Правленія.

§ 15. Сверхъ того, по § 60 постановления о Пансіонѣ, смотритель ведетъ книгу объ одеждѣ, бѣльѣ, обуви и прочихъ собственныхъ вещахъ пансіонеровъ, расположивъ ея форму по алфавиту.

Подробное наставленіе смотрителю за пищею и ея принадлежностями.

§ 1. Онъ записываетъ въ книгѣ приходъ и расходъ припасовъ, употребляемыхъ въ пищу: А) поставляемыхъ подрядчикомъ, В) имъ самимъ покупаемыхъ.

§ 2. Припасы, поставляемые подрядчикомъ, принимаются по точной силѣ контракта и остаются въ непремѣнной ответственности смотрителя. —

§ 3. Припасы, не включенные въ обязанность подрядчика, покупаются смотрителемъ, наблюдая сколько выгоду казны въ дешевизнѣ, столько-жъ свѣжесть и доброту, по смыслу 61 § постановления о Пансіонѣ. —

§ 4. При свидѣтельствѣ припасовъ, по руководству 61 § постановления о Пансіонѣ, будутъ разсматриваемы количество и доброта оныхъ. —

§ 5. Смотритель подаетъ ежедневно записку директору Пансіона: А) какая будетъ пища въ обѣдъ и ужинъ (въ приличномъ распоряженіи пищи: то есть, что полезно въ обѣдъ и что въ ужинъ, также и въ разныя времена года, пужно заимствовать совѣтами доктора Пансіона); В) сколько чего употреблено

изъ поставки подрядчика и сколько изъ купленныхъ имъ самимъ припасовъ, показавъ и цѣну послѣднимъ. — Сіи записки служатъ къ провѣркѣ мѣсячныхъ отчетовъ смотрителя. —

§ 6. Смотритель подаетъ мѣсячный отчетъ въ слѣдующемъ: 1) сколько чего принято отъ подрядчиковъ; 2) сколько чего куплено имъ самимъ; 3) сколько чего употреблено изъ поставки и особенно изъ покупки; 4) сколько чего въ остаткѣ отъ поставки и особенно отъ покупки. —

§ 7. Книги должны быть вѣрны съ отчетами, также и остатками при мѣсячномъ свидѣтельствѣ, по § 61 постановления о Пансіонѣ. —

§ 8. Директоръ Пансіона, вмѣстѣ съ хозяйственными смотрителями, постановятъ мѣру: сколько употреблять припасовъ въ пищу для стола пансіонеровъ и служителей, дабы привести въ извѣстность мѣсячную и дневную пропорцію. —

§ 9. Смотритель, распоряжая столомъ, находится при немъ лично, сколько для отвращенія могущей встрѣтиться неисправности, или въ чемъ-либо недостатка, столько-жъ и для надзора за порядкомъ. —

§ 10. Хотя наемъ служителей и производство имъ платы относится къ должности смотрителя за домомъ; однако-жъ смотритель за столомъ, имѣя ихъ въ непосредственномъ своемъ распоряженіи при кухнѣ, кладовыхъ и прочихъ мѣстахъ, ввѣренной ему части, неослабно печется, чтобы ими были соблюдаемы слѣдующія правила: 1) благопристойность, учтивость и трезвость; 2) совершенная опрятность, чистота и цѣлость имъ порученнаго; 3) непрестанное занятіе дѣломъ, какъ входящимъ въ должность каждаго порознь, такъ и служащимъ къ общему порядку; 4) не отлучаться безъ вѣдома, и 5) уклоняясь отъ дѣла, подъ предлогомъ надобности, не собираться для праздногости и увеселеній. —

§ 11. Служители должны быть осторожны отъ огня, отопляющаго и освѣщающаго корпусъ съ отдѣльными его частями; но смотритель обязанъ имѣть собственный надзоръ по сему предмету во всемъ томъ, что его смотрѣнію ввѣрено; ибо отъ сего зависитъ главнѣйшая обязанность заведенія и тягчайшій отвѣтъ за упущеніе.

§ 12. Смотритель имѣетъ деньги на ежедневные мелочные расходы, отдавая въ нихъ отчетъ тѣмъ порядкомъ, какой будетъ введенъ.

§ 13. Подрядчики же и лица, коимъ будетъ слѣдовать довольно значительныя суммы, обращаются въ правленіе Лицея для полученія денегъ.

§ 14. Исполняя правила сего начертанія, смотритель отнюдь не отступаетъ отъ предписаній постановленія о Пансіонѣ и, такъ сказать, каждый шагъ своихъ распоряженій дѣлаетъ съ вѣдѣнія директора Пансіона.

§ 15. Смотритель, не стѣсняясь содѣйствовать къ открытію всего того, что служить къ истинной пользѣ и чести Пансіона, предлагаетъ свое мнѣніе мѣстному начальству и, въ случаѣ невниманія, въ значительныхъ обстоятельствахъ, доноситъ правленію Лицея, какъ присутствію, отъ котораго зависитъ, по § 4 постановленія о Пансіонѣ, распоряженіе воспитательною частію.

§ 16. Формы книгамъ, отчетамъ и ежедневнымъ запискамъ какъ о пищѣ, такъ и расходѣ припасовъ, дадутся отъ правленія.

§ 17. Сверхъ того, по § 60 постановленія о Пансіонѣ, смотритель ведетъ книгу о деньгахъ пансіонеровъ, расположивъ ея форму по алфавиту; расходъ же оныхъ дѣлается съ одобренія директора Пансіона.

Общія правила поведенія воспитанниковъ.

§ 1. Каждый воспитанникъ въ шесть часовъ утра долженъ встать, быть одѣтымъ и идти съ своимъ надзирателемъ въ опредѣленную классную комнату, для повторенія уроковъ и приуготовленія себя въ классы.

§ 2. Въ семь часовъ порядкомъ собираться въ столовой залѣ, съ благоговѣніемъ слушать молитву и, сидя за опредѣленнымъ столомъ, пить чай и кушать завтракъ со всею благопристойностію и тихостію.

§ 3. Въ восемь часовъ идти изъ комнатъ въ классы, нести съ собою все, что нужно для класснаго ученія: книги, перья, бумагу.—Въ классахъ садиться всегда на томъ мѣстѣ, какое назначено отъ учащаго; съ мѣста не вставать и отнюдь не выходить изъ класса безъ позволенія г. учителя.

§ 4. Въ двѣнадцать часовъ за обѣденнымъ столомъ и послѣ стола въ комнатахъ быть неотлучно съ своимъ надзирателемъ; во время прогулокъ не отставать отъ дежурнаго надзирателя и не опережать его.

§ 5. Въ два часа идти опять въ классы и наблюдать, что предписано въ третьей статьѣ.

§ 6. Послѣ вечернихъ классовъ собираться и идти порядкомъ въ опредѣленные комнаты для полдника.

§ 7. Въ семь часовъ вечера въ классныхъ комнатахъ каждый съ своимъ надзирателемъ долженъ повторять уроки и исправлять классныя упражненія до восьми часовъ, то есть до ужина.

§ 8. Въ девять часовъ, послѣ ужина, собираться въ особую комнату, слушать молитву съ благоговѣніемъ, и послѣ

молитвы возвращаться въ спальныя покои и ложиться спать благопристойно, безъ малѣйшаго шума.

§ 9. Во время классовъ никому не оставаться въ спальныхъ покояхъ и ни за чѣмъ не ходить въ нихъ; а всякій долженъ быть въ классѣ внимательнымъ, тихимъ и имѣть всѣ классныя упражненія на обѣ списанныя.

§ 10. Въ учебное время въ классахъ и комнатахъ съ надзирателями и товарищами всегда разговаривать на тѣхъ языкахъ, какіе для каждаго дня будутъ назначены.

§ 11. Не только не мѣшаться между собою никакими вещами, но и не есужать, безъ вѣдома своего надзирателя, никого ничѣмъ, ни книгою, ни бумагою; въ случаѣ же, если кто что-либо затеряетъ, давать знать немедленно директору, или его помощнику.

§ 12. Денегъ при себѣ никому изъ воспитанниковъ не держать; а если случатся, то отдавать ихъ подъ сохраненіе г. надзирателю, или смотрителю за столомъ.

§ 13. Безъ позволенія директора не читать никакихъ книгъ, кромѣ классныхъ, и тѣхъ, кои профессорами могутъ быть назначаемы.

§ 14. Вообще въ поступкахъ съ начальниками и товарищами должно быть вѣжливымъ, не заводить между собою никакихъ споровъ, не дѣлать никому неудовольствія, и избѣгать всего того, что бы могло навлечь нареканіе себѣ и мѣсту воспитанія.

Частныя правила для воспитанниковъ Благороднаго Царско-сельскаго Пансіона.

I. О вставаніи по утру.

1. Какъ скоро звонокъ ударитъ, всѣ воспитанники должны вставать вдругъ, не дожидаясь вторичнаго напominанія.
2. Никто не можетъ опустить обязанности умывать лицо и руки, полоскать ротъ и чесать голову каждое утро.
3. Одѣваться должно чисто и опрятно: не исполняющіе сего правила будутъ замѣчены какъ нерадивые.
4. Одѣвшись воспитанники идутъ на общую молитву.
5. Послѣ того занимаются повтореніемъ уроковъ до самаго завтрака, и если есть время, то и послѣ онаго, до начатія класса.
6. Въ утреннее время до классовъ запрещаются всякія игры.

II. О поведеніи въ классѣ.

1. До прибытія профессора въ классъ воспитанники должны уже быть на своихъ мѣстахъ.
2. Во время преподаванія сидѣть тихо и благопристойно.
3. На вопросы, задаваемые профессоромъ, отвѣчать скромно и учтиво.
4. Ни подъ какимъ видомъ одинъ другому не долженъ сказывать требуемаго отвѣта, или сочинять назначенныя отъ профессора упражненія.
5. Одинъ воспитанникъ можетъ отвѣчать за другаго только по соизволенію на то профессора.
6. Запрещается воспитанникамъ во время класса давать другъ другу тайныя знаки, какого бы рода они ни были.

7. Кто развлекает других во время класса разговорами, непристойными тѣлодвиженіями, или иными какими-либо знаками, тотъ почитается вдвое виновнымъ противу прочихъ своихъ въ томъ соучастниковъ.—

8. Внимательность воспитанника опредѣляется тѣмъ, если онъ хорошо замѣчаетъ и помнитъ преподаваемый предметъ.— Если же кто не можетъ пересказать пройденныхъ во время класса предметовъ, тотъ почитается на ряду съ воспитанниками, сидящими нескромно въ классѣ.—

9. Въ незнаніи урока ничѣмъ оправдаться не можно, кроме болѣзни, засвидѣтельствованной комнатными надзирателями.—

10. Если воспитанникъ подвергнется отъ кого-либо, выговору, то можетъ только представить причины къ своему оправданію и при томъ со всякою скромностію.—Грубые отвѣты и ничтожныя извиненія почтены будутъ дерзостію и не останутся безъ наказанія.—

11. Выходить изъ класса позволено только въ случаѣ крайней нужды и при томъ по одному.—Отлучающіеся каждый классъ, хотя и съ позволенія профессора, или надзирателя, будутъ взяты на замѣчаніе.—

12. По окончаніи класса воспитанники встаютъ съ своихъ мѣстъ тихо, не дѣлая шума ни ногами, ни стульями.—

III. О поведеніи въ классѣ.

1. Въ свободные часы отъ классовъ воспитанники занимаются повтореніемъ уроковъ.—

2. По окончаніи онаго каждый увѣдомляетъ дежурнаго надзирателя и отъ него получаетъ позволеніе заняться игрою, или чтеніемъ книгъ.

3. Всякая игра почитается запрещенною, на которую не дано позволенія отъ надзирателя.—

4. Всякая книга почитается запрещенною, на которую не послѣдовало дозволенія отъ директора, или профессора.—

5. Замѣченные въ лѣности лишаются права заниматься даже играми дозволенными, доколѣ не исправятся.

6. При самыхъ играхъ должно поступать скромно, осторожно и благопристойно.—

7. Какъ скоро воспитанники при какой-либо игрѣ начнутъ ссориться и кричать неблагопристойно, то дежурный надзиратель прекращаетъ ихъ игру и даетъ имъ другое занятіе.—

8. Если кто замѣченъ будетъ въ сварливости нѣсколько разъ, таковой лишается права заниматься играми, доколѣ не исправится.—

9. Въ праздничные дни, когда въ залѣ Пансіона бываютъ постороннія особы, запрещаются всѣ шумныя игры; ибо крикъ и шумъ въ такомъ случаѣ могутъ быть почтены неуваженіемъ къ присутствующимъ лицамъ.

10. Запрещается воспитанникамъ портить вещи, какъ казенныя, такъ и ихъ собственные; но тѣ и другія хранить въ чистотѣ.—

11. Привозимыя родителями конфеты или плоды, какого бы рода они ни были, должно объявлять гувернеру.

12. А получаемыя отъ родителей или родственниковъ книги, должно представлять директору на разсмотрѣніе.—

IV. О поведеніи во время стола.

1. Воспитанники во время стола должны сидѣть благопристойно, какъ будто-бы находились въ свѣтскомъ большомъ обществѣ.—

2. Позволяется во время стола разговаривать, но всегда тихо и благоприлично.

3. Каждый долженъ получать кушанье по очереди и ни подъ какимъ видомъ не можетъ требовать онаго прежде другихъ.

4. Изъ за стола должно вставать такъ, какъ и въ классѣ, тихо, не дѣлая стульями грома.—

V. Объ отхожденіи ко сну.

1. Отходя ко сну, воспитанники должны быть все на общей молитвѣ.—

2. Каждый долженъ ложиться спать въ отведенной ему комнатѣ и на своей постелѣ.—

3. Когда все раздѣлится и займутъ свои постели, тогда никто уже не можетъ болѣе разговаривать.—

4. Подъ строгимъ взысканіемъ запрещается ночью вставать съ постели безъ позволенной нужды.—

5. Въ случаѣ необходимости воспитанникъ долженъ призвать къ себѣ дежурнаго дядьку и вставать тихо, дабы не обеспокоить другихъ.—

VI. Объ обращеніи воспитанниковъ съ высшими.

1. Воспитанники должны обходиться съ высшими во всякомъ случаѣ почтительно.—

2. Каждый долженъ неукоснительно слѣдовать ихъ совѣтамъ.—

3. Всякая грубость противу начальника не остается безъ наказанія.—

4. Каждый долженъ помнить, что начальники стараются о

его благополучіи, и потому любовь къ нимъ есть необходимая должность всехъ воспитанниковъ.

5. Никто не можетъ сидѣть въ присутствіи начальника, развѣ только во время учебныхъ занятій.—

6. Ни подъ какимъ видомъ воспитанникъ не можетъ разговаривать, сяди, со своимъ начальникомъ, развѣ только получивъ на то особенное отъ него позволеніе.—

7. Во всякомъ случаѣ начальникамъ должно говорить точную правду; ибо лгать начальнику значить не уважать его. А потому за всякую ложь будетъ взыскано со всякою строгостію.—

8. То же почтеніе воспитанники должны оказывать лицамъ постороннимъ.—

9. А потому запрещается близко подходить къ незнакомымъ посѣтителямъ и съ ними начинать разговоръ.—

10. Если же посѣтителю угодно будетъ начать съ кѣмъ-либо изъ воспитанниковъ разговоръ, таковой долженъ отвѣчать на вопросы учтиво и всячески удерживаться задавать ему взаимно вопросы; ибо таковая смѣлость легко можетъ быть почтена нескромностію.—

11. Воспитанники не должны садиться близко почетныхъ особъ, имъ незнакомыхъ.—Тѣмъ болѣе вокругъ ихъ тѣсниться, или производить шумъ.

12. Всякая грубость, оказанная посѣтителямъ, не останется безъ наказанія.—

VII. Объ обращеніи воспитанниковъ между собою.

1. Воспитанники должны жить между собою мирно и дружелюбно.—

2. Никто не долженъ обижать другаго, какимъ бы то ни было образомъ, словомъ или дѣломъ.—

3. Запрещается воспитанникам давать другъ другу прозвища. —

4. Все воспитанники равны, какъ дѣти одного отца и семейства, а потому никто не можетъ презирать другихъ, или гордиться предъ прочими, чѣмъ бы то ни было. — Если кто замѣченъ будетъ въ семь пороковъ, тотъ занимаетъ самое нижнее мѣсто по поведенію, пока не исправится. —

5. Позволяется воспитанникамъ давать другому пользоваться своими вещами. —

6. Но кто не бережетъ чужихъ вещей или портитъ оныя, тотъ лишается права пользоваться ссудою другихъ и надзиратель напоминаетъ прочимъ воспитанникамъ, чтобъ ничего ему впредь не давали подъ опасеніемъ наказанія. —

7. Никто не долженъ скрывать пороки своихъ сотоварищей, коль скоро отъ него требуетъ начальство въ томъ свидѣтельства. — Кто поступитъ противъ сего правила, тотъ подвергнется наказанію, каковое слѣдуетъ за скрытый имъ порокъ. —

8. Но тѣмъ не менѣе запрещается доносить на другаго ложно. — Несправедливый доносчикъ подвергается тому наказанію, каковое слѣдуетъ за выдуманный имъ проступокъ. —

9. Строго запрещается воспитанникамъ вводить другъ друга въ проступки. — Кто будетъ въ семь замѣченъ, тотъ получить вдвое большее наказаніе противу того, кому подать поводъ учинить проступокъ. —

VIII. Объ обращеніи воспитанниковъ съ низшими.

1. Воспитанники не должны имѣть никакихъ особенныхъ связей со служителями. —

2. Впрочемъ, не могутъ обходиться съ ними сурово или жестоко. —

3. Запрещается воспитанникамъ кричать на служителей или бранить ихъ, хотя бы они были ихъ крѣпостные люди. —

4. Никто да не дерзнетъ простирать руку на служителей, но, въ случаѣ грубости или неисправности оныхъ, должно относиться къ дежурному надзирателю. —

5. Никто не можетъ посылать служителей куда-либо внѣ Пансіона, не объявивъ напередъ въ томъ надобности дежурному надзирателю, который, съ своей стороны, даетъ на то согласіе въ позволенныхъ случаяхъ. —

6. Только предписанныхъ услугъ можно требовать отъ служителей. —

ПРИЛОЖЕНИЕ III.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ БЛАГОРОДНАГО ПАНСИОНА ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ ЛИЦЕѢ ВЪ ЦАРСКОМЪ СЕЛѢ.

(16-го Декабря 1816 года).

Общая Постановленія.

§ 1.

Учрежденный въ Царскомъ Селѣ Благородный Пансіонъ имѣть цѣлю доставить Россійскому Дворянству новый способъ воспитывать дѣтей прилично ихъ званію, и вмѣстѣ онъ служить разсадникомъ для Императорскаго Лицея, куда чрезъ каждые три года переводятся 25 воспитанниковъ, наиболѣе отличившихся по нравственности и успѣхамъ въ наукахъ.

§ 2.

Благородный Пансіонъ состоитъ подъ особеннымъ покровительствомъ Министра Народнаго Просвѣщенія и въ непосредственной отъ него зависимости.

§ 3.

Хозяйственными дѣлами Благороднаго Пансіона располагаетъ Правленіе, а учебными Конференція Лицея.

§ 4.

Ближайшій надзоръ за внутреннимъ устройствомъ Пансіона поручается чиновнику, который носить званіе Директора; въ

семь качествъ онъ есть членъ Конференціи и Правленія Лицея, куда посредствомъ его поступаютъ всѣ отчеты и прочія дѣла по Пансіону. —

§ 5.

Директоръ Благороднаго Пансіона долженъ быть человѣкъ извѣстный своею честностію, своимъ благонавіемъ и познаніями въ наукахъ и иностранныхъ языкахъ. — Наипаче же онъ долженъ быть опытный въ самомъ искусствѣ воспитанія. —

§ 6.

Въ помощь Директора опредѣляется Инспекторъ, который наблюдаетъ непосредственно за всѣмъ, что относится до успѣховъ, до нравственности, до здоровья и вообще до внутренняго благоустройства сего заведенія. — Въ случаѣ болѣзни или отсутствія Директора онъ заступаетъ его мѣсто. —

§ 7.

Директоръ Благороднаго Пансіона, равно какъ и Инспекторъ, опредѣляются непосредственно Министромъ Народнаго Просвѣщенія, изъ природныхъ Россіянъ, или изъ подданныхъ Русскихъ. — Притомъ наблюдается, чтобы они свободно могли изъясняться на отечественномъ и по крайней мѣрѣ на одномъ изъ иностранныхъ языковъ. — Директоръ избирается изъ постороннихъ особъ, или изъ Профессоровъ Лицея. — При Директорѣ полагается письмоводитель для переписыванія таблицъ и списковъ и для переписки вообще.

§ 8.

Для преподаванія наукъ, Пансіонъ заимствуетъ Профессоровъ и Учителей изъ Лицея; недостающее же число оныхъ принимаетъ со стороны. —

§ 9.

Для надзора за поведеніем воспитанниковъ опредѣляется потребное число надзирателей, а для порядка и исправленія хозяйственной части экономъ, помощникъ его, и нужное число комнатныхъ и прочихъ служителей. —

§ 10.

Для пользованія больныхъ находится при Благородномъ Пансіонѣ искусный врачъ и при немъ помощникъ или подлекарь. — Сверхъ леченія больныхъ, врачъ обязанъ заниматься всѣмъ тѣмъ, что къ предохраненію здоровья воспитанниковъ вообще относится можетъ, и о всемъ, что имъ по сему предмету замѣчено будетъ, извѣщать немедленно Директора, или Инспектора.

§ 11.

Число воспитанниковъ Пансіона предполагается до 120-ти, на содержаніе коихъ, равно какъ и на жалованье учащихся, надзирателей и другихъ чиновниковъ и служителей, употребляются суммы, вносимыя ежегодно за воспитаніе дѣтей родителями, родственниками, или другими особами.

§ 12.

Сверхъ означеннаго въ предыдущей статьѣ числа воспитанниковъ, Пансіонъ еще на счетъ процентовъ капитала, сему заведенію Всемилостивѣйше пожалованнаго, содержитъ нѣкоторое число воспитанниковъ, избираемыхъ преимущественно изъ дѣтей военныхъ чиновниковъ, лишенныхъ всѣхъ способовъ къ воспитанію оныхъ. —

Устройство нравственной части.

§ 13.

Нравственное образованіе ввѣренныхъ Благородному Пансіону воспитанниковъ составляетъ главнѣйшій предметъ стараній Директора, Инспектора и преимущественно надзирателей. — Какъ особы, заступающія мѣста отсутствующихъ родителей, они стараются замѣнять ихъ, имѣя всегда въ виду важную и почтенную цѣль своихъ трудовъ, образованіе сердца будущихъ гражданъ. — Находясь въ непрерывномъ сношеніи съ воспитанниками, они вникаютъ въ характеръ ихъ, слѣдуютъ тщательно ходу нравственнаго ихъ усовершенствованія, и, замѣчая ихъ недостатки и пороки, стараются предупреждать и искоренять оныя и вселять въ сердца ввѣренныхъ имъ юношей страхъ Божій, любовь къ Отечеству и Государю, повиновеніе начальству, чувства благороднаго честолюбія и любви къ ближнему.

§ 14.

По сему въ надзиратели избираются только люди извѣстные по отличной своей нравственности, опытности и способности къ трудной, но почтенной сей должности. — Дабы всѣ они поступали совершенно единообразно въ различныхъ случаяхъ съ воспитанниками, дается имъ для руководства общій инструкція. —

§ 15.

По нынѣшнему числу воспитанниковъ, полагается при нихъ 9 надзирателей, изъ коихъ одинъ исключительно назначается для воспитанниковъ, въ больницѣ находящихся. — Впрочемъ, по усмотрѣнію надобности, число Надзирателей впредь умножено быть можетъ.

§ 16.

Поскольку необходимо-нужный въ общежитіи даръ свободно изъясняться на разныхъ языкахъ пріобрѣтается не иначе, какъ частымъ упражненіемъ въ разговорѣ, то при опредѣленіи Надзирателей изъ Русскихъ, сколь возможно, наблюдается, чтобы каждый изъ нихъ умѣлъ свободно изъясняться на какомъ нибудь иностранномъ языкѣ.—Изъ числа же 8-ми Надзирателей должны быть 2 непременно природные Нѣмцы, а 2 Французы.—Сверхъ того начальство стараться будетъ приписывать, въ число Надзирателей, людей знающихъ Англійскій и Итальянскій языки, дабы воспитанники имѣли случай и съ оными познакомиться.

§ 17.

Надзиратели безотлучно находятся при воспитанникахъ и имѣютъ за ними неослабное смотрѣніе, каковую должность исполняютъ они поочередно цѣлые сутки.

§ 18.

Дежурный Надзиратель ночуетъ въ общей спальнѣ воспитанниковъ и почасту проходитъ чрезъ оную, дабы удостовѣриться, все-ли въ надлежащемъ порядкѣ и исполняютъ-ли ночные дядьки свою должность.

§ 19.

Дежурные Надзиратели, какъ уже само по себѣ разумѣется, обязаны непременно обѣдать съ воспитанниками, при чемъ и прочіе Надзиратели обыкновенно тутъ же находятся, какъ для лучшаго наблюденія за благопристойностію во время стола, такъ и для того, чтобы занимать воспитанниковъ полезными разговорами.

§ 20.

По окончаніи дежурства, каждый Надзиратель вписываетъ въ учрежденную на то особенную книгу короткими словами происшествія, заслуживающія вниманіе, на счетъ нравственности воспитанниковъ и проч.; туда же вноситъ имена воспитанниковъ, заслужившихъ выговоръ или иное наказаніе.—Все Надзиратели почасту прочитываютъ сіи записки и руководствуются содержаніемъ ихъ для обращенія особеннаго вниманія на тѣ пороки, которые по замѣчаніямъ часто повторяются.—Книга сія подаетъ способъ Директору и Инспектору судить о ходѣ нравственнаго образованія воспитанниковъ, и изображать мѣры, которыя для вѣднѣшаго успѣха принимать слѣдуетъ.

§ 21.

Сверхъ общей обязанности, Надзиратели смотрятъ за поведеніемъ всехъ воспитанниковъ безъ изыятія, каждому изъ нихъ отдается въ личное попеченіе 15 воспитанниковъ, которыми онъ особенно занимается; при чемъ главное его стараніе состоитъ въ томъ, чтобы точнѣе узнать характеръ каждаго, и снискавши ихъ довѣренность, тѣмъ удобнѣе управлять ихъ склонностями и образовать ихъ нравы. На него же возлагается отвѣтственность въ разсужденіи опрятности, чистоты и исправности въ одеждѣ воспитанниковъ, ему особенно порученныхъ.

§ 22.

Надзиратели, находясь съ воспитанниками на прогулкахъ и при играхъ, кромѣ смотрѣнія за ихъ поведеніемъ, не опускаютъ случая обращать вниманіе ихъ на явленія природы, на занимательныя свойства естественныхъ предметовъ, ихъ

окружающихъ, и проч. и вообще стараются соединять забавы ихъ съ пользою и наставленіемъ.

§ 23.

Вообще Смотрители всегда болѣе стараются предупредить погрѣшности и проступки воспитанниковъ, устраняя поводъ или случай къ онымъ, нежели замѣчать и наказывать тогда, когда уже они сдѣланы.—Первое конечно гораздо труднѣе послѣдняго, но и польза отъ сего несравненно больше: ибо поправление дитяти, которое посредствомъ такового предупрежденія отвыкло отъ зла и привыкло къ добру, будетъ основательнѣе и надежнѣе, нежели поправление другого, которое только страхомъ наказанія удерживается.

§ 24.

Не всегда однако и не со всѣми дѣтьми возможно предупредить такимъ образомъ погрѣшности, и тогда наказанія дѣлаются необходимыми.—Въ случаяхъ маловажныхъ Надзиратели сами исправляютъ проступившагося, по собственному ихъ благоразумію и приличной юношескому возрасту иѣжности; важные же проступки доводятъ немедленно до свѣдѣнія Директора или Инспектора, которые въ обыкновенныхъ случаяхъ сами назначаютъ приличное наказаніе, въ важныхъ же Директоръ Пансіона доноситъ о томъ Директору Лицея, который, смотря по качеству вины, или самъ рѣшитъ дѣло и опредѣляетъ за оное наказаніе, или, въ случаѣ надобности, доводитъ до свѣдѣнія Министра.

§ 25.

Надзиратели, Инспекторъ и, если время позволяетъ, и Директоръ, каждую недѣлю собираются для взаимнаго сообщенія своихъ замѣчаній, для совѣщанія о мѣрахъ, каковыя по

обстоятельствамъ употребить должно для успѣшнѣйшаго нравственнаго усовершенствованія воспитанниковъ и тому подобнаго.

§ 26.

Поскольку наблюденіе закона Божія и исполненіе обязанностей Христіанскихъ есть первый долгъ каждого человѣка и вѣрнѣйшій способъ къ исправленію сердца и души, то Начальство Благороднаго Пансіона тщательно наблюдаетъ, чтобы воспитанники исполняли священный сей долгъ не по наружности только, а съ приличнымъ душевнымъ благоговѣніемъ. На сей конецъ, кромѣ ежедневныхъ молитвъ, воспитанники въ воскресные и праздничные дни съ своими Надзирателями ходятъ въ церковь, для слушанія Божественной Литургіи; на страстной недѣлѣ они говѣютъ и приобщаются Святыхъ Таинъ.—Сіе относится и къ воспитанникамъ Римско-Католическаго и Лютеранскаго исповѣданія, которые равномѣрно съ своимъ Надзирателемъ ходятъ, первые въ Царскосельскую Римско-Католическую, а другіе въ въ Павловскую Лютеранскую церковь, доколѣ не устроится такая въ Царскомъ Селѣ.

§ 27.

Немаловажная часть нравственности воспитанниковъ зависитъ отъ окружающихъ ихъ служителей; а потому на выборъ ихъ обращается крайнее вниманіе. Въ Дядки, для прислуги воспитанниковъ, опредѣляются люди вольнонаемные, степенныхъ лѣтъ, трезваго и надежнаго поведенія, которымъ дается подробное наставленіе о должности ихъ.

§ 28.

Дядьки въ отношеніи къ воспитанникамъ подчинены Надзирателямъ, коихъ приказанія по сему предмету обязаны они

точно исполнять и уведомлять ихъ о всемъ, что ими замѣчено будетъ на счетъ воспитанниковъ.— Впрочемъ они, какъ и всѣ прочіе служители дома, находятся въ вѣдомствѣ Эконома.

§ 29.

Дядьки, кромѣ общей дневной прислуги, по очереди дежурятъ ночью въ спальняхъ воспитанниковъ, такъ чтобы въ каждомъ коридорѣ было по два стража ночныхъ, которые попеременно во всю ночь обходятъ спальню и наблюдаютъ, чтобы воспитанники лежали спокойно въ своихъ постеляхъ, чтобы всѣ покрыты были и проч.

§ 30.

Кромѣ общей прислуги въ спальняхъ, классахъ и за столомъ, каждый Дядька имѣетъ назначенное ему именно число воспитанниковъ, которымъ онъ особенно прислуживаетъ и отвѣчаетъ за опрятность, чистоту и исправность ихъ бѣлья и платья.

§ 31.

Если кто-нибудь изъ родителей, имѣя хорошаго и надежнаго человека, пожелаетъ опредѣлить его къ дѣтямъ своимъ, то сіе дозволяется, съ тѣмъ только, чтобы онъ, получая отъ Пансіона содержаніе наравнѣ съ прочими Дядьками, повиновался во всемъ установленному въ домѣ общему порядку.

Устройство учебной части.

§ 32.

Курсъ ученія въ Благородномъ Пансіонѣ расположенъ такимъ образомъ, что начинаясь въ 1-мъ классѣ съ самыхъ первыхъ началъ, доходитъ въ 5-мъ и 6-мъ до высшихъ на-

укъ и равняется во всемъ съ курсомъ высшаго отдѣленія Императорскаго Лицея.

§ 33.

Воспитанники Благороднаго Пансіона раздѣлены на шесть классовъ, изъ коихъ нижній называется первымъ, а высшій шестымъ.

§ 34.

Курсъ ученія въ каждомъ изъ сихъ классовъ расположенъ на одинъ годъ, съ слѣдующимъ распределеніемъ предметовъ:

I классъ.

1. Катехизисъ Христіанскій.
2. Чтеніе на Россійскомъ, Нѣмецкомъ и Французскомъ языкахъ; упражненіе въ оныхъ, особенно въ послѣднихъ.
3. Чистописаніе.
4. Начала Ариметики, приспособляя ученіе сіе къ Методѣ Песталоцци, посредствомъ Русскихъ счетовъ.
5. Начальныя основанія Топографіи.
6. Начала рисованія по Методѣ Песталоцци.

II классъ.

1. Законъ Божій и Библейская Исторія.
2. Начала Россійской Грамматики.
3. Начала Латинской Грамматики.

4. Нѣмецкій языкъ	} Безъ особеннаго преподаванія Грамматики, стараясь токмо обогащать память воспитанниковъ множествомъ словъ чрезъ чтеніе и переводы, съ одного языка на другой.
5. Французскій языкъ	

6. Ариѳметика.
7. Всеобщая Географія.
8. Начальное основаніе Всемирной Исторіи.
9. Чистописаніе.
10. Рисованіе.
11. Танцованіе.
12. Пѣніе.

III классъ.

1. Законъ Божій, Священная Исторія, чтеніе Новаго За-
вѣта.
2. Продолженіе Россійской Грамматики и практическое упраж-
неніе въ Россійскомъ языкѣ.
3. Латинскій языкъ.
4. Нѣмецкій языкъ. Грамматика, выкидывая при препода-
даніи грамматики сихъ языковъ
5. Французскій языкъ: даваніи грамматики сихъ языковъ
всѣ тѣ изъясненія, которыя уже
пройдены въ Грамматикахъ русской
и латинской, и, ссылаясь на дан-
ныя тамъ объясненія, дополнять
только тамъ, гдѣ сіи языки отъ
вышесказанныхъ различествуютъ.—
6. Древняя Исторія и обзоръ Россійской.
7. Продолженіе Ариѳметики, Алгебра и Геометрія.
8. Начала Физики.
9. Всеобщая и Математическая Географія.
10. Чистописаніе.
11. Рисованіе.
12. Волтижированіе.

13. Танцованіе.
14. Пѣніе.
15. Плаваніе.

IV классъ.

1. Продолженіе наставленія въ Законѣ Божіемъ, Священная
Исторія и чтеніе Новаго Заѣта.
  2. Науки нравственныя, Логика, Психологія и Иѳика.
  3. Общая Теорія слога, правила и изложеніе свойствъ раз-
ныхъ родовъ сочиненій въ прозѣ и стихахъ. — Все сіе препода-
дается на Россійскомъ языкѣ и служитъ объясненіемъ для всѣхъ
прочихъ.
  4. Россійская
  5. Латинская
  6. Французская
  7. Нѣмецкая
}	Словесности, чтеніе и разборъ лучшихъ авторовъ, переводы и сочиненія.
8. Географія отечественная и другихъ Государствъ.
  9. Исторія среднихъ вѣковъ и Россійская.
  10. Чистая Математика.
  11. Физика и главные начала Химіи.
  12. Начальныя основанія правъ: Естественнаго, Частнаго и
Публичнаго.
  13. Рисованіе и черченіе.
  14. Волтижированіе.
  15. Фехтованіе.
  16. Танцованіе.
  17. Пѣніе.
  18. Плаваніе.

V классъ.

1. Продолженіе наставленія въ Законѣ Божіемъ и изложене знатѣйшихъ эпохъ Исторіи Церкви.
2. Окончаніе наукъ нравственныхъ.
3. Политическая экономія съ примѣненіемъ къ Россіи.
4. Русское Гражданское и Уголовное право.
5. Окончаніе Исторіи Россійской. — Исторія трехъ послѣднихъ столѣтій, съ особеннымъ вниманіемъ на политику, торговлю и колоніи Европейскихъ государствъ.
6. Прикладная Математика, въ особенности Механика.
7. Физика и общая система Химіи.
8. Общія понятія Естественной Исторіи.
9. Продолженіе Россійской Словесности.
10. Продолженіе Нѣмецкой Словесности, обзоръ отличнѣйшихъ свойствъ Нѣмецкой Литтературы и разборъ лучшихъ писателей.
11. Продолженіе Французской Словесности.
12. Продолженіе Латинской Словесности.
13. Рисованіе и чертежи гражданской Архитектуры.
14. Фехтованіе.
15. Танцованіе.
16. Верховая ѣзда.
17. Плаваніе.

VI классъ.

1. Продолженіе наставленія въ Законѣ Божіемъ, чтеніе Старога и Новаго Заветъа.
2. Окончаніе Правъ и практическія занятія по Юридической части.

3. Финансы и общее обозрѣніе Коммерціи.
4. Военныя науки: Артиллерія, Фортификація, Черченіе и проч.
5. Практическое упражненіе въ разныхъ родахъ сочиненій на Россійскомъ языкѣ, съ особеннымъ приспособленіемъ къ будущему роду служенія воспитанниковъ. —
6. Обзоръ отличительныхъ свойствъ Нѣмецкой Литтературы, разборъ лучшихъ писателей и практическія занятія въ разныхъ родахъ сочиненій на семь языкъ.
7. Таковыя же упражненія во Французской Словесности.
8. Общее обозрѣніе свойствъ древней Литтературы.
9. Рисованіе.
10. Фехтованіе.
11. Верховая ѣзда.
12. Плаваніе.

§ 35.

Въ такомъ порядкѣ воспитанники Благодарнаго Пансіона, кончившіе курсъ 4-го класса, равняются съ первою половиною курса старшаго отдѣленія Лицея, а прошедшіе курсы 5-го и 6-го классовъ, съ окончательнымъ курсомъ преподаваемыхъ въ Лицеѣ наукъ. —

§ 36.

Главныя начала, на коихъ основано вообще преподаваніе всѣхъ предметовъ въ Благородномъ Пансіонѣ, суть слѣдующія: а) Въ началѣ ученія дѣтей, сколько возможно, дѣйствовать посредствомъ лицеизрѣнія или впечатлѣнія на виѣшніи ихъ чувства. б) Не затемнять умъ учащихся, особенно въ меньшихъ классахъ, пространными объясненіями, которыя для дѣтей ничто иное суть, какъ наборъ словъ, а заставлятъ ихъ самихъ разсуждать и собственнымъ размышленіемъ выводить заключе-

нія. с) Не переходить къ новому предмету, доколѣ учащіеся не поняли совершенно предъидущаго и, такъ сказать, не присвоили себѣ объясняемой мысли. Въ семъ преподающій удостоиврится можетъ чрезъ частые предлагаемые вопросы, на которые учащіеся должны отвѣчать, не выученными наизусть, а собственными словами.

§ 37.

Начала сіи заключаютъ въ себѣ главныя основанія метода: Веттурини-да-Фельтре, Базедова, Кампе, Песталоцци, Фелленберга и прочихъ извѣстнѣйшихъ практическихъ Педагоговъ. Преподаватели, имѣя всегда въ виду оныя, будутъ приспосабливать къ нимъ каждый по своей части ученіе свое, стараясь всегда поступать сходно съ общимъ планомъ и таковымъ согласіемъ содѣйствовать къ скорѣйшему и успѣшнѣйшему достиженію общей цѣли.

§ 38.

Ученіе иностранныхъ языковъ (особенно живыхъ) начинается не съ теоріи Грамматики, которая для дѣтей, незнающихъ еще самаго языка, слишкомъ суха и уму ихъ не внятна, но съ практическаго ученія чрезъ употребленіе оныхъ. — Тогда только, когда дѣти познакомились съ языкомъ и по навыку научились съ нѣкоторою легкостію употреблять оный, начнется въ III классѣ преподаваніе Теорической Грамматики. — Но и здѣсь не должно терять времени повтореніемъ на Нѣмецкомъ или Французскомъ языкѣ тѣхъ общихъ понятій и объясненій, которыя уже извѣстны дѣтямъ изъ Русской или Латинской Грамматики; преподающій, ссылаясь на данныя въ оныхъ объясненія и сказавъ только нѣмецкое или французское названіе термину, распространяется тамъ только, гдѣ сіи

языки отъ означенныхъ различествуютъ. — Всякое же правило основывается на множествѣ примѣровъ.

§ 39.

Для береженія времени и избѣжанія повторенія одного и того же предмета на трехъ или четырехъ языкахъ, общая Теорія слога, правила и изложеніе свойствъ разныхъ родовъ сочиненій въ прозѣ и стихахъ, преподается вообще для всѣхъ языковъ на Русскомъ. — Учители же Нѣмецкаго и Французскаго языковъ основываются на сихъ объясненіяхъ такъ точно, какъ въ предъидущей статьѣ сказано о преподаваніи Грамматики.

§ 40.

Въ окончательномъ курсѣ 6-го класса, каждый Профессоръ Словесности по своей части занимаетъ воспитанниковъ предпочтительно практическими упражненіями, стараясь приобщать задаваемые сочиненія къ предметамъ общежитія и приучать молодыхъ людей къ слогу гражданскому, въ которомъ будутъ они имѣть надобность, вступивъ въ службу. — Для сего заставляютъ ихъ дѣлать краткія, но ясныя выписки, излагать письменно какое-нибудь пріомешество по порядку, въ видѣ донесенія, письма, записки или тому подобное. — Равнымъ образомъ приучать ихъ безъ предварительнаго приготовленія изложить изустно какое-нибудь дѣло, защищать съ надлежащими доводами и съ благопристойностію мнѣніе свое и проч.; сверхъ того, въ семъ году каждый Профессоръ проходитъ краткое обзорніе характеристики своей Литературы и достопримѣчательнѣйшихъ по оной писателей.

§ 41.

Ученіе Географіи не должно начинаться Математическою частию оной, которая для дѣтскаго разума совершенно непонятна. — Въ первомъ классѣ надлежитъ стараться познакомить воспитанника съ цѣлю и пользою науки вообще, съ тѣми предметами оной, которые ему близки и которые можетъ онъ представить себѣ посредствомъ внѣшнихъ чувствъ. — Географія дѣтей начинается съ положенія учебной комнаты и простирается далѣе на мѣстоположеніе дома, города и проч.; съ постепеннымъ расширеніемъ и зрѣлостію ума, преподаваніе простирается далѣе къ умственнымъ частямъ науки и въ III-мъ уже классѣ, по приобрѣтеніи нужныхъ математическихъ свѣдѣній, начинается Математическая Географія.

§ 42.

Ариметика преподается съ двоякою цѣлю; вопервыхъ, какъ наука въ общежитіи необходимая, а вовторыхъ, какъ лучший способъ къ развитію умственныхъ способностей и приученію къ постепенности въ ходѣ мыслей. — Посему преподаваніе Ариметики не должно состоять въ одномъ писаніи числительныхъ знаменъ и въ переставиваніи ихъ по формуламъ, которыя, не представляя уму дитяти предмета для собственнаго размышленія, не могутъ ни занимать его, ни сдѣлаться ему полезными. — Исключая всѣ формулы, въ I-мъ классѣ дѣти получаютъ ясное понятіе о составѣ изъ единицъ чиселъ, о достоинствахъ ихъ и объ отношеніи одного числа къ другому. — Здѣсь, вмѣсто цифръ, употребляется отечественный нашъ способъ счисленія, Русскіе счеты, къ которымъ примѣняется совершенно метода Песталотци и которые, по удобности передвигать кости при считаніи, имѣютъ большое преимущество

предъ обыкновенными числительными таблицами Песталотци. — Всякое счисленіе въ семъ классѣ дѣлается въ умѣ, а знаки служатъ только къ замѣчанію отдѣльныхъ результатовъ, изъ коихъ наконецъ выводится общій.

Въ слѣдующихъ классахъ начинается Формальная Ариметика, но и здѣсь продолжается упражненіе въ умственномъ счисленіи, какъ вѣрнѣйшій способъ для развитія ума и для приученія оного слѣдовать твердо и безъ разсѣянности ходу какого-нибудь предмета въ разныхъ его видоизмѣненіяхъ. —

Такъ равно и при самыхъ Математическихъ задачахъ наблюдается, чтобы воспитанникъ всегда могъ разсказать обыкновеннымъ слогомъ то, что намѣренъ онъ сдѣлать и показать результатъ его операцій и употребленіе или пользу оной.

§ 43.

Преподаваніе Истории начинается общимъ синхронистическимъ изображеніемъ главнѣйшихъ эпохъ Истории каждаго народа, не входя въ отдѣльныя подробности. — Эпохи означаются не одними числами, которыя, не представляя дѣтскому разуму никакого предмета, могущаго занять и оставить впечатлѣніе, изглаживаются весьма скоро изъ памяти его. — Каждое опредѣленіе эпохи должно быть сопровождаемо именемъ какого-нибудь извѣстнаго человѣка, или какимъ-нибудь важнымъ происшествіемъ. — Изъ сего составится въ нижнихъ классахъ общая нить, къ которой потомъ въ слѣдующихъ полныхъ курсахъ привязывается все то, что въ подробности излагаемо быть должно. — Впрочемъ въ высшихъ классахъ занятія по Истории должны состоять не столько въ изложеніи слѣдовавшихъ одно за другимъ происшествій, но въ Философ-

скомъ изслѣдованіи моральныхъ причинъ сихъ происшествій, ихъ связи между собою и вліянія ихъ на образованіе и перемѣны въ родѣ человѣческомъ. —

§ 44.

Въ преподаваніи Политической Экономіи и правъ наблюдается, чтобы во всякомъ случаѣ дѣлать примѣненія въ Россіи и сличенія съ существующимъ въ оной положеніемъ, дабы исполнить главную цѣль воспитанія въ семъ заведеніи: образовывать людей способныхъ къ дѣлопроизводству, умѣющихъ употреблять въ пользу своего отечества то, чему они научились. —

§ 45.

Для сего стараются доставлять воспитанникамъ, поелику можно, полное и подробное познаніе Отечества ихъ, обращая преимущественно вниманіе на Исторію, Географію и Статистику онаго, такъ какъ и вообще на все то, что можетъ ознакомить ихъ съ состояніемъ, то способами, особенными свойствами, источниками богатства и т. п. Россіи. —

§ 46.

Въ 4 классѣ преподается кратко Логика, Психологія, дабы познакомить воспитанниковъ съ началами сихъ наукъ и приучить ихъ къ правильному ходу мыслей и заключеній. — Впрочемъ практическая Логика должна быть основаніемъ преподаванія во всѣхъ классахъ и всего воспитанія въ семъ заведеніи.

§ 47.

Въ ученіи рисованія, учитель никогда не теряетъ изъ вида единственной цѣли сей науки, которая состоитъ въ томъ, чтобы изобразить на бумагѣ дѣйствительные предметы, представляющіеся глазамъ нашимъ, сколько возможно, ближе къ тому, какъ они намъ представляются. — Для достиженія сего, воспитанники не начинаютъ обыкновеннымъ копированіемъ рисованныхъ оригиналовъ, которое есть ни что иное, какъ механическое перенесеніе линий и точекъ съ одной бумаги на другую, гдѣ каждая черта, каждая тѣнь ему назначена и гдѣ собственному его соображенію ничего не предоставлено; но они, сходно съ Методою Песталоцци, приучаются проводить отъ руки линии прямыя, горизонтальныя, перпендикулярныя, діагональныя и параллельныя, раздѣлять длину ихъ на равныя части и проч.; — утвердивъ сими способами руку и глазомѣръ дѣтей, заставляютъ ихъ непосредственно рисовать простыя прямолинейныя тѣла, нарочно для сего приготовленныя, которыя ставятся предъ ними въ разныхъ положеніяхъ. — Видя предъ собою простой предметъ и стараясь изобразить на бумагѣ, съ нѣкоторымъ руководствомъ, они непримѣтно доходятъ до способности изображенія сіи дѣлать совершенно правильно, сходно съ натурою и такимъ образомъ употребляютъ вѣрную практическую оптику, не зная еще ни одного теорическаго правила. — Съ легкихъ предметовъ переходятъ потомъ къ составнымъ труднѣйшимъ, къ машинамъ, зданіямъ и проч.; — въ высшихъ классахъ, при копированіи оригиналовъ, для усовершенствованія въ искусствѣ рисованія употребляется всегда также рисованіе съ дѣйствительныхъ предметовъ, бюстовъ, сниманіе видовъ и тому подобнаго.

§ 48.

Ученіе пѣнія входитъ въ кругъ учебныхъ предметовъ потому, что оно, сверхъ пріятности сего таланта, безъ сомнѣнія лучшее основаніе для всякаго будущаго музыкальнаго ученія; притомъ же опытомъ доказано, что общественное правильное пѣніе приличныхъ пѣсень утончаетъ вкусъ и чувства молодыхъ людей, и потому можетъ почитаться способнымъ къ нравственному ихъ образованію.

§ 49.

На гимнастическія упражненія и на образъ обученія онымъ не можно постановить общаго правила, кромѣ того, что они должны всегда употребляемы быть, какъ способы къ развитію силъ тѣлесныхъ, къ пріобрѣтенію ловкости въ тѣлдвиженіяхъ и къ укрѣпленію здоровья воспитанниковъ.—

§ 50.

Вообще по всѣмъ частямъ ученія, преподающіе не теряютъ изъ вида цѣли сего заведенія, образованъ полезныхъ Русскихъ гражданъ, то есть людей не только свѣдѣнія имѣющихъ, но умѣющихъ употребить оныя въ пользу Отечества.—Почему шестой классъ преимущественно назначается для практическихъ занятій по всѣмъ частямъ наукъ, пройденныхъ воспитанниками, и для пріученія ихъ примѣнять изученное ими къ потребностямъ службы и общежитія.—

§ 51.

Въ концѣ года каждый изъ преподающихъ представляетъ Конференціи Лицея чрезъ Директора Пансіона краткій отчетъ въ пройденныхъ имъ сообразно съ общимъ планомъ учебныхъ предметахъ, съ замѣчаніями своими относительно расположенія на будущій годъ.—Конференція, разсмотрѣвъ всѣ сіи

частные отчеты и замѣчанія, и сообразивъ оныя съ общимъ планомъ, располагаетъ вновь предстоящій годичный курсъ ученія и сообщаетъ оный преподающимъ для наблюденія.—

§ 52.

Сверхъ чинимыхъ, по усмотрѣнію Начальства, частныхъ по классамъ экзаменовъ, по окончаніи каждаго учебнаго года дѣлается воспитанникамъ, въ присутствіи Директора Лицея, членовъ Конференціи, родителей и прочихъ особъ, которыя въ томъ участвовать пожелаютъ, публичное испытаніе.—Воспитанники, оказавшіе хорошіе успѣхи, переводятся въ высшій классъ; прочіе же остаются въ томъ же классѣ для повторенія вновь годоваго курса; а потому отъ прилежанія и стараній каждаго воспитанника зависѣть будетъ сократить или продлить время своего пребыванія въ семъ заведеніи.—Тѣ же, которые, не взирая на всѣ попеченія начальства, не окажутъ въ продолженіи времени никакихъ успѣховъ, или будутъ неисправляемы въ нравственности своей, исключаются изъ Пансіона, яко недостойные, и лишаются всѣхъ выгодъ и преимуществъ, предоставленныхъ тѣмъ, кои съ успѣхомъ и похвалою окончать полный курсъ.—

§ 53.

Директоръ Пансіона, обще со всѣми Учителями и Надзирателями, составляетъ по данной ему формѣ таблицы о успѣхахъ воспитанниковъ въ наукахъ, о ихъ прилежаніи и поведеніи, и чрезъ каждые три мѣсяца представляетъ оныя Конференціи Лицея, гдѣ изъ сихъ списковъ составляется особая книга, изъ которой какъ Начальство, такъ и родители воспитанниковъ, всегда усмотрѣть могутъ постепенный ходъ учебнаго и нравственнаго усовершенствованія каждаго воспитан-

ника.—Отсутствующимъ же родителямъ, если того пожелаютъ, выдаются выписки изъ сей книги.—

§ 54.

Воспитанники каждый мѣсяцъ перемѣняютъ мѣста въ классѣ по успѣхамъ такъ, чтобы слабѣйшіе и требующіе болѣе вниманія со стороны преподающаго, сидѣли къ нему ближе, а лучшіе во второмъ и третьемъ ряду.—Равномѣрно ежемѣсячно назначаются мѣста за столомъ, по поведенію cadaго.

§ 55.

Воспитанники получаютъ всѣ нужныя имъ учебныя пособія, какъ-то книги, ландкарты, бумагу, перья, карандаши, краски и проч. отъ Пансіона.—Сверхъ того Благородный Пансіонъ имѣетъ Кабинеты: Физической и Естественной Исторіи, Библіотеку, равно какъ и нѣкоторыя газеты и ученые журналы.—

§ 56.

Равнымъ образомъ доставляются воспитанникамъ способы обучаться музыкѣ. Основаніе оной, т. е. пѣніе по нотамъ, заключается въ числѣ преподаваемыхъ предметовъ; а для желающихъ потомъ обучаться играть на какомъ-нибудь инструментѣ, Начальство Пансіона будетъ стараться приискивать хорошихъ учителей, у коихъ желающіе могли бы за умѣренную цѣну брать уроки.—

§ 57.

Не возбраняется воспитанникамъ имѣть и собственныя свои книги, но не иначе, какъ съ вѣдома Надзирателей, которые о каждой книгѣ испрашиваютъ разрѣшенія Директора; такое позволеніе означается на самой книгѣ; всякая же безъ

таковой отмѣтки у воспитанника найденная книга немедленно отбирается.—

§ 58.

По прошествіи cadaго учебнаго года и по окончаніи испытанія, Начальство Благороднаго Пансіона извѣщаетъ Публику краткимъ отчетомъ о состояніи заведенія и о успѣхахъ онаго, а именно: о вновь поступившихъ и выбывшихъ воспитанникахъ, о переводѣ ихъ въ высшіе классы, съ означеніемъ именъ удостоенныхъ, о перемѣнахъ преподающихъ Учителей или Надзирателей, о достойныхъ замѣчанія происшествіяхъ, о новыхъ пріобрѣтеніяхъ, сдѣланныхъ Пансіономъ: для Библіотеки, для Кабинетовъ: Физическаго, Естественной Исторіи и проч., съ показаніемъ, что изъ сихъ предметовъ куплено и что подарено отъ родителей или постороннихъ благотворителей сего заведенія.—

Устройство хозяйственной части.

§ 59.

Обыкновенный пріемъ воспитанниковъ въ Благородный Пансіонъ, какъ выше сказано, дѣлается въ Іюль мѣсяцъ: ибо съ 1-го Августа начинается преподаваніе годовыхъ курсовъ по всѣмъ классамъ, кромѣ перваго, въ который по качеству предметовъ принимаемы быть могутъ дѣти и въ Декабрѣ.

§ 60.

Изъ сего могутъ быть изъземлемы такіе воспитанники, коихъ родители живутъ въ отдаленныхъ мѣстахъ и по важнымъ какимъ-либо причинамъ не могутъ точно къ сему сроку пріѣхать; но и они обязаны производить въ такомъ случаѣ пла-

тежъ всегда съ 1-го Января или 1-го Юля.—Раздробительныхъ же счетовъ никакихъ не дѣлается.

§ 61.

Желательно, чтобы воспитанники, поступающіе въ Благородный Пансіонъ, были не моложе 8 и не старѣе 10 или 12 лѣтъ, дабы, вступая въ 1-й или 2-й классъ, могли пользоваться единообразнымъ по общему плану учениемъ и воспитаніемъ. — Впрочемъ, при отличныхъ дарованіяхъ и усиліяхъ представляемыхъ кандидатовъ, могутъ быть дѣлаемы иногда изыятія изъ общаго правила, принятіемъ воспитанниковъ старѣе означенныхъ лѣтъ и помѣщеніемъ ихъ въ высшіе классы, но сіе не иначе, какъ на основаніи строгаго испытанія, Конференціею произведеннаго, и съ утвержденія Министра Народнаго Просвѣщенія.—

§ 62.

Родители, желающіе отдать дѣтей въ Благородный Пансіонъ, подаютъ заблаговременно въ Правленіе Лицея прошеніе, по приложенной у сего подъ литерою А формѣ, примѣняясь къ сроку пріема и отдаленности мѣста своего пребыванія, дабы Правленіе могло увѣдомить просящаго, о возможности или невозможности удовлетворить его желанію.—При просьбѣ прилагаются: свидѣтельство о дворянствѣ, свидѣтельство о крещеніи и свидѣтельство о томъ, что на дитяти была оспа. — Сверхъ того еще дитя осматривается опредѣленнымъ при Пансіонѣ врачомъ, для удостовѣренія въ здоровомъ его состояніи.—

§ 63.

За воспитаніе и полное содержаніе каждаго воспитанника полагается въ годъ по 1500 руб.—Платежъ сихъ денегъ чинится впередъ за годъ, или по крайней мѣрѣ за шесть мѣся-

цевъ, такъ, чтобы всегда слѣдующіе ко взносу годовые или полугодовые платежи поступали въ Іюнѣ и Декабрѣ мѣсяцахъ въ Правленіе Лицея, отъ коего въ полученіи денегъ выдаваемы будутъ надлежащія квитанціи.—

§ 64.

За означенную годовую плату воспитанники, сверхъ обученія и воспитанія, получаютъ полное содержаніе какъ пищею, такъ и платьемъ, обувью и бѣльемъ, по приложенному подъ литерою В росписанію.—

§ 65.

Пища воспитанниковъ полагается безъ роскоши, но достаточная, здоровая и соответствующая ихъ возрасту.—Она состоитъ изъ слѣдующаго: на завтракъ чай или свѣжее молоко съ бѣлымъ хлѣбомъ; въ обѣдъ три блюда, въ полдникъ чай или свѣжее молоко съ бѣлымъ хлѣбомъ, въ ужинъ два блюда; въ праздничные дни прибавляется по одному блюду.

§ 66.

Каждую субботу экономъ составляетъ росписаніе кушанья, которое имѣетъ быть въ теченіе недѣли по днямъ.—Сіе росписаніе подписывается Директоромъ и прибивается на стѣну въ столовой комнатѣ.

§ 67.

Врачъ Пансіона по часту посѣщаетъ воспитанниковъ во время стола, навѣдывается о здоровьѣ ихъ и, если въ составѣ подаваемой имъ пищи замѣтитъ что-либо по мнѣнію его нездоровое, то немедленно извѣщаетъ о томъ Директора.

§ 68.

Спальни, учебныя комнаты и увеселительныя залы находятся въ покояхъ пространныхъ, сухихъ и чистыхъ, содержимыхъ всегда въ умѣренной теплотѣ и освѣжаемыхъ наружнымъ воздухомъ зимою и лѣтомъ.—Спальни расположены такимъ образомъ, что между кроватями находятся легкія перегородки, которыя, отдѣляя совершенно спящихъ другъ отъ друга, не препятствуютъ однако ни свободному прохождению воздуха, ни безпрестанному надзору дежурныхъ дядекъ и Надзирателя.

§ 69.

Учебныхъ комнатъ имѣется шесть, по числу классовъ, и кромѣ того пять рекреационныхъ залъ для занятія и для игры воспитанниковъ въ дурную погоду.—По окончаніи классовъ и по выходѣ воспитанниковъ, дежурный дядька прибираетъ учебную комнату, открываетъ окошки и приготовляетъ все къ предстоящему классу.—Въ сихъ комнатахъ бывають воспитанники только во время класса и въ тѣ часы, которые именно назначены для собственнаго занятія подъ надзоромъ Гуверниера.

§ 70.

Въ спальняхъ горятъ ночники, которые зажигаются въ 10 часовъ вечера, когда воспитанники ложатся спать. Дежурные дядьки на двѣ сѣны во всю ночь обходятъ по спальнямъ и наблюдаютъ тщательно за общимъ порядкомъ.

§ 71.

Въ спальняхъ при каждой кровати находится маленькій шкафъ съ ящиками, для сбереженія употребляемаго ежедневно бѣлья и платья, и для поклажи разныхъ мелочей воспитанниковъ.—Они обязаны содержать вещи свои всегда въ лучшемъ порядкѣ, зачѣмъ наблюдаютъ неослабно надзиратели.

§ 72.

Бѣлье воспитанниковъ перебѣняется: постельное по одному разу въ недѣлю, столовое по два раза, а прочее бѣлье зимою два, а лѣтомъ, смотря по надобности, и по три раза.—Каждую недѣлю воспитанники ходятъ въ баню, при Пансіонѣ учрежденную, а лѣтомъ, доколѣ время позволяетъ, купаются въ холодной водѣ.—

§ 73.

Воспитанники встають въ 6 часовъ утра, умываются и одѣваются съ помощію Дядекъ и подъ присмотромъ Надзирателей.—Потомъ собираются по классамъ на молитву и, по совершеніи оной, завтракають.—(Опоздавіе линаются права завтракать, а въ случаѣ частаго повторенія сей ошибки, подвергаются строгому наказанію).—Въ 7 часовъ начинаются классы, въ которые воспитанники со всемъ нужнымъ, какъ-то тетрадями, книгами и проч., собираются по крайней мѣрѣ за 10 минутъ до пришествія преподающаго.—Въ 9 часовъ отдыхъ, прогулка и тѣлодвиженіе, смотря по погодѣ, на дворѣ или въ залѣ.—Неисправные воспитанники употребляютъ сіе время на повтореніе своихъ уроковъ и исправленія заданныхъ и неоконченныхъ ими работъ.—Въ 10 часовъ классъ.—Въ 12 часовъ обѣдъ.—По окончаніи обѣда прогулка и тѣлодвиженіе.—Въ 2 часа классъ.—Въ 5 часовъ полдникъ, прогулка, тѣлодвиженіе до 6 часовъ.—Отъ 6 до 8½ повтореніе уроковъ, приготовленіе къ будущему дню и вообще собственныя учебныя занятія подъ руководствомъ Надзирателей.—Въ 8½ часовъ ужинъ.—Послѣ ужина игры зимою въ залѣ, а лѣтомъ на открытомъ воздухѣ.—Въ 9½ вечерняя молитва, а въ 10 часовъ сонъ.—

§ 74.

Пансіонъ въ отдѣльной части дома имѣетъ свою больницу въ большихъ, сухихъ и здоровыхъ комнатахъ. — Сверхъ того въ особомъ строеніи назначена отдѣльная комната, на случай прилипчивыхъ болѣзней, которыя требуютъ совершеннаго отдѣленія. — Въ помощь находящагося при Пансіонѣ врача, имѣющаго главный надзоръ надъ больницею, находится Лекаръ, который обще съ Надзирателемъ больницы наблюдаетъ за порядкомъ, за точнымъ исполненіемъ предписаній Врача и за исправностію больничныхъ служителей. —

§ 75.

При Благородномъ Пансіонѣ опредѣляется Экономъ, который, какъ добрый хозяинъ, заведываетъ всемъ, до чистоты и благоустройства дома, до стола, мытья бѣлья, прислуги, отопленія, освѣщенія, вообще до внутренняго хозяйства относящимся. — Въ вѣдомствѣ и подъ личнымъ надзоромъ его состоятъ всѣ служители въ домѣ; онъ наблюдаетъ, чтобы каждый изъ нихъ исполнялъ въ точности свою должность. — Ему сообщаются всѣ заключаемые по дому контракты, для наблюденія за исправнымъ выполненіемъ оныхъ. — Экономъ относится обо всемъ къ Директору Пансіона, отъ коего получаетъ разрѣшеніе именемъ Правленія Лицея. — Отъ сего послѣдняго получаетъ онъ шнуровыя книги для записыванія прихода и мелочнаго расхода, равно какъ и для веденія по данной ему формѣ подробной описи имѣющихся въ семъ заведеніи и вновь приобрѣтаемыхъ вещей, съ отмѣткою убыли и причинъ оной. — Помощникъ его участвуетъ въ трудахъ его, занимается писмоводствомъ, щетами и, въ случаѣ отсутствія или болѣзни Эконома, занимаетъ мѣсто его.

§ 76.

Правленіе Лицея каждый мѣсяцъ выдаетъ Эконому Пансіона соответствующую надобностямъ сумму на текущіе расходы и покупки. о коихъ онъ въ концѣ каждаго мѣсяца представляетъ въ Правленіе свой отчетъ чрезъ Директора Пансіона, и получаетъ вновь сумму на расходъ.

§ 77.

Кромѣ таковыхъ текущихъ расходовъ и случающихся въ С.-Петербургѣ временныхъ покупокъ, всѣ прочія денежныя выдачи, какъ-то жалованья чиновникамъ, платежи по годовымъ контрактамъ, мѣсячнымъ поставкамъ и покупкамъ въ большемъ количествѣ, производятся непосредственно изъ Правленія съ роспискою въ книгѣ.

§ 78.

Вся денежная сумма по Пансіону собирается и хранится въ Правленіи Лицея, которое въ употребленіи денегъ отдастъ надлежащій отчетъ Министру Народнаго Просвѣщенія.

§ 79.

Правленіе Лицея со всѣхъ вступающихъ въ оное для Благороднаго Пансіона суммъ откладываетъ по одному проценту со ста рублей. — Деньги сіи отсылаются въ казенныя, на сіе учрежденныя мѣста, для приращенія процентами и составленія капитала, назначеннаго для производства пенсій чиновникамъ, выслужившимъ законные годы при семъ заведеніи.

§ 80.

При управленіи хозяйствомъ Благороднаго Пансіона, начальство будетъ всегда въ виду имѣть главную цѣль сего заведенія: пользу юныхъ своихъ согражданъ. — Посему старанія

онаго относительно экономіи будутъ состоять не въ томъ, чтобы накоплять остатки и составить значительную экономическую сумму, а въ томъ, чтобы получаемыя за содержаніе воспитанниковъ деньги употреблять съ благоразуміемъ въ пользу ихъ, такъ, чтобы воспитанники получали все имъ потребное въ достаточномъ количествѣ и лучшаго качества.—Всякіе же остатки обращаемы будутъ на усовершенствованіе самаго заведенія.

ПРИЛОЖЕНІЯ

КЪ 2-му ПОСТАНОВЛЕНІЮ О БЛАГОРОДНОМЪ ПАНСІОНѢ И ЦАРСКОСЕЛЬСКАГО ЛИЦЕЯ.

Лит. А.

Форма прошенія о приѣмъ воспитанника въ Лицейскій Благородный Пансіонъ.

Въ Правленіе Императорскаго Царскосельскаго Лицея.

Отъ (чинъ, имя, отчество и фамилія).

Желая опредѣлить сына моего (или родственника, имя и фамилія) въ число воспитанниковъ Благороднаго Пансіона, учрежденнаго при Императорскомъ Царскосельскомъ Лицеѣ, имѣю честь при семъ представить означенному Правленію требуемые документы, именно: свидѣтельство о дворянствѣ, свидѣтельство о крещеніи и свидѣтельство о томъ, что ему была привита оспа, и покорнѣйше прошу о принятіи упомянутаго моего сына (или родственника). Равномѣрно прилагаю при семъ слѣдующіе за содержаніе его за годъ впередъ 1500 рублей (или за полгода впередъ 750 рублей), въ полученіи которыхъ прошу выдать мнѣ надлежащую квитанцію.

Подпись: имя и фамилія, и подробное означеніе мѣста жительства.

Лит. В.

Списокъ одежды и прочихъ вещей, которая имѣетъ получать каждый воспитанникъ Благороднаго Пансіона И. Царскосельскаго Лицея.

О Д Е Ж Д А.

- 1 шинель, на зиму подбиваемая байкой.
- 1 сертукъ или другое какое-либо домашнее платье.
- 1 фракъ или по возрасту куртка.
- 2 пары суконныхъ и 2 пары нанковыхъ панталонъ.
- 1 суконный и 2 лѣтнихъ жилета.

Б Ъ Л Ъ Е.

- 2 коленкорovýchъ и 2 миткалевыхъ галстуха.
- 4 носовыхъ платка.
- 6 полотенецъ.
- 4 рубашки.
- 3 пары ночныхъ подштанниковъ.
- 2 „ нитяныхъ сапожныхъ чулковъ.
- 2 „ бумажныхъ башмачныхъ чулковъ.
- 6 простынь.
- 6 наволочекъ.

ПРОЧІЕ ПРЕДМЕТЫ ОДЕЖДЫ И ВЕЩИ.

- 1 шелковый черный галстухъ.
- 1 пара зимнихъ и 1 пара лѣтнихъ перчатокъ.
- 1 подгалстучникъ.

- 1 пара сафьянныхъ подтяжекъ.
- 2 гребня.
- 1 зубная щетка.
- 4 пары башмаковъ и 2 пары сапоговъ.
- 1 желѣзная кровать, съ 1 волосянымъ матрацомъ, 2 подушками и 1 одѣяломъ.
- 1 небольшой шкафъ съ полками.
- 1 стулъ обтянутый кожей.
- 1 небольшая рабочая конторка для старшихъ классовъ.

ПРИЛОЖЕНИЕ IV (А).

ОТЧЕТЪ О СОСТОЯНІИ БЛАГОРОДНАГО ПАНСІОНА, УЧРЕЖДЕН-
НАГО ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ ЦАРСКОСЕЛЬСКОМЪ
ЛИЦЕѢ, ПО АВГУСТЪ МѢСЯЦЪ 1817 ГОДА *).

Начальство Пансіона, по окончаніи испытанія въ ономъ, на основаніи правилъ своихъ, извѣщаетъ въ семь отчетѣ публику о состояніи и успѣхахъ сего заведенія. — Долгомъ постав-
ляемъ сообщить изъ оного краткую выписку. — Уже въ прошломъ
году Государь Императоръ соблаговолилъ, Всемилостивѣйшимъ
назначеніемъ значительнаго пособия, даровать сему заведенію
средства на заплату долговъ и вообще на поправленіе состо-
янія оного: сто тысячъ рублей (изъ суммы, которая собиралась
съ частныхъ содержателей Пансіоновъ) обращены безъ возврата
въ кассу Пансіона. — Потомъ обращены въ сію кассу и осталь-
ные 48,693 руб. изъ означенной суммы съ тѣмъ, чтобы Пан-
сіонъ содержалъ навсегда безъ платы 13 воспитанниковъ,
опредѣляемыхъ Господиномъ Министромъ Народнаго Просвѣ-
щенія, по Высочайшему Его Императорскаго Величества на-
значенію. — Сверхъ того пожалованъ Пансіону во всегдашнюю
собственность каменный домъ и большое пустопорожнее мѣсто
для разведенія въ ономъ сада. — 1-го Января находилось въ
Пансіонѣ 105 воспитанниковъ. — Въ Юнѣ сего года Его

*) Это краткое извлеченіе изъ отчета, напечатаннаго особою бро-
шурою и помѣщеннаго вслѣдъ за симъ Приложеніи IV (Б), было напе-
чатано въ Сынѣ Отечества 1817 г. Ч. 41 № LI.

Императорскому Величеству благоугодно было, чрезъ г. Ис-
правлявшаго должность Министра Народнаго Просвѣщенія,
изъявить свое соизволеніе, чтобы впредь обо всѣхъ прини-
маемыхъ въ Пансіонѣ воспитанникахъ представляемо было
предварительно на Высочайшее усмотрѣніе и разрѣшеніе. — Въ
нынѣшнемъ году Его Величество Государь Императоръ назна-
чилъ изъ представленныхъ Ему воспитанниковъ Пансіона 29
человѣкъ къ переводу въ Лицей. — При происходившемъ въ
исходѣ Іюня мѣсяца публичномъ испытаніи въ Пансіонѣ уче-
ники, отличившіеся благонравіемъ и успѣхами, переведены въ
высшіе классы, и сверхъ того вновь учрежденъ въ Пансіонѣ
пятый классъ, а съ 1-го Августа 1818-го года откроется
шестой, соотвѣтствующій послѣднему году старшаго курса
Лицея. — Въ заключеніи отчета помѣщено извѣстіе о со-
стояніи кассы Благороднаго Пансіона. — Отчетъ оканчивается
слѣдующимъ: „Начальство Пансіона чувствуетъ, что еще мно-
гое остается сдѣлать, и потому священнымъ себѣ поставить
долгомъ продолжать неослабно начатое дѣло; время и опыты
покажутъ ему, что надобно поправить, перемѣнить или допол-
нить, а общее соревнованіе, коимъ одушевлены всѣ участву-
ющіе въ важномъ семъ дѣлѣ наставники и воспитатели слу-
жить залогомъ въ томъ, что они употребятъ всѣ свои стара-
нія для совершеннаго достиженія важной и общепользой
цѣли сего заведенія, дабы оправдать лестное довѣріе публики,
оказанное Пансіону въ послѣдніе мѣсяцы, когда не только
положенное число воспитанниковъ наполнилось, но еще по же-
ланіямъ многихъ родителей заведенъ списокъ кандидатовъ,
между коими наблюдается старшинство для поступленія въ
воспитанники Пансіона, по мѣрѣ открывающихся ваканцій“.

Заключимъ извѣстіе о семъ отчетѣ выпискою двухъ статей
изъ одной Нѣмецкой газеты, (Allgemeine Zeitung) въ которой

весьма хорошо, и справедливо изложены правила, служащая основанием воспитанію юношества въ Императорскомъ Царско-сельскомъ Лицеѣ, и счастье онаго находится подъ непосредственнымъ попеченіемъ Вѣнценоснаго читателя просвѣщенія и благочестія:

„Въ Царскомъ Селѣ заведенъ Императорскій Лицей—собственное твореніе Императора, любимое Его учрежденіе, въ которомъ образуются дѣти благородныхъ родителей для Государственной службы.—Когда усмотримъ, съ какою любовію, съ какимъ раченіемъ Государь Императоръ печется о благо сего заведенія, тогда только можно намъ будетъ узнать въ точности образъ мыслей и чувствованій сего Монарха, тогда можно будетъ узрѣть свойства характера Его, которые не могутъ быть явственны въ дѣлахъ, принадлежащихъ Исторіи Всемірной.—Можно сказать, что Императоръ непосредственно управляетъ симъ заведеніемъ;—столько Онъ приблизилъ оное къ Себѣ, столь часто Онъ самъ лично къ нему приближается.—Главное начальство поручено Особамъ, избраннымъ Имъ самимъ по долговременномъ испытаніи и признаннымъ къ тому способными—выборъ сей былъ превосходенъ.—Государь, безъ предварительнаго извѣщенія, неожиданно прѣзжаетъ въ Царское Село, во всякой часъ, во всякое время дня; лѣтомъ иногда по нѣскольку разъ въ недѣлю, и никогда не выпускаетъ изъ виду любимаго своего заведенія, занимающаго часть Императорскаго Дворца.—Монархъ сей не почитаетъ слишкомъ малою никой подробности, имѣющей вліяніе на благо сего нравственнаго разсадника; всѣ представленія о поправкахъ и усовершеніяхъ, приводятся въ дѣйство съ Царскою щедротою, по испытаніи ихъ полезности. Упражненіе Лицеємъ есть занятіе для сердца Государя Императора, и неоднократно, при посѣщеніи онаго, слѣдующія многозначитель-

ныя слова выражали Его мысли о семъ предметѣ: „Мнѣ надобны люди добрые, честные, для службы моей!“ Сими словами сказано болѣе, нежели всѣми объявленіями, планами учрежденія, программами и тому подобными сочиненіями, которые можно бы было написать о духѣ и цѣли сего заведенія! По утвержденіи мира, Лицей сдѣлался еще драгоценнѣе для Августѣйшаго Учредителя онаго.—Онъ можетъ безпрятственно предаваться дальнѣйшему образованію онаго, почитая нравственное просвѣщеніе своего народа истиннымъ твердымъ основаніемъ его благоденствія.“

„По истеченіи 6 лѣтъ со времени образованія Императорскаго Лицея, 9 Мая сего года происходилъ выпускъ изъ онаго 29 воспитанниковъ.—Публичное ихъ испытаніе продолжалось 15 дней.—Число посѣтителей изъ Столицы и другихъ мѣстъ было весьма значительно; не любопытство привлекало ихъ туда: многіе снѣшили видѣть успѣхи и назначеніе любимыхъ сердцу ихъ дѣтей или близкихъ родственниковъ.—Въ чужихъ краяхъ не знаютъ въ подробности нашихъ учебныхъ заведеній, и потому не могутъ оцѣнить, съ какою откровенностію, основательностію, безпристрастіемъ и совѣстностію происходятъ сіи испытанія.—Приготовленія къ публичнымъ блистательнымъ и обманчивымъ экзаменамъ вовсе чужды духу, господствующему въ большихъ учебныхъ заведеніяхъ Россіи: всѣмъ посѣтителямъ предоставлено право спрашивать учениковъ, отъ чего происходятъ самыя занимательныя пренія и свидѣтельства образа мыслей и понятій учащихся въ самой залѣ испытанія.—9 Мая Августѣйшій Основатель и Попечитель Самъ присутствовалъ при торжествѣ выпуска.—Императоръ вошелъ въ кругъ юношей, изъ коихъ каждый видѣлъ въ Немъ Отца и Виновника какъ нравственнаго и умственнаго своего образованія, такъ и всего будущаго счастья

въ жизни.—Государь обратилъ къ нимъ слова любви и чувствъ родителя; увѣщевалъ ихъ никогда не совращаться со стези добродѣтели и честности, если они желаютъ быть счастливыми, и свято уважать обязанности свои къ Богу и отечеству. Сердечное умиленіе видно было въ очахъ всѣхъ присутствующихъ: это было торжество сердецъ!—Государь Императоръ ознаменовалъ сей день новыми благодѣяніями Лицею, назначивъ чины и жалованье, которыми награждаемы будутъ отличные воспитанники при выпускѣ оныхъ, равно какъ и отпуску суммы для первоначальнаго ихъ обзаведенія.—Волѣе не можетъ сдѣлать Правительство для образованія чиновниковъ добрыхъ, честныхъ и просвѣщенныхъ.“

ПРИЛОЖЕНІЕ IV (Б).

ОТЧЕТЪ О СОСТОЯНІИ БЛАГОРОДНАГО ПАНСІОНА, УЧРЕЖДЕННАГО ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ ЦАРСКОСЕЛЬСКОМЪ ЛИЦЕѢ, ПО АВГУСТЪ МѢСЯЦЪ 1817 ГОДА *).

Въ 57 статьѣ правилъ сего Пансіона положено, чтобы начальство онаго, по прошествіи каждаго учебнаго года и по окончаніи испытанія, извѣщало публику краткимъ отчетомъ о состояніи заведенія и о успѣхахъ онаго.—Хотя и отъ изданія сихъ правилъ протекло только шесть мѣсяцовъ, начальство пансіона, желая однакожъ познакомить публику со всѣмъ относящимся до сего общественнаго заведенія, пріятнымъ составляетъ долгомъ нынѣ же представить таковой отчетъ за послѣднюю половину истекшаго учебнаго года, пріобщая къ тому и извѣстіе о нѣкоторыхъ происшествіяхъ 1816 года, которыя имѣли значительное вліяніе на благосостояніе Пансіона, и о коихъ, для большей ясности сего отчета, нужно довести до свѣденія публики.

До 1817 года Пансіонъ за каждаго воспитанника получалъ только по 1.000 рублей въ годъ и сверхъ того при вступленіи еще единовременно 300 руб. на первое обзаведеніе.—Опытомъ трехъ лѣтъ доказано, что сумма сія никакъ недостаточна для содержанія заведенія; ибо начальство Пансіона, какъ на сіе, такъ и по причинѣ великихъ издержекъ

*) Былъ напечатанъ особою брошюрою въ СПб. 1817 г. въ типографіи Греча, 24 стран.

на первое обзаведеніе принужденнымъ нашлось вступать въ долги, которые въ теченіи трехъ лѣтъ возросли до 70.000 руб.—Воспитанниковъ, платящихъ по 1.000., въ началѣ 1816 года, находилось въ Пансіонѣ только 84, и сверхъ того 11-ть челоѣкъ, за коихъ Министерство Народнаго Просвѣщенія платило только по 500 руб. въ годъ, такъ что весь доходъ Пансіона простирался не свыше 89.500 руб.

Видя совершенную невозможность поддержать заведеніе сими способами, начальство онаго съ утвержденія Министра Народнаго Просвѣщенія положило: съ 1-го Января 1817 года взимать за каждаго воспитанника по 1.500 руб.—Плата сія при полномъ числѣ 120 воспитанниковъ и благоразумномъ хозяйствѣ могла быть достаточна на текущіе по заведенію расходы, но не представляла никакой возможности уплачивать изъ оной вышеозначенный долгъ, который ежегодно возрасталъ еще отъ причисленія къ оному законныхъ процентовъ, и такъ при наложеніи даже 500 руб. за содержаніе каждаго воспитанника, дальнѣйшее существованіе Пансіона день отъ дня становилось болѣе сумнительнымъ, и заведеніе, учрежденное для общей пользы, могло бы дойти до совершеннаго разрушенія, еслибъ Всемилостивѣйшій Монархъ не удостоилъ оное Своего вниманія, и не подалъ оному способовъ на заплату долговъ и на поправленіе вообще состоянія своего.

Его Императорское Величество Всемилостивѣйше соблагволилъ указать, дабы изъ пяти-процентной суммы, собираемой съ частныхъ пансіоно-содержателей и при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія хранимой, 100.000 руб. обращены были безвозвратно въ кассу Благороднаго Пансіона, на поправленіе онаго.—Сумма сія получена и употреблена по назначенію ея; 70.000 руб. обращены на уплату вышеозначеннаго долга, а достальныя 30.000 руб. употреблены на снабженіе воспитан-

никовъ вновь платьемъ, бѣльемъ и обувью, равно какъ и на разныя необходимыя по дому постройки и передѣлки.

За симъ Его Императорскому Величеству благоудно было при уничтоженіи впредь пяти-процентнаго сбора съ частныхъ пансіоно-содержателей, Всемилостивѣйше указать, дабы остатокъ суммы отъ сего сбора накопившійся и до 48.693 руб. простирающійся, равномѣрно отдать былъ Благородному Пансіону безвозвратно, съ тѣмъ однако же, чтобы Пансіонъ, въ замѣнъ процентовъ, которые Министерство Просвѣщенія могло бы получить за весь сей капиталъ, содержалъ навсегда безъ платы 13 воспитанниковъ, опредѣляемыхъ Господиномъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія, по Высочайшему Его Императорскаго Величества назначенію, каковое число оныхъ съ 1-го Января 1817 года состоитъ на полномъ содержаніи Пансіона.

Такимъ образомъ щедротами Августѣйшаго Монарха обезпечено существованіе впредь Пансіона, который, получивъ способы распространять кругъ своей дѣятельности, умноженіемъ числа своихъ воспитанниковъ до 120, умножить доходы свои и тѣмъ получить возможность со временемъ улучшить состояніе преподающихъ, гувернеровъ и прочихъ участвующихъ въ успѣшномъ достиженіи предполагаемой общепользой своей цѣли.—

Не ограничивая себя сими великими благодѣяніями, Его Императорское Величество, сверхъ важныхъ преимуществъ и правъ, дарованныхъ чиновникамъ и воспитанникамъ Благороднаго Пансіона, въ указѣ отъ 16-го Декабря 1816 года избранныхъ, соблагволилъ еще пожаловать Пансіону во вѣдѣшную собственность каменный домъ по близости Пансіона состоящій, и большое пустопорожнее мѣсто, между домами Пансіона, до 7,300 квадратныхъ сажень въ себѣ содержащее.—

Домъ сей въ теченіи сего и будущаго годовъ имѣть быть отстроенъ и обращенъ на помѣщеніе въ ономъ больницы, всей хозяйственной части и всѣхъ квартиръ чиновниковъ, такъ чтобы въ самомъ зданіи Пансіона находились только спальни, учебныя комнаты и рекреационныя залы воспитанниковъ.—Для соединенія же обоихъ домовъ имѣть быть построена большая закрытая галлерей длиною въ 35-ть сажень, которая въ дурную погоду послужить вмѣстѣ и для игръ воспитанниковъ.—

Пустопорожнее мѣсто обнесено высокимъ заборомъ и посредствомъ большихъ и малыхъ каналовъ обушено и возвышено.— Часть онаго раздѣлена по числу классовъ на 6 равныхъ участковъ, которые предоставлены воспитанникамъ для обработыванія оныхъ въ свободное время и для разведенія разныхъ садовыхъ произведеній.—Упражненіе сіе, укрѣпляя тѣлесныя ихъ силы и здоровье, познакомитъ ихъ съ природою, и, вселяя въ нихъ вкусъ къ невиннымъ занятіямъ, приучитъ ихъ къ полезной дѣятельности.—

Въ Мартѣ сего 1817 года сдѣлано было Конференціею Лицея большое частное испытаніе всѣхъ классовъ, которое въ теченіи 16 дней, въ присутствіи родителей, родственниковъ и постороннихъ посѣтителей, продолжалось отъ 8 часовъ утра до 2 часа, и отъ 3 часовъ послѣ полудни до 8 часовъ вечера.— При семъ испытаніи Конференція удостовѣрилась въ успѣхахъ воспитанниковъ вообще и въ особенности 3 и 2 классовъ, коимъ о семъ торжественно и объявлено.—

Такъ насталь 1817 годъ.—Не взирая на возвышеніе цѣны, платимой за содержаніе воспитанниковъ и на то, что въ концѣ истекшаго года, по разнымъ причинамъ вышло изъ воспитанниковъ 4 класса 6 человекъ, число оныхъ умножилось, и къ 1-му Января находилось въ Пансіонѣ 105 человекъ.

Въ Юнѣ сего года начальство Пансіона удостоилось полу-

чить новый знакъ Высочайшаго вниманія и благоволенія къ сему заведенію.—Его Императорскому Величеству благоугодно было чрезъ Господина исправляющаго должность Министра Народнаго Просвѣщенія изъяснить Свое соизволеніе, чтобы впредь о всѣхъ принимаемыхъ въ Пансіонъ воспитанникахъ представляемо было предварительно на Высочайшее усмотрѣніе и разрѣшеніе.—

Въ семь году Пансіонъ имѣлъ несчастье лишиться смертію одного изъ отличнѣйшихъ и достойнѣйшихъ своихъ воспитанниковъ, Николая Дягилева.— Послѣ бывшей на немъ еще дома, въ дѣтскомъ возрастѣ, золотухи, часто оказывавшейся потомъ здѣсь на разныхъ членахъ тѣла его, онъ наконецъ заболѣлъ сильною губчатою опухолью на лѣвой ногѣ, которая какъ въ родительскомъ домѣ, такъ и въ Пансіонѣ отъ частаго свиханія ослабѣла.—Онъ былъ пользовемъ врачомъ Пансіона, въ помощь коему призваны были многократно на консультацію посторонніе искусные врачи, и въ томъ числѣ, по распоряженію Господина исправляющаго должность Министра Народнаго Просвѣщенія, извѣстный Операторъ Г. Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ Бушъ, который наконецъ счелъ за нужное перевести, для удобнѣйшаго пользованія подъ безпрерывнымъ собственнымъ надзоромъ, въ клинику Императорской Медико-Хирургической Академіи.—Но и здѣсь, не взирая на всѣ старанія врачей, болѣзнь усилилась до того, что отнятіе ноги сдѣлалось необходимымъ.—Операция учинена весьма удачно и счастливо; на 21 день послѣ оной однако нервическая горячка окончила жизнь и страданія сего любезнаго молодого человека.—Съ примѣрнымъ повиновеніемъ волю Провидѣнія чувствовать онъ приближеніе смерти, за нѣсколько еще дней до кончины своей писалъ онъ дрожащею рукою, но съ твердымъ духомъ, къ родителю своему и старался нѣсколько утѣ-

шить его.—Онъ скончался какъ истинный Христiанинъ, въ молитвѣ и въ твердомъ упованiи на Бога, вѣчность и безсмертіе; его сопровождали слезы начальниковъ и товарищей, которымъ онъ, какъ въ жизни, такъ и въ смерти служилъ достойнымъ и любезнымъ примѣромъ. — Онъ похороненъ отъ Пансіона по Христiанскому обряду 3-го Іюня въ С. Петербургѣ на Смоленскомъ кладбищѣ.

Впрочемъ не было никакихъ заслуживающихъ особаго замѣчанія болѣзней въ Пансіонѣ, кромѣ кори, которую имѣли въ теченіи Февраля и Марта 29 человекъ. Они всѣ благополучно исцѣлены и ни одинъ изъ нихъ не почувствовалъ бывающихъ весьма часто послѣ сей болѣзни дурныхъ послѣдствій. —

Въ семь году, по случаю выпуска воспитанниковъ Императорскаго Лицея, надлежало замѣтить оныхъ воспитанниками Благороднаго Пансіона.—По сему начальство Лицея получило чрезъ Господина исправляющаго должность Министра Народнаго Просвѣщенія Высочайше утвержденныя въ 9 день Іюня правила для руководства при переводѣ воспитанниковъ Пансіона въ Лицей.—Правила сии состоятъ въ слѣдующемъ:

1. Въ Императорскій Лицей могутъ быть переводимы воспитанники сего Пансіона только изъ 2-го и 3-го классовъ.—

2. Изъ сихъ классовъ переводятся такіе только воспитанники, которые прилежаніемъ, успѣхами, а наипаче добронравіемъ и отличнымъ поведеніемъ содѣлались достойными таковаго Монаршаго благодѣянiя.—

3. Воспитанники Пансіона, назначаемые къ переводу въ Лицей, должны быть не моложе десяти и не старѣе 13 лѣтъ.—

4. Начальство Лицея, при назначеніи къ переводу воспитанниковъ, непремѣнно имѣетъ наблюдать, чтобы всегда даваемо было преимущество тѣмъ воспитанникамъ, кои наиболѣе

отличились благонравіемъ, прилежаніемъ и успѣхами; потомъ принимать въ уваженіе заслуги родителей, въ продолженіи службы оказанныя.—

5. Для распространенiя Монаршаго благодѣянiя на большее число семействъ слѣдуетъ наблюдать, чтобы въ одинъ пріемъ двухъ братьевъ родныхъ не переводить.—Но какъ случиться можетъ, что воспитанникъ Пансіона, имѣющій уже брата въ Лицеѣ, окажется достойнымъ къ переводу, то въ такомъ случаѣ нѣтъ препятствiя къ поступленію его въ Лицей.—

6. Начальство Лицея, избравъ, на основаніи сихъ правилъ, достойнѣйшихъ воспитанниковъ Пансіона, въ числѣ гораздо превосходящемъ положенное къ переводу въ Лицей число ихъ, и составивъ имъ поимянный списокъ, съ объясненіемъ достоинствъ каждаго, равно заслугъ и состоянiя родителей, представляетъ таковой списокъ Министру Народнаго Просвѣщенія, который подноситъ оный, для назначенiя къ переводу воспитанниковъ въ Лицей, на Высочайшее благоусмотрѣніе.—

Во исполненіе сей Высочайшей воли, конференція Императорскаго Лицея, избравъ изъ воспитанниковъ Благороднаго Пансіона достойнѣйшихъ по нравственности, поведенію и успѣхамъ въ наукахъ сорокъ кандидатовъ, представила онымъ списокъ Господину исправляющему должность Министра Народнаго Просвѣщенія, для испрошенiя по оному Высочайшаго Его Императорскаго Величества разрѣшенiя.—

Его Императорскому Величеству благоугодно было изъ представленныхъ кандидатовъ назначить къ переводу въ Лицей слѣдующихъ 29 воспитанниковъ.

Въ старшій возрастъ Лицея изъ 4-го класса: *)

1. Борисъ Данзанъ. 2. Логинъ Нумеръ. 3. Ахиллесъ Шабельскій. 4. Василий Семеновъ **).

Въ младшій возрастъ изъ 4-го класса.

1. Андрей Малиновскій.

Изъ 3-го класса.

2. Николай Анненскій. 3. Андрей Бѣлуха-Кохановскій. 4. Николай Гѣдичъ. 5. Модестъ Карамышевъ. 6. Максимъ Энгельгардтъ. 7. Иванъ Рашетъ. 8. Сергѣй Фаминцынъ. 9. Николай Васьковъ. 10. Дмитрій Замятинъ. 11. Сергѣй Убри.

Изъ 2-го класса.

12. Ульянъ Ульяновскій. 13. Александръ Мартыновъ. 14. Сергѣй Галаховъ. 15. Афанасій Бестужевъ. ***) 16. Эдмундъ

*) Примѣч. Переводъ четырехъ воспитанниковъ изъ 4-го класса непосредственно въ старшій возрастъ Лицея сдѣланъ на сей только разъ для того, чтобы уравнять число воспитанниковъ въ обоихъ возрастахъ Лицея, изъ коихъ по нынѣ было въ старшемъ 29, а въ младшемъ 21. Впредь же каждые три года и реводимо будетъ только по 25 человекъ въ младшій возрастъ.

**) Въ 1-й части этой книги на стр. 55, по ошибкѣ вмѣсто Василия Семенова означенъ Илларионъ Миклуинъ. (Примѣч. автора).

***) Сей воспитанникъ былъ уволенъ на каникулы въ родительскій домъ, гдѣ онъ до возвращенія въ Пансіонъ заболѣлъ лихорадкою и померъ. — На мѣсто его благоугодно было Его Императорскому Величеству назначить въ поступленію въ Лицей изъ прежнихъ кандидатовъ воспитанника Анастасія Жадовскаго.

Самсонъ. 17. Иванъ Капгеръ. 18. Сергѣй Кондратьевъ. 19. Константинъ Рихтеръ. 20. Баронъ Василий Энгельгардтъ. 21. Семенъ Жеребцовъ. 22. Александръ Липгардтъ. 23. Александръ Воронихинъ. 24. Василий Неклюдовъ. — 25. Михайлъ Поповъ.

Означенные воспитанники переведены въ Императорскій Лицей въ присутствіи Его Сіятельства Господина исправляющаго должность Министра Народнаго Просвѣщенія 2-го Августа.

На основаніи § 52 постановленія Благороднаго Пансіона происходило въ ономъ 26, 27 и 28 Іюня, въ присутствіи Директора Лицея, членовъ конференціи, родителей и другихъ особъ, публичное испытаніе воспитанниковъ въ пройденныхъ ими наукахъ, равнымъ образомъ показываемы были успѣхи ихъ въ фехтованіи и опыты въ рисованіи и чистописаніи.

По окончаніи сего испытанія, воспитанники, оказавшіе къ удовольствію начальства Пансіона и посѣтителей хорошіе успѣхи въ преподаваемыхъ имъ наукахъ и отличившіеся добронравіемъ и хорошимъ поведеніемъ, переведены въ высшіе классы по нижеслѣдующему порядку:

Изъ 1-го во 2-й классъ:

1. Михайлъ Глинка. 2. Андрей Музовскій. 3. Василий Дмитріевъ. 4. Петръ Кондратьевъ. 5. Николай Трохимовскій. 6. Иванъ Баженовъ. 7. Николай Этхенъ. 8. Александръ Васьковъ. 9. Викторъ Нумеръ. 10. Африканъ Лангеръ. 11. Густавъ Бриммеръ. 12. Михайлъ Козельскій. 13. Константинъ Лидерсъ. 14. Орестъ Лидерсъ. 15. Николай Гельманъ.

Изъ 2-го въ 3-й классъ:

1. Петръ Мочульскій. 2. Александръ Вязминъ. 3. Федоръ Самсонъ. 4. Николай Пороховъ. 5. Александръ Зубковъ. 6. Баронъ Юлій Корфъ. 7. Петръ Вѣлуха-Кохановскій. 8. Павелъ Замятинъ. 9. Павелъ Коржевскій. 10. Александръ Вавель. 11. Августъ Нумерсъ. 12. Борисъ Дюклу. 13. Александръ Рашетъ. 14. Михаилъ Тютчевъ. 15. Алексѣй Кирыановъ. 16. Егоръ Вейсъ. 17. Николай Мертваго. 18. Андрей Фрейгангъ. 19. Эпаминондъ Гаюсъ. 20. Александръ Вейтбрехтъ.

Изъ 3-го въ 4-й классъ:

1. Левъ Зубовъ. 2. Александръ Галаховъ. 3. Василій Васильковъ. 4. Николай Безагъ. 5. Алексѣй Бунинъ. 6. Федоръ Шигоринъ. 7. Петръ Вестужевъ. 8. Петръ Жигаловъ. 9. Николай Титовъ. 10. Александръ Погожевъ. 11. Петръ Познякъ. 12. Николай Повало-Швейковскій. 13. Игорь Лѣсковъ. 14. Яковъ Любицкій. 15. Александръ Микулинъ. 16. Петръ Харламовъ. 17. Евгенийъ Окуневъ. 18. Николай Криштафовичъ.

Сходно съ предположеннымъ общимъ плану Пансіона открытъ нынѣ 5-й классъ, равняющійся со вторымъ годомъ старшаго курса Лицея. — Въ сей 5-й классъ помѣщены слѣдующіе воспитанники 4-го класса:

1. Николай Павлищевъ. 2. Петръ Ольховскій. 3. Николай Дурасовъ. 4. Александръ Безакъ. 5. Александръ Карамышевъ. 6. Александръ Энгельгардтъ. 7. Павелъ Рашетъ. 8. Николай Охотниковъ. 9. Николай Бухольцъ. 10. Андрей Миклашевскій. 11. Иванъ Каніевскій. 12. Князь Николай Волконскій. 13. Николай Дубовицкій. 14. Павелъ Подлинневъ.

Какъ въ Благородный Пансіонъ поступило немалое число воспитанниковъ Лютеранскаго исповѣданія, то начальство сочло за нужное опредѣлить для нихъ особенно наставника закона Божія, который обучаетъ въ тѣ же дни и часы, когда бываетъ наставникъ Грекороссійскаго исповѣданія.

Въ 5-мъ классѣ начато преподаваніе военныхъ наукъ, которое возложено на Профессора Лицея, Инженеръ-Полковника Барона Эльснера. — Прочія же кафедры занимаютъ по прежнему гг. Профессоры Лицея.

Слѣдующій за симъ 6-й классъ, соответствующій послѣднему году старшаго курса Лицея, имѣетъ быть равномѣрно открытъ съ 1-го Августа будущаго 1818 года.

Нынѣ начать также и классъ пѣнія по нотамъ, который взялъ на себя Г. Капельмейстеръ Тенперъ де-Фергузонъ.

Находившійся при Пансіонѣ учитель рисованія, Титулярный Совѣтникъ Чириковъ, по прошенію его уволенъ, а на мѣсто его опредѣленъ Губернскій Секретарь Соболевскій, образовавшійся въ семь художествъ въ Италіи, гдѣ проживалъ онъ нѣсколько лѣтъ. —

Бывшій при воспитанникахъ Благороднаго Пансіона Гувернеромъ, Матвѣевъ, по желанію его уволенъ изъ вѣдомства Пансіона, для опредѣленія къ другимъ дѣламъ. —

Нынѣ при Пансіонѣ находится Гувернеровъ:

Русскихъ . . . 5

Нѣмецкихъ . . . 3

Французскихъ . . 3

Для преподаванія въ частныхъ урокахъ тѣхъ предметовъ, которые не входятъ въ общій планъ Пансіона, нынѣ между чиновниками Лицея и Пансіона имѣется здѣсь учителей:

Англійскаго языка . . . 1

Для клавикорда . . . 2

„ скрипки 2
„ флейты и кларнета. . . 1

Въ семь полугодіи положено первое основаніе капитала, образуемаго въ силу 79 статьи постановленія, для производства со временемъ пенсій чиновникамъ сего заведенія; на сей предметъ отправлено въ Сохранную казну для приращенія процентами 1.021 руб.

О состояніи кассы Благороднаго Пансіона по 1-е Юля 1817 года.

П Р И Х О Д Ъ.

Поступило на содержаніе пансіонеровъ за первую половину сего года. . . . . 78,170 р. 83¹/₂ к.
Всемиловѣйшіе пожалованныхъ Его Императорскимъ Величествомъ на надобности Пансіона. . . . . 48,693 р. 43³/₄ к.
Вырученныхъ за проданныя старыя казенныя вещи . . . . . 162 р. 80 к.
Итого . . . . . 127,027 р. 7¹/₄ к.

Сверхъ того въ недоимкѣ по содержанію пансіонеровъ за первую половину сего года . . . . . 204 р. 16¹/₂ к.

Р А С Х О Д Ъ.

На жалованье чиновникамъ . . . . . 13,592 р. 80¹/₂ к.
„ канцелярскіе расходы . . . . . 126 р. 7¹/₂ к.
„ содержаніе воспитанниковъ:
Столъ . . . . . 25,633 р. 76¹/₂ к.

Платье, бѣлье, обувь и прочія надобности . . . . . 14,754 р. 8 к.
40,387 р. 84¹/₂ к.
На классныя книги и вещи . . . . . 2,319 р. 30 к.
На содержаніе дома: за отопленіе и освѣщеніе онаго, разныя починки, наемъ служителей и экипировку ихъ, также на содержаніе конюшни и другіе расходы . . . . . 24,759 р. 83 к.
На жалованье Доктору и Подлѣкарю, и на лѣкарства для воспитанниковъ . . . . . 1,666 р. 43 к.
На огороженіе заборомъ и окруженіе рвомъ мѣста, отданнаго во всегдашнюю собственность Пансіону изъ военнаго вѣдомства . . . . . 5,408 р. 50 к.
На окончательную расплату за разныя постройки, произведенныя сверхъ контракта при общей перестройкѣ дома въ 1814 году . . . . . 1,892 р.
Итого . . . . . 90,152 р. 78¹/₂ к.

В С Ъ Х Ъ С У М М Ъ:

Въ приходѣ . . . . . 127,027 р. 7¹/₄ к.
Въ расходѣ . . . . . 90,152 р. 78¹/₂ к.
За тѣмъ къ 1-му Юля въ остаткѣ . . . . . 36,874 р. 28³/₄ к.

Сія сумма употребляется на отстроеніе дома Всемиловѣйшіе Пансіону пожалованнаго и на другія постройки.

Поступило для приращенія библиотекъ и кабинетовъ Пансіона:

Изъ Кабинета Его Императорскаго Величества книгъ, напечатанных на счетъ суммъ онаго Кабинета.

Изъ Главнаго Педагогическаго Института коллекція Россійскихъ минераловъ.

Отъ Государственнаго Канцлера Графа Николая Петровича Румянцова книгъ на разныхъ языкахъ . . . . . 75.

Отъ неизвѣстнаго книгъ на разныхъ языкахъ. . . . . 36.

Отъ него жъ для физическаго кабинета большой магнитъ въ оправѣ.

Отъ Статскаго Совѣтника Ритмейстера книгъ Латинскихъ 18.

Отъ Статскаго Совѣтника Шторха, сочиненный имъ Cours d'économie politique. . . . . 6.

Отъ Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника Галахова книгъ на разныхъ языкахъ . . . . . 13.

Отъ него жъ для физическаго кабинета Belier hydraulique Монгольфьера.

Отъ Профессора Кайданова сочиненныхъ имъ книгъ . 2.

Отъ Профессора Кошанскаго изданныхъ имъ книгъ . 4.

Отъ живописца Вруни, нѣсколько гравированныхъ оригиналовъ для рисовальнаго класса.

Сверхъ того внесли на умноженіе бібліотеки родители переведенныхъ въ Лицей воспитанниковъ:

Статская Совѣтница Убри . . . . . 100 р.

Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Ульяновскій . . . . . 200 р.

Генераль-маюрша Рихтеръ . . . . . 100 р.

Надворный Совѣтникъ Рашетъ . . . . . 100 р.

Баронъ Лингардтъ . . . . . 25 р.

Коллежскій Ассесоръ Карамышевъ. . . . . 25 р.

Таково нынѣ положеніе сего заведенія, которое подъ по-

кровительствомъ благодѣтельнаго Монарха и при Высокомъ Его содѣйствіи процвѣтаетъ и постепенно усовершенствуется.

Начальство Пансіона чувствуетъ, что еще многое остается сдѣлать, и потому священнымъ себѣ поставитъ долгомъ продолжать неослабно начатое дѣло; время и опыты покажутъ ему, что надобно поправить, перемѣнить или дополнить, а общее соревнованіе, коимъ одушевлены всѣ участвующіе въ важномъ семъ дѣлѣ наставники и воспитатели служить залогомъ въ томъ, что они употребятъ всѣ свои старанія для совершеннаго достиженія важной и общепользной цѣли сего заведенія, дабы оправдать лестное довѣріе публики, оказанное Пансіону въ послѣдніе мѣсяцы, когда не только положенное число воспитанниковъ наполнилось, но еще по желаніямъ многихъ родителей заведенъ списокъ кандидатовъ, между коими наблюдается старшинство для поступленія въ воспитанники Пансіона, по мѣрѣ открывающихся ваканцій.

ПРИЛОЖЕНИЕ V.

ПИСЬМО БЫВШАГО ДИРЕКТОРА ИМПЕРАТОРСКАГО ЦАРСКОСЕЛЬСКАГО ЛИЦЕЯ, Е. А. ЭНГЕЛЬГАРДА, КЪ ШЕФУ КОРПУСА ЖАНДАРМОВЪ, ГЕНЕРАЛЪ-АДЪЮТАНТУ ГРАФУ А. Х. БЕНКЕНДОРФУ.

отъ 6 мая 1826 года,—съ тремя приложениями къ нему,—на французскомъ языкѣ и въ Русскомъ переводѣ.

Copie d'une lettre adressée au Comte de Benckendorf par M. Engelhardt, le 6 Mai 1826.

М. LE COMTE,

Après avoir voué au service de trois Souverains la majeure partie de ma vie réelle et touchant à ma 60-me année, je vis dans une retraite entière. Content de mon sort et assez satisfait de l'emploi de ma vie, dont les souvenirs privés et les résultats publics font mon unique jouissance, je ne réclame et ne demande rien pour moi. Ce n'est donc absolument pas pour moi que je me permets de Vous importuner, M. le Comte, c'est uniquement pour remplir un devoir sacré envers mes ci-devant élèves du Lycée Impérial, que je porte à Votre connaissance une calomnie infame et dénuée de fondement, que l'on

Русскій переводъ письма Графа Бенкендорфу Е. А. Энгельгарда отъ 6 Мая 1826 г.

ВАШЕ СІЯТЕЛЬСТВО!

Посвятивъ службѣ трехъ Государей большую часть моей дѣйствительной жизни и близкій къ 60-ти лѣтнему возрасту оной, я живу въ совершенномъ уединеніи. Довольный моей судьбой и отчасти употребленіемъ моей жизни, которой личные воспоминанія и общественные результаты составляютъ единственную мою отраду, я не требую и не прошу ничего для себя. Совсе не за меня, слѣдовательно, позволяя себѣ беспокоить В. С., но единственно дабы исполнить священный долгъ къ бывшимъ моимъ воспитанникамъ Императорскаго Лицея, довожу до Вашего свѣ-

с'est permis de porter contre eux. C'est pour eux, M. le Comte, que je veux parler, c'est pour un grand nombre de jeunes gens dignes de l'estime publique, que je réclame l'intervention de l'homme d'état, appelé par le Souverain au sublime emploi de faire parvenir jusqu'à Lui la sainte vérité. Voilà l'unique motif de ma démarche actuelle—daignez, M. le Comte, m'accorder quelques instants d'attention.

A l'époque de l'horrible attentat du 14 Décembre quelques voix sourdes se permirent d'avancer que parmi les criminels, qui y avaient trempé, il se trouvait plusieurs élèves du Lycée.—Fort de ma conscience et comptant sur les preuves du contraire placées sous les yeux du gouvernement juste et équitable, je fis peu de cas d'une accusation dictée par la malveillance et fautive dans son principe. Ce ne fut que lorsque des journaux étrangers osèrent répéter cette calomnie, qui je crus de mon devoir envers le Lycée et ses élèves d'y répondre par l'article ci-joint. Il fut inséré dans quelques feuilles impartiales de l'étranger ainsi que dans la gazette de Riga. Les journaux russes refusèrent l'insertion pour des raisons à moi inconnues. Cet article contient à peu près tout ce sur quoi je

дѣнія гнусную и ни на чемъ не основанную клевету, которую нѣкоторые люди позволили себѣ извести на нихъ. За нихъ, В. С., хочу я говорить, для многихъ молодыхъ людей, достойныхъ общественнаго уваженія, прошу я посредничества Государственнаго Человѣка, призваннаго Государемъ къ высокой обязанности доводить до Него святую истину. Вотъ единственная причина моего настоящаго поступка—благоволите В. С. удостоить меня нѣсколькихъ минутъ вниманія.

Въ эпоху ужаснаго покушенія 14-го Декабря нѣсколько глухихъ голосовъ позволили себѣ заявить, будто между преступниками, замѣшанными въ немъ, находились многие воспитанники Лицея. Сильный сознаніемъ моей совѣсти и полагаясь на доказательства противнаго, представленныя на усмотрѣніе справедливаго и правосуднаго правительства, я мало уважилъ обвиненіе, внушенное злонамѣренностью и ложное въ основаніи. Тогда только, когда нѣкоторые иностранныя газеты осмѣлились повторить эту клевету, счелъ я своимъ долгомъ къ Лицею и его воспитанникамъ отвѣтить на это прилагаемою статью. Она была помѣщена въ нѣкоторыхъ безпристрастныхъ иностранныхъ газетахъ, равно какъ и въ Рижской газетѣ. Русскія газеты отказались помѣс-

désire attirer l'attention de V. E. Je me permets d'y ajouter encore la liste nominative des élèves du Lycée dont l'éducation s'y est faite les 8¹/₂ années de mon directorat. Si Vous daignez l'honorer d'un coup d'oeil bienveillant, M. le Comte, Vous trouverez partout, dans tous les genres de service sans exception, des élèves du Lycée occupant déjà des places qui prouvent la confiance dont les honore à juste titre le gouvernement. J'en appelle hardiment au témoignage spécial de tous les chefs supérieurs de mes élèves et j'ose croire qu'on leur certifiera partout qu'ils se distinguent plus ou moins tous par leur capacité, leur dévouement et surtout par leur intégrité inébranlable.

Помимо этого, я хочу еще упомянуть о том, что в числе воспитанников Лицея, получивших воспитание в нем в 8¹/₂ лет моего директорства, если Вы соизволите удостоить его благосклонным вниманием, Вы найдете везде, во всех без исключения родах службы, воспитанников Лицея, уже занимающих места, которые свидетельствуют о доверии, почетно и достойно оказываемом им правительством. Смѣло взываю къ свидѣтельству всѣхъ высшихъ начальниковъ моихъ воспитанниковъ и, смѣю полагать, они засвидѣтельствуютъ, что всѣ, болѣе или менѣе, отличаются своею способностью, своею преданностью и особенно своимъ непоколебимымъ безкорыстіемъ.

Parmi ce nombre d'environ cent sujets distingués, fidèles et gens de bien, qui j'ai eu le bonheur de fournir à la patrie et à mon Souverain, deux infortunés ont été entraînés dans le gouffre criminel qui a englouti des centaines d'individus élevés soit au sein des premières familles de l'empire, soit dans différents instituts publics, militaires et civils, qui plus ou moins ont eu le chagrin de voir succomber leurs élèves. Pourquoi donc le Lycée

тѣхъ ея, по неизвѣстнымъ мнѣ причинамъ. Статья эта заключается въ себѣ почти все, на что я желаю обратить вниманіе В. С. Позволяю себѣ только приложить къ ней еще именной списокъ воспитанниковъ Лицея, получившихъ воспитаніе въ немъ въ 8¹/₂ лѣтъ моего директорства. Если Вы соизволите удостоить его благосклоннымъ вниманіемъ, Вы найдете вездѣ, во всѣхъ безъ исключенія родахъ службы, воспитанниковъ Лицея, уже занимающихъ мѣста, которыя свидѣтельству о доверіи, почетно и достойно оказываемомъ имъ правительствомъ. Смѣло взываю къ свидѣтельству всѣхъ высшихъ начальниковъ моихъ воспитанниковъ и, смѣю полагать, они засвидѣтельствуютъ, что всѣ, болѣе или менѣе, отличаются своею способностью, своею преданностью и особенно своимъ непоколебимымъ безкорыстіемъ.

Изъ этого числа около ста отличныхъ, вѣрныхъ и честныхъ дѣятелей, которыхъ я имѣлъ счастье приготовить отечеству и моему Государю, два несчастные были увлечены въ преступную бездну, поглотившую сотни людей, получившихъ воспитаніе либо въ средѣ первыхъ фамилій Имперіи, либо въ различныхъ учебныхъ заведеніяхъ, военныхъ и гражданскихъ, которые всѣ, болѣе или менѣе, имѣли горече-

seul serait-il cité? Pourquoi donc le blame tomberait-il exclusivement sur le système d'éducation morale de celui-ci, tandis qu'on ne parle pas des autres instituts qui ont eu le malheur de fournir un bien plus grand nombre de complices dans cet attentat infame. — C'est une injustice d'autant plus cruelle qu'elle peut avoir une influence très grave sur l'avenir des jeunes individus innocens, mais légers, flétris au moment de leur entrée dans le monde par une accusation diffamatoire et sans fond.

C'est à Vous, M. le Comte, qui jouissant à juste titre de l'entière confiance du Souverain êtes autorisé à protéger l'innocence et à faire paraître au grand jour la vérité, c'est à Vous qu'il appartient de détruire les inculpations fausses et ignominieuses, et à en garantir un grand nombre d'individus innocens et dignes de l'estime générale. Les indiquer à V. E. avec les preuves incontestables de la vérité de mon assertion, voilà le seul motif de ma démarche qui, j'ose l'espérer, ne manquera pas son but.

J'ai tout dit, M. le Comte; il ne me reste qu'à invoquer Votre indulgence sur la manière dont je

не видѣть гибель своихъ воспитанниковъ. Почему же было бы называть только одинъ Лицей? — Почему же хула пала исключительно на систему нравственного воспитанія сего послѣдняго, тогда какъ вовсе не говорятъ о другихъ учебныхъ заведеніяхъ, имѣвшихъ несчастье доставить гораздо большее число сообщниковъ этого гнуснаго предпріятія. — Это — несправедливость, тѣмъ болѣе жестокая, что она можетъ имѣть очень важное вліяніе на будущность невинныхъ, но легкомысленныхъ молодыхъ людей, заклеменныхъ, при самомъ вступленіи ихъ въ свѣтъ, позорнымъ и неосновательнымъ обвиненіемъ.

Вашему Сіятельству, справедливо пользующемуся полнымъ доверіемъ Государя и потому уполномоченному покровительствовать невинности и обнаруживать во всемъ ея свѣтъ истину, Вамъ принадлежитъ низпровергнуть лживыя и позорныя обвиненія, и предохранить отъ нихъ многихъ невинныхъ и достойныхъ общаго уваженія, людей. Указать ихъ Вашему Сіятельству, съ неопровержимыми доказательствами истины моихъ словъ, вотъ единственная причина моего поступка, который, смѣю надѣяться, достигнетъ своей цѣли.

Я все высказалъ Вашему Сіятельству; мнѣ остается только просить Вашего снисхожденія къ

me suis énoncé. Elle n'est peut-être pas conçue dans les formes ordinairement usitées, mais j'ose me flatter, qu'appréciant mes motifs et en considération du sujet, Vous pardonneriez généreusement le manque de phrases et de style de convenance à un homme qui pendant toute sa vie n'a su que se taire ou prononcer la vérité simple et pure.

Signé: G. Engelhardt, ancien
Directeur du Lycée.

способу моего выражения. Может быть он не изложен в обыкновенно принятых формах, но смѣю льстить себя надеждой, что опѣнив мои побужденія и въ уваженіе ихъ предмета, Вы великодушно извините недостатокъ фразъ и приличнаго слога челоѣку, который въ продолженіе всей своей жизни умѣлъ лишь молчать или говорить прямую и чистую правду.

Подписаль: Е. Ангельгардтъ, бывшій директоръ Лицея.

Extrait de l'Etoile. № 3059, du 23 Mars 1826. *Извлеченіе изъ газеты l'Etoile, № 3059, 23 Марта 1826 г.*

(Cet article se trouve en allemand dans le *Hamburger un-parteiischer Correspondent* № 50 etc.)

«La gazette universelle de Lyon du 17 Mars continue à donner sa correspondance sur la Russie.

«Notre correspondant, dit-elle, assure que tous les documents sur la conspiration ont prouvé cette vérité rassurante, que la nation et l'armée sont encore étrangères à cet esprit de vertige, résultat d'une demi et trop rapide civilisation, qui a exalté l'orgueil et tourné la tête de quelques seigneurs et de quelques jeunes gens.

(Эта статья напечатана на Нѣмецкомъ языкѣ въ «Гамбургской Газетѣ» *Hamburger un-parteiischer Correspondent* № 50 и др.)

«Ліонская Всеобщая Газета 17 Марта продолжаетъ печатать свою корреспонденцію о Россіи.

«Нашъ корреспондентъ, говорить она, увѣряетъ, что всѣ документы о заговорѣ доказали ту успокоительную истину, что народъ и войско чужды еще атому броженію умовъ, — результату половинной и слишкомъ быстрой цивилизаціи, — которое возбуждало гордость и вскружило головы нѣсколькихъ дворянъ и нѣсколькихъ молодыхъ людей.

«Kuchelbecker, l'un des principaux chefs qui s'était enfui déguisé en mendiant et dont nous avons annoncé l'arrestation à Varsovie, était l'un des rédacteurs du Journal libéral de Pétersbourg. Il avait été auparavant successivement renvoyé de plusieurs services, tant dans le militaire que dans le civil.

«Кюхельбекеръ, одинъ изъ главныхъ вождей, убѣжавшій перодѣтымъ въ нищаго и объ арестованіи котораго въ Варшавѣ мы уже извѣстили, былъ однимъ изъ редакторовъ либеральнаго журнала въ Петербургѣ. Онъ прежде былъ послѣдовательно уволенъ изъ разныхъ родовъ службы, какъ военной, такъ и гражданской.

«Tous ces plans et complots enfantés hors de la Russie, n'ont trouvé accès que dans de jeunes têtes d'une éducation très libérale. Dans l'armée ce sont uniquement des officiers de l'état-major ou de fils des grands seigneurs, dans le civil quelques élèves des académies et surtout ceux de ce célèbre *Lycée Impérial de Tzar-skoïé Séto, fondé en 1811 par Alexandre dans son propre palais et si particulièrement protégé par lui*. C'était une école modèle où l'on payait très cher et destinée à former des hommes d'état. Il suffisait d'y avoir été pour être, selon l'idée d'Alexandre, nécessairement un homme d'état. *La plus grande partie des jeunes gens, qui en sont sortis, sont plus ou moins compromis*. Une chose remarquable, c'est que dans les nombreuses listes d'arrestation, nous n'avons pas encore vu le nom d'un seul élève des ci-devant collèges de Jésuites.

«Всѣ эти планы и заговоры, рожденные внѣ Россіи, нашли доступъ только въ молодыхъ умахъ весьма либеральнаго воспитанія. Въ арміи — это единственно офицеры Генеральнаго штаба, или сыновья знатныхъ баръ, а въ гражданской службѣ нѣсколько молодыхъ людей изъ академій» (т. е. высшихъ учебныхъ заведеній) «и особенно этого знаменитаго Императорскаго Царскосельскаго Лицея, основаннаго въ 1811 году Императоромъ Александромъ въ собственномъ его дворцѣ и столь особенно покровительствуемаго Имъ. Это было образцовое училище, въ которомъ платили очень дорого и которое было предназначено для приготовления государственныхъ людей. Достаточно было пройти черезъ него для того, чтобы, по мнѣнію Александра, необходимо быть государственнымъ челоѣкомъ. Большая часть молодыхъ людей, вышедшихъ изъ него, бо-

дне или мене замѣшана въ заговоръ. Достоинъ замѣчания то, что въ многочисленныхъ спискахъ арестованныхъ, мы не видали еще имени ни одного воспитанника бывшихъ Иезуитскихъ коллегій.

«Depuis 1799 jusqu'à 1818, où Alexandre les renvoya de la Russie, les Jésuites ont tenu l'Académie de Polotsk, qui comptait de 800 à 900 élèves. Ils avaient à Pétersbourg de 400 à 500 élèves dont beaucoup appartenaient aux premières familles russes; car ils se chargeaient également des enfans de familles grecques, et comme je l'ai dit, aucun de leurs nombreux élèves ne figure dans la conspiration. Il n'en n'est pas de même pour d'autres maisons d'éducation.

«L'Empereur Nicolas se montre toujours généreux et magnanime. On le voit toujours empressé à reconnaître et à publier l'innocence de ceux que des apparences avaient momentanément compromis.

«Ce que dit notre correspondant sur les élèves des Jésuites est digne de réflexion et répond à bien des déclamations. — Une remarque ana-

«Съ 1799-го года до 1818-го, когда Александръ выслаалъ Иезуитовъ изъ Россіи, они содержали Полоцкую академію (т. е. училище), въ которой считалось отъ 800 до 900 воспитанниковъ. Въ Петербургѣ у нихъ было отъ 400 до 500 воспитанниковъ, изъ коихъ многіе принадлежали къ первымъ русскимъ семействамъ, — потому что Иезуиты принимали равномѣрно и дѣтей греческихъ (т. е. православныхъ) семействъ, и, какъ я сказалъ, ни одинъ изъ ихъ многочисленныхъ воспитанниковъ не замѣшанъ въ заговоръ. Нельзя того же сказать о другихъ учебныхъ заведеніяхъ.

«Императоръ Николай всегда являетъ себя великодушнымъ. Онъ всегда спѣшитъ признать и провозгласить невинность тѣхъ, на которыхъ временно пали подозрѣнія.

«То, что нашъ корреспондентъ говоритъ о воспитанникахъ Иезуитовъ, заслуживаетъ размышленія и служить отвѣтомъ на мно-

logue à la sienne avait été faite relativement à la révolution où en général ni les Jésuites, ni leurs élèves n'ont figuré.»

гіе разглагольствія. Замѣчаніе, подобное выраженному имъ, было уже сдѣлано касательно революціи, въ которой вообще ни Иезуиты, ни ихъ воспитанники не участвовали.

Copie d'un article inséré dans quelques feuilles étrangères en 1826.

Kопія съ статьи, помѣщенной въ нѣкоторыхъ иностранныхъ газетахъ въ 1826 году.)

(Cet article a été publié aussi en allemand dans la Gazette de Riga et dans le Ostseeprovinzenblatt № 15).

(Эта статья была напечатана также по нѣмецки въ Рижской газетѣ и въ Ostseeprovinzenblatt № 15.

«Dans un article de la gazette universelle de Lyon, relatif aux évènements du 14 Décembre et inséré dans l'Etoile, № 3059, il est dit entre autre: «que la plus grande partie des jeunes gens sortis du célèbre Lycée de Tsarskoïé Selo, fondé en 1811 par Alexandre dans son propre palais et si particulièrement protégé par Lui, sont plus ou moins compromis dans la conspiration etc.» et que «chose remarquable on n'ait pas vu dans les nombreuses listes d'arrestations le nom d'un seul élève des ci-devant Collèges des Jésuites.»

«Въ одной статьѣ Ліонской всеобщей газеты, касательно событій 14-го Декабря, помѣщенной въ газетѣ l'Etoile № 3059, между прочимъ сказано, что «большая часть молодыхъ людей, вышедшихъ изъ знаменитаго Царскосельскаго Лицея, учрежденнаго въ 1811 году Александромъ въ собственномъ его дворцѣ и столъ особенно покровительствуемаго имъ, болѣе или мене замѣшана въ заговоръ и пр.» и что «замѣчательное дѣло, въ спискахъ многочисленныхъ арестованныхъ лицъ не было видно имени ни одного изъ воспитанниковъ бывшихъ Иезуитскихъ коллегій.

Comme cet article en passant dans d'autres feuilles publiques,

Такъ какъ эта статья, перейдя въ другія газеты, французскія

tant françaises qu'allemandes, pourrait répandre sur le Lycée et ses élèves des bruits nuisibles surtout à la bonne réputation de ces derniers, je crois de mon devoir en qualité d'ancien directeur de cet établissement de faire observer qu'il est de notoriété publique que sur le nombre de 79 jeunes gens sortis du Lycée Impérial de Tsarskoïé-Selo depuis 1817 (époque de la première sortie) il n'y en a que deux, qui d'après les communications officielles du gouvernement, aient été impliqués dans l'exécration complot, l'un d'ailleurs avait déjà antérieurement été sujet à des accès d'aliénation d'esprit. — Ce n'est donc pas la plus grande partie, se sont deux ci-devant élèves du Lycée qui ont été entraînés par le funeste torrent! — Mais si le Lycée a eû le malheur de voir ces deux infortunés succomber à un aveuglement criminel, il a en revanche la satisfaction de voir un grand nombre de ses élèves placés dans tous les ministères, dans tous les genres de service tant civil que militaire, s'y distinguant par la loyauté et le zèle avec lesquels ils remplissent leurs devoirs, et se concilier par leurs talens et leur aptitude la confiance et les bienveillantes dispositions de leurs chefs.

La preuve la plus convainquante à l'appui de cette assertion se trouve

равно какъ и пѣмекія, могла бы распространить о Лицѣ и его воспитанникахъ слухи, вредные особенно для добраго имени послѣднихъ, то, въ качествѣ бывшаго директора этого заведенія, я и считаю моимъ долгомъ дать замѣтить, что, какъ всѣмъ извѣстно, изъ числа 79 молодыхъ людей, вышедшихъ изъ Императорскаго Царскосельскаго Лицея съ 1817 года (времени перваго выпуска), только двое, по официальнымъ заявленіямъ правительства, замѣшаны въ гнусномъ заговорѣ, и одинъ изъ нихъ уже и прежде былъ подверженъ припадкамъ умственнаго разстройства. Слѣдовательно не большая часть, а только двое изъ бывшихъ воспитанниковъ Лицея были увлечены пагубнымъ потокомъ! — Но если Лицей имѣлъ несчастье видѣть этихъ двухъ несчастныхъ не устоявшими противъ преступнаго ослѣпленія, взаимно того онъ имѣлъ удовольствіе видѣть многихъ своихъ воспитанниковъ помѣщенными во всѣхъ министерствахъ, во всѣхъ родахъ службы гражданской и военной, отличающихся въ нихъ честностью и усердіемъ, съ которыми они исполняютъ свои обязанности, и снискивающими, своими дарованіями и способностью, довѣріе и благосклонное расположеніе своихъ начальниковъ.

Убѣдительнѣйшимъ доказательствомъ въ подтвержденіе этого

dans les emplois assez importants qui ont déjà été confiés à plusieurs d'entre eux et dans les marques de distinction dont ils se sont vus honorés. Il n'y a que l'ignorance et la malveillance qui puissent se permettre d'attenter par des calomnies dénuées de fondement, à la réputation d'un Institut, qui crée par Notre Alexandre, fut toujours l'objet de sa sollicitude vraiment paternelle et dont les élèves à une couple d'exceptions funestes près, n'ont jamais démerités des bienfaits de leur Auguste Protecteur.

Tout cet article de la gazette de Lyon parait au reste n'avoir été fait que pour communiquer au public «la chose remarquable, que dans les nombreuses listes d'arrestations, on n'a pas encore vu le nom d'un seul élève des ci-devant Collèges des Jésuites.» — Ne connaissant point les nombreuses listes d'arrestations dont parle le correspondant de la gazette de Lyon, et ignorant les noms des anciens élèves des Jésuites, je ne saurais décider, si ce dernier fait, qui d'ailleurs ne m'intéresse guère, est mieux fondé que le reste des assertions qui composent cet article: mais ayant eû le bonheur de me trouver pendant 8 années à la tête de l'Institut favori de mon défunt Monarque et Bienfaiteur, j'ai cru remplir un devoir sacré en relevant publiquement une indigne

служать довольно важными должностями, уже порученными многимъ изъ нихъ, и знаки отличія, которыя они удостоились получить. Только невѣдніе и злонаміренность могутъ позволить себѣ, ни на чемъ не основанными клеветами, посягать на доброе имя заведенія, которое, будучи учреждено Нашимъ Александромъ, всегда было предметомъ Его личнаго-отеческой заботливости и котораго воспитанники, за несчастнымъ исключеніемъ двоихъ, никогда не оказывались недостойными благодѣяній Августѣйшаго Покровителя ихъ.

Впрочемъ вся эта статья Лионской газеты была, кажется, составлена не для чего иного, какъ для сообщенія публикѣ «замѣчательнаго дѣла, что въ многочисленныхъ спискахъ арестованныхъ лицъ не было еще видно имени ни одного изъ воспитанниковъ бывшихъ Іезуитскихъ коллегій.» — Не зная многочисленныхъ списковъ арестованныхъ лицъ, о которыхъ говоритъ корреспондентъ Лионской газеты, ни именъ бывшихъ воспитанниковъ Іезуитовъ, не могу рѣшить, на сколько этотъ послѣдній фактъ, который впрочемъ нисколько меня не интересуетъ, имѣетъ болѣе основанія, нежели все остальное, что утверждаетъ эта статья; но, имѣвъ счастье быть 8 лѣтъ начальникомъ любимаго учебнаго заведенія покойнаго Монарха и Благо-

calomnie, à laquelle j'oppose un jugement fondé sur des faits, jugement qu'approuveront sans doute de leur témoignage les chefs bienveillants sous les auspices desquels les ci-devant élèves du Lycée Impérial ont actuellement l'honneur de servir.

Signé: G. d'Engelhardt ancien
Directeur du Lycée Impérial de Tzarskoïé-Sélo.

à St. Pétersbourg
en Avril 1826.

дѣтеля моего, я счелъ исполненіемъ священнаго долга публичное опроверженіе недостойной клеветы, противопоставляя ей сужденіе, основанное на фактахъ и которое безъ сомнѣнія подтвердятъ своимъ свидѣтельствомъ благосклонные начальники, подъ покровительствомъ коихъ бывшіе воспитанники Императорскаго Лицея имѣютъ теперь честь служить.

Подписалъ: Е. Энгельгардтъ бывшій директоръ Императорскаго Царско-сельскаго Лицея.

Въ С.-Петербургѣ въ Апрѣлѣ 1826 г.

ПРИЛОЖЕНІЕ VI.

(Къ хозяйственной части Пансіона, въ концѣ 1-й части и во 2-й части исторіи его).

Расположеніе суммъ на годовое содержаніе Царскосельскаго Благороднаго Пансіона, по Высочайше конфирмованному въ 16-й день Іюля 1826 года штату его.

	рубли.	коп.
На жалованье	59,175	—
„ медали	400	—
„ приращеніе библіотеки	500	—
„ содержаніе физическаго кабинета	500	—
„ канцелярскіе расходы	500	—
„ столъ	74,674	—
„ одежду воспитанниковъ	27,190	62 1/2
„ обувь	5,700	—
„ бѣлье и постель	14,524	—
„ чистоту и опрятность воспитанниковъ	1,285	25
„ классныя книги и вещи	2,500	—
„ содержаніе больницы и лекарствъ	2,000	—
„ вещи въ покои принадлежащія	1,500	—
„ столовые приборы и кухонную посуду	2,700	—
„ дрова и освѣщеніе	16,102	15 1/4
„ содержаніе чистоты по дому	2,000	—

	Рубли.	Коп.
„ ремонтъ зданія	4,500	—
„ одежду нижнихъ чиновъ	1,918	72 1/4
„ содержание конюшни	3,976	25
„ составленіе пенсіонной суммы . .	2,250	—
„ непредвидимые расходы	1,099	—
Всего	225,000	—

(Селезнева: „Очеркъ Лицея“, Приложенія стр. 37).

ПРИЛОЖЕНІЕ VII.

СПИСОКЪ ВОСПИТАНИКАМЪ БЛАГОРОДНАГО ЛИЦЕЙСКАГО
ПАНСИОНА, ОКОНЧИВШИМЪ КУРСЪ НАУКЪ *).

I выпускъ, въ 1819 году.

Съ чиномъ X класса:

- Альховскій, Петръ, первая золотая медаль, † въ отставкѣ.
 Павлицевъ, Николай, первая серебряная медаль, Тайн. Сов.,
 состоитъ при Намѣстникѣ Царства Польскаго въ
 Варшавѣ.
 Дурасовъ, Николай, похвальный листъ, въ 1861 г. Д. С.
 Сов., Губ. Предв. дворян. Оренбург. губер.

Офицера Старой Гвардіи:

- Безакъ, Александръ, вторая серебряная медаль, † Генер.-
 Адъют., Генераль отъ Артиллеріи, Кіевскій, Во-
 лынскій и Подольскій Генер.-губ.

Офицера Молодой Гвардіи:

- Бухольцъ, Николай, Д. С. Сов. въ отставкѣ.
 Дубовицкій, Николай, служ. Л.-Гв. въ конно-егер. полку, въ
 отставкѣ.

*) Знакъ † поставленный при фамилии, означаетъ, что лицо не находит-
 ся въ живыхъ.

Офицера Арміи:

Миклашевскій, Андрей, въ отставкѣ.
Карамышевъ, Александръ, въ отставкѣ.
Охотниковъ, Николай. †
Коніевскій, Иванъ, въ отставкѣ.

II выпускъ, 1820 г.

Съ чиномъ X класса:

Зубковъ, Левъ, золотая медаль.

XII класса:

Титовъ, Николай.

Офицера Старой Гвардіи.

Энгельгардтъ, Александръ, серебряная медаль, † въ чинѣ
Полковн. Лейбъ-Гв. Преобр. полка.
Галаховъ, Александръ, похвальный листъ, † Генер.-Адъют.,
былъ С.-Петербур. Оберъ-Полиціймейст.

Офицера Молодой Гвардіи:

Мпкулнцъ, Александръ, служ. Л.-Гв. въ Гренад. полку.

Офицера Арміи:

Якубовичъ, Петръ.

III выпускъ, 1821 года.

Съ чиномъ X класса:

Комовскій, Василій, золотая медаль. †
Бергъ, Александръ, серебряная медаль, Тайн. Сов., въ званіи
Камергера, сост. по Министерству Иностранныхъ
Дѣлъ.

Безакъ, Николай, похвальный листъ, Тайн. Сов.

Погожевъ, Александръ, похвальный листъ, въ отставкѣ.

Самсонъ, Ѳеодоръ.

Гревеницъ, Баронъ, Ѳеодоръ, Тайн. Сов., былъ членомъ коми-
тета для надзора за работами типограф. II Отд.
собств. Его Имп. Вел. Канцеляріи и управл. ти-
пографіею.

Офицера Старой Гвардіи:

Черноглазовъ, Александръ, серебряная медаль, служ. Л.-Гв.
въ Преобр. полку. †

Окушевъ, Евгений, служилъ Л.-Гв. въ Преображ. полку, Ст.
Сов., въ отставкѣ.

Глуховъ, Хрисанфъ, Ген.-Лейт.

Ассіеръ, Михаилъ, сл. въ Л.-Гв. Гренад. полку, потомъ въ
Арміи, † въ долж. Коменданта Бѣлостока.

Туманскій, Николай, служилъ въ Л.-Г. Конно-егер. полку. †

Пороховъ, Николай въ 1861 г., Ст. Сов., предсѣд. Псков.
Уголовной Палаты.

IV выпускъ, 1822 года.

Съ чиномъ X класса:

Келеръ, Максимъ, золотая медаль. †
Донауровъ, Николай, серебряная медаль. †
Лесковъ, Игорь. †
Искуль, Карлъ.

XIV класса:

Мочульскій, Петръ.

Офицера Арміи:

Багановъ, Александръ. †
Быркинъ, Иванъ.
Быркинъ, Александръ.
Корфъ, Баронъ, Александръ. †
Васковъ, Василій.
Шигоринъ, Федоръ, († умеръ передъ актомъ выпуска).

V выпускъ, 1823 года.

Съ чиномъ X класса:

Шипулинскій, Владиміръ, золотая медаль. †
Фрейгангъ, Андрей, въ 1861 г. Ст. Сов., старшій ценс. въ
Ценс. Комитетъ.
Фесслеръ, Евсевій.

XII класса:

Кирьяковъ, Алексѣй, въ отставкѣ.
Зубковъ, Александръ. †

Офицера Молодой Гвардіи:

Замятинъ, Павелъ, служилъ въ Л.-Гв. Кирасир. полку, нынѣ
Ген.-Маіоръ, былъ Енисейскимъ Губернаторомъ.
Познякъ, Петръ. †
Вязьминъ, Александръ. †
Окуневъ, Ларіонъ, въ отставкѣ.
Бродскій, Александръ, въ отставкѣ.

VI выпускъ, 1824 года.

Съ чиномъ X класса:

Гревеницъ, Баронъ, Александръ, вторая серебряная медаль,
Тайн. Сов., Сенаторъ.
Нумеръ, Викторъ, первая серебряная медаль, Дѣйст. Стат.
Сов.

XII класса:

Рашетъ, Александръ, въ 1861 г. Ст. Сов., помощникъ управл.
консульствомъ въ Бродяхъ.
Штакельбергъ, Петръ.
Донауровъ, Иванъ. †
Карамышевъ, Арсеній.

Офицера Старой Гвардіи:

Голицынъ, Князь Сергій, золотая медаль, † артилл. Ген.-Лейт. въ отставкѣ.

Левенгагенъ, Петръ, въ чинѣ Ген.-Маіора. †

Офицера Молодой Гвардіи:

Баженовъ, Александръ.

Местмахеръ, Баронъ, Павелъ, Дѣйст. Ст. Сов. въ отставкѣ.

VII выпускъ, 1825 года.

Съ чиномъ XII класса:

Хитрово, Захаръ, Дѣйст. Ст. Сов. въ отставкѣ.

Дымчевичъ, Тимоѣей, въ 1861 г. Ст. Сов. въ Министер. Народнаго Просвѣщ.

XIV класса:

Хованскій, Князь Юрій, въ отставкѣ.

Офицера Старой Гвардіи:

Фроловъ, Илья, первая золотая медаль, Генераль-Адъютантъ, Генер.-Лейтен. Генеральнаго Штаба и Сенаторъ.

Голицынъ, Князь Николай, первая серебряная медаль, Генер. Штаба Генер.-Лейтен., членъ военно-ученаго комитета. *Въ нап. зван. Кавказ.*

Юрьевичъ, Ѳеодоръ, вторая серебряная медаль, Дѣйств. Ст. Сов., сост., предсѣдат. Волынск. Казен. Палаты.

Свѣчинъ, Семенъ, третья серебряная медаль, † въ чинѣ Полк. Л.-Гв. Коннаго полка.

Голицынъ, Князь Александръ, артилл. Генер.-Лейтен. въ отставкѣ.

Офицера Молодой Гвардіи:

Ховенъ, Романъ. †

Броккертъ, Ѳеодоръ. †

Офицера Арміи:

Курсель, Августъ, въ отставкѣ.

Трефуртъ, Ѳеодоръ, Дѣйст. Ст. Сов.

Трохимовскій, Николай.

Бологовской, Николай, † на Кавказѣ (отъ холеры).

VIII выпускъ, 1826 года.

Съ чиномъ X класса:

Бюде, Баронъ Клементій, первая золотая медаль. †

Рашетъ, Евгений Карл., первая серебряная медаль, † Тайн. Сов. Директ. Канц. Статсъ-Секр. у принятія прошеній.

Коцебу, Ѳеодоръ, вторая серебряная медаль, въ 1861 году Дѣйст. Ст. Сов., членъ Совѣта Главнаго Управл. Закавказья и управ. почт. частію на Кавказѣ и за Кавказомъ.—

XII класс:

Алопеусъ, Графъ Александръ. †
Черноглазовъ, Владиміръ, Тайн. Сов., Сенаторъ.
Демчинскій, Вадимъ, въ отставкѣ. †
Туманскій, Иванъ, † Дѣйст. Ст. Сов. въ почт. вѣд.

Офицера Старой Гвардіи:

Деллингаузенъ, Баронъ Юлій, золотая медаль, въ отставкѣ.
Рейзихъ, Константинъ, вторая серебряная медаль, † Ген.-Мажор.,
начальникъ конно-артил. дивизіи.

Офицера Молодой Гвардіи:

Курсель, Отто, въ отставкѣ.
Вальховскій, Константинъ.
Воронихинъ, Владиміръ, † отъ ранъ при штурмѣ Варшавы въ
1831 году.
Демчинскій, Иванъ, въ отставкѣ.
Музовскій, Андрей. †
Кирьяковъ, Адамъ, въ отставкѣ.
Каверинъ, Алексѣй, Подполков. Корпуса Лѣсничихъ. †

Офицера Арміи:

Васьковъ, Александръ. †

IX выпускъ, 1827 года.

Съ чиномъ X класса:

Фанъ-дербъ-Флитъ, Ѳеодоръ, первая золотая медаль, Тайн. Сов.
Рейнбогъ, Ѳеодоръ, вторая серебряная медаль, Дѣйст. Ст. Сов.,
въ почт. вѣд.
Шубинъ, Александръ, первая серебряная медаль. †
Лаубе, Николай, Ст.-Секрет., Тайн. Сов.

XII класс:

Красовскій, Николай, въ отставкѣ.
Рейзихъ, Христіанъ. †
Рейзихъ, Карлъ. †
Брянчаниновъ, Петръ, въ отставкѣ.

XIV класс:

Золотницкій, Владиміръ, въ отставкѣ.
Яфимовичъ, Алексѣй, Дѣйст. Ст. Сов.

Офицера Старой Гвардіи:

Брянчаниновъ, Викторъ.

Офицера Молодой Гвардіи:

Посовъ, Николай, Ст. Сов., въ отставкѣ.
Генъ, Константинъ, въ отставкѣ.

X выпускъ, 1828 года.

Съ чиномъ X класса:

Голышевъ-Кутузовъ, Графъ Аркадій, вторая серебряная медаль, † Тайн. Сов., въ званіи Камергера, Сенат., Тов. Мин. Ст.-Секр. Царства Польскаго.
Самсоновъ, Александръ, Ген.-Лейтен., Почетный Опекунъ С.-Петербургскаго Опекунскаго Совѣта.
Брлевичъ, Александръ.

XII класса:

Френъ, Рудольфъ.
Наумовъ, Михайлъ Павловичъ, въ 1861 г. сост. дирек. Госуд. банка.
Малиновскій, Іосифъ. †
Эльснеръ, Отто.
Искрицкій, Михайлъ, † Кол. Сов., сост. въ зван. Камеръ-Юнкера, член. Харьк. попечит. о тюрьмахъ комитета.
Лангеръ, Африканъ. †

XIV класса:

Небловъ, Павелъ. †
Ритмейстеръ, Петръ.

Офицера Старой Гвардіи:

Чевати, Александръ, первая золотая медаль, Генер.-Лейтен., былъ Предсѣдат. 1-го Департамента С.-Петербургской Управы Благочинія.

Ганъ, Александръ, первая серебряная медаль, Генер.-Лейтен. Начальникъ мѣстн. войскъ Моск. военн. округа.

Офицера Молодой Гвардіи:

Ламбертъ, Графъ Іосифъ, Генер.-Адъют.
Наленчъ-Рачинскій, Графъ Вильгельмъ, въ отставкѣ.
Дмитріевскій, Николай. †
Роткирхъ, Владиміръ, въ отставкѣ.
Бакаевъ, Владиміръ, Полковникъ въ отставкѣ.
Беннигсенъ, Графъ Карлъ, Генер.-Маіоръ въ отставкѣ.
Домонтовичъ, Николай, Ст. Сов., сост. при Мин. Финансовъ. †

Офицера Арміи:

Фаминцынъ, Николай, въ отставкѣ.
Кохановъ, Петръ, Гвар. Полковн. сост. по особымъ поруч. при Воен. Минист. †
Беннигсенъ, Графъ Леонцій. †
Чевати, Степанъ, Полковн., сост. чинов. особ. поруч. при Виленск. Генер.-Губерн. †
Туманскій, Владиміръ, въ отставкѣ.
Торнау, Фёдоръ, Генер. Штаба Генер.-Маіоръ, воен. агентъ въ Вѣнѣ.

XI выпускъ, 1829 года.

Съ чиномъ X класса:

Леонтьевъ, Николай, первая золотая медаль, въ 1861 Колл. Сов., въ отставкѣ.
Суковкинъ, Акинфій Петровичъ, вторая золотая медаль, † въ

чинъ Тайн. Сов., Статсъ-Секр., управ. дѣл. Комитета гг. Министровъ.
Ивановскій, Яковъ, вторая серебряная медаль, Ст. Сов., въ отставкѣ.
Крузе, Александръ, Дѣйств. Ст. Сов.
Д'Андре, Алексѣй, Дѣйств. Ст. Сов., сост. Управ. Закавказ. приказомъ обществ. призрѣнія. †
Крюковскій, Александръ. †

XII класса:

Долгорукій, Князь, Николай, Дѣйств. Ст. Сов., въ отставкѣ.
Колюбакинъ, Николай, Ген.-Лейтен., Сенаторъ. †

Офицера Гвардіи:

Корниловъ, Ѳеодоръ, первая серебряная медаль, Ст. Секр. Тайн. Сов., управ. дѣлами Ком. гг. Министровъ.
Крюковскій, Петръ. †

Офицера Арміи:

Золотаревъ, Михаилъ. †
Ульяновскій, Викторъ, въ отставкѣ.

КОНЕЦЪ ПРИЛОЖЕНІЯМЪ.